

Лелька и ключ-камень

Юлия Русова

Иногда жизнь бывает жестокой, но закрывая одну дверь, она всегда открывает новые. Лелька с родителями приехала на каникулы к тете в деревню. Кто же знал, что вскоре все изменится. Родителей на стало, двоюродная сестра из подруги превратилась в настоящую врагиню, а еще оказалось, что рядом с людьми живут они, нелюди. Человек для них чаще враг, изредка покровитель, никогда друг и всегда пища. Лелька учится жить в этом внезапно усложнившимся мире, обретая друзей, встречая врагов и защищая свои жизнь и свободу.

Юлия Русова

Лелька и ключ-камень

Воимир с трудом поднялся и посмотрел по сторонам. Серый туман, как живой, уползал за реку, открывая темно-багровую, почти черную воду. Вокруг таким же туманом истаивали тела в серых доспехах. Навь забирала свое. В голове прояснилось, холодом обжег страх. «Где Даренка, где Зоран?». Мир плыл перед глазами, качался, причудливо менял очертания, боль дергала раненый бок, пахло кровью и какой-то гнилью. Воимир подошел к упавшему рядом коню, открыл подсумок, достал даренкино зелье, быстро выпил, поморщился. Зелья у Дары отлично работали, но почему-то всегда выходили невероятно горькими.

Зоран лежал на правом краю поля, было ясно, что подняться ему не суждено. Воимир сперва увидел алый плащ, которым так гордился друг, и только потом, почти минуту спустя понял, что побратима больше нет. Забыв о боли, он подошел ближе, и край плаща вдруг шевельнулся. Воимир рванулся вперед, мелькнула безумная мысль, вдруг ошибся, вдруг брат жив! Ноиз-под плаща показалась узкая ладонь, на Воимира взглянули серые глаза. «Дара!»- выдохнул он. «Живая!».

«Зоран жив?» — спросила девушка, почти девочка, и тут же побледнела, поняв, что услышит. «Нет... Но мы закрыли границу, а он сберег тебя». Дарина словно окаменела: «На все Велесова воля». Слова звучали странно, так могла бы говорить статуя на родовом капище — бесстрастно, холодно, мертво. Ни жизни, ни боли в этих звуках не было. «Пойдем, Даринушка. Веление княжье мы выполнили, дело сладили. Надо отнести Зорана домой Пойдем».

Двое уходили от границы, увозя на наскоро сделанной волокуше третьего, покрытого алым бархатным плащом. В спину уходящим впивался нечеловечески холодный, недобрый взгляд. Нечто смотрело им вслед из клубящегося тумана. «Вы не победили. Мы не проиграли. Людской век короток. Мы просто подождем».

Глава 1

Этот день Лелька вспоминала потом много раз. Последний беззаботный день ее жизни. Сейчас, стоя у отцовской машины и хмуро оглядываясь по сторонам, она, конечно, так не думала. Если честно, хмуриться причин не было. К тете Наташе ее привозили каждое лето, потому что родители уезжали в этнографические экспедиции. Маленькой Лельке экспедиции казались загадочным местом, где много всего интересного, а иначе зачем туда ездить каждый год. Но сейчас, в свои 11, она уже знала, что это просто поездка по старым деревням и разговоры с таким же старенькими бабушками на непонятные темы.

Лелька перевела взгляд на автомобильное зеркало. Зеркало послушно отразило веснушчатый нос и две тощих косички непонятного цвета. Лелька привычно огорчилась — ей всегда хотелось иметь черные длинные волосы, как у двоюродной сестры Ирины и такие же зеленые русалочки очи. Собственные карие глаза идеалу решительно не соответствовали.

При мысли об Аришке настроение улучшилось. Впрочем, сестренка не любила, когда ее так называли. Ирина, ну или Иринка и никак иначе. Аришкой ее звала только бабушка, мама дяди Андрея. В этот раз бабушки не будет — у тети Светы, сестры Андрея, родились близнецы, и бабушка перебралась к ней, чтобы помогать с детьми.

Лелька снова посмотрела по сторонам: дом тети Наташи и дяди Андрея с новой летней верандой, большой зеленый огород, картофельные рядки. По улице важно топали гуси и ехал на трехколесном велосипеде ужасно серьезный пацан лет 3–4. Он косился на гусей, ноте его игнорировали, неспешно переговариваясь друг с другом.

— Леля, где ты там? Иди сюда, разбери свои вещи, — позвала мама.

Лелька снова вздохнула и, крикнув:

— Иду! — побежала в дом.

Дом встретил ее легкой прохладой, запахом пирогов, которые тетя всегда пекла в честь ее приезда, и неожиданно хмурым взглядом Ирины. Для Лельки сестренка всегда была самой-самой. Два года разницы несколько усложняли дружбу, но не мешали девчонкам бегать на речку, таскать зеленые яблоки, лазать по деревьям и заборам, и всячески шкодить, отбывая наказания за совместные грехи.

За последний год Ирина выросла, стала еще красивее.

— Ариш, ты чего? — удивилась Лелька.

— Я же просила не звать меня этим дурацким именем. Я — Ирина. И вообще, не бегай и не шпионь за мной, надоело, что ты каждое лето хвостом таскаешься. Заведи себе каких-нибудь подружек что ли, и ко мне не лезь.

Ошарашенная столь холодным приемом Лелька растерянно плюхнулась на старенький, но крепкий диван. Ей стало ясно, что лето будет не таким уж замечательным. Вдруг подумалось: ну не может быть, чтобы она это серьезно. Поди поругалась с кем-то опять, вот сгоряча и наговорила. Встряхнувшись, Лелька отправилась на кухню, а летний день покатился дальше.

Папа с дядей Андреем заторопились по делам: надо было починить загородку в коровнике, где жила симпатичная и покладистая корова Нюська. Нюську летом гоняли с деревенским стадом, коровник стоял пустой, самое то для починки. Лелька знала, что потом они пойдут чистить свинарник. Дядя Андрей, которого папа шутя обзывал куркулем, был фермером. В теплом свинарнике у него жила племенная свинья Рогнеда. Тетя Наташа

говорила, что полное имя Рогнеды длиннее, чем у героини бразильской мыльной оперы. Каждый год свинья приносила дюжину поросят, которых выращивали на мясо. Дела шли неплохо, и дядя Андрей подумывал о покупке модуля переработки. «Колбасу нашу с руками отрывать будут» — уверял он жену.

Тетя с мамой засуетились на кухне, готовя обед. В небольшой кухоньке моментально стало тесно, так что девчонкам было сказано идти гулять, но далеко не ходить.

— Ира, ты старшая, отвечаешь за Лелю, — сурово сказала тетя.

Ирина фыркнула, но Лельку подождала.

— Мы договорились с девчонками встретиться, ты мне вообще не в кассу сегодня, — сообщила она сестре. — Ладно, пойдем, а то мать весь мозг вынесет, если увидит, что я одна ушла.

Лелька плелась за двоюродной сестрой и недоумевала, куда делась ее славная компанейская подружка-сестренка. «Интересно, когда мне будет 13, я тоже стану такой противной?» — подумалось ей. Вскоре к Ирине присоединилась стайка девчонок. Мини-шортики, яркие майки — девочки казались одинаковыми, Лелька никого из них не узнавала. Прошлым летом у сестер была другая компания.

Стайка проследовала на речку. Вообще речка даже летом была холодной, но в одном месте образовался небольшой заливчик. В нем вода с утра успевала нагреться, так что к полудню сюда слеталась вся местная ребятня. Писк, визг, брызги, заплывы вдоль берега, а для самых мелких — руками по дну на отмели, словом развлечений хватало. Лелька по привычке устремила к воде, но вспомнила, что не надела купальник. Бежать назад не хотелось, и она, немного побродив по воде, устроилась на берегу, наблюдая за компанией Ирины.

Выглядело это ужасно смешно. Девчонки важно, словно дамы из очередного сериала, расстилали пледы, кокетливо снимали майки, демонстрировали купальники.

— А ты что не раздеваешься? — спросила Ира.

— Я купальник забыла» — ответила Лелька.

— Ой, да что у тебя там прятать, можно подумать есть что скрывать, это я уже взрослая.

У Ирины действительно единственной из всех начала оформляться грудь, что она усиленно и подчеркивала. Лелька хмыкнула, заметив, что свита сестры не в восторге от таких замечаний.

Сзади послышался свист и к озеру скатилась на велосипедах ватага парней. Возглавлял ее Сашка, неизменный лидер местных пацанов. Черные кудри и черные глаза, унаследованные им от прабабки-цыганки, были мечтой всех местных девчонок. Вот и сейчас девчачья стайка засуетилась, захихикала и стала производить странные, на взгляд Лельки, телодвижения, которые, однако, вызвали бурное одобрение ребят. Послушав общий гомон пару минут, Лелька заскучала и решила немного пройтись по берегу. Сашка ей тоже нравился, но свои шансы она оценивала весьма пессимистически. Все-таки он был почти взрослый, 15 лет, а у нее даже груди не было, доска доской.

Так что решив лишний раз не огорчаться, Лелька побрела вдоль реки. Далекое уходило не планировала. Так, немного пройтись, чтобы не смотреть, как Ирина строит Сашке глазки и всячески демонстрирует собственные стати. Солнышко грело, вода с легким плеском накатывалась на берег и отбегала назад, упоительно пахло молодой травой, какими-то цветами, кто-то жужжал и скворчал в траве.

Посидев немного на травке, Лелька подошла к реке, держась за ветку старой ивы,

наклонилась и чуть не свалилась в воду. Из реки на нее кто-то смотрел. Испугавшись, она отшатнулась, отступила на шаг. Когда же снова перевела взгляд на воду, только солнечные зайчики качались на мелких волнах, да блестел осколок стекла, который непонятно как оказался в реке. Лелька потрясла головой, как это делал Джек, овчар дяди Андрея, и решила, что ей пора назад.

Ситуация на берегу не поменялась, Сашка также красовался, девчонки жеманились и хихикали, так что, разочаровавшись в разуме веселой компании, Лелька побрела к дому. По дороге она заглянула к отцу, тот с дядей что-то сколачивал в коровнике. Отца Лелька любила сильно, мама называла ее папиной дочкой. Вот и сейчас она восхищенно смотрела, как ходят мышцы под гладкой кожей, как он смахивает пот со лба, как ловко орудует топориком. Неожиданно отец отвлекся, увидел Лельку.

— Дочка! А ты что здесь?

— Нас с Иркой отправили гулять. Но она там с девчонками на речке, а мне стало скучно, и я пошла к тебе.

— Не с Иркой, а с Ирой, или с Ириной. Ты же у меня не только красавица, но и умница, так что говори правильно.

— А я правда красавица?

— Правда-правда. Просто пока это вижу только я. Вот погоди пару лет, все увидят, я от тебя мальчишек веником буду отгонять. Или ко мне.

Папа схватил Лельку и подбросил ее вверх. Эта игра никогда им не надоедала, сколько Лелька себя помнила. Восхитительно было взлетать, зная, что тебя непременно поймают, обнимут и бережно поставят на землю.

— Ну беги к маме. Скажи, мы скоро закончим и придем стрррашно голодные! Не накормят — самих съедим.

Лелька засмеялась и побежала к дому.

В доме приятно пахло чем-то вкусным, мама с тетей тихо разговаривали на кухне. Лелька просочилась в уголок и пристроилась с твердым намерением «погреть ушки» как говорил папа.

— Инга-то сейчас директорствует в местной школе. Помнишь ее?

— Как не помнить, Наташ. Сама знаешь, сколько она мне крови попортила в свое время.

— Ну так что ты хотела, ты ж у нее Влада натурально увела, она-то его в женихи метила, а он как тебя увидел, так на нее больше и не взглянул ни разика.

— Ну что ты, Наташа, говоришь такое. Мне ж едва 14 было, как я могла кого-то увести. Да и Славушка сам потом рассказывал, что ему будто кто-то на ухо шепнул: вот эта — твоя!

— Ну может кто и шепнул, а я знаю, что наши девчонки все иззавидовались, голову сломали: ну что он в тебе нашел. Чего только не придумывали! И что баба Тася его приворожила, и что ты его приворожила, и что Инга его привораживала, а он тебя увидел, истинную свою любовь. Даром что ли он почти 8 лет ждал, пока ты замуж надумаешь. Я-то знаю, что глупости все это и никаких приворотов нет, да только никому ничего не докажешь. Тем более что про бабушку Таисию та еще слава шла.

— Баба Тася многое знала, зря ты не веришь.

— Даренка, ну подумай сама, что ты говоришь! Была бы ты бабка из дальнего села, а ты же историк, человек с высшим образованием! Ну что Таисия могла такого особого знать!

— Ты просто рядом с ней не бывала, оттого так и говоришь.

— Так она меня и не жаловала. Как я ей заявила разок, что вся ее сила — чистой воды

выдумка, так она меня привечать и перестала.

— Наташ, по ведовскому обычаю, ведающая должна свою силу старшей в роду передавать, а старшей тогда ты была. Потому она и обиделась, что учиться ты не стала. Она мне сама потом много раз говорила, что многого мне не даст, не по правилам младшую учить, коли старшая есть, так что быть мне слабенькой ведой.

— Дарина, перестань. Ну знаешь же, что не люблю я на эту тему разговаривать. Только зря поспорим.

— Не любишь-то не любишь, а погадать-то меня всегда просишь!

— Ну это ж не всерьез. Просто ты карты раскинешь, и мне поспокойнее, да и угадываешь всегда ловко. Хотя бабушка Анна, покойница, меня за это тоже здорово гоняла: «Ты пионер! Какое может быть гадание!» Все-таки странно, ведь родные сестры были, а такие разные. Анна — та до смерти коммунисткой была, а Таисия так и считала себя ведьмой всю жизнь. Оттого и умирала тяжело.

— Не ведьмой, а ведой, ведающей.

— Да какая разница. Что то чертовщина, что это.

— Совсем никакой! Как между калием и цианистым калием! Ведьма зло творит всегда, люди для нее — мусор, материал расходный, а ведающая — она судьбу видит, поправить может если силы хватит, как-то еще помочь, а то и от зла оберечь.

— Что ж ты свою судьбу не поправляешь?

— Ну, во-первых, мне на мою долю грех жаловаться. А во-вторых сама знаешь, не успела я к бабушке Тасе, не смогла она мне ни силу, ни книгу свою передать. Что в крови осталось, то и есть, а книга так и сгинула. Так что осталась я гадалкой-предсказательницей, которая даже дорогу свою посмотреть не может.

— Снова к ним на кладбище поедешь?

— Да, надо заехать. Оградку подкрасить, траву убрать.

— Похоронили бы их здесь, не пришлось бы мотаться за полтора десятка километров каждый раз.

— Сама знаешь, ни та, ни другая такого не хотели. Обе они сами выбрали где после смерти лежать.

— Это да. И своенравные обе были, не приведи господи. Погадаешь мне сегодня?

— Попозже, ладно? Давай в баньку сходим, тогда и карты раскину.

— Лелька! А ты как тут оказалась? — спохватилась мама — Давно сидишь?

— Не, я недавно пришла. Там скучно. Купаться холодно, валяться на травке я не люблю, да и что я там не видела. Смотреть как девчонки важничают? Саша то, Саша се... Тоже мне принцессы нашлись.

— А тебе завидно? Тоже Саша понравился? Он, поди, совсем уже взрослый.

— И ничего невзрослый. И не красивый.

— Ишь ты! А кто тебе красивый?

— Папа!

— Папа у тебя всегда красавец» — улыбнулась мама. — Давай, мой руки и садись поешь. Скоро наши мужчины придут, здесь совсем тесно будет.

Лелька вскочила с табуретки, но ее притормозил вопрос тети Наташи:

— А Ирина где? Я ж ей сказала за тобой приглядеть.

— Она приглядывала, просто я сама ушла, а она осталась на речке.

— Приглядывала она! Совсем девка край потеряла. Вот вернется, узнает, как родину

любить!.

Лельке стало стыдно, что так вот неожиданно подвела сестру, но делать что-то было поздно, у тети Наташи слово с делом не расходилось. Пока Лелька быстро глотала щи, которые непременно надо было поесть до пирогов, пришли мужчины, и в кухне снова стало тесно. Схватив пару пирожков с прошлогодним брусничным вареньем, Лелька ушла в свою маленькую летнюю спальню. Дома, в городе, у нее была своя комната, с письменным столом, книжными полками и смешным гномом в колпаке, которого мама сшила ей, когда она была совсем маленькой. Колпак и рубаха гнома были ярко-ярко красными, Лелька звала его Старичок-Огневичок. Мама говорила, что это Лелькин хранитель, он разгоняет тени и туманы, поэтому Лельке никогда не снятся плохие сны.

Здесь полоч не было, только стоял старенький, но все еще удобный диванчик и небольшой столик. Столик был крепкий, чисто выскобленный и покрытый красивой кружевной салфеткой, которую связала тетя Наташа. Лелькина мама тоже умела вязать такую красоту, и Лельку учила, но у той не хватало терпения, ей больше нравилась лепка. Получалось хорошо и мама обещала осенью отвести дочь в районную художественную школу.

Из кухни послышался шум, что-то раздраженно высказывала тетя, ей отвечала Ирина. Лельке туда идти не хотелось. Вот почему так: вроде ничего плохого не делала и виновата! Вдруг дверь распахнулась, на пороге стояла заплаканная сестра.

— Ты! Ты! — Ира просто задыхалась от злости, огорчения, возмущения. — Все из-за тебя! Меня Сашка в кино в клуб завтра позвал, а теперь из-за тебя мать не пускает! Вечно ты все портишь! Из-за тебя ни одного нормального лета не было! Леля, где Леля, смотри за Лелей. Все девчонки в клуб, в кино, на речку, а я, как дура, с хвостом вечно!

— Ир, ты чего? Я ж не нарочно. Откуда мне было знать, что тебя накажут?

— Ты всегда не при чем! Прошлым летом яблоки рвали вместе, а попало одной мне! Леля маленькая, ты старшая... У-у-у! Ненавижу! Не смей ко мне подходить! — Ирина выскочила, шмякнув дверь так, что бедная конструкция чуть не слетела с петель.

Лелька совсем расстроилась, и решила пойти к папе. Это всегда помогало, какая бы беда ни стряслась. Даже в прошлом году, когда она, на спор идя по бордюру, приземлилась в лужу в новеньком кремовом пальто! Даже когда класс объявил ей бойкот, за то, что она одна не сбежала с урока истории! На самом деле, Лелька не так уж любила эти уроки, но ей было ужасно жалко учительницу истории, которая к урокам всегда готовилась, приносила плакаты и схемы, и вообще была не вредная. Поможет и в этот раз.

Мужчины топили баню. Замечательно пахло разогретым деревом, живым огнем, сухими травами.

— Леля, дочка, сходи, принеси из моего рюкзака белый маленький пакетик.

— Бегу! А он зачем?

— Вот принесешь, все расскажу.

Лелька немного опасалась снова встретиться с Ириной, но та, обидевшись на весь мир, закрылась у себя в комнате. Пакетик нашелся быстро, назад Лельку так гнало любопытство, что она как на крыльях летела.

— Вот! А теперь расскажешь?

— Расскажу. Смотри — сегодня среда, день для баньки неурочный, так что будем деда-Банника задабривать, легкого пару просить.

Отец достал из пакетика небольшую мыльницу, кусочек красивого пахучего мыла и

маленький, словно игрушечный, веник.

— Ну ты даешь, Владислав! — засмеялся дядя Андрей. — Вот не знал, что ты в эти бабкины сказки веришь, думал только моя маменька по возрасту со всем этим мудохается.

— Наши предки не глупее нас были, Андрюха. Они всегда знали, к кому с поклоном, к кому с подарком, а к кому и с полынной солью. Сам-то поди у своей скотинки в хлеву маленькие ясли в уголке поставил. И о суевериях не вспомнил. — усмехнулся папа.

— Так-то оно так...

— Вот-вот... Так что порадуем Банника, ему на радость, нам на пользу. Леля, беги к маме. Скажи, скоро за полотенцами и рубашками придем.

Поздним вечером, лежа на своем диванчике, Лелька старательно прислушивалась к разговору в кухне. Делать это становилось все труднее и труднее, глаза слипались, и она, наконец, сдалась, твердо помня папино обещание не уезжать не попрощавшись.

Разговор между тем продолжался.

— Раскинешь карты?

— Да. Сейчас рушник постелю и свечи свои достану. Тяжело у меня на душе, Наташ.

— Вот вечно ты с причудой — улыбнулась сестре Наталья. — Наши девки в бухгалтерии без всяких рушников-свечей гадают.

— Вот потому и не угадывают. Все надо делать как положено.

— А что тяжело-тона душе? Я и смотрю, вроде до бани веселая была, а потом как тучей закрыло.

— Не знаю я, Наташ. Говорю же — свою дорогу не вижу, не дано мне. Да и с моими тоже редко получается. На Лельку вообще расклад делать бесполезно. Да и Славушке пару раз получилось за все-то годы. А так — давит, как камнем путь закрыли. Ты мне скажи — если, предки оборони, со мной и Владиславом что случится, ты Лельку не бросишь?

— Ну ты и удумала! Не каркай, накаркаешь!

— А все-таки?

— Ну конечно не брошу, ты же знаешь, она мне как родная! На глазах росла, считай такая же дочка, как Аришка.

— Не ладят они с Ириной.

— Это детское все. Сегодня не ладят, завтра поладят. Чтобы тебе совсем спокойно было, давай, как нас когда-то баба Тася учила:

— Я, Наталья, сестра твоя, кровью рода своего клянусь: буде окажется призван твой дух на суд ли Прави, в туман ли Нави, на стражу ль Грани, выращу я твою дочь Вольгу как свое дитя! — Наталья ткнула палец кончиком ножа и уронила на рушник каплю крови.

— Да что ж ты творишь, бедовая! Ты вспомни, нас бабушка когда учила, она что говорила — клятва это нерушимая, нарушишь — на весь род беда падет! А ты не только за себя, а вообще кровью рода клянешься!

— Дара, я бы Лельку никогда не оставила, хоть с клятвой, хоть без клятвы. Да и вообще, словак делу не пришьешь, а тебе теперь спокойней будет. Погадаешь?

— Давай. Снимай карту. Клади и помолчи пока, раскладывать буду.

Наталья услышала, как сестра зашептала наговор:

«Вот стою я на мосту, карта к карте, лист к листу.

Начинаю ворожить, прошу карты послужить.

Сестры, снохи, сыновья, дяди, тетки, братовья,

Расскажите правду мне, что на нас идет извне,

Что потонет, что сгорит, путь открыт или закрыт

Налагаю я зарок, чтоб никто солгать не мог».

— Что, там, Даш? Что получается?

— Странно как-то получается Наташ. Для тебя карты всегда хорошо ложились, а в этот раз странно.

— Да что там странного-то?

— Понимаешь, предсказанье очень четкое, а вот смысл я не пойму. Смотри сама: через несколько лет, когда год повернет на зиму, будет у тебя сложный выбор. Если выберешь все правильно, будет печаль, но небольшая и не долгая, а если ошибешься — все будет очень плохо.

— Что за выбор? И через несколько лет — это когда?

— А вот это и непонятно. Ясно видно, что не в эту осень, а вот года через два или через три — точно не скажу, не вижу. И выбор будет связан с близким человеком.

— А плохо — это что значит?

— Показывает смерть, но это не обязательно смерть, может быть депрессия тяжелая, долгая болезнь смертельная, развод, в конце концов. Что-то такое, короче.

— Наверное свекровушка моя решит от Светки вернуться. Я ей сразу говорила, что не надо ей к ним перебираться. Сил у нее немного, а Светлана девушка с характером, если бабуля заболит, возиться не будет. Видать заболит сильно, вот и будет выбор — забирать — не забирать. И тут уж точно, если не заберу, Андрюшка со мной разведется. Сама знаешь, как он мамушку любит. Повезло мне еще, что она сама тетка не вредная.

— Не могу сказать, Наташ. Все-таки карты это не справочное бюро. Но в голове держи, предсказанье ясное было. А сейчас давай спать пойдем, нам завтра пораньше надо выехать, а тут еще Лелька просила разбудить, попрощаться.

— Да не стоит девчонку дергать, пусть выспится. Позвонишь ей потом попозже.

— Не могу. Обещано было, что разбудим.

— Чудные вы оба с Владом. Вот уж точно, два сапога пара. Доброй ночи, сестренка.

— Леля, дочка, нам пора ехать. Вставай прощаться, если не передумала, — услышала Лелька сквозь сон мамин голос.

— Нет-нет, я сейчас! — она вскочила, схватила вчерашнее платье и побежала умываться.

Через несколько минут Лелька уже стояла у машины с родителями. Июньское утро было ясным, солнечным, но еще прохладным. Деревня уже проснулась, звенели ведра, где-то за околицей мычало уходящее на выпас стадо.

— Пора нам, дочка. Будь умницей, слушай тетю и постарайся помириться с Иринкой.

— Да, мам. Только бы она сама захотела помириться.

— Учись договариваться, солнышко. Ты ведь уже совсем большая.

— До скорого, красавица, — папа поднял Лельку как маленькую на руки, чмокнул в макушку. — Я тебя люблю и знаю, что ты самая умная и красивая девочка. Проведи время хорошо, чтобы было что вспоминать за партой. — Он подмигнул Лельке, еще раз поцеловал ее в щеку и поставил на землю.

— Все, детка, беги в дом, простынешь.

— До свидания!

Лелька знала, что мама с папой уезжают только до осени, что они будут ей звонить и присылать смешные картинки на новый смартфон, который папа специально купил ей к

лету, но слезы этого понимать не желали. Они текли и текли, попадали в нос, затекали в уши, когда Лелька вскидывала голову, чтобы прекратить это слезоизвержение. Она махала вслед машине, пока та совсем не скрылась за горизонтом, а потом побрела к себе досыпать.

Спалось ей неважно, сон напознал вязкий, мутный. В нем кто-то что-то кричал, звал Лельку, она бежала на зов, понимая, что отчаянно не успевает, но что ей непременно, обязательно, жизненно важно догнать этого уходящего в туман. Сон неожиданно оборвался звуком упавшего ведра.

— Леля, — звала тетя — Вставай давай, детка. Я вас с Иришкой покормлю, да мне бежать пора.

— Ага, иду — отозвалась Лелька.

Сестра, мрачная и надутая, сидела на кухне.

— Так, Ирина-королевишна, заканчивай надуваться, лягушкой станешь. Девочки, вам на сегодня есть задание: прополоть морковку, ее сорняк совсем задавил, и начинайте колорадов с картошки собирать, их уже немеряно расплодилось. И, Ирина, чтоб мне без скандалов давай.

После завтрака неприятное послевкусие от сна не прошло. Лелька спряталась в уголок и позвонила маме.

— Уже соскучилась, дочка?

— Мам, у вас все хорошо? Мне какой-то сон приснился странный.

— Все нормально, солнышко. Не беспокойся. Иногда сон — это просто сон. Мы с папой уже все здесь закончили, сейчас поедем. До рейса совсем ничего осталось, а собрать еще надо многое. Давай, малыш, я тебе попозже позвоню.

Настроение улучшилось, и даже мрачная Ирина не могла испортить удовольствие от теплого дня, вкусного запаха смородиновых листьев, улыбающейся морды Джека, которому Лелька, несмотря на запрет, скормила-таки последний, утащенный со стола оладушек.

Они уже почти заканчивали с картошкой, когда Лелька услышала, что ее зовут.

— Да, тетя Наташ, бегу! — отозвалась она.

Ирина тоже бросила работу и устремилась за сестрой.

— Я здесь! — выдохнула запыхавшаяся Лелька и вдруг увидела, какое странное у тети Наташи лицо.

Когда-то в одной из аудиокниг, которые любила слушать мама, Лельке попала фраза «опрокинутое лицо». Она тогда удивилась и даже немного возмутилась: ну как лицо может опрокинуться, это ж не тарелка. И вот сейчас ей снова пришло на ум это уже позабытое выражение. Она вдруг поймала себя на мысли, что знает, как можно «опрокинуть лицо».

— Леля, девочка моя, держись.

— Что случилось, тетя?

— Мама с папой... Они погибли. В них врезался большегруз.

Лелька задохнулась от того невероятного, что ей говорили. Это не было правдой. Не могло быть. Она же только недавно разговаривала с мамой! Мама обещала ей позвонить, она обязательно позвонит, она никогда-никогда не обманывает! Но взрослые стояли вокруг с чужими, «опрокинутыми» лицами, никто не кричал, что это просто шутка, все они смотрели на нее со странно жалостливым выражением, и Лелька поняла, что это правда. Ее самых лучших в мире родителей больше нет. И на нее словно упало небо. Мир взорвался, почернел и исчез. Наталья увидела, как девчоночья фигурка медленно сползла в пыльную траву двора, свернулась в клубочек и замерла, отгородившись от ужасного, невыносимого горя.

Глава 2

Следующие недели Лелька прожила в тумане. Туман был самым настоящим, серым, вязким и холодным. Он становился то плотнее, то прозрачней, старался залезть своими щупальцами куда-то глубоко внутрь Лельки, и все время что-то шептал. Разные голоса то жалели, шепча что-то о бедной сиротке, то успокаивали, рассказывая, что все скоро кончится, то звали за собой, обещая покой. В этом тумане терялась и исчезала рвущая душу боль, все становилось чужим, словно нереальным.

Иногда через туман пробивались голоса тети и дяди, и Лелька послушно ела и пила, садилась и шла куда скажут, но стоило оставить ее в покое, как она снова сворачивалась в клубочек и возвращалась к скользкому туманному шепоту. Сквозь этот туман она смотрела на закрытые гробы родителей, которые отправились в городской крематорий. Наталья поначалу думала похоронить Дарину с мужем на сельском кладбище, но оказалось, что Владислав еще пару лет назад оплатил пакет услуг по захоронению, включая кремацию.

Наталье это рассказал нотариус, у которого хранилось сделанное на всякий случай завещание. Городская квартира оставалась Лельке, но Наталья имела право ее сдавать, пока племянница живет с ней. Самой Наталье было завещано немного денег и несколько украшений, хранившихся в банковской ячейке. Было там несколько вещей, предназначенных Лельке, но они, по условиям завещания должны были оставаться в ячейке, пока маленькой наследнице не исполнится 14. Наталья крепко надеялась, что при посещении квартиры Лелька хоть немного оттаит, хотя бы заплачет, но девочка так и осталась безучастно-равнодушной. Наталья измучилась, пытаясь понять, что делать с племяншкой. Девчонку было отчаянно жалко, она таяла на глазах, словно льдинка в стакане чая, при этом оставаясь послушной и покорной, только словно неживой.

Соседка Аня посоветовала сходить с девочкой в местную церковь. Наталья не считала себя сильно верующей, но на Рождество и на Пасху они в храм ходили всей семьей, так что местного священника, батюшку Павла, она знала. В церковь Лелька пошла так же покорно и безучастно, как все, что она делала последние недели. Благообразный кругленький батюшка посмотрел на ребенка, благословил, окропил святой водой, но достучаться до девочки не смог. Лелька молча выслушала его слова о том, что родители сейчас в лучшем мире, что они не хотели бы, чтобы она так печалилась, что смотрят на нее и огорчаются ее горем. Но эти речи не вызвали ни искорки в пустых глазах, не превратили странную механическую девочку в прежнюю неугомонную Лельку. Батюшка Павел повздыхал, посоветовал Наталье почаще молиться, чтобы Господь не оставил скорбящую семью своей милостью.

Андрюхина сестра Светка, которой Наталья поплакалась о своей беде, посоветовала сводить дите к доктору, может, пропишет какие таблетки, а то уморит себя девчонка. Наталья договорилась со старенькой Верой Васильевной, лечившей не одно поколение сельских ребятишек, что та примет их с Лелькой по окончании приема в пятницу. Вера Васильевна осмотрела девочку, покачала головой в смешных седых кудряшках.

— Иди-ка Наташенька, посиди у кабинета, я с этой снежинкой отдельно поговорю.

— Пожалуйста, Вера Васильевна! Пусть бы она хоть есть начала, а то скажешь есть — ест, а чуть отвернулся — положила ложку и сидит, смотрит перед собой. Я совсем не знаю, что делать, не в дурку же родную племянницу отправлять.

— Иди, Наташа. Посиди. Мы недолго.

Закрыв дверь, Вера Васильевна присела напротив Лельки и негромко позвала ее по имени: «Вольга! Смотри на меня!». Увидев, что в глазах девочки мелькнула искорка узнавания, врач продолжила: «Я хорошо знала твою маму и очень неплохо — отца. Они были не только добрыми, но и отважными людьми и всегда сражались до победы. Думаю, что они огорчатся, узнав, что их дочь, их надежда на жизнь Рода, сдалась какой-то мутной серой слизи». Впервые за долгое время Лелька попыталась заговорить:

— Вы... вы знаете про туман?

— Я знаю, что то, что сейчас вокруг тебя, рано или поздно тебя съест, если ты не станешь сопротивляться. И я знаю, что твои родители хотели бы, чтобы ты, как и они, отважно боролась за свою жизнь.

— Но они умерли... Им ничего не помогло.

— Обстоятельства нередко оказываются сильнее людей, но это не повод сдаваться, отдавая серой дряни еще не прожитую жизнь. Где-то далеко тебя ждут неизведанные страны, не встреченные друзья, увлекательная работа. Ты же хочешь узнать, какая бывает любовь, как это — быть мамой, как выглядит теплое море? Мама и папа не смогли увидеть это вместе с тобой, но ты еще можешь все это узнать и увидеть сама. Просто за это надо побороться. Побороться с болью, горем, обидой на жизнь, что посмела так тебя обездолить. И ты ведь не одна, у тебя есть те, кто тебя любит, те, кто поможет.

— У меня был Старичок-Огневичок, мама говорила, что он отгоняет туман.

— А где он сейчас?

— Я не знаю. Кажется, тетя его забирала, когда мы ездили домой.

Острая боль внезапно скрутила Лельку, боль потери, которую до этого отодвигал туман. Сейчас она жгла и терзала девочку, и Лелька наконец заплакала, чуть не в первый раз после того, как узнала о гибели родителей. Она плакала и плакала, рыдания встряхивали худенькое тельце, а Вера Васильевна, осторожно обнимая, гладила ее по волосам.

— Ну вот, моя хорошая, поплачь. Пусть печаль со слезами выйдет. Поплачь.

Через некоторое время, когда у Лельки не осталось сил и слез, Вера Васильевна спросила:

— Зову Наташу? Пойдешь с ней?

Лелька молча кивнула.

— Твоя тетя — хороший человек, она тебе поможет, но она не может жить за тебя. Жить ты должна сама, иначе никак. Договорились?

Лелька снова кивнула, и врач позвала Наталью.

— Все, Наташа. Идите домой. Теперь будет полегче, но сильно девочку пока не дергайте и не нагружайте. Любое горе надо пережить, а это требует времени.

— Но она ведь уже вон сколько горюет.

— Это не то. Считай, что ребенок был в стазисе. Психика детская достаточно хрупкая, вот она и отгородила свою хозяйку от горя таким образом, а вывести на следующую ступеньку не смогла. Если сейчас все сделаешь правильно, через пару месяцев девочка оправится и сможет жить дальше. У нее есть какая-нибудь любимая игрушка или просто вещь из дома?

— Есть гном, сестра его сама сшила, когда Лелька только родилась.

— Девочка его любит?

— Ну в общем да, она дома с ним спала, отец посмеивался, что до свадьбы с игрушкой

спать будет.

— Вот и найди этого гнома, он послужит якорем, стабилизирует, поможет Вольге найти свое место в новом мире, который появился после смерти родителей. Ты же понимаешь, что гибель любящих родителей для любого ребенка огромная травма, пережить такое сложно. Так что найди игрушку, не дергайте пока Лелюшний раз, и все, глядишь, потихоньку наладится. Ну а если что неладно будет — приводи снова ко мне.

По возвращении домой Наталья разогрела заранее приготовленный ужин, усадила Лельку в уголок, вручила ей тарелку с жарким и позвала всех к столу.

— О, Царевна-Несмеяна, все, надоело тоску-печаль изображать? — вошла в кухню Ирина.

Ей до смерти надоела вся эта карусель вокруг двоюродной сестры. Тринадцать лет она была единственной в семье. Только ее наряжала в кружевные платья и воротнички бабушка, только ее обнимал иногда отец, только с ней секретничала, как с большой, иногда мама. И на тебе — появилась какая-то Лелька, которая к тому жене настоящая сестра, а двоюродная, и которая уже успела стать причиной нескольких ссор с мамой. Ира понимала, что ничего Лелька не изображает, что ей и правда плохо, но от этого только сильнее злилась на непрошенную конкурентку.

— Ирина! А ну цыц! — послышался сердитый голос отца. — Марш за стол и ешь молча, раз не можешь себя вести как человек.

— Спасибо. — шепнула Лелька. — Можно я пойду?

— Иди, детка. Я твоего гнома нашла, он у тебя на диванчике лежит. Иди, ложись.

Старичок-Огневинок действительно лежал на разобранном для сна диване. Его колпак словно потускнел, и вообще он был уже не таким бравым, как раньше. Но несмотря ни на что, он так пах домом, прежней, такой радостной жизнью, где были отцовские руки и мамин голос, что Лелька снова заплакала. Слезы тихо лились, впитывались в тряпичного свидетеля счастливой жизни, выпускали наружу боль утраты, постепенно успокаивая ее. Так, в слезах, крепко обнимая Старичка, Лелька и уснула.

Во сне к ней снова подбирался серый туман, но теперь она была не одна. Старичок-Огневинок во сне совсем не был маленьким, он был похож на Морозко из старой сказки, только его посох не замораживал, а выжигал туман. Потом он посадил Лельку себе на плечи, и сказал папиным голосом: «Не бойсь, дочка, прорвемся. Ты только потерпи чуток». От этих слов Лелька вздрогнула и проснулась. Вокруг стояла темнота, но она была мирная, домашняя и не злая. Лелька тяжело вздохнула и заснула снова, уже до утра.

Проснулась она от чьего-то пристального взгляда. Девочка почувствовала его сквозь сон, но испугаться не успела, открыла глаза. На нее внимательно смотрела сидящая на столе кошка Лапатундель. Это имя придумала тетя Наташа и оно всегда казалось Лельке ужасно смешным. Лапатундель прыгнула со стола на диван, боднула Лельку в бок. Дескать вставай, что валяешься? И, подняв хвост, гордо удалилась на кухню. Лелька встала, натянула старенькое, но любимое платьишко, и отправилась умываться. Вера Васильевна была права, сдаваться совершенно не следовало, надо было заново учиться как-то выживать.

— Леля, встала? Вот молодец. Идем завтракать, детка. Ты мне скажи вот что: ты умеешь пользоваться плитой?

— Такой не умею. Я только электрической, которая дома стояла. — В носу предательски защипало, но девочка сдержалась.

— Иди ко мне, я покажу как правильно газ зажигать. Давай поучишься, а то мне со

следующей недели надо на работу возвращаться, отпуск заканчивается. Научишься сама — не понадобится вскакивать ни свет, ни заря.

Плиту Лелька освоила неожиданно быстро. Она никогда не боялась огня и умела с ним ладить — разводить костер, держать и вовремя гасить зажженную спичку. Продемонстрировав новоприобретенные умения и получив тарелку свежих сырников, Лелька быстро все съела и вознамерилась удрать. Они и сама не знала, чем займется, но сидеть под жалостливым взглядом тети Наташи было совсем невыносимо.

— Погоди Лель. Ты помнишь, мы в городе в банке были?

— Да.

— Там были пакеты для меня и для тебя. Хочешь взять свой?

— Да, конечно! А можно?

— Вот, держи. Я его не открывала, мне Дарина написала, что пакет надо отдать тебе, а ты сама с ним разберешься.

Пакет, а скорее сверток в жесткой оберточной бумаге, был небольшим и легким. Лелька утащила его в свою спальню и попыталась открыть. Бумага не поддавалась, пришлось сбегать и попросить у тети ножницы. Из разрезанного пакета выскользнула серебристой змейкой цепочка с небольшим круглым медальоном размером с вишню. На обеих сторонах серебряного круга были изображены странные значки: один походил на дерево с тремя ветками, а второй на палочку с загнутыми концами. Лелька взяла медальон и вдруг почувствовала, как каждой клеточке тела стало тепло. «Будто мама обняла», — снова всхлипнула тихонько она и немедленно надела необычное украшение.

Кроме медальона в пакете оказалась обычная, довольно старая тетрадь, которую Лелька хорошо помнила. Мама записывала туда рецепты разных травяных сборов, Лелька иногда их читала, а мама объясняла, зачем какая травка нужна. Сборы были обычные — от простуды, от головной боли, от нервов. Но открыв тетрадь сейчас, Лелька сильно удивилась. Знакомые названия рецептов куда-то делись, вместо них она читала совсем иное: сбор от дурного глаза, сбор для защиты от лихого человека, сбор для девичьей красоты. Травы в рецептах были знакомы — полынь, базилик, можжевельник, рябина, зверобой, но все равно, все это было ужасно странно.

Последним Лелька вытащила конверт. На нем отцовским почерком было написано: нашей дочери Вольге после нашей смерти. Внезапно Лелька испугалась. Значит ее родители знали, что умрут? Почему они не сказали ей? Она бы проводила с ними каждую минуточку, вместо того, чтобы убегать на улицу или читать дурацкие книжки. Тонкие, дрожащие пальчики разорвали тонкую бумагу конверта, развернули письмо.

Лелька сквозь слезы читала мамины слова о том, как они ее любят, как печалются, что им пришлось ее неожиданно оставить. Мама писала, как ей горько, что она не увидит, как Лелька вырастет и какой она станет красавицей, что дочка должна беречь себя, не болеть, слушаться тетю. Папа был более краток: «Дочка, в пакете ты найдешь медальон. Носи его, никогда не снимай и никому не давай в руки. Без твоего разрешения этот медальон взять никто не сможет, он только для тебя. Пусть он будет памятью о нас и защитой тебе от дурных снов, плохих мыслей, злых людей и нелюдей. И еще, принцесса... Ты пока мала, чтобы понять мои слова, но я прошу тебя навсегда их запомнить. Первое — никогда никому не помогай без просьбы. Помогая людям, мы отдаем часть своей души, и, если человек не испытывает в ответ благодарности, в душе остается рана, которая заживает очень долго. Второе — безоговорочно доверять ты можешь только самой себе и тому, кто, не задумываясь

и не спрашивая разрешения, отдаст за тебя жизнь. Со всеми остальными будь осторожна, неважно, родственник это будет, друг, любимый. Помни— предать может только близкий. Третье — если тебе скажут, что от тебя, от твоей готовности жертвовать зависит судьба мира — не верь, не слушай и немедленно уходи. Судьба мира слишком огромна, чтобы даже самый сильный человек мог на нее повлиять. Если так говорят — тебя хотят использовать. Я люблю тебя, моя девочка. Сбереги себя и проживи счастливую жизнь, все остальное неважно».

Всхлипнув Лелька убрала письмо обратно в конверт и вложила его в мамину тетрадку. Тетрадку она убрала в карман на спине Старичка-Огневичка. Ей почему-то казалось, что он лучше всех сохранит эту память о маме и папе.

Снова потекли летние дни. Лелька ходила на реку, иногда с Ириной компанией, иногда одна, помогала в огороде, временами убегала на опушку, валялась в траве, словом, старалась как можно меньше времени проводить в доме. Дело в том, что дом неожиданно стал каким-то не таким. Нет, комнаты, мебель — все оставалось на своих местах, но появились странные шорохи и шепоты. Казалось, будто кто-то прячется в углах, подглядывает за Лелькой с любопытством, хотя и без злобы. Поначалу Лелька грешила на кошку. Лапатундель была большой любительницей прятаться в укромных местах и неожиданно оттуда атаковать. Однако пару раз, когда шепталось и шуршало особенно отчетливо, Тундель в доме не было.

Лелька даже как-то спросила сестру, не слышит ли та чего-то странного. Но Ирина только фыркнула и заявила, что она нормальная, в отличие от некоторых, и ничего такого не слышит. Так что девочка решила побольше времени проводить на улице. Вскоре, однако, странности начались и там.

Первый случай Лелька вспоминала долго. Она сидела на опушке небольшой рощицы и смотрела в сторону бывшего колхозного поля. Колхоз за давностью времен исчез, поле засекала местная сельхозартель, продавая потом зерно местным фермерам, на корм скоту. В жаркий июльский полдень над волнами ржи дрожал нагретый солнцем воздух. И вдруг, Лелька не поверила своим глазам — воздух сгустился и превратился в прекрасную женщину в белом платье с венком из васильков на волосах. В руках женщины был серп, а сама она словно танцевала в воздухе. В следующую секунду Лельке стало страшно, как никогда в жизни. Женщина сделала шаг и превратилась в скелет в ужасных лохмотьях, а спустя еще шаг и секунду, Лелька снова смотрела на красавицу в платье и венке.

«Ишь, разошлась Полуденица» — сказал рядом чей-то голос. Окончательно испугавшись, девочка подскочила на месте и, не оглядываясь на голос, рванула домой. Уж лучше шепот по углам, чем танцующий скелет и непонятные голоса, решила она. Но вскоре по возвращении поняла, что решение было необдуманно. В знакомом до мелочей дворе хозяйничал какой-то странный мужичок, похожий на плохую копию дяди Андрея. «Вы кто?» — спросила Лелька, а мужичок как-то странно хекнул, съезжился и утек под крыльцо, превращаясь по дороге в упитанную змею. Лелька таких видела только по телевизору и однажды в цирке, куда ее, маленькую, водил папа. Испуганная девчонка метнулась в свою спальню, обняла Старичка-Огневичка и спряталась под одеяло. «А вдруг я схожу с ума? Люди же сходят с ума от горя» — подумала Лелька. Впрочем, она не очень понимала, что ее пугает больше — возможное безумие или все эти странности.

Вечером за ужином тетя Наташа сказала: «Ира, разбери свои вещи. Скоро погода начнет портиться, Леля переберется к тебе в комнату. Теперь эта комната будет вашей общей». Эта

идея оказалась полной неожиданностью для обеих девчонок, но если Лелька задумалась, то Ирина просто взорвалась.

— Почему она должна жить в моей комнате? Мне неудобно с ней, она до сих пор спит со своей дурацкой игрушкой, та все время валяется на диване, а теперь будет валяться у меня?

— В летней кухне уже с августа ночевать невозможно, там любой простынет. А комната не твоя личная, это часть нашего дома. Раз Леля теперь живет с нами, значит и ее дома тоже.

— Но ведь есть еще бабушкина комната! Почему нельзя туда? Бабушка все равно же живет у тети Светы!

— Бабушка — старшая хозяйка дома, когда она уезжала, то сразу предупредила, что это не навсегда. Я обещала, что ее комната будет ее ждать в любое время.

— Ну вот когда она придет, тогда и пусть “эта” ночует у меня, а сейчас можно там!

К спору подключился дядя Андрей:

— Нет. Это бабушкина комната. Там ее вещи, которые трогать нельзя. А ты, я смотрю, совсем не умеешь себя вести.

Наталья добавила:

— Ира, я тебя не узнаю. Представь себе, не дай бог, конечно, но вот повернись все иначе, если бы тебе пришлось перебираться к тете с дядей, думаешь Леля себя также бы вела?

— Какая мне разница, как бы она себя вела! Вы из-за нее отбираете у меня мою комнату!

— Глупости. Никто ничего не отбирает, просто будете жить вдвоем. Заодно и аккуратности научишься, а то как ни зайду, у тебя все вещи как попало валяются. Все, вопрос закрыт. Прибери все, и послезавтра папа сделает вам у окна длинный стол, чтобы обе могли заниматься одновременно.

Ирина зло всхлипнула и вылетела за дверь.

Наталья просто не узнавала дочь. Куда делась ее ласковая девочка, что с ней случилось? Женщине не приходило в голову, что Ирина впервые в жизни столкнулась с серьезным отказом. Единственный ребенок в семье, залюбленная мамой, заласканная бабушкой, обожаемая отцом, она всегда получала, что хотела. Нет, ей конечно, отказывали в каких-то мелочах, не разрешали делать то, что могло оказаться опасным, но такого противодействия своим желаниям, когда не помогают ни слезы, ни скандал, ни долгое молчание, она еще не встречала.

Наталья вздохнула, вспомнив, какой очаровательной крохой была дочка, как она гордилась, что девочка растет настоящей красавицей. Нет, ее ребенок не может быть злым человеком, это все переходный возраст. А тут еще и у племяшки горе, вот все и наложилось одно на другое. Она сама-то, вон, взрослая тетка, и то иногда завывать хочется, так чего удивляться, что Иришка капризничает. Наталья домыла посуду после семейного ужина и отправилась спать.

На следующее утро Лелька решила поговорить с сестрой. Ей было неловко чувствовать себя захватчицей и ужасно жаль тетю, которая сильно расстраивалась что девчонок «мир не берет». Сестру она нашла в общей комнате, где зимними вечерами перед телевизором собиралась вся семья.

— Ир, давай поговорим?

— Зачем? Оттого что мы поговорим что-то изменится? Ты исчезнешь и все снова будет

хорошо?

— Ты же знаешь, что я всего этого не хотела. Да и потом, сама подумай — прошлым летом у нас все же было нормально, мы даже иногда вместе ночевали. Ир, я ведь не стану тебе мешать, давай просто не будем ругаться.

— Прощлым летом ты мне и не мешала, разве что хвостом ходила везде, но матери не стучала, все было нормально. А сейчас все крутятся вокруг тебя, как будто меня вообще нет. Мать все время пропадает по каким-то делам, то в город с тобой, то к врачу, а меня только грузит работой: помой, прибери, прополи. Пока ты не нарисовалась, она все сама прекрасно успевала.

— Что ты предлагаешь? Я не могу исчезнуть.

— Можешь. Просто скажи, что не хочешь здесь жить. Если будешь убедительна, то поедешь в детдом. А мама будет тебя навещать, ну и в каникулы забирать, это я так уж и быть потерплю.

Лелька не верила своим ушам. Ей в голову не приходило, что Ирина, оказывается, все решила и придумала, вот только сама Лелька двоюродную сестру ни капли не волновала.

— Ты сама-то поехала бы в детдом?

— А при чем тут я? Это ты у нас жизнью обиженная.

— Нет. В детдом я не хочу.

— Ну тогда не обижайся.

Ирина и не рассчитывала, что Лелька так просто сдастся. «Не хочет она... Тоже мне паца! Ничего, проживешь здесь маленько и еще как захочешь». Незримая война была объявлена.

Следующие несколько дней Лелька старалась как можно меньше времени проводить в доме. Ирине пришлось-таки освободить часть комнаты и последние пару дней дядя Андрей делал там под окном длинный стол. Соседи отдали старую, но крепкую деревянную кровать, а новый пружинный матрас тетя заказала в городе. Переселение становилось все ближе, что не радовало никого из девчонок.

В городе Лелька сейчас всю гуляла бы с подружками, Маринкой и Инной. Они менялись бы наклейками с пони, шили бы платья Маринкиной Барби. Здесь же она еще не успела обзавестись компанией, а Иринины друзья ее не жаловали, сочувствуя «жертве оккупации». Так что встретив возле роши двух девочек в летних льняных сарафанчиках, Лелька очень обрадовалась.

Девочки осторожно поглядывали на Лельку, улыбались, хихикали в кулачки. Наконец, одна решилась:

— А как тебя зовут?

— Вообще-то Вольга, но все меня зовут Лелькой, мне так больше нравится. А вас как?

— Я Уля, а она — Дана.

— Вы сестренки?

— Можно и так сказать. А ты откуда? Мы тебя раньше не видели.

— Я раньше в городе жила, а теперь буду здесь.

Лелька испугалась, что сестры начнут ее спрашивать, почему она переехала из города. Она почти смирилась со своей болью, но говорить о ней решительно не могла. Однако разговор пошел иначе. «Расскажи нам про город», — попросила Уля. Она была побойчее сестры, и сарафанчик у нее был вышит поярче.

И Лелька начала рассказ. Она рассказывала про высокие дома, в одном из которых

жила, про школу, про качели и лестницы во дворе, про магазины, в которых можно купить так много вкусного. Девчонки ахали, переспрашивали, удивлялись, словно никогда ничего подобного не видели. Потом они сплели себе по венку и договорились снова встретиться завтра.

Теперь Лелька каждый погожий день прибежала на опушку. Они играли вместе, собирали букеты, Уля рассказывала про травы, а Дана — про деревья. Обе девочки жадно слушали Лелькины рассказы, спрашивая иногда о самых обычных вещах: что такое театр, как Лелька сама ходит в кино, чему учат на уроках математики. Вопросов было так много, что однажды Лелька не выдержала и спросила:

— Где вы живете, что всего этого не знаете? Сейчас же во всех школах одинаково учат.

— Нам в школу нельзя, — тихо ответила Дана.

— Как нельзя? Так не бывает.

— Бывает. Нас не пускают.

Тут Лелька вспомнила передачу про сектантов, которую однажды смотрела вместе с папой. Тогда ей показалось замечательным, что дети сектантов не ходили в школу, а учились дома. Она бы с удовольствием училась у мамы. Но папа объяснил, что жизнь у этих детей не сладкая, что им многое запрещено: читать книги, смотреть мультики, иногда даже лечиться. Он рассказал, что детям нельзя ни с кем дружить, что их наказывают за разговоры с чужими людьми, даже с чужими детьми. Лельке стало ужасно жалко сектантов, и она решила, что зря им позавидовала.

«Наверное, эти девочки тоже из секты, раз их не пускают учиться, и ходят они все время в одних и тех же сарафанчиках», — подумала она. Ей очень хотелось их об этом спросить, но она побоялась, что после такого вопроса сестры больше не придут. Лельке было очень одиноко и терять новых подружек не хотелось.

Особенно тяжело стало после того, как ей все-таки пришлось перебраться в комнату к Ирине. Сестра иногда делала вид, что Лельки не существует, раскладывала свои вещи по всем поверхностям, а потом кричала, если Лелька их трогала. Иногда она злилась и рассказывала Лельке, какая та неуклюжая, неловкая и некрасивая, и как ей, Ирине, неприятно на все это смотреть. Леся поначалу пыталась как-то объясниться, договориться о мирном сосуществовании. Но в какой-то момент поняла, что для Иры она не человек, а просто помеха, и мнение этой помехи Ирине не интересно, она просто намерена помеху убрать. Убираться Лелька-помеха не хотела, но скандалить не любила. У нее после ссор совсем не оставалось сил, их хватало только спрятаться в каком-нибудь уголке и поплакать. Жаловаться она тоже не хотела, в школе привыкла, что быть ябедой стыдно, а что еще можно сделать — придумать не могла.

Положение спасали встречи с новыми подружками. Всегда приятно, когда с тобой просто нормально разговаривают. Так что Лелька проводила с Даной и Улей целые дни, возвращаясь домой только поздним вечером. Вот в один из вечеров и случилась беда: пропал Старичок-Огневичок, вместе с маминой тетрадкой и последним письмом от родителей.

Пропажу игрушки Лелька обнаружила ближе к ночи, когда собиралась спать. Старичок не нравился Ирине, поэтому Леля его прятала в изголовье, под подушку. Сам он исчезнуть не мог. Лелька спросила Иру, но та только фыркнула в ответ. Тетя Наташа немного встревожилась, но сказала, что вероятно завтра игрушка найдется, а сейчас пора спать. Пришлось отправляться в кровать. Сон долго не шел, Лельке было страшно засыпать без защитника и, как оказалось, не зря. Во сне туман просачивался под дверь, растекался по комнате. Лелька испугалась и хотела позвать сестру, но вместо Ирины на нее смотрела чужая девочка в старинной одежде. «Кто ты? Как ты сюда попала?» — спросила Лелька и замерла, увидев глаза гостыи. Они были такими же серыми, как туман, пустыми и страшными, без света разума. Пришлица протянула к Лельке руки и что-то зашипела, Лелька рванулась, закричала и проснулась.

Ее крик разбудил всех. Прибежала тетя, проснулась Ирина.

— Леля, девочка моя, что с тобой?

— Мам, ну ты же видишь, с ней невозможно просто. Она мне сейчас спать не дает, а что будет, когда школа начнется? Я из-за нее учиться хуже начну!

— Ира, прекрати немедленно. Кошмары бывают у всех.

— Да, но не все орут по ночам.

Лелька этот диалог почти не слышала. Она снова проваливалась в туман, ей было ужасно холодно и страшно. Положение спасла Лапатундель. Любопытная, как все кошки, она заинтересовалась странной ночной активностью двуногих. Запрыгнув на кровать, Тундель боднула вбок Наталью и полезла к Лельке на колени. Мягкое мурчание пробилось сквозь Лелькин кошмар, ощущение теплого, пушистого бока помогло успокоиться.

— Простите меня. Я не хотела, просто сон был очень страшный.

— Ничего, детка. Такое бывает. Давайте спать, ночь на дворе. Пойдем, Лапатундель.

— А можно она останется со мной? Вдруг сон вернется.

— Хорошо, пусть остается.

— Мама, я не хочу. Она снова в пять утра будет орать и требовать, чтобы ее покормили.

— Ничего, потерпишь разок. А завтра мы найдем Старичка.

Остаток ночи прошел спокойно. Утром Лелька выпустила кошку до того, как та разбудила Ирину. За день девочка проверила все уголки в доме, но Старичок-Огневичок так и не нашелся. На ночь Лелька снова взяла кошку с собой, несмотря на протесты Ирины. Лапатундель разгоняла Лелькин страх, туман становился прозрачнее, страх не уходил совсем, но прятался где-то в уголке. Однако Лелька проспала, проснулась от кошачьего вопля и выслушала все, что Ирина думает о кошке и об идиотках, которые даже спать нормально не могут.

Увидев племянницу утром, Наталья всерьез забеспокоилась. Девочка снова была вялой, куда только делась ее обычная живость, которая вроде бы стала к ней возвращаться после визита к Вере Васильевне. Наталья вспомнила, что говорила доктор про игрушку-стабилизатор и решила поговорить с дочерью. Однако ни уговоры, ни упрашивания, ни обещания наказать на Ирину не действовали. Она стояла на своем: никаких дурацких игрушек она не брала, а сестру надо перевести в другую комнату, а то она, Ирина, не сможет учиться также хорошо, как всегда, и вообще может заболеть, вдруг «эта психическая»

заразная.

Лелька решила, что в эту ночь она спать не будет. Ирина категорически не хотела пускать Тундель в комнату. Тетя Наташа предлагала попробовать поспать одну ночь без кошки, но Лельке было отчаянно страшно. Она знала, что если туман или та странная гостья до нее доберутся, то ее, Вольги-Лельки не станет. Будет кто-то другой в ее теле, кто-то чужой, странный и жуткий.

Когда все легли, она потихоньку выбралась из общей с сестрой спальни и, закутавшись в одеяло, уселась на диване в зале. Спать хотелось отчаянно, она уже задремывала, когда ее кто-то позвал.

— Слышь, дева... Спишь что ли?

Лелька встряхнулась, отгоняя дрему, и увидела перед собой мужичка чуть побольше ее гнома-хранителя. На мужичке были рубаха и штаны, похожие на сарафаны Ули и Даны, только грязные и заношенные. Буйные, рыжие с проседью кудри окружали небольшую лысинку, такая же рыжая борода стояла торчком, задорно намекая, что ее обладатель еще ого-го!

— Ой! Вы кто?

— Кондратьич я, домовик местный.

— Вы на самом деле есть? Вы настоящий? Мне папа рассказывал, но я думала это сказки...

— Сказки! Скажут тоже! Совсем свои корни забыли. А еще ведунья!

— Я не ведунья.

— Это мы с тобой, дева, в другой раз обсудим. А сейчас пойдём-ка твоего защитника спасать.

— Вы знаете где Старичок-Огневичок?

— Знамо знаю. Я в этом доме все знаю и все вижу, не зря же домового еще Хозяином называют.

— А почему спасать? С ним что-то случилось?

— Пока не случилось и не случится, если ты вместо того чтобы разговоры разговаривать пойдешь и заберешь своего защитника.

— Пойдемте, конечно. А это далеко? Если я до утра не вернусь, меня тетя Наташа потеряет.

— Не, недалече. Пойдем. Только накинь что-нибудь, хоть и лето, но уже прохладно. И босиком не ходи, мне в доме больные ни к чему.

Лелька быстро надела тапочки и завернулась в тёти-наташин платок, забытый на спинке дивана. Кондратьич каким-то неуловимым движением оказался у двери, Лелька побежала за ним. По дороге к ним присоединилась Лапатундель. Обычно игривая и даже шkodливая кошка вела себя удивительно спокойно, как будто понимала, что и зачем делается.

Домовой привел Лельку в сени и оттуда, через небольшую дверцу — в котельную. Не так давно дядя Андрей поставил бойлер, благо перебоев со светом в селе почти не бывало. Однако на всякий случай или по известной крестьянской запасливости, он не убрал старый котел, который работал на дровах и угле. Несмотря на прохладные августовские ночи, котел пока не топили. Именно там, за котлом у стены и был спрятан Лелькин гном. Игрушку было не видно, если не знать, что она там, ее бы не заметили, и при первом же использовании котла Старичок бы сгорел вместе с маминой тетрадкой и последним письмом родителей.

Добраться до стены было трудно. Лелька вся измазалась, но своего защитника вытащила. Странно, игрушка была чистой, будто и не лежала несколько дней в угольной пыли. Взяв в руки Старичка-Огневичка, Лелька почувствовала, что с плеч упал тяжелый груз. Она обернулась, но Кондратьича рядом уже не было, только кошка загадочно посверкивала в полутьме зелеными глазами. «Ну вот... Даже спасибо не сказала», — подумала Лелька. Она вернулась в дом, умылась в кухне и отправилась в кровать, чувствуя себя в полной безопасности.

Когда утром Леля проснулась, Ирины уже не было. Вставать не хотелось, и девочка попыталась разобраться с загадочной пропажей. Вопросов было много, но главными были три: «Кто спрятал игрушку? Почему спрятал, а не уничтожил? Как могло оказаться, что после нескольких дней в самом пыльном углу дома гном выглядел чистеньким, будто только что сшитым?».

По первому вопросу ясность была полная — Лелька была уверена, что игрушку забрала и спрятала Ирина. Доказательств у нее не было, но сама себе она доказывать ничего не собиралась, а жаловаться не хотела. Подумав еще немного, Лелька решила рассматривать Ирину как настоящего недруга, не доверять, не ждать ничего хорошего и не жаловаться.

Лелька, конечно, не была взрослой, но она не была и глупой. Она прекрасно видела, что тетя Наташа, при всем добром к ней, Лельке, отношении, дочь любила сильнее, и полностью ей доверяла. Лелька не понимала, как можно не видеть очевидного, ей не хватало опыта понять, как успешно люди закрывают глаза на то, что вынести не в силах. Однако она понимала, что жалобы на сестру результата не дадут, ей придется справляться самой. Хорошо бы еще понять, как можно с этим справиться.

С остальными вопросами ясности не было никакой. Лельке очень хотелось снова поговорить с Кондратьичем, но днем домовые не приходят, это папа ей объяснил давно. Она решила подождать ночи и пригласить Хозяина на разговор так, как ее учили родители. Молоко, блюдце и кусочек хлеба надо было утащить с кухни и спрятать от Ирины и от кошки. Лапатундель вряд ли бы заинтересовалась хлебом, но вот молоко бы выпила точно.

Операция по добыванию необходимых компонентов прошла успешно, так что ночью, дождавись, когда все уснут, Лелька прокралась в кухню. Налив в блюдце молока, она положила рядом хлеб, пресекла попытки Тундель попить из блюдечка и зашептала слова призыва: «Хозяин-дедушка, домовый-соседушка, прими угощение, от души подношение. Не побрезгуй едой, побеседуй со мной». В кухне стояла тишина, и девочка решила, что домовый не придет. Но тут в одном из углов зашуршало, и оттуда выбрался Кондратьич. Штаны и рубаха домовика были намного чище, буйные кудри — причесаны, а сам он — серьезен.

— Здравствуй, ведающая. Почто звала?

— Здравствуйте, Кондратьич. А почему вы называете меня ведающей?

— Да, как иначе-то. Ты жменя видишь, значит ведаешь скрытое. Тебя что, совсем ничему мать не учила?

— Нет. И мама, и папа мне много всего рассказывали, но я думала, что это обычные сказки. А потом... — Лелька прерывисто вздохнула — их не стало.

— Эх ты, как оно вышло. Я ведь мало что знаю. Не положено нам много знать. Да и ты не из моего рода, я ж Андреев домовик-то, его семью храню, ты для меня гость. Званный хозяевами, но гость. Так что многого не жди. Не скажу.

— Расскажите хоть что-то, а то я совсем запуталась. Вот недавно какой-то дядька во дворе работал, а потом вдруг стал змеей. Это вправду было, или я с ума сошла?

— Это ты, глазастая, Дрона увидала. Дрон — дворовой, он за порядок на участке отвечает, в дом ему хода нет. Тебе его бояться не надо, пока не начнешь во дворе пакостить или мусорить.

— Нет, я не буду. Зачем?

— Кто вас, человеков, знает.

— А почему вы вчера были в грязной рубашке, а сегодня в чистой?

Домовой смутился, и Лелька испугалась, что после такого бестактного вопроса он уйдет. Но Кондратьичкрякнул и объяснил:

— Домовому, чтобы выглядеть справно, нужны дары от хозяев и гостей дома, неважно какие, но данные доброй волей человека. Вот ты мне хлебца с молоком принесла, от души поделилась, сил у меня прибывло.

— Но вы же хозяин! Вы сами можете что угодно взять.

— Так, да не так. Домовым, дворовым, баганам не столько сам дар важен, сколько тепло души человека. Сейчас это все энергией называют или еще какими модными словами, но суть одна: мы можем взять только данное с добром, и только это пойдет нам на пользу. Пока старшая хозяйка дома жила, она меня не забывала, а сейчас уехала — я и пообносился. Андрей с Натальей люди хорошие, работающие, порядок любят, да только видеть меня и слышать не могут, а без этого не верят. Вот и приходится мне кое-как перемогаться, ждать, пока старшая вернется.

— А почему так? Это же несправедливо! Если бабушки долго не будет, вы ж с голоду умрете!

— Не, дева. Пока в доме живут, будет и домовой жить, мы умираем, когда дом разрушится или люди его навсегда покинут. И то, можно домового с собой позвать, тогда он в новом доме хозяйничать станет. Ты совсем про нас ничего не знаешь, что ли?

— Не знаю. Меня не учили, только разные истории рассказывали.

— Ладно, расскажу. Все одно — это не секрет. В давние времена Род населил этот мир. Сам ли он создал его, или пустой нашел — не ведаю. Мир-то он населил, но сидеть в нем вечно не захотел, или не смог. Однако и бросить все у него рука не поднялась. Ты и сама, небось, если что красивое сделаешь, не выбрасываешь же, а прячешь и бережешь?

— Ну да.

— Вот и Род не бросил. А раз сам беречь мир не мог, он поставил стражу. Ну вроде как раньше князь дружинникам своим земли давал. Сам-то он везде быть не мог, а дружинники дареные земли от ворога боронили, за людишками опять же присматривали. Вот и Род поставил своих стражей. Были они сильными, красивыми и могучими чародеями и чародейками, могли то, что обычным людям было не под силу, так что люди стали их считать богами. И скоро новые боги поняли, что от людской благодарности, от жертв и молитв, у них силы прибывает. Поначалу все неплохо было. Боги с людьми рядом жили, иногда жен-мужей из людей брали, дети у них рождались опять же. Были эти дети с божественной кровью ладными и удачливыми. Со временем и они семьи заводили, и у всех их потомков в крови оставалась искра — капля памяти о божественной силе. Люди с искрой видели и понимали боле прочих.

— И у меня искра есть?

— Знамо дело, поэтому ты и ведающая. Людей и зверья становилось все больше, боги перестали везде успевать. Хоть и сильными они были, а все ж на любую силу управа есть. Так что создали боги себе помощников, каждому дали свою работу. Кто за людьми

приглядывал, стали домовыми да дворовыми, за лесом — лешими да лесавками, за реками — водяными. Стало богам посвободнее, захотелось им больше силы и власти, больше жертв и молитв. Решил кто-то из богов поделиться кусочком своей силы с человеком, чтобы тот взамен о нем рассказывал, жертвы приносил, людей под его руку приводил. Так появились жрецы.

— А сейчас жрецы есть? А кто тогда священники?

— Экая ты нетерпеливая. Слыхала поговорку «Торопись не спеша»?

— Ага.

— Вот и не спеши. Прошли сотни лет, и показалось богам, что мир для них маловат. Каждому хотелось больше власти, больше силы. Начали они промеж себя свариться. То Велес с Перуном что-то не поделят, то Морана с Живой. И так, в сварах и ссорах, забыли они, для чего были Родом поставлены. Начались на земле беды, войны, болезни. А тут Род решил заглянуть, проверить, как его дружинники мир боронят. Как увидел, что те, вместо службы, людей друг с другом стравливают да силу делят, рассердился и погнал стражу. Только и оставил Велеса Грань стеречь.

— А что такое Грань?

— А это я тебе вдругорядь расскажу, сейчас уже поздно. Ночь скоро на зарю повернет.

— Кондратьич, а как мне вас от людей отличать?

— Сложно это тебе будет. Ты веда слабенькая.

— А почему слабенькая?

— Так тебе что рассказать: почему слабенькая, или как нелюдей от людей различить?

— А все нельзя?

— Нет, сегодня не получится.

— Тогда про отличия.

— Прищурь глаза и сквозь ресницы посмотри на стенку за мной.

Лелька немедленно выполнила сказанной и ойкнула. Вокруг Кондратьича ясно был виден небольшой туманный ореол.

— Вот. Увидела дымку? Мы, помощники старых богов, связаны с Гранью и знающий человек след этой связи всегда углядит. Ты осторожна будь, дева. Ежели такой след увидишь, лучше не подходи. Не все из помощников к людям добры, одичали мы без хозяев. Есть те, кто и на людей нападают. Вон, лешие да водяные людей и вовсе не жалуют, те ж леса зорят, рыбу в реках глушат. И еще скажу — ты увидишь только тех, кто не прячется, на большее твоей искры не хватит. А не-люди разные бывают. Есть те, кто свою суть прячет и не всегда для дел добрых.

— И как же мне быть?

— Я ж говорю, осторожней будь. Поучиться бы тебе... Ладно, зови еще, расскажу, что знаю. Хорошая ты девка, хоть и мала еще. Да, чуть не забыл... Ты защитника своего побереги. Я его, конечно, найду, если снова потеряешь. Но ведь скоро холода пойдут, если в печь твоего Старичка сунуть — сгорит как миленький.

— А что же мне делать?

— Посмотри материну книгу ведовскую, там много всего полезного есть.

— Какую книгу?

— Ту, которую ты в кармашке своего защитника прячешь. Все, дева. Бывай. Некогда мне с тобой сидеть.

Кондратьич метнулся в угол и исчез, словно растворился в сумраке кухни, а озадаченная

Лелька пошла спать. Почитать мамину тетрадь можно было и утром, а поспать подольше вряд ли бы удалось.

Проснулась Лелька раньше сестры. Спать совсем не хотелось, так что она взяла мамину тетрадку, прихватила Старичка-Огневичка и уселась в кухне с твердым намерением найти нужный рецепт. «Заговор от лихих людей, заговор для защиты дома, наговор на воду от большой головушки» — бормотала она. Наконец нашлось то, что требовалось — заговор на охрану сокровища. Игрушечный гном на сокровище не тянул, но для Лельки сейчас не было вещи важнее и ценнее. Сам заговор был несложным, однако для того, чтобы все получилось, нужен был мешочек из синей ткани, в который надо было поместить травяной сбор. Семена тмина нашлись тут же, на кухне, полынь можно было сорвать во дворе, а вот можжевельника и чертополоха поблизости не было. «Поищу возле рощи» — решила Лелька, быстро сжевала бутерброд и побежала на улицу.

На опушке рощи ее вновь встретили Уля и Дана. Было прохладно, но девочки так и ходили в своих сарафанчиках. Лелька мимоходом удивилась: «И как они не мерзнут?», а потом, словно ее кто-то подтолкнул, взглянула на девочек, как учил ночью Кондратьич, и с ужасом поняла, что они не люди.

Подружки, увидев, как с Лелькиного лица сползает улыбка, сменяясь откровенным ужасом, переглянулись и вздохнули. «Она все поняла» — сказала Дана. А Уля негромко попросила: «Погоди минутку, пожалуйста. Мы тебе худого не сделаем, потом сами уйдем, если захочешь». И такими несчастными были эти девчонки, что сердце Лельки дрогнуло. Она вспомнила, как играла с ними все лето, делилась своими бедами, слушала рассказы о лесе.

— Вы кто?

— Мы лесавки, лесные духи. Когда-то мы были обычными детьми, но погибли в лесу. У нас не было богов-покровителей, так что Лесной хозяин оставил нас себе и сделал духами-служителями.

— А как это — боги-покровители?

— Раньше, когда рождался ребенок, его отдавали под покровительство богу, которому служила семья. Мальчишек обычно посвящали Хорсу, Велесу или Перуну, девочек — Мокоши или Живе, а иных и Моране. Когда такой человек умирал, то отправлялся богу на суд, а тот уже решал — отправить душу на новый круг, заточить в Нави, отпустить в Правь. Позже детей стали крестить в церкви, но лешие, водяные и другие помощники старых богов явились в мир раньше Христа, власти его не признавали и не боялись. За это их стали звать нечистью. Я была крещеная, а Дана умерла слишком маленькой, ее даже окрестить не успели.

— А умирать было страшно?

— Нет, я мала была, ничего и понять не успела. Увязалась с сестрами за грибами в лес, заплутала, только собралась заплакать — вижу дяденька стоит и зовет меня с собой. Я и пошла к нему. Так меня Лесной хозяин и забрал. Давно это было, батюшка мой с Ермаком в эти края пришел. А Дану мать на покос взяла, не с кем ей было дочку-годовушку оставить. Пока косила, волк девочку и унес. С тех пор мы живем здесь, храним лес. Люди нас не видят, ты первая углядела. Мы так радовались, что ты с нами разговариваешь, про настоящие чудеса рассказываешь. Ты теперь больше с нами не будешь играть?

— А вы хотите?

— Конечно хотим. Только мы здесь, пока лес не спит. С первым листом выходим, после

Авсенья прячемся до весны. Но ты ведь не беседовать сюда так рано пришла?

Лелька еще немного подумала, потом мысленно махнула рукой и рассказала о своей беде.

— Значит тебе цветки чертополоха нужны и можжевельниковые листья? Листочки быстро найдем, а вот цветов почти не осталось. Но я знаю местечко. Ты подожди немного, мы скоро.

И девчушки легким ветерком упорхнули в рощу. Вернулись они минут через десять.

— Вот, смотри: это с можжевельника листья, а это чертополох. Он последний, отцвел уже, больше в это лето не будет. Только его подсушить надо.

— Спасибо, девчата! Побегу оберег делать.

— А ты еще придешь?

— Завтра, ладно? Сегодня уже не успею, надо еще тете Наташе помочь, я обещала.

Лелька не оглядываясь побежала домой, а две подружки словно растворились в лесном сумраке. Дома Леля разложила собранные травы на старой газетке и спрятала за шторку в зале. Подоконник там был узкий, так что за шторы никто обычно не заглядывал, но Лелька на всякий случай попросила: «Домовой дедушка, присмотри за моими травками, пожалуйста. Лето кончается, я новых больше не найду, а мне очень нужно». Она не была уверена, что ее услышали, но делать было нечего.

Синенький лоскуток для мешочка нашелся в тети-Наташином рукодельном ящике. Наталья любила и шить, и вязать, хотелось ей и дочку с племяншкой к рукоделью приохотить, так что девчонкам разрешалось брать обрезки ткани, нитки, иголки. Правило было одно: взяла, попользовалась — убери на место. Швея из Лельки была та еще, но сделать мешочек было несложно, с парой швов она управилась быстро. К вечеру травы на окошке высохли окончательно, так что Лелька убрала их в мешочек, прочитала выученный наизусть заговор из маминой тетрадки и спрятала оберег в кармашек Старичка рядом с родительским письмом.

За день Лелька так умаялась, что заснула мгновенно, и даже обычных снов про туман в эту ночь не видела. Однако перед тем как лечь, она не забыла оставить в уголке кухни блюдце с молоком и кусочком хлеба.

На утро блюдце нашла тетя Наташа.

— Девочки, кто оставил молоко? Леля, твоя работа?

— Да.

— Зачем?

— Домовому. А то он голодный.

— Господи, ну какой домовый? Я уж обрадовалась, думала свекровка уехала, так все эти глупости кончатся. А тут нате вам — племянница домовых прикармливает!

— Ну я же немножко...

— Леля, ну какие домовые? Ты уже большая девочка, должна понимать, что все это сказки.

— Мне мама про них рассказывала — на глазах у Лельки набухли даже не слезы, а гигантские, прозрачные слезищи, и Наталья почувствовала себя неловко. В конце концов, девчушка совсем недавно потеряла родителей и только начала приходить в себя. «Ну что мне, молока что ли жалко?» — подумала Наталья, — «Бог уж с ним, если ей так полегче будет».

— Ладно, если тебе так надо — оставляй. Хоть Лапатундель поест. Но блюдце каждый

день ты сама моешь. И сама следишь, чтобы никому под ноги не попало, договорились?

— Спасибо тетя Наташа! Вы самая лучшая! — Лелька подскочила, обняла Наталью, но почувствовав, как в спину впился ненавидящий взгляд Ирины, отпустила тетю и отошла в сторонку.

— Ладно, будет. Давайте завтракайте и займемся делами. Вам в школу скоро уже, а вы за лето поди и буквы-цифры забыли. Вспоминайте, готовьтесь к сентябрю.

Ночью девочка снова позвала Кондратьича. Тот появился сразу, рубашка стала белой, украсилась поясом. Лелька даже вопросов не задавала, и так понятно откуда что взялось. Сегодня она твердо намеревалась задать домовому вопросы, от которых он прошлый раз так ловко увернулся.

— Что неугомонная, любопытно тебе? — добродушно усмехнулся домовик. — Спрашивай давай, все одно не утерпишь, что смогу — расскажу.

— Что такое Грань? — задала Лелька самый главный вопрос.

— Грань это Грань, граница стал-быть между Навью и Явью.

— Вы все время говорите про Навь и Явь, и в маминой тетрадке я тоже про них читала, а что это такое — непонятно.

— Явь — это вот этот мир, где люди живут. А Навь — мир другой, потусторонний.

— Это куда люди после смерти попадают, да?

— Нет, не так. Когда человек умирает, его душа освобождается. Если у души был бог-покровитель, то к нему она и уходит. Покровитель смотрит что и как, и отправляет душеньку или снова в Явь, если та свой урок не выучила, или в Правь, если умерший совсем праведником был, а то и в Пекельное царство, ежели злодей заугольный помер. А вот души, покровителя не имеющие, попадают в туманы Нави. Там нет ни времени, ни света, только туман, пустые тропы да холмы, в которых спят старые боги или герои, коих Земля не вынесет. Бродить там душам до скончания времен, да только вот люди-то разные, и души разные. Ежели душа сильной окажется, будет она в Явь рваться, а со временем превратится в приспешника кого-то из спящих богов.

— Они же спят, зачем им приспешники?

— Спят-то спят, да только и во сне помнят, как горячила кровь смерть жертв, как вздымалась сила сотен тысяч молитв. И мечтается им о возвращении, о новых жертвах и молитвах. Вот приспешники их и тянут из Яви силы потихоньку, жизнь из людей цедают. Человека, рядом с которым такой приспешник отирается, сразу видно — он болеет часто, радость у него из души уходит, сил жить не остается.

— Значит они могут к нам сюда приходиться и нас... выпивать?

— Они бы и хотели, но не так это просто. Чтобы из Нави в Явь попасть, надо пройти Грань. Грань эту создал Род, когда мир населял, и поставил Велеса ее охранять. И так эта охрана важна, что Велес, почитай один из всех старых богов, не спит.

— И он один столько веков охраняет Грань?

— Ну почему один. Есть у него помощники, потомки людей его корня. Думается мне, что и в тебе его искорка живет.

— А как они ему помогают? Я тоже должна буду?

— Того не знаю, нам, домовым такое знать не положено. Вижу только силу твою с материной стороны. Наталья мне хозяйка теперь, у нее похожая искорка была, да только совсем захирела. Да и твоя сила невелика, так, силенка пока еще.

— А почему невелика? Она вырастет или захиреет как у тети Наташи?

— Это уж как растить будешь. Наталья-то почитай отказалась от силы. Я в последнюю ночь, когда твои здесь оставались, слышал, что она старшая дочь была, а учиться не схотела. Вот сила и стухла. Кому ж понравится, если ты к человеку с подарком, а он тебе в лицо плюет. И силе не понравилось. Твоя же матушка силу приняла, учиться стала. Да только младшая всегда слабее старшей, а она еще и с наставницей своей проситься не смогла, без нее умерла наставница-то.

— А почему это так важно?

— У каждой ведающей есть искра божественной силы в крови. Умирая, веда может эту искру передать дочери, али внучке. Словом, родне по крови. Но надо чтобы преемница обучена была, а то беды наделает по незнанию-то. А твоей матушки рядом не случилось, чтобы искру перенять. Какая-то часть силы ее, конечно, нашла, кровь не водица, но много и рассеялось.

— Я тоже буду совсем слабой? Мне же мама тоже силу не передала.

— Какой ты ведой будешь, сейчас не узнать. Женщины-ведуньи в силу постепенно входят, и всегда это с их женской сутью связано. Так что будешь ли ты сильной али слабой, как сила будет играть, ты узнаешь не раньше, чем первую кровь уронишь, а то и дитя родишь.

— Кровь уроню? Это когда?

— Когда девчонка девицей становится.

— А-а-а... вы имеете в виду менструацию? Мне мама рассказывала и книжку давала читать.

— Вот и ладно. А то не моя это работа, девиц воспитывать. Отправляйся-ка спать, неугомонница. Опять, почитай до утра просидели.

Сентябрь пришел холодный, с утренними туманами и нудными, мелкими дождями. Лелькины лесные подружки, попрощавшись, исчезли до весны, а на саму Лельку наехал учебный год. Школа в селе была неплохая, сюда приезжали и приходили дети из нескольких окрестных деревень. Однако по сравнению с прежней Лелькиной школой многое было иначе: учеников в классах поменьше, на переменах потише, а учителя вели сразу по нескольку предметов. Лелька попала в класс к Марии Николаевне, учительнице опытной и строгой. Мария Николаевна вела алгебру, геометрию, физику и информатику.

Классный руководитель внимательно присматривалась к девочке. Дети-сироты — это всегда проблемы, иногда с поведением, иногда с успеваемостью, но проблемы есть всегда. Лелька пока вела себя неплохо, училась охотно и довольно успешно, только с одноклассниками подружиться у нее не получалось. Впрочем, одна подружка, кажется, все-таки нашлась.

Лельке же было не очень уютно, слишком велика была разница между прежней и новой жизнью. Раньше в это время она уже была дома, с мамой. Ее снова и снова прибывала к земле мысль, что мамы и папы нет и больше никогда не будет. Летом она как-то отвлеклась, помогли лесавки и беседы с Кузьмичом. Все-таки узнавать о себе новое, осваивать самое настоящее волшебство было очень интересно. Лельке хотелось хоть с кем-нибудь поделиться своими секретами, но она боялась, что ее попросту засмеют. Вон, тетя Наташа маму знала всю жизнь, и бабушка Таисия рядом жила, а все равно Наталья в ведовство не верила.

Лелька была уверена, что и ей не поверят, а как дети реагируют на тех, кто «не такой» она знала. В ее прежней школе была девочка, которая сочиняла стихи. Лелька помнила, как Юрка, главный хулиган класса, утащил из Олиной сумки тетрадку со стихами. Читал их вслух, издевательски комментировал, а потом утопил тетрадь в мужском туалете. Юрку, конечно, наказали, но Оля ушла в другую школу, учиться дальше с теми, кто все видел, она так и не смогла. А здесь-то школа одна, уйти будет некуда, и, если над ней начнут смеяться, придется все это выслушивать. Нет уж, лучше помолчать.

Когда на одной из переменок к ней подошла одноклассница Лена, Лелька очень удивилась. Лена попросила объяснить ей задачку по алгебре, и вскоре девочки разговорились. С тех пор они проводили перемены вместе, обсуждали мультики про пони и смешариков, учили уроки, чтобы поменьше делать дома. Лена рассказывала про одноклассников, про Марию Николаевну.

— Марья нормальная — говорила она. — Справедливая, не вредная, объясняет понятно. Но только все должно быть как положено, не любит она, когда что-то не по правилам случается.

— И что она тогда делает?

— Замечания пишет, родителей вызывает, может и домой прийти. А родители могут и выпороть.

— Тебя порют?!

— Меня-то нет, а вот, например, Лешку — регулярно. Он, конечно, тоже виноват, но Марья на любой чих жалуется. А пока правила соблюдаешь — все норм.

Постепенно девочки сблизилась, стали бегать друг к другу в гости. Наталья радовалась, что Лелька нашла себе подругу, Ирина досадовала. Время от времени она выговаривала

Лельке, что та все время в комнате болтается, а теперь еще и Ленку притащила. Саму же Лену Ирина не трогала. Дело в том, что та была двоюродной сестрой Сашки, местного девичьего кумира. У Сашкиного отца семья большая, так что ему половина села приходилась родственниками, а родню в Сашиной семье уважали.

Неприятность свалилась на Лельку неожиданно. Забегая к Лене в гости, она неоднократно видела у порога симпатичный коврик, на котором было написано «Добро пожаловать». Навещая подружку в очередной раз, Лелька обратила внимание, что коврик лежит изнанкой вверх. Хмыкнув, она перевернула его правильно и забыла об этом. Однако через полчаса, решив взять из рюкзака учебник, Лелька заметила, что коврик снова лежит изнанкой вверх. Ей стало любопытно, и она спросила Лену

— А кто у вас коврик переворачивает?

— Ты тоже заметила? Я не пойму кто это делает, только поправлю, а он снова неправильно лежит.

«Интересная история», — подумала Лелька. Она уже поняла, что само собой ничего не случается, и ей было ужасно интересно, в чем тут дело. Если бы она знала, чем все закончится, затолкала бы свое любопытство как можно дальше и глубже. Но видеть будущее Лелька не умела, так что попросила у Лены разрешения сходить попить и вышла на кухню.

— Домовой-батюшка, это ты шалишь и коврик переворачиваешь?

В углу за плитой что-то зашуршало, и Лелька увидела любопытный глаз и кусок пегой бороды.

— Ведающая что ль? — спросил домовой не вылезая на свет. — Маловата ты для веды-то.

— Раз я вас вижу, значит не маловата. Вы зачем коврик переворачиваете?

— Ты, девка, читала что на ковре этом написано?

— Да, «добро пожаловать».

— Была б ты настоящей ведающей, ты бы знала, что такой половик у входа — приглашение любой нечисти, а то и нежити. Дескать, заходите, гостями будьте, творите с хозяевами, что пожелаете. Нельзя такое у порога класть. Моя работа — дом беречь, а как его беречь, если хозяева сами недобрых гостей приглашают? Скоро Велесова ночь, забредет какой упырь, или анчутка побалуует, и не станет у меня ни дома, ни хозяев. Ты, девка, вроде дружишься с нашей малой? Скажи им, нельзя такой коврик держать, худо будет.

Домовой ввинтился в сумрачный угол и исчез. Лелька обернулась — перед ней стояла грузная старуха.

— Ты что ль Таисьиная внучка?

— Бабушка Тася была тетей моей мамы, — вежливо ответила Лелька.

— И чего ты там в углы нашептываешь? Как твоя бабка-ведьма колдуешь? У Таськи всегда был глаз дурной, николи она людям не помогала. Ленка! — внезапно взревела бабка. — Ты зачем колдовкино отродье в дом притащила?

— Бабушка, что с тобой? — прибежала Лена. — Это же Леля, мы вместе учимся.

— Это внучка Таисьи-ведьмы. Она отца ее к своей Дашке-соплячке приворожила, от хорошей девушки отвела. За это и не дал Господь Дашке хорошей жизни, прибрал отродье гнилого корня. И ты не водись с ними, а то и у тебя счастье отберет. Вона, по углам уже шарится, не иначе порчу наводит.

— Бабушка, пойдём я тебя в комнату отведу.

— Отведи, отведи, но чтоб эту девку я здесь больше не видела! А то прокляну и тебя, и

мать твою, что на моего сыночка навязалась.

— Лен, я пойду.

— Ладно, теперь все равно позаниматься не получится.

— Счастливо!

— Чао, Лелька.

Обидно Лельке было до слез. Она точно знала, что никто никого не привораживал, мама с папой просто очень любили друг друга. Вопли полубезумной старухи словно испачкали ее дорогие воспоминания. Но этим дело не кончилось. Через пару дней Лена, подойдя к Лельке сказала:

— Мама велела пока тебя не приводить. Они с бабушкой и так все время ругаются, мама говорит, что ей новых проблем не надо, старые бы разгрести.

— А тебе не запретили ко мне ходить?

— Нет, мама не против, чтобы мы дружили, просто у бабки с головой беда, лучше сделать как она хочет. Не обижаешься?

— Нет, на что? Только коврик ваш у дверей в Хеллоуин лучше убери или переверни.

Лена пожалала плечами, но неожиданный совет запомнила. Тем более что в Хеллоуин она явно будет дома, мама ее на такие вечеринки не пускала. Да и не звали особо таких маленьких как они с Лелькой.

Лелька Велесову ночь провела в одиночестве. Она попробовала позвать Кузьмича, но домовою отмахнулся:

— Не могу, дева. Ночь эта злая, я должен дом охранять, чтобы незваные гости не пожаловали.

О том, кто может пожаловаться, Лелька догадалась сама и на Кузьмича не обиделась. Она убрала все со стола в их с Ириной комнате, зажгла честно выпрошенные у тети Наташи пару свечек и, завернувшись в покрывало, устроилась на подоконнике, обняв Старичка-Огневичка.

Ворчать и возмущаться было некому. Ирина выпросилась у матери к подружке с ночевкой. Лелька краем уха слышала, что там планируется настоящая вечеринка, но тете не сказала. Она уже поняла, что тетя-Наташа предпочитает закрывать глаза на Иринины выходки, пока те не выходят за какие-то рамки. Сестра припрятала косметику, черное платье, маску и остроконечную ведьминскую шляпу, явно планируя поразить всех приглашенных мальчишек.

Даже позднее, пытаясь понять, что с ней такое было, Лелька не могла бы с уверенностью сказать, задремала она или нет. Внезапно мерцающий отраженный в окне огонек свечи исчез. Окно наполнил знакомый туман, в котором медленно протаивало окошечко, как в заиндевевшем стекле автобуса зимой. Окно ширилось, и Лелька поняла, что видит бой.

Через багрово-черную реку из клубов тумана на берег лезли твари. Мама всегда говорила, что «тварь» ругательное слово, но другого Лелька подобрать не могла. Черные, грязно-серые, багровые создания ползли на берег. Их форма постоянно менялась: бесформенный спрут становился человеком, тут же перетекал в уродливого полузверя, снова менял форму на то ли змея, то ли динозавра и опять становился человеком. С ужасающих созданий на землю падали куски тумана, прожигая ту насквозь. Земля словно стонала под ногами, лапами и копытами, она не могла и не хотела нести такое.

На берегу твари сталкивались с войском. Вооруженные мечами воины, израненные, в

сломаных доспехах и рваных кольчугах рубили тварей, не позволяя им пройти. Лелька замороженно смотрела, как нечто, выглядящее как девочка-Аленушка из сказки, голыми руками разорвало воину грудь и, сомкнув веки от невероятного наслаждения, стало пожирать сердце. Лельку замутило. В этот миг тварь открыла пустые, полные тумана глаза, и девочка мгновенно узнала свою ночную гостью. Почти иконописное детское личико исказилось, мелькнул раздвоенный черный язык, тварь зашипела и протянула к Лельке окровавленную руку.

Вдруг, перекрывая обзор, мелькнул старенький алый плащ, сверкнул клинок, и голова твари покатила вниз, истаивая на ходу. Воин обернулся, и Лелька узнала отца.

— Папа, папочка!

— Леля? Дочка?! Зачем ты здесь? Тебе сюда нельзя! Нельзя, слышишь?! Солнышко, уходи! Живи за себя и за нас с мамой. Мы тебя любим!

Лелька рванулась к отцу, но отчаянный взгляд папы скрыло туманом, изображение пропало, а девочка расчихалась от острого запаха полыни.

— Опамятела, дева? Ишь, чего удумала, чуть к Грани не отправилась! Кто же так Велесову ночь встречает: оберег не сделала, на соль не нашептала, даже рябины не взяла! В эту ночь защитник твой слаб, не угляди я, и все, только тебя и видели.

— Но я же не могла сквозь окно просочиться!

— Ты-то не могла, тело бы осталось, а вот душа ушла бы в Навь. Хочешь веками в туманах бродить, а потом этакой же тварью к людям ползти?

Лелька замотала головой так, что чуть косички не отвалились.

— Не хочу! Спасибо, Кузьмич.

— Иди давай спать, болезная. Хватит с тебя приключений.

Надолго запомнили Велесову ночь и обитатели другого дома. Лелькина подружка Лена решила прислушаться к странному совету и с наступлением сумерек аккуратно свернула придверный коврик с приветственной надписью. Она уже собиралась спрятать его под лавку, когда ее манипуляции увидела бабушка.

— Ленка! Ты зачем половик убрала? Поди колдовкина внучка насоветовала?

Придумать подходящее объяснение девочка не успела, так что ей оставалось только молча кивнуть.

— Положь назад немедленно. Ишь, удумала ведьмино отродье слушать. Поди девчонка такая же злая, как Таська была. Сколько я ее просила: приворожи мне хорошего мужика, заплачу, не обижу. А та знай твердит свое: приворот грех, нельзя судьбу ломать. А то еще и издевку добавит — дескать была бы ты не такая завистливая да на язык злая, мужик и так бы нашелся. А теперь еще и ее внучка будет указывать, что делать, чего не делать.

Лене пришлось вернуть коврик обратно. Девочка ушла к себе и уже подумывала лечь спать, как услышала шум. Вбежав в зал, она увидела то, что и много лет спустя вспоминала с ужасом. Ее грузная бабушка пыталась спрятаться в шкаф, отбиваясь от чего-то невидимого.

— Райка, ты ж умерла, Райка! Больше полсотни годов прошло, как умерла! Тебя ж старшаки в детдоме по кругу пустили, да зарезали! Уходи, не трожь меня! Я не виновата, что твоя мамка себя порешила. Это твой грех, что я то письмо написала. Ведь все время ты хвасталась: папка куклу купил, туфельки подарил. Булки мне белые пихала, вроде как угощала, а сама-то думала — смотри убогая, у тебя такого сроду не будет.

Старуха забила в угол и на глазах испуганной внучки продолжила свой странный монолог.

— Нет, Райка, нет. Я невиноватая. Это ж ты мне рассказала, что твой папка говорил — дескать надо партии больше о людях думать. А кто он такой был? Кто ему дал право решать, что партии надо? Я правду написала, сказал твой отец что вождь наш мало о людях заботится, не думает о них.

Ну и заарестовали его, так что теперь. Не он первый, не он последний. Небось булки-то сразу кончились! А подписал бы твой отец бумаги, как следователь велел, так и не бил бы его никто. Сам виноват, не надо было упираться. Ишь, честное имя ему дорого! Вот и сдох со своим именем, и зарыли как собаку.

Райка, ты чего, Райка? Не трогай меня! Изыди! Я ж ходила в церкву и свечки ставила, и батюшка мне грехи отпустил. Сказал, мала я была, неразумна. То и не грех, считай, был.

Старуха страшно захрипела, глаза ее стали закатываться.

— Убери руки, Райка!

Лена кинулась к маме. Та, уставшая за день, спала каменным сном, ничего не слыша. Но детский плач женщину разбудил. Прибежав за испуганной дочкой в комнату, та увидела скорчившуюся в углу свекровь. Грузная старуха изо всех сил старалась стать как можно меньше, спрятаться, исчезнуть, а при попытке подойти окончательно запаниковала и из последних сил захрипела:

— Райка, отпусти! Не хотела я тебя в детдом! Это мамка твоя дура была, зачем удавилась? Да и лучше тебе было жить в детдоме, чем дочерью врага народа. Подумаешь, не кормили, пайку отбирали. Все тогда голодно жили. Все! За пайку старшаки под юбку лезли? Ты ж сама ноги раздвигала, сама! И молчала сама, значит нравилось тебе! Отпусти меня, ты ж за сердце хватаешь, Райка! Ты же мертвая, совсем мертвая!

А Таська ведьма, настоящая ведьма. Я ж ее просила снять с меня грех невольный. А она-то! Дескать не в ее власти. Дескать сама должна на могилу прийти, прощение вымолить. А я знаю, где та могила, где вас, крысеньшей безродных зарывали? Да и знала бы, зря я что ли из Ленинграда уехала, чтобы никто мне в глаза тем письмом не тыкал. Правильно я все делала! О врагах партии надо было писать, а твой отец враг был! По заслугам вам всем! И матери твоей дура, и тебе, шлюхе малолетней! Всем по заслугам!

Внезапно старуха побагровела, задохнулась, а потом стекла из угла на пол. Под грузным телом растеклась вонючая лужа.

— Лена, я за врачом сбегаяю.

— Мама, мамочка, не оставляй меня с ней, я боюсь.

Женщина взглянула на рыдающую дочь. Ребенка было жалко, а свекровь явно хватил удар, так что останется она одна или с кем-то не имело значения.

— Ладно, одевайся быстрее.

Почти через час мать с дочерью вернулись домой в компании Веры Васильевны.

— Да, это инсульт. Судя по всему, левая сторона полностью парализована. Ну что я вам скажу, голубушка, шанс встать на ноги у вашей бабушки есть, но будет это нескоро и только если не случится повторного удара. Пока я ей уколы поделаю, покапаемся чем в больничке нашей есть. Потом ей нужен будет уход, массаж, таблетки попить. Несколько месяцев она точно будет лежачей, а там посмотрим. Тут только время поможет, ну и ваша поддержка.

Где-то в середине ноября, когда все вокруг укрылось снегом, засидевшаяся с уроками Лелька услышала шорох в углу кухни. Занималась она там, потому что свет мешал сестре. Глянув в угол, девочка увидела Кондратьича.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась Лелька. С Велесовой ночи домовый

неохотно с ней беседовал, постоянно отговариваясь занятостью. Лелька ничего не знала про быт и обязанности домовых, так что предпочла поверить суседушке на слово.

— Здравствуй, дева. Я тебе весточку принес.

— Весточку? Я же никого кроме вас не знаю.

— Ну как не знаешь, ты ж у подружки своей с Хозяином разговаривала?

— Ну если это можно так назвать. И он меня даже не предупредил, что нас кто-то видит, а я теперь к Лене ходить не могу, ей бабушка не разрешает.

— Не должен он тебя предупреждать. Домовой всегда на стороне хозяина или хозяйки дома, по-другому он не может. Так что Фрол никак не мог тебе знак подать.

— Мог, если прямого запрета не было, а его не было. Кондратьич, миленький, я ж не совсем глупая. Я и тетрадку мамину читаю, и вспоминаю, что мне рассказывали, так что кое-что все-таки знаю.

— Вот ведь... — закручинился домовик — а просьбу-то как раз Фрол и передал.

— Что он хочет?

— Понимаешь, какое дело... Нечисто у них в доме стало.

— Фрол, ну домовой Лены, меня просил сказать хозяевам, что коврик придверный надо убрать. Я Ленке сказала. А она, что, не убрала?

— Да там такое дело, — заюлил Кондратьич, — ей старшая хозяйка не позволила.

— Бабушка? Я ей сразу не понравилась, наверное, потому что она бабушку Таисию не любила.

— Словом, мертвячка у них в доме, душа неупокоенная. И эта мертвячка не уходит, сидит возле старшей хозяйки и в глаза ей смотрит. И днем смотрит, и ночью. Боится Фрол, что помрет, хозяйка-то, а это непорядок будет, вроде как его недогляд.

— Так от меня-то что надо?

— Фрол просил, чтобы ты мертвячку прогнала, — рубанул Кондратьич.

— Подождите, уважаемый домовой. То есть Фрол, который мне помогать не хочет и не будет, просит меня убрать неупокоенную душу?

— Ну да. Вишь, хозяйку-то ему жалко, помрет ведь. А тебе нешто не жаль человека? Помоги, что тебе стоит.

Лелька неожиданно вспомнила папино письмо «никому не помогай без просьбы». Однако тут вроде бы просьба была. Но потом в памяти всплыли слова из маминой тетрадки: «Просить о помощи должен тот, кто в ней нуждается. Вмешиваясь без просьбы жертвы, веда принимает на себя все последствия помощи, все грехи, которые останутся из-за этой помощи неотмщенными, и платит за оказанную помощь своей силой, здоровьем, годами жизни».

— Кондратьич, скажите мне честно, вы ведь знаете, что о таком не Фрол должен просить, а та, кому неупокоенная душа жить не дает? И знаете, что я совсем не обучена? И чем я за помощь заплачу, если в это вмешаюсь?

— Не положено нам много знать.

— Может и не положено, но ведь про это знаете?

— Ну слышал что-то...

— А зачем просите?

— Так ведь свой просит, мы ж домовики, должны друг за друга стоять. По покону так положено.

— А про меня что ваш покон говорит?

— Он не только мой, он и твой теперь, веда.

— И все же?

— По покону всяк свой интерес первым делом блюдет, а потом и другим помочь может.

И тут Лелька поняла, что этот славный домовик, которого она уже начала считать другом, легко отправит ее на смерть, болезнь и горе, если это поможет своим. Она твердо помнила, что для домового свои — это члены рода, в доме которых он живет, то есть дядя Андрей, тетя Наташа и... Ирина. Теперь выяснилось, что свои это еще и некоторые нелюди, причем кто окажется своим, кто еще будет важнее Лельки, она не знает и не узнает, а сам Кондратьич ей ни за что не скажет. И девочка снова вспомнила папино письмо: «Доверять можно тому, кто отдаст за тебя жизнь». Она с горечью поняла, что разговоры с домовым вести стоит очень осторожно и никогда не верить ни людям, ни нелюдям.

— Вот и я свой интерес блюду. Фролу можете так и сказать: даже если бы Ленина бабушка попросила меня о помощи сама, я бы не взялась. Мне всего 11 лет, и я еще не сошла с ума, чтобы связываться с той, кого боится домовик, существующий не одну сотню лет.

— Ладно, дева, — потрянул рыжими кудрями домовый. — Прощенья просим. Права ты, как есть права. Извиняй, хотел свойственнику помочь. — и Кондратьич исчез в углу.

Лельке было ужасно обидно, она даже решила не ставить на ночь блюдце с молоком, как постоянно делала до этого. Однако подумав поняла, что сама придумала эту дружбу, сама в нее поверила. А домовый ей ведь ничего не обещал. И помог в Велесову ночь, хоть и был не обязан этого делать. Так что Лелька помыла блюдечко, налила молока и пошла спать.

Несмотря на то что Лелька навещать Лену не могла, девочки продолжали дружить. Просто теперь чаще приходили вместе к Лельке, благо тетя Наташа не возражала. Как-то, закончив с особо коварной задачей, девчонки решили попить чайку, и Лелька отправилась на кухню греть чайник. Ирина была дома, но вела себя на удивление спокойно. Возвращаясь в комнату, Лелька услышала негромкий разговор:

— Ты, Ленка, нормальная девчонка, но нашла же с кем связаться. Сама посмотри — она же реально ненормальная. То ей что-то мерещится, то она с кем-то разговаривает невидимым, спала еще недавно вообще с игрушкой. Ну вам же не пять лет, в самом деле, думай с кем общаешься.

— Тебе хорошо говорить, ты первая красавица школы, а со мной никто не хотел дружить до нее. Вместе-то легче. Конечно, она странная, вон моя бабка ее вообще колдовкой обзывала. И эта история с ковриком, которые она мне сказала свернуть и убрать, тоже очень странная. Но с кем-то же общаться надо.

— Не выдумывай, как это с тобой никто не хотел дружить. Я скажу своим девчонкам, у которых младшие сестры есть. Они хотя бы нормальные. Так что подтягивайся в их компанию, только эту малахольную не тащи. Ей там точно не место.

Леля не смогла дослушать, что ответит на это ее недавняя подружка. Ей показалось, что чья-то огромная рука смыла с уютного вечера все краски, убрала все тепло, которое еще несколько минут назад согревало Лелькину жизнь. Однако показывать слабость было нельзя. Девочка понимала, что Ирине нет дела до Лены и ее друзей. Целью школьной красавицы была она, Лелька-помеха, которую Ира любой ценой хотела убрать. На мгновение Лелька задумалась: может и впрямь в детдом? Но через пару секунд отвергла эту мысль. Она только-только начала привыкать жить без мамы с папой, и ей было очень страшно что-то менять. Вдруг жизнь разобьется на такие осколочки, что не соберешь, а папа велел ей жить долго.

Попить чаю не получилось. Лена как-то засуетилась, стала быстро-быстро собираться домой. Лелька вышла в сенки проводить подружку. Та прятала глаза, и девочка поняла, что

Лена ответила Ирине. Закрыв дверь, Лелька прислонилась к ней лбом, чувствуя, как сквозь обивку пробивается почти зимний холод. Сил идти к Ирине не было, спрятаться и поплакать тоже вряд ли бы удалось, так что Леля оделась и, выйдя на улицу, побрела к опушке, где летом встречалась с лесавками. Снегу пока выпало немного, тропинка была утоптанной, но девочке казалось, что на ногах у нее огромные гири. Она как-то раз видела такие в спортзале, куда ее взял папа. Уже почти стемнело, но было еще не поздно. В сумраке наступившего вечера светились окна домов, был виден даже одинокий фонарь на подходе к зданию администрации.

Вдохнув холодный воздух, Лелька подняла взгляд и обомлела. Перед ней на опушке танцевал хоровод девочек, примерно ее лет. Одеты танцовщицы были странно — в белые рубахи, сарафаны, платочки, как фольклорный ансамбль, недавно виденный по телевизору. В полной тишине они вздымали вверх руки, кружились, двигаясь по кругу. Одежда танцовщиц что-то напоминала, и вдруг Лелька поняла: точно такой же сарафанчик был на ночной гостье, которая так сильно ее напугала.

— Ишь, расплясались, — сказал чей-то скрипучий голос.

Лелька повернулась и увидела старика.

— Моранину ночь празднуют, — продолжил дед. — Встречают свою хозяйку.

— А кто это, дедушка? — спросила Лелька.

— Какой я тебе дедушка, Зюзей зови. А это — мары. Служанки Моранины. Она их с поручениями посылает. Но к людям они с добром никогда не ходят. Ты чего не боишься, встречалась что ль?

— Да, пришлось.

— Везучая ты девка, коли от мары живой ушла, да в своем разуме. То ли кто-то тебя бережет, то ли молится сильным богам за жизнь твою и душу. Если мара к смертному пришла — все, конец. Все страхи со дна души вытащит, всю радость выщедит, и саму душу съест. А без души люди не живут.

— А они только по поручению Мораны приходят?

— Не, она чай не зверь, нацепи своих слуг держать. Надо ей что — призовет, они сполнят. А в остальное время свобода — ходи где сможешь, питайся знай, но не забывай с госпожой делиться.

Тут Лелька увидела, что к хороводу приближаются две фигуры. Девочка, чуть постарше самой Лельки вела за руку грузную старуху, в которой Вольга с ужасом узнала Ленину бабушку. Приближаясь к кругу девочка менялась. Ее красивое, но старомодное платьишко превращалось в сарафанчик, ботиночки растворялись в сумраке, и вот уже танцовщиц стало на одну больше, а старая женщина оказалась в центре ускоряющегося хоровода.

— Жертву привела, — заметил Зюзя.

— Но почему именно ее?

— Ты, девка, видела, что пришелица одежку сменила? Значит была она человеком еще недавно, раз помнит, как одевались. Такая душа обычно марой не становится. Видать эта девчушка смерть приняла лютую, и осталась та смерть неотмщенной. Таких Морана особенно любит. Неохотно ей люди служить идут, мрачная она, пугает их. Поэтому собирает Морана под свое крыло души тех, в ком месть горит, а они за эту месть ей навечно идут в услужение. Никогда такая душа не вернется в Явь, будет служить, пока серым туманом не утечет в холмы Нави. Так-то, девка. Надумаешь кому мстить — хоровод этот вспомни.

— А что будет с бабушкой? Которую привели?

— Ей ничего хорошего не будет. Раз Морана дозволила ее в эту ночь забрать, значит груз на этой душе тяжкий, большое злодейство она с невинными людьми совершила. Такая душа Моране — редкий деликатес, так что слопают бабушку, только в путь.

— Спасибо, Зюзя. Мне пора, — испуганно сказала Лелька.

— Идти хочешь? А то может со мной останешься? Метелью летать станешь, вьюгой петь?

— Нет. Мне нельзя, мне папа велел за себя и за маму жить.

— Ну иди, коли так. Но мне больше не попадайся в эту зиму, а то живо к делу пристрою.

Старик взвихрился и исчез тучей холодных колких снежинок, а Лелька побежала домой.

Не успела Лелька порадоваться, что Ирина забыла про Старичка-Огневичка и, кажется, игрушке-защитнику ничего не грозит, как началась новая полоса неприятностей. Двоюродная сестра твердо решила, что Лелька ей в семье не нужна, и на пути к этой цели останавливаться не собиралась. Следующей жертвой необъявленной войны стали Лелькины тетради. Аккуратные тетрадки оказывались в котельной, под шкафами, в лапах Лапатундель. Было большой удачей обнаружить пропажу накануне, но чаще всего недостача выяснялась перед самым выходом в школу.

Лелька подозревала, что ее манипуляции с травами как-то помогли убрать Старичка из центра Ирининогo внимания, но что делать с тетрадями придумать не могла. Последней каплей стал растерзанный доклад по истории, который она готовила несколько дней. Переписанный со всем старанием текст, тщательно подобранные картинки были измяты и испачканы. Этого Лелька не выдержала. Она отправилась к тете Наташе, продемонстрировала ей «художества» дочери. Наталья призвала Ирину и нахальный взгляд дочки ей многое сказал. Ирину наказали, но когда Лелька пришла в комнату, то услышала только одно: «Каждый раз жаловаться замучаешься». Девочка не выдержала, выскочила из комнаты и, схватив первое попавшееся пальтишко, выбежала на улицу. «Уж лучше замерзнуть, чем так», — подумала она.

Завернувшись в пальто, которое принадлежало Наташе и, честно отслужив свой век, надевалось для грязной работы, Леля направилась в сторону знакомой опушки.

— Папа говорил, что замерзают незаметно, просто ложатся и засыпают. А может снова встречу того странного старика, Зюзю, который хотел из меня вьюгу сделать. Зря я, наверное, тогда отказалась. Интересно, а если я умру, то попаду к маме? Было бы хорошо. Я так соскучилась!

Дойдя сквозь пока невысокие сугробы до рощицы, Лелька побрела дальше. Стволы словно кружились вокруг нее, закрывали дорогу назад. Выбрав один из них, посимпатичнее, Лелька села прямо в снег и прислонилась спиной к дереву. Стало совсем холодно, снег загадочно мерцал. В воздухе закружились снежинки.

— Девочка, ты что здесь делаешь? — вдруг услышала Лелька. Она встряхнулась и открыла глаза. Перед ней стоял мужчина в лыжной куртке и таких же штанах. Он присел перед ней на корточки и спросил снова:

— Ты как здесь оказалась?

Лелька рассказала этому незнакомцу всю историю с двоюродной сестрой, о том, как ей тяжело и как хочется маме. Она даже не плакала, потому что от холода все внутри смерзлось в твердый ледяной комок.

— Так, — сказал мужчина, — вставай и давай-ка пойдём назад. Замерзнуть насмерть ты всегда успеешь. У меня дочка твоих лет, Маринкой зовут. Сотвори она такое, убеги в мороз из-за ссоры из дому, я бы ее точно выпорол.

— Вы ее бьете? — ужаснулась Лелька.

— Ни в коем случае. Но она и подобных глупостей не делает. Идем давай, я дорогу знаю.

Сергей Геннадьевич, так звали нового Лелькиного знакомого, вывел ее почти к опушке. Он рассказывал ей про дочку, про то, как они ездили в горы кататься на лыжах, что дочка

учится в музыкальной школе.

— О, отсюда ты, наверное, дорогу знаешь, да?

Лелька молча кивнула.

— Все, беги домой и больше не пытайся замерзнуть насмерть. Через год-два ты поймешь, что ни одна, даже огромная, неприятность этого не стоит.

— Спасибо большое, Сергей Геннадьевич!

— Беги домой, девочка. Поздно уже.

На подходе к дому Лельку встретил дядя Андрей. Он подхватил ее на руки и бегом побежал домой. Наталья пропарила Лельку в бане, заставила выпить горячее молоко и закутала в одеяло. Девочка мгновенно провалилась в сон. Из угла комнаты выбрался Кондратьич, уселся возле кровати, твердо намереваясь присматривать за этой неугомонницей, но заслушался разговора, который шел в кухне.

— Наташа, совершенно ясно, что Ирина просто изводит двоюродную сестру. Ты знаешь, что Лелька училась отлично, Дарина тебе много об это рассказывала. Очевидно, что Леля не сама портила и пачкала тетрадки. Я не понимаю куда ты смотрела и почему позволила Ирине изводить девчонку.

— Тебе легко говорить, ноя же не сижу здесь круглые сутки. Все дети ссорятся так или иначе, нужно просто дать им время привыкнуть.

— Ты решила, что Леля будет расти у нас в семье. Я не против, она хорошая, добрая девочка. Но ребенок не игрушка, раз ты взяла на себя обязательства, мы должны их выполнять. Или ты передумала и хочешь отправить девочку в детский дом?

— Ну что ты говоришь, Андрюш. Как это вообще возможно.

— Наташа, не строй иллюзий. Если ты не можешь контролировать Ирину, то нам и впрямь надо подумать про детдом или интернат, иначе наша дочь Лельку просто уморит.

— У меня в голове не укладывается, что Ира оказалась на такое способна.

— Мы ее сильно избаловали, хотя раньше это было не так заметно. Мы дали слово, я не привык нарушать свои обещания. Зови-ка дочь.

Ирина дулась у телевизора. Ее задумка, которая казалось столь многообещающей, результатов не принесла. Мало того, снова все внимание крутилось вокруг этой лицемерной гадины. Услышав голос матери, Ира отправилась на кухню, настроившись на очередные увещевания. Слова отца оказались для нее неприятным сюрпризом.

— Ирина, мне очевидно, что ты целенаправленно изводишь младшую сестру.

— Она не моя сестра. Она чужая!

— Теперь Леля член нашей семьи, мы обещали, что вырастим ее как собственную дочь. Не знаю как ты, а я свое слово никогда не нарушал и не собираюсь.

— Что же мне теперь, всю жизнь ее терпеть?!

— Если ты не в силах терпеть Вольгино присутствие, то поедешь учиться в город. Жить будешь у тети Светы, заодно поможешь ей с детьми, а бабушка вернется сюда. Она уже устала.

— Вы хотите выгнать меня из дома из-за этой?

— Тебя никто не гонит. Но ты же сама говоришь, что ужиться с ней не можешь.

— Так ее и отправьте в город!

— Она слишком мала, чтобы помогать Светлане с близнецами.

— Помогает бабушка, а эта пусть в детдом едет или в интернат!

— Ты старше, лучше умеешь за себя постоять, так что если уж говорить об интернате, то

туда поедешь ты.

— Но я не хочу!

— Тебя никто и не заставляет. Просто прекращай свои номера и живи с сестрой как нормальный человек. Не сможешь — ты поняла, что будет. Довести Лелю до самоубийства или выгнать ее из дома тебе никто не позволит. А сейчас отправляйся в постель, уже поздно.

Ирина поняла, что перегнула палку. Отец никогда с ней так не разговаривал, она всегда была его малышкой, любимой девочкой. Однако своего папу она знала, раз сказал, значит точно сделает. Злые слезы просто душили Ирину, но она смолчала и покорно отправилась к себе. В комнату, которую делила с ненавистной захватчицей.

Когда Лелька открыла глаза, вокруг было темно. Ужасно хотелось пить.

— Очнулась, дева? На-ко попей взвару.

Перед глазами появилась большая кружка. Лелька отпила что-то кисловатое, с ароматом чабреца, и откинулась на подушку.

— Кондратьич? А вы что здесь делаете?

— Тебя караулю, неугомонница. Ты чего это помирать вздумала? Да еще смерть такую поганую выбрала? Замерзни ты в том лесочке и служить тебе Карачуну до скончания времен, морозить путников, по капле пить из них жизнь, замораживать живую кровь в жилах.

Лелька вздрогнула, представив, как морозит она Ленку, да и ту же Ирину, какая она ни будь злыдня.

— Как еще дорогу-то назад нашла... Карачун своего не отдает, да еще коли доброй волей пришло.

— Меня вывел мужчина, Сергей Геннадьевич. Только я не знаю где он, надо хоть спасибо сказать.

— Эх ты, а еще ведающая! Не было никого с тобой.

— Не может быть, Кондратьич, он же рядом шел, дорогу показывал. Я сама никогда бы не нашла. И про дочку свою рассказывал, ее, как мою подружку, Мариной зовут.

— Да, везет тебе, дева, крепко. А что до твоего провожатого, расскажу я тебе одну историю. Давно это было, да и не здесь, а в лесах Урал-камня. Я в роду твоего дядьки издавна живу, так давно, что и сам не помню. И был в роду парень, Авдеем звали. Ладный был парень, на работу лютый, а уж охотник какой! Девки вокруг вились, как пчелы у цветка, но не видел Авдей в их хороводе своей судьбы.

Так вот, на излете зимы отправился он на охоту в лес. Жили тогда не больно сытно, а дичина в любое время знатный приварок. Не задалась у Авдея в тот раз охота, думал уже пустым назад ворочаться, да увидел зайца. Выстрелил, но только подранил косого. Заяц от него, Авдей за ним. Догнать-то догнал, да видит — смеркается уже. Тут он и смекнул, что обратной дороги не знает, место незнакомое. Потыкался, потыкался по сторонам — нету дороги. Понял он, что конец ему. Присел под дерево, глаза прикрыл и давай по себе отходную читать.

Вдруг слышит, зовут его. Взгляд поднял, а перед ним Гашка стоит. Жила она в дальней деревеньке, из себя была совсем невидная. В селе болтали, что как женился ее батюшка второй раз, не стало Агафье житься. Говорит ему Гашка:

— Пойдем Авдей, нельзя здесь оставаться, замерзнешь совсем.

— Знать бы дорогу, давно бы ушел.

— Ничо, я знаю, выведу.

И вывела ведь его к людям, совсем в стороне от его села. Болел Авдей долго, а как встал,

поехал в Агафьину деревеньку, спасибо сказать. Ну и посвататься думал, решил, что лесная встреча — знак судьбы. Да только в деревне все крепко удивились: нету Гашки-то, еще до Рождества пошла в лес за хворостом, да и сгнула, видать, замерзла.

Не поверил Авдей, ведь своими глазами девицу видел. Но делать нечего, собрался назад. Тут зазвала его местная знахарка, чайку кипрейного попить. Согласился Авдей, чего перед дорогой не погреться. А та взвару налила, и спрашивает:

— Ты, мОлодец, охотник. Вспомни-ка, оставался ли после Агафьи след? А то, может она тебя за руку брала?

Тут-то он и понял, что не было за девкой следа, нетронутый снег был.

— Видать, крепко тебя Агафья любила, раз свою душу и посмертие за твою жизнь отдала.

— Как душу?! — вскинулся парень.

— Коли замерз кто в лесу ли, в поле ли, поступает он на службу Карачуну и должен его волю исполнять. Парень ты справный, вот и захотел Карачун тебя в слуги. Закружил, с дороги увел. А Агафья должна была жизнь твою забрать и к нему привести. И гуляли бы вы вдвоем вечно по снежным лесам. Ведь коснись она тебя хоть пальцем — замерз бы насмерть. А ты ее знал, не побоялся бы к себе подпустить.

Только ослушалась она Карачуна, вывела тебя к людям. За такое наказание одно — развеял Владыка Холода ее душу, чтобы и следа в Яви не осталось.

— Да как же так? А если свечку в церкви поставить, сорокоуст отслужить?

— Карачун из прежних, старых богов. Новый ему не указ. Хочешь доброе сделать — назови дочь либо внучку Агафьей, да устрой ее жизнь по ее сердцу и своему разуму.

Так Авдей и сделал. Женился поздно, правда, но дочь Агашей назвал, замуж выдал за хорошего парня. С тех пор в роду у нас хоть одна Агафья да есть. Правда сейчас по-модному Агатой зовут, да все одно имечко. Поняла, веда, к чему сказ мой?

— Кондартыч, а ведь и правда, следов не было. И за руку меня Сергей Геннадьевич ни разу не взял. Значит все? Его тоже развеяли?

— Значит так и есть, дева. Разве кто из старых богов вступится. Не делай больше глупостей, вот и платить за твои взбрыки никому не придется, да и тебя совесть грызть не станет. А сейчас спи. На поправку теперь пойдешь.

Сон, который приснился Лельке в эту ночь, был похож и не похож на прежний, с туманом. Словно за стеной из серебристой дымки разговаривали двое.

— Сказал бы я тебе, человеке, «здрав буди!», да только здоровье тебе уже не надобно. Однако благодарность мою прими. Сберег ты мне последнюю из рода, что ключ от Грани хранит. Погибни она сегодня, некому было бы Грань запереть, род бы прервался, а других хранителей ключа у меня не осталось. И рано ли, поздно ли, но рухнула бы Грань, и поползли бы навьи твари в Явь, души жрать, тела терзать, кровь живую пить. Знаю я, что лучшая благодарность человеку — помочь ему устроить судьбу по его собственной воле. Многого я сделать не в силах, ушедшую жизнь вернуть никто не властен. Однако я перехватил тебя у Карачуна. Будь он, как прежде в силе, — не успеть мне, но заперт он в Нави. Только Зюзя, послух его, по Яви ходит, а ему забрать живую душу не можно, пока сама душа не пожелает. Так что от большой беды ты всех отвел, Сергей. Теперь сам решай: я могу тебя отпустить твоим путем, к Карачуну в Навь. Не ведомо мне, что он с тобой сотворит, но мыслю — развеет непокорную душу, как всегда делает. А могу тебя забрать в мое войско, что Грань охраняет.

— Да мне-то какая разница, все равно я покойник.

— Не скажи, мил-человек. Ты успел продолжить род, дочь у тебя есть. Коли Карачун тебя поглотит, всякий твой след из Яви сотрется.

— Это что, Маришка умрет, что ли?

— Не умрет. В ней ведь от тебя лишь половинка, вторая от матери. Только сам посуди — деревце с половиной корней ладно ли живет? Будет ли оно здоровым да крепким?

— А если ты меня в войско возьмешь? Я ведь даже не знаю кто ты, что за войско такое.

— Вы таких как я языческими богами зовете. Все мои братья-сестры в Нави заперты, один я поставлен Грань меж Навью и Явью беречь. Сам понимаешь, в одиночку такое не сотворить, подмога нужна. Вот войско мне и помогает.

— А как же Христос?

— Так ты ведь крещение не принимал, его покровительства не просил. Обычно такие души сразу в Навь пролетают, а у тебя вот другая судьба получилась.

— Ладно, языческий бог, забирай меня в свое войско. При жизни воевал и после смерти повоюю.

На этом сон закончился, будто кто фильм выключил. Много позже прочла Лелька в старой газете, что замерз в лесу военный врач, Сергей Геннадьевич Охлопков. На рыбалке на зимней под лед попал. Выбраться-то выбрался, а вот до людей дойти не сумел. Осталась у него вдова да дочка Мариночка. Долго Лелька добром своего спасителя вспоминала.

Выздоровливала Вольга долго. Ее мучила слабость, бил сильный кашель. Вера Васильевна посоветовала Наталье поводить девочку на физиолечение к ней в кабинет, где бодро жужжала и подмигивала огоньками старая, еще советская аппаратура. Посещение процедур стало давать результаты, но ходить с Лелькой к врачу ежедневно Наталья не могла, просто не успевала. Было решено, что девочка станет посещать процедуры самостоятельно. Лелька не возражала, ей было совестно обременять тетю, да и сил чуть прибавилось, она уже могла одна дойти до сельской больнички.

В одно из таких посещений девочка отметила, что Вера Васильевна выглядит особенно уставшей. Прием уже заканчивался, так что Лельке ничего не стоило чуть замешкаться и дождаться доктора, с которой ей было по пути. Выйдя из больницы, Леля спросила:

— Вера Васильевна, у вас все хорошо? Кажется, будто вы заболели.

— Н-да, комплиментов от нынешней молодежи не дождешься, — мрачновато усмехнулась врач. Ей нравилась эта девочка, была в ней тяга к жизни, дополненная чем-то необычным, а загадки Вера всегда любила.

— Простите, — смутилась Лелька.

— Да нет, детка, все хорошо. Ты права, я действительно плохо сплю последнюю неделю, все мне кажется, будто кто-то ходит по дому. Шумит, вещи роняет, а я ведь давно одна живу. Пойду посмотреть — все на месте.

Лелька задумалась. Ей страшно не хотелось показывать кому-то свои способности, она догадывалась, чем это чревато. Но доктор ей нравилась, так что желание помочь оказалось сильнее опасений.

— Я могу попытаться разобраться в этом. Вы же знаете, у меня бабушка знала кое-что.

Вера Васильевна, проработавшая большую часть жизни в медвежьих углах Сибири и Крайнего Севера, упертой материалисткой никогда не была. Профессия врача вообще помогает понять, что не все в жизни укладывается в привычные рамки, да и Таисию она помнила, хоть та и была постарше.

— Леля, я благодарна тебе за предложение помочь, но ты совсем слабая, я не имею права делать что-то, что повредит твоему здоровью.

— Я буду осторожна. Мне для начала надо просто у вас дома оказаться попозже вечером, но я не знаю, как это сделать.

— Давай-ка я завтра переговорю с твоей тетей, если она позволит, переночуешь у меня. Сегодня не будем, тебе же все равно твоего защитника надо взять?

— Да. И если можно, приготовьте блюдце, немного молока и свежего хлеба.

Проблема с ночевкой действительно решилась легко. Лелька не знала, что сказала тете Наташе доктор, но следующим вечером она была в гостях у Веры Васильевны. Пожилая женщина заранее припасла все необходимое, так что Лелька пристроилась в кухне и пригласила домового хозяина на беседу.

Из темного угла выбрался древний-древний старичок, замотанный в рваную тряпку.

— Здравствуйте, — сказала вежливая Лелька и тут же не утерпела — что с вами случилось?

— Здравствуй, веда, коль не шутишь. Касаемо меня — история давняя. Хозяйка дома живет здесь давно, но ни разу она меня не покормила. Женщина она хорошая, добрая, так что мне и крошечек хватало, но недавно подселил кто-то в дом шишигу. Теперь мне даже крошек не достается, не могу я эту пакость выставить. А она шумит, вредничает, мусорит, просто беда.

— Извините, пожалуйста, а как вас зовут?

— Вавилой кличут.

— Уважаемый Вавила, шишига мешает не только вам. Могу я как-то вам поспособствовать, чтобы вы сил набрали и ее выгнали?

— А тебе что за интерес, веда? Знаешь ведь, что без просьбы не положено тебе мешаться.

— Меня хозяйка дома попросила. Очень ей тяжело стало с такой подселенкой дом делить.

— А... Тогда ладно. Попроси ее, пусть меня кормить не забывает. Только сказать надо наговор: «Дедушка, домовой-суседушка, тебя угощаю, другим не дозволяю». Тогда шишига еду мою взять не сможет. И принеси сухой полыни, если найдешь. Очень ее эта пакость не любит.

Домовой съел угощение и ввинтился в темный кухонный угол, а Лелька отправилась отчитываться перед хозяйкой дома, поскольку без ее помощи было не обойтись.

На следующий день Лелька принесла в больницу полынный порошок и рассказала Вере Васильевне, что с ним надо сделать. Измученной ночным шумом и очередным погромом женщине не пришло в голову сомневаться, она была готова на все, лишь бы отделаться от непонятного феномена.

— Леля, а ты уверена, что она не вернется?

— Не должна, Вера Васильевна, — тут Лелька вспомнила, что домовой Вавила сказал «кто-то подселил шишигу» и задумалась — а ну как неизвестный недоброжелатель решит повторить?

— Вера Васильевна, а у вас в последнее время не было скандальных или необычных пациентов?

— Ты знаешь, детка, были. Действительно очень необычные. Как правило больных с психическими нарушениями к нам не привозят, но на ближайшей буровой не оказалось

врача, так что пострадавшего с травмой привезли сюда. Он долго не давал себя лечить, все кричал, что рыбы черти уводят Артема. При нем нашли пару мешочков на веревочках с непонятными травами. Напарник этого молодого человека бесследно пропал, так что с делом работала полиция, мешочки я отдала им. Полицейские арестовали местного жителя, якута, тоже молодого парня. Заподозрили, что он продал вахтовикам какие-то местные грибы, отчего один погиб, а второй травмировался. Все хотели узнать, куда якут дел тело Артема.

И все бы ничего, помощь я пострадавшему оказала, увезли его в клинику в город. Но вскоре после отъезда всех участников этой истории ко мне пришел с визитом настоящий якутский шаман. Он потребовал вернуть ему родовые амулеты с секретными травами, которые забрали у внука. Я попробовала, конечно, объяснить, что все отдала полиции, а он заявил: «Нельзя чужим распоряжаться, однако. Плохо ты поступила, не делай так больше». Я конечно, возмутилась. А он и говорит: «Раз ты ничего не поняла, вот тебе гостья». И пальцами как-то по-особенному щелкнул. «Теперь, говорит, запомнишь, что чужое надо хозяину возвращать». И ушел. А у меня и начались эти ночные шумы. Это что же получается, он мне эту пакость подселил?!

Лелька посмотрела на негодующую женщину и решила ее на всякий случай предупредить:

— Вера Васильевна, мне папа рассказывал про шаманов. Он если по-настоящему обидится, может доставить намного больше неприятностей, причем очень опасных. Лучше бы вам с ним больше не встречаться. А шишигу ваш домовой скоро выгонит, вы его, главное, кормите каждый вечер, и полынь по углам рассыпьте во всех комнатах, все и наладится.

Все действительно наладилось и уже через три дня всякие следы нежданной подселенки исчезли, а Вера Васильевна теперь каждый вечер ставила в уголок блюдце с молоком. Лелька же заинтересовалась странными чертями, которых боялся пострадавший. Разобраться досконально в этой истории ей бы никто не дал, но после небольшого поиска в интернете картина происшествия у нее сложилась.

Чертями парень обозвал водных якутских духов сюллюкюнов. Эти на редкость шkodные создания живут в реках, но время от времени выбираются наружу чтобы поиграть в карты в каком-нибудь заброшенном доме. Если спрятаться и подслушать их болтовню, то можно узнать свое будущее, а то и деньгами разжиться.

Судя по всему, внук шамана именно это и решил сделать. Вот только, сюллюкюны любят порядок и если слушателей окажется нечетное число, то лишнего они уведут. Куда уведут — неизвестно, еще никто не возвращался. Видимо молодой якут позвал приятеля, а тот захватил напарника. Самого якута и пострадавшего духи не тронули, тут загадочные шаманские амулеты помогли, а вот незваного слушателя забрали. Неудивительно, что пациент Веры Васильевны был так напуган, он еще дешево отделался. Якутские духи очень заинтересовали девочку, так что она прочла о них все, что удалось найти.

Новогодние праздники пролетели мгновенно, прокатились яркой волной и исчезли. Наступили Святки, время, издавна особо почитаемое в деревнях. Лелька немало знала о святочных гаданиях, все-таки именно предвидение и гадания удавались маме лучше всего. Особенно хорошо девочка помнила мамины предостережения, так что, когда Иринины приятельницы решили погадать в бане на женихов, она забеспокоилась. А тут еще Ирина, видимо, чтобы покрепче насолить «захватчице», позвала в компанию Лену. Лелька на бывшую подругу зла не держала, она уже поняла, что большинство людей не в силах устоять

перед искушением, а приманку Ирина выбрала соблазнительную. Так что, когда Лена, пряча глаза вошла в дом, Лелька попробовала ее предупредить, чтобы та не связывалась с гаданием. Однако Лена только отмахнулась, подумав, что бывшая подружка хочет вбить клин между нею и новыми друзьями.

Лелька решила, что всем не поможешь, да и о помощи никто ее не просил, так что она просто отправилась спать, благо в их комнате шум от бани был не слышен. Ей показалось, что она только закрыла глаза, как ее кто-то позвал. Поначалу откликаться не хотелось, но зов становился все настойчивей, и девочка встряхнулась, отгоняя сон. Рядом с ней стоял Кондратьич, он-то ее и звал. Домовой был в панике.

— Ведающая, просыпайся скорей, помогай, а то беда будет!

— Что случилось, Кондартыч?

— Гадалки наши с банником не поладили, невовремя они в баню-то поперлись.

— Ну и что?

— Банник это тебе, дева, не добрый дедушка. Обдерет он девок. Как есть обдерет!

— То есть как обдерет?

— Как, как... Кожу снимет, да на лавки расстелет.

Тут Лелька испугалась по-настоящему. Вскочив с кровати, она заметалась, быстро накинула платье, схватила банки с солью и порошком полыни, запасенным с осени в промышленных масштабах, и рванула в баню. В предбаннике было пусто, дверь в саму баню не открывалась, оттуда доносился шум. Лелька быстро развела соль в минералке, оставшейся в предбаннике после последней помывки, и от души плеснула на дверь. Та открылась, девочка вбежала внутрь. В темной бане метались незадачливые гадалки, а Ленку кто-то настойчиво тащил прямо в печь. Девчонка отбивалась и сипела, кричать она уже не могла, толи от ужаса, то ли от недостатка воздуха.

— А ну-ка прекрати немедленно! — заорала Лелька. — Я сейчас тебе все углы полынной солью засыплю, полынью замету, а завтра вообще обряд запираения бани проведу. Пойдешь тогда на болото, кикиморе в слуги.

— Не лезь, девка! — ответил ей низкий голос. — Я в своем праве! Пришли они в баню раньше времени, намусорили, да давай орать да хихичить. Не ведут себя так в бане! Имею я право их наказать.

— Не всяким правом стоит пользоваться. Если ты единственную дочь хозяев уморишь, долго твоя баня простоит? А ежели подружек ее утащишь, все одно, хозяина дома к ответу призовут, а баню твою по досочке разберут, пока улики ищут.

— Эк ты... — крякнул голос. — Ну а коли отпущу, что мне за это будет? Урон-то я все одно понес.

— Отпускай, пусть уходят, а мы договоримся. Я помню как папа летом тебе подарки приносил.

— Это стал-быть твой родитель был? Понимающий мужик! Ладно, пусть идут, отпущу я их. Но с тобой мы говорить будем!

Ленку немедленно вышибла из печки непонятная сила, омороченные девчонки пришли в себя, загалдели.

— Тихо! — прикрикнула Лелька.

— А что это ты тут орешь-командуешь? Тебя вообще не звали.

— Понравилось по бане кругами ходить? Хотите повторить? Нет? Тогда уходите, пока можете, ла посмотрите, как себя правильно в бане вести, когда гадать приходите.

Тут баннику, видимо, надоело ждать, и он поддал жути. Девчонки взвизгнули и вымелись за дверь.

— Ну, ведающая, чем ты мне урон компенсировать будешь?

— Уважаемый, как вас звать-величать?

— Эк ты... — снова озадачился банный хозяин. — не знаю я, девка. Никогда меня никто не звал, всегда незванным приходил.

— Мне так непривычно. Можно я буду звать вас Перваком? Вы первый хозяин бани, с которым я познакомилась.

— Первак? Мне нравится. Хорошее имечко, так и зови.

— Уважаемый Первак, спасибо вам, что отпустили девочек. Давайте я вам для компенсации завтра принесу банного апельсинового масла? А когда на березках листики появятся, соберу веничек?

— А что это за апельсиновое масло?

— Это масло из кожицы фрукта-апельсина. Он растет в жарких странах, а масло можно в магазине купить. Оно очень хорошо пахнет, особенно если в горячую воду добавить.

— Ладно, дева. Неси свое масло. Но веник с тебя, не забудь. Как первый лист появится, ждать буду. Ты веда молодая, можешь не знать, но у нелюдей принято слово держать строго. И за каждое — отдельный спрос, коли нарушишь. И ох как нарушителям иной раз тяжело приходится!

— Спасибо, уважаемый Первак. А куда мне пузырек с маслом поставить?

— Да вот здесь, на полке оставишь, я и приберу.

Тут Лелька не выдержала:

— А можно мне вас увидеть? Я еще никогда не видела банника.

— Ох ты и любопытная. Лады, егоза. Смотри.

Из тени соткался невысокий старичок с длиннющей седой бородой и такой же гривой волос. Его глаза переливались радужным блеском, а в руках он держал тот самый веник, который ему подарил Лелькин папа.

— Насмотрелась? Давай иди. Некогда мне разговоры разговаривать, дел полно.

— До свидания, уважаемый Первак.

Выйдя за дверь, Лелька поняла, что она попала. Девчонки сидели в предбаннике и явно слышали весь разговор. Однако первый же вопрос поставил ее в тупик:

— С кем это ты там болтала?

Девочке стало ясно, что присутствующие слышали только ее. Ситуация ухудшалась на глазах.

— С кем положено, с тем и болтала. Вам велено передать, чтобы вы в эту зиму сюда гадать не ходили — не вернетесь.

Лелька конечно приврала, банник такого не говорил, но у нее были подозрения, что повтори незваные гости свой гадательный опыт, добра не будет, так что она решила их припугнуть.

— Я ухожу, да и вам лучше здесь не задерживаться, а то навсегда останетесь.

Лелька вернулась в дом, но краем уха услышала:

— Она совсем ку-ку, разговаривает сама с собой, несет какую-то ерунду.

— Ну я не знаю... Мне было реально страшно, я больше сюда гадать точно не пойду. Думала ослепну. Да и у Ленки лицо ободрано, спина в царапинах и все волосы в саже. Не сама же она себя так.

— Может и не сама. Тогда тем более от этой Лельки лучше держаться подальше. Мало ли что ей в голову взбредет, поколдует и все, слопают тебя какая-нибудь нечисть.

В голове Лелька снова прозвучал папин голос: «Никогда не помогай без просьбы». Девочка поняла, что нарушила папино правило. Впрочем, решила она, благодарности и так не ожидалось, так что хуже все равно не будет. Будущее показало, что она все-таки ошиблась. Хуже стало.

Эфирное масло апельсина Лелька отнесла в баню следующим же утром. Она уже успела понять, что нелюди относятся к любым обязательствам намного внимательнее людей, и не хотела лишиться взаимопонимания с банником, налаженного с таким трудом. Неприятности поджидали в школе. Как и следовало ожидать, неудачливые гадалки не стали молчать о своем приключении. История, передаваемая «из уст в уста» обрастала такими подробностями, что Лелька сама бы себя упокоила как нежить, будь правдой хотя бы половина. Очевидным было одно — не то что дружить, даже общаться с колдовкой никто не хотел. Девочка снова осталась в одиночестве. Отнеслась она к этому философски, но иногда было непросто, так что Лелька с нетерпением ждала первой листвы, чтобы встретиться с лесавками.

Ранняя весна в Сибири — редкость, так что в первый день марта еще лежал снег. День, правда был солнечный и выходной. Администрация села решила организовать небольшое гулянье: сожжение соломенного чучела Зимы, столы с блинами, выступление местного хора. Лелька тоже радовалась предстоящему развлечению, пока накануне ночью ее не разбудил Кондратьич.

— Ты, дева, завтра на гулянку собираешься?

— Да, — Лелька потеряла глаза, не понимая, зачем было ее будить ради такого вопроса.

— Гляди завтра в оба. Это для прочих гулянки, а для тебя — последний день, когда по земле спокойно ходят слуги Мораны. Она тебя не особо жалует, так что аккуратней будь, веда. Слабая ты для таких гостей. Да полыни с собой возьми, мало ли как повернется.

Утром, собираясь с тетей и дядей на праздник, Лелька положила в рюкзачок и соль, и полынь, добавила сухой рябины и можжевельника, оставшихся с осени, и, подумав, положила еще Старичка-Огневичка. На площади былолюдно, шумно, весело. Под аккомпанемент баяна пел хор из сельского клуба, неподалеку плясали, упоительно пахло свежей выпечкой. Лелька задержалась у лотка с булочками, не заметив, что родственники ушли вперед. Она доедала плюшку с каким-то соком, когда к ней подошла Наталья.

— Пойдем давай, что ты здесь застряла.

Девочка немного удивилась, обычно тетя разговаривала с ней намного мягче, а вспомнив наказ Кондратьича, насторожилась. Пробираясь сквозь столпившихся односельчан, она аккуратно достала из кармашка рюкзака пакет с полынной солью и проглотила щепотку. Картина мгновенно поменялась — Лелька поняла, что она совсем не на площади, а на полдороге к сельскому кладбищу. Девочка попыталась повернуть назад, когда вместо Натальи на нее глянули мертвые глаза Лениной бабки.

— Не уйдешь, колдовкино семя! — зашипела старуха. — За все заплатишь!

— Я ничего вам не делала!

— Все вы, ведьмы-колдовки одинаковы! Так что со мной пойдешь, госпожа тебя быстро к делу пристроит.

Покойница шипела, пыталась схватить Лельку за куртку, но посиневшие пальца соскальзывали. Девочка схватила горсть соли и швырнула в посланницу Нави. Раздался истошный вой, такой громкий, что Лелька испугалась. Мертвая старуха отпрянула, и из-за ее спины вышла девочка с льяняными кудряшками, в русском сарафанчике. На Лельку глянули знакомые глаза, полные серого тумана.

— Не уйдеш-ш-ш-ь, — зашипела потусторонняя Аленушка. — Не спасеш-ш-шься.

Лельке было страшно, как никогда в жизни, но сдаваться она не собиралась. Конечно, если бы не беседы с домовыми, не некоторая уверенность в своих силах, ставшая следствием историй с шишигой и банником, она вряд ли бы даже посмела сопротивляться. Но сейчас, очертив солью круг, девочка достала осенние травы и прямо на тетради по географии развела небольшой костерок, быстро нашептывая защитный заговор: «В Велесовом чертоге на туманном пороге к Велесу взываю о помощи умоляю. Защити последнюю из рода!»

Заговор этот был в маминой тетрадке, а на полях стояла пометка: читать только при неминуемой смертельной угрозе, если нет другого выхода и читающий не имеет живых детей. Выхода Лелька не видела. Неожиданно в рюкзаке что-то засветилось, девочка расстегнула клапан и увидела своего игрушечного защитника. Сейчас он игрушкой не выглядел. От Старичка-Огневичка шел жар, будто внутри у него был настоящий огонь. Мара зашипела как-то особенно злобно и исчезла, а неугомонная покойница рухнула в снег. Лелька же, схватив в охапку рюкзак и игрушку, рванула домой на такой скорости, что, наверное, побила мировой рекорд по бегу. Немного отдышаться она смогла только дома, оттуда же позвонила тете, сказала, что плохо себя почувствовала и вернулась домой. Вечером Наталья проверила девочку, но та была в порядке, а на утро все село обсуждало каких-то поганцев, разрывших могилу почтенной старушки и зачем-то вытащивших труп.

Через пару дней после гулянья классный руководитель Лельки отправила ее и Лену отнести домашнее задание приболевшей однокласснице. Девочкам было неловко в обществе друг друга, порушенная дружба давала себя знать, но спорить с Марией Николаевной было бессмысленно, так что они отправились к Тане вместе. Их встретила Танина мама.

— Девчата, как хорошо, что вы зашли! Танюшка совсем разболелась, а мне надо на работу. Посидите немного с ней, пожалуйста, я ненадолго, через пару часов вернусь. Чайник на кухне, я знаю, вы сразу из школы, попейте чайку, там еще булка есть.

Таня удивилась, но услышав о поручении Марии Николаевны понимающе кивнула. Она тоже знала, что с классухой лучше не спорить. Чувствовала себя больная неважно: болела голова, ныли мышцы, мутилось в глазах, но ни насморка, ни температуры не было. Лена осталась развлекать болящую, а Лелька отправилась ставить чайник. Она ужасно удивилась, когда из угла возле плиты ее кто-то позвал.

— Дева, а дева... Ты ведающая, я знаю, мне Кондратьич сказал.

— Погодите, уважаемый, — Лелька поняла, что ей на голову сейчас свалятся очередные проблемы, решать которые абсолютно не хотелось. — Вы разве общаетесь друг с другом? Да и не положено вам днем показываться, зачем порядок нарушаете?

— Так беда у меня, веда. Вишь, малая болеет? Она ж не просто так мается, может и помереть, а помочь-то я не могу. Какой я буду домовик, если главную задачу не исполню? Не сберегу дом да род?

— Что у вас случилось?

— Да вот, он случился! И домовик вытолкнул из угла забавное маленькое существо. Существо робко похрюкивало, почесывало пузиков пушистой черной шерсти и застенчиво ковыряло копытцем пол.

Лелька чуть не села, где стояла.

— Это кто же такой?

Странный гость снова хрюкнул и представился:

— Анчутка я...

— Погоди, погоди. Если ты здесь давно, то почему никто раньше не болел? А если недавно, то как сюда попал?

Мохнатое создание чесало пузо и молчало. Домовой из угла быстро зашептал:

— Он полевой анчутка. Так-то они не вредные, этот вот за картошкой приглядывал. Картошку-то уже по холоду убирали, он в ней заснул, а хозяйка в дом принесла. В погребе холодно, проспал всю зиму, а сейчас проснулся голодный, да и потянул из малой жизненной силы чуток. А много ль дитю человеческому надо... Вот и болеет девка, не помочь — помрет. А выгнать я его не могу, не уходит, еж плешивый! Холодно, говорит, голодно, до тепла не уйду. А у меня дите того гляди помрет.

— Так от меня-то что хотите? Сразу говорю — хозяйке я ничего объяснять не буду, на меня и так косо смотрят.

— Веда, заведи его, а? Недельки на три всего, он потом сам уйдет, как снег сходить начнет.

— Здравсьте-приехали! Я ж не старше Татьяны. Она значит пусть живет, а меня не жалко? Нет, уважаемый, так дело не пойдет. Ты дом не укараулил, гостя незваного пропустил, а платить мне? Хорошо придумал. Ох, скажу я Кондратьичу все что думаю. То он мертвячку гонять меня отправлял, то анчутку пасти.

— Погоди, дева, не серчай. Ты ведающая, он у тебя много силы взять не сможет, сгорит. Будет брать по капельке, ты и не почувствуешь.

— Не почувствую, говоришь? Тогда повторяй за мной: «Клянусь луной и поконом, что отданный мной анчутка не причинит вреда Вольге-ведунье и через три недели уйдет от нее своей волей на картофельные поля».

Домовик крутился и кривился, но клятву дал. Лелька посмотрела на ехидную порослячью морду неожиданного подарка и предупредила:

— Будешь шкодить — выгоню на мороз. А не уйдешь добром — всех домовых обойду, но найду заговор, и станешь ты обычной картошкой.

Анчутка грустно хрюкнул и укоризненно посмотрел на злобную ведунью, но быстро понял, что это не сработает.

— Так, Чур тебя, лезь в рюкзак и чтоб мне ни звука!

— Вот спасибо, веда! Теперь Танюша поправится скоро. Давайте, попейте чайку. Я и булочки подогрел.

Забегая вперед, мохнатый жилец прожил у Лельки три недели, вел себя смирно, только один раз укусил Ирину за палец, когда она попробовала влезть в Лелькин ящик с вещами. С наступлением тепла нежданный гость вежливо шаркнул копытцем, и отбыл на картофельное поле дяди Андрея.

Май наступал апрелю на пятки, по опушкам и лугам полыхнуло зеленой травой с желтыми солнышками одуванчиков. Березовые почки дразнились нежно-зелеными язычками первых листочков. Лелька честно собрала веточки и сделала баннику маленький веник. Положенный на полочку подарок мгновенно исчез под довольное уханье из-за печки. Главная радость — проснулись лесавки. Уля и Дана не забыли прошлогоднее знакомство за время зимнего сна. С круглыми от восторга и ужаса глазами слушали они Лелькины рассказы о Велесовой ночи, о встрече с Зюзей. Особенно их впечатлила история с Сергеем Геннадьевичем.

— Ты, Леля, даже не сомневайся, ты тогда во сне точно слышала Велеса. Это он хранит Грань. Когда-то давным-давно владыка Велес создал себе из старых пней помощников —

леших. С тех пор они присматривают за лесом и самой разной живностью, оберегают и подкармливают всех, от комара до медведя. Ну а мы на подхвате. — рассказывала Уля. — Ой, а хочешь забавную историю расскажу?

Историю Лельке хотелось. Было приятно с кем-то просто поговорить, с тем, кто не косится на тебя, ожидая гадостей, не пытается обидеть или использовать.

— Это перед самым первым листом было — начала Уля. — я уже почти проснулась, но выйти еще не могла. И вот слышу как-то, Лесной хозяин что-то приговаривает. Прислушалась, а он волка отчитывает! Волк — зверь серьезный, а этот видимо молодой был еще, вот и попался. Так что услышала я такие речи:

— Э-эх серый... Ну куда ты полез! Куда полез... Михалыч же за своих коз медведя порвет, а ты к нему, незванный-нежданный. Хорошо ишо, что нежданный, да на крайний выпас. Свезло тебе, серый, что Сашка дежурил, а не Сам. Сашка-то всего лишь головешкой кинул, Михалыч ему ружжо-то не дает. А стерег бы он сам, стало бы у меня в лесу на одного волка меньше.

Болят? Знаю, что больно, повернись-тка бочком, пошепчу тебе, все полегче будет. Травок бы нужных, да откуда они в апреле, рано им. Эх, серый, в былые времена вы зимой-от не голодали бы. Бывалоча каждую зиму Карачун со своими выюгами-поползухами хоть пару охотничков, да приберет. Души на службу определит, а тела — вам, все вам. Ему-то они без надобности.

А сейчас не, шалишь. Хучь один заплутает, сразу поиски, народ, а то и вертолеты. В бывалое время я за лето хоть пяток грибников-дровосеков да уведу. Закружу по лесу, кто-то откупится, а самых охальников — в овраг! Да, в тот самый, где ты родился. Подкармливал волчков-то, подкармливал.

А сейчас... Вон, о прошлом годе. Всего-то одну бабку увел, и ить в своем праве был! В лес поперлась не ко времени, брусничник потоптала, березки молоденькие, я их из семечек растил, а она — ломать! От комаров, вишь, отмахиваться! А комару тоже есть надо, какой ни есть, а живая тварь. И у себя дома!

Так, о чем я... Значится, закружил я ее, увел, а через сутки они и приехали — Лиза Алерт называются. Всю живность мне распугали, сосны поломали, ладно хоть костры не жгли. Словом, пришлось отпустить бабку-то, даже самому на нее вывести, а то был бы вместо моего леса асвалыг, как дорога на южной стороне — серая, гладкая и не растет ничего.

Что говоришь? Прошел бок-то? Ну ладно, беги. Да не шастай больше к Михалычу, бери своих, идите на южный край, там какой-то новик овец завел. Тоже тварь бессмысленная, а жрет — как косою косит. Ладно-ладно, я вам пяток барашков отведу, тот сразу-то не заметит. А пастуха у него нету, жадный он, думает загородку поставил и ладно... Жадный, не то что Михалыч... Беги, серенький. Беги к своим.

Девчонки посмеялись над такой заботой, а Лелька задумалась: «Как же леший людей-то терпит? Ведь мы его подопечным совсем житья не даем...». Неожиданно ей стало зябко на теплом весеннем солнышке. Холодной тенью накрыло понимание, что ее подружки-лесавки по приказу того же лешего моментально переработают ее на удобрение, а освободившуюся душу лесной хозяин приставит к делу: белок пасти или сосну какую караулить. Лелька тряхнула косичками, отгоняя тяжелые мысли и постановила себе быть с нелюдями осторожнее.

В конце мая, когда впереди уже виднелся хвостик летних каникул, Лелька забрела

совсем уж в сторону от привычных прогулочных маршрутов. Устав, она присела на свежую травку будущего покоса и задумалась. От несвязных мыслей ее отвлек тонкий плач. Покрутив головой, девочка никого не увидела, но плач был совершенно реальным.

— Кто здесь?

— Я-а-а-а...

— Кто я?

Из травы выбралась прехорошенькая, маленькая, но совершенно зеленая девчушка.

— Я луговичка, присматриваю за этим лугом.

— А плачешь почему?

— Коса запуталась.

Девчушка повернулась к Лельке спиной, и та увидела, что роскошная зеленовато-золотистая грива спутана тонкой веревкой. Вережку в руки брать не хотелось, даже смотреть на нее было неприятно.

— Как это ты так смогла?

— Оно само-о-о — зарыдала в тридцать три ручья луговица.

— Ну иди сюда, дай посмотрю.

Зеленая красотка подвинулась к Лельке, та глянула на гриву поближе и присвистнула:

— Слушай, здесь только стричь... Не распутаешь.

Луговица заплакала еще горше.

— Нельзя мне волосы стричь, я силу потеряю и в траву превращусь. А я не хочу-у-у-у!

— Так, ладно. Или сюда. Садись спиной, будем разбираться. Если несколько волосков порву или вырву, ты переживешь?

— Несколько можно, я послабее стану, но потом все наладится.

С множеством коварных узлов Лелька провозилась почти до темноты, но волосы освободила.

— Уф-ф-ф... Ну вот и все, вроде справились.

— Спасибо-спасибо! — Пискнула девчушка-зеленушка и растворилась в траве.

«Ого, какая шустрая», — подумала Лелька, — «Ладно, пора мне домой, наверное, тетя Наташа меня совсем потеряла».

Синевато-серые сумерки были готовы перейти в ночь, но дорогу Лелька знала неплохо, темноты не боялась. Однако до мелочей изученные места с уходом солнца пугающе изменились. Где-то завыл волк. «Уж не тот ли, что пострадал от Михалыча?» — задумалась девочка. Неожиданно от растущей в стороне осины отделилась белесая тень. Дерево это Лелька не любила, да и не только она. Было оно кривоватое, с узловатой, несвойственной осинкам корой, с множеством сухих веток. Лелька хотела обойти его стороной, но ноги сами понесли ее навстречу тени. Тело слушалось все хуже, хотелось встать у осины, прислониться к стволу, остаться здесь насовсем.

Тень колыхнулась и обернулась молодым парнем. «Какой красивый!» — отметила девочка. Парень и впрямь был хорош: темные кудри, темные глаза. Чем-то он напоминал Сашку, но Сашке было до него далеко.

— Побудь со мной, моя хорошая, — попросил он Лельку. — Останешься? Нам будет хорошо вместе. Я знаю, тебя никто не ждет, им будет проще, если ты уйдешь, а тебе со мной — лучше. Скажи: хочу остаться. И мы всегда будем вместе.

Лелька уже готова была согласиться, как услышала истошный визг:

— Уходи! Лелька, молчи, не смотри ему в глаза и уходи!

Кричала Дана, молчаливая и тихая лесавка. Лелька никогда бы не подумала, что она может так голосить.

— Уходи!

Крик словно разбудил девочку, и она увидела, как черноглазый красавец пошел гнусными пятнами, вместо жарких очей на нее глянули темные провалы, а протянутая рука обернулась полуразложившейся мерзкой лапой. Лелька с трудом отвела от этой жути взгляд и, почувствовав, что вся вялость куда-то делась, рванула прочь от осины.

Домой она бежала, будто за ней гналась вся местная нежить скопом. Тетя, увидев в каком состоянии девчонка, перепугалась сама. Пришлось Лельке ускоренно отдышаться, чему очень способствовала Лапатундель, и наскоро придумать каких-то парней, которые ее напугали.

— Они тебя не тронули? Не обидели? — допытывалась Наталья.

— Нет-нет. Я просто сильно испугалась. Они за мной даже не гнались.

Ночью, когда все угомонились, вылез из своего угла Кондратьич.

— На-ко вот, выпей. Сам травки заваривал. Пей, а то не уснешь или кошмар приснится. Кто тебя туда понес? Все наши знают, что место это плохое.

— А я не знала. Я ваша недавно, да и все еще не совсем ваша. А почему плохое?

— Это старая история. Ты ведь Сашку знаешь? О котором Ирина все время говорит? Еще в позатом веке его пра-пра-прадед увел из табора цыганку. Красавица она была, глаз не отвести. А пела как! Была цыганочка молоденькая, но уже вдовая, и сынок у нее был. Так-то кочевое племя дорогу не бросает, но уж больно худо ей в таборе жилось. Муж-то ее, первый, ее, вишь, из другого табора скрал, да ее-то и не спросил. А у цыган строго — дите еще водной рубашонке скачет, а уже известно, кто у него жених али невеста. Была невеста и у этого бедового. Да не какая-нибудь, а дочка тамошнего главнюка, баро, значит. Краденой красавице и так несладко жилось с нелюбым, а тут еще вокруг все шипят да шпыняют. А как мужа евойного поймали, да как конокрада повесили, и вовсе жизни не стало. И назад, к родне, вернуться она не могла. Во-первых, пойди, найди тот табор, а во-вторых, ведь и у нее суженный был. Так что по ихним законам опозорила она семью-то свою. А там с этим строго, за такой позор и убить могли.

Вот и согласилась черноокая красавица на предложение сибирского медведя и сыночка годовалого с собой забрала. Жили они хорошо, ладно жили. Очень сибиряк свою черноглазку любил. На охоту сходит — лучший мех ей, на ярманку съездит — самый яркий плат ей. Да и она к нему с добром тоже. Деток у них много было, но только как ни любила их матушка, старший все одно был для нее наособицу. Нет, она его и работать заставляла, и баловаться не давала, но все равно отличала. Языку своему обучила, с лошадками, опять же, ладить, даже карты на судьбу бросать, хоть и не мужское это дело.

Парень вырос — красавец. Сашка-то вон как хорош, а ведь кровь-то почти выдохлась. Только был этот красавец с гнильцой. Видел и знал только свои желания и радости. Погуляет с девкой, да и бросит, той горе, а ему смешки да хаханьки. Работать опять же умел, но не любил, все искал, где полегче, да помягче. Ну и нашел, конечно. Огулял дочку богатого купца, в городе, на ярманке встретил. Ему-то что, уехал и в ус не дует, а девке-то позор! Да и семейству ее тоже несладко.

Купец-то поорал да погрозился, а дочь все одно жалко. Любимая она была, последышек. Так что заплатил он знающим людям, нашили они охальника, скрутили, да к купцу доставили. Так, сказывают, связанным и венчали. Цыганенок-то сперва обрадовался: семья богатая,

молодая жена влюблена без ума и памяти, да только ненамного той радости хватило. Кормить его кормили, одежду справили, а в остальном стал он из вольного парня нелюбимым зятем: подай, принеси, не мешай, пошел вон. А гордость-то цыганская играет, кровь горит. Тут еще жена его затяжелела, пошли капризы да болячки. От любимой мужик много чего стерпит, только у него любви-то не было. Так что вскоре поймала его жена с блудной девкой, и, конечно, к папеньке со слезами кинулась. Купец тоже терпеть не стал. Как это, зять ненадобный, да еще его позорит, доченьку расстраивает. Приказал приказчикам, те парня скрутили, разложили, да так высекли, что почти месяц отлеживался.

Как встал, все по новой началось, да еще и женушка силу почуяла. Она ума была невеликого, вот и давай его чуть что папенькиным неудовольствием тыкать: не так сидишь, не так свистишь. Однажды худое и случилось. Никто не узнал, что у них было, чего не было, а только в один из дней нашли беременную купеческую дочь на полу с пробитой головой. Не выжили ни она, ни дите. А зятек пропал, как не бывало.

Долго купец горевал, дочку он любил крепко. А поубивавшись, нанял опять лихих людей, да велел им найти парня да притащить к нему, а коли не выйдет — убить зятка-цыгана, а в доказательство принести его мизинец с перстнем. Перстень тот цыганенку жена подарила, редкий он был, с камнем дорогим и с руки не снимался.

Искали беглеца долго. Ему бы бежать, а он в родные места подался. Мать его прогнать не смогла, помогла она ему. Дала еды, ружьишко, лыжи, да показала охотничью избушку далеко в лесах. Зимой его и выследили, по дымку из трубы да лыжным следам. Поймали, связали, потащили к тестю на суд. Уж почти из леса вышли, как освободился цыганенок и бежать. Поняли мужики, что не поймают его, уйдет, схватились за ружья. Здесь в Сибири, каждый охотником тогда был. Подстрелили парня, палец с кольцом отрубили, а тело сбросили в овраг между лесом и лугом.

Прошло сколько-то времени, стали в деревнях девки пропадать. Да как пропадать-то! Вечером спать пошла, а утром ее и нету. Шума нет, собака не лаяла, а девицы и след простыл. Забеспокоилось общество, пошли к батюшке. Тот девичьи горницы освятил, молебен отслужил, вроде потише стало, а через пару месяцев опять. Позвали мужики тогда местного колдуна. Он не с нашего села был, жил в маленькой деревушке, вовсе на отшибе и людей сильно не любил. Однако помочь согласился.

Походил по избам, покрутил носом:

— Ишь, завоняли все своим ладаном. Сразу меня звать надо было!

Мужики его упрашивают, мол, скажи, милостивец, что за напасть у нас?

— Упырь у вас ходит.

— Да откуда ж ему взяться-то?

— Это вы сами думайте, а мне надо от вас пару серебряных монет, соли четверговой, да полыни сухой. Да и сами готовы будьте — не спите, кол осиновый приготовьте. Ночью пойдем гостя этого ловить. Самое ему время будет за новой девкой идти.

— Да как же узнаем, куда он придет? Девочек-то в окрестностях немало.

— Это не ваша забота. Главное — принесите что сказал, да готовы будьте.

И ведь все у него получилось! Пришел ночью упырь к кузнецовой дочке, да на колдуна и наткнулся. А как получил в морду соли с полынью, да в пузо серебряной картечью, так и дергаться прекратил.

— Ну все, мужики, я свое дело сделал. Вон какой у вас цыган бродил. Девочек не столько портил, сколько жрал.

— Так как же нам быть-то, чтобы он снова не встал?

— Руки-ноги закуйте в железа, да захороните лицом вниз в освященной земле. А перед тем сердце осиновым колом пробейте.

Как сказано, так и сделали, и похоронили возле маленькой церквушки. Только слишком велика была злоба бывшего цыгана. Когда при советской власти церковь разрушили, а на ее фундаменте хлев построили, перестала земля упыря давить. Хлев скоро убрали, не жила в нем скотина, дохла. А на том месте из кола, которым сердце упырю пробивали, выросла осина. Много лет прошло, набрал упырь силенки, стал тенью выползать, ловить запоздавших путников. Вот и тебя чуть не поймал. Надо тебе, дева, какой-то оберег для себя делать, уж больно много желающих до тебя добраться.

— И зачем я им всем нужна?

— Того не ведаю, не положено домовым лишнего знать.

«Ага-ага, — подумала про себя Лелька. — Говорить вам не положено. Да ладно, все равно не скажешь».

— Почему же то плохое место никто не убрал за столько лет?

— Чтобы убрать, надо сперва понять, что оно плохое, да разобраться почему. Этот упырь-то, бывший, кровь пить не может — туман, он туман и есть. Да и люди его не видят. Прошел человек мимо, а то и присел от усталости под деревом и все. А что он потом болеет годами, а то и умирает вскоре, никто с деревом и не свяжет.

— Да его же видно! Он же из тумана человеком делался!

— Э-э-э, веда, это тебе видно. Во-первых, у тебя сила есть. Ты видишь много того, что от простого человека скрыто. Меня, например, никто не видит, а с тобой вот беседуем. А во-вторых, твоя душа для упыря слаще. Смоги он тебя сегодня поймать, глядишь бы и хватило ему сил тело себе построить, начал бы снова кровушку девичью пить. Удержать тебя он не мог, вот и попробовал заморочить, красотой взять. И ведь будь ты постарше, все бы у него получилось. Только ты еще дите дитем. Первую кровь не роняла, на красивых парней пока как на картинку смотришь. Вот и не вышло у него. А будь ты простой девчонкой, он бы тебе и не показался. Посидела бы ты под деревом, попил бы он из тебя жизни. Он бы осильнел, а ты бы может и померла бы, и сама бы не поняла, отчего.

— И что, за столько лет никто ничего не узнал?

— Ну почему, узнавали бывало. Даже срубить ту проклятую осину пытались. Только не вышло ничего. Кто-то с топором не дошел, ногу поломал, кто-то промахнулся, да себе же по ноге попал, али по товарищу. Один ведун сжечь пытался, да только не хватило ему силы, а вот его избушка погорела.

— А священника звали?

— Было и такое, да тоже не помогло. Этот цыганенок, вишь, некрещеным был. В младенчестве матушка его не окрестила — где в таборе попа взять, а потом видать, забылось за новой жизнью. Да так забылось, что и не помнил никто об этом, в церковь-то он исправно ходил, пока живым был. Так что не было власти креста над ним.

— А старые боги или их помощники?

— Старые боги ныне по земле не ходят, сама знаешь. А помощникам до людской беды дела нет. Сам-то упырь им не мешает. В лес не лезет, к воде не ходит, отойти от дерева не может, так что даже траву не топчет. Вот и вышло, что никому он не нужен. Так что, дева, ты пока оберег сильный не сделаешь, мимо осинки по темноте не ходи. Это ж как тебе повезло-то сегодня!

— Мне лесавка помогла.

— Эва как! Видать зачем-то ты лесному хозяину нужна, раз он помощь прислал. Без его-то приказа она бы не сунулась. Ты знаешь, веда, возьми-ка завтра хлебушка, лучше ржаного, да с солью, и сходи в лес, поблагодари лешего-то. От тебя кусок не отвалится, а ему приятственно будет.

— Где же я его найду-то?

— Эх, всему тебя учить надо. Свалилась же намою голову такая непутевая. Пройдешь в лес до первого хорошего пенька, там и оставь хлеб с солью. Потом поклонись, скажи слова благодарности, и уходи, не оглядываясь.

— Спасибо, Кондратьич, за науку.

— Ладно уж, чего там. Сочтемся как-нибудь.

Лелька запомнила слова домового. Она давно поняла, что из этой братии никто просто так ничего не делает. На следующий день, купив в сельпо большой кругляш суворовского, она отнесла его в знакомый лесок. Пень нашелся быстро, хотя раньше его, вроде бы, не было. Положив хлеб, Лелька поклонилась на все четыре стороны и от всей души поблагодарила Лесного хозяина за помощь в трудную минуту. Уходя из леса, девочка почувствовала легкое прикосновение ветерка, будто кто-то снисходительно потрепал ее по волосам.

Инга Геннадьевна величественно несла себя по школьному коридору. Занятия закончились, не было больше так раздражавшего ее визга и писка. Конечно, при ней щенки вели себя прилично, директор школы, как-никак, но шум все равно был и бесил до невозможности. Сейчас же тишина пустого здания грела душу, но настроение все равно было не радужным.

Директор сельской школы... Да разве об этом когда-то мечтала юная ведьма! Перед ней, наследницей самой верховной, открывались сказочные перспективы. Огромная, пусть и тайная власть, почти вечная молодость, невероятная, благодаря подпитке ковена, сила. Когда все это рухнуло? Кто виноват?

Впрочем, со вторым вопросом ясность была полная. Виноват был Владислав Гранин — сильный, красивый, молодой ведун из рода потомственных магов-защитников, ее несостоявшийся жених. Ах, какие были у него глаза в длиннющих ресницах, какие широкие плечи, сильные руки! И все это было обещано ей. Две семьи объединяли не столько капиталы, сколько силу и влияние, и от предвкушения этой власти, нет, не так... ВЛАСТИ! Инге кружило голову.

Кончилось все внезапно, когда она (Сама! Своими руками!) привезла почти жениха в их поместье. Конечно, это был просто большой рубленый дом с огромным, ухоженным участком, чуть в стороне от деревни, но Инга предпочитала именовать его поместьем. Первая неделя была сказочной — прогулки под луной, теннис на собственном корте, прием гостей. Ее немного огорчала сдержанность Влада, ведь она была красива! Рыжие волосы, синие глаза, безупречная фигурка разили мужчин наповал, а вот Владислав интереса не проявлял, хотя вежлив был безукоризненно. Он не позволял себе ни одного лишнего жеста, но Инга списывала все на свойственную юноше рыцарственность, и не беспокоилась.

Через неделю подтянулась на отдых Ингина компания, и она, расслабившись, упустила ситуацию. Организатора той роковой рыбалки юная ведьма позже прокляла до седьмого колена, но поправить ничего было уже нельзя.

Она со своей свитой на рыбалку не поехала. Чего она в той реке не видела! Сырость, комары, тиной воняет. Так что было решено воспользоваться отсутствием мужчин, вызвать на дом косметолога-парикмахера-мастера маникюра и как следует почистить перышки.

Влад вернулся с рыбалки уже чужим, собрал вещи, вежливо простился и ушел. Через день Инга узнала, что он снял комнату в ближайшей деревне. Расспросы, практически допросы участников рыбалки помогли воссоздать картину столь грандиозного провала. Оказалось, что один из этих идиотов ухитрился загнать себе в задницу рыболовный крючок! И вместо того, чтобы быстро ехать назад или хотя бы в больницу, начал орать и требовать помощи на месте. Остальные же не нашли ничего лучше, как притащить к нему местную знахарку, поскольку деревенский фельдшер была в отъезде.

Именно там, в доме у знахарки, удерживая незадачливого сотоварища, Влад и увидел эту соплячку. Знахаркина внучка, которой едва стукнуло четырнадцать, вертелась рядом, помогая бабке, грела воду, подавала инструменты. Задница у придурка зажала буквально через пару дней, но Владислава было уже не вернуть.

Конечно, она попыталась, и до сих пор не могла забыть этого унижения. Несостоявшийся жених спокойно отвел нежные ручки и кратко ей объяснил, что о каких-то

чувствах он никогда не говорил, обещаний не давал, на планы семьи ему наплевать и женится он только на этой пигалице. На крик души: «Да ей же до свадьбы как до Луны!», невозмутимо ответил, что он не спешит, хорошего дела и подождать не грех.

Инга тогда просто взбесилась. Она разогнала всю компанию, озлобленной фурией прилетела в город, надеясь, что бабка, как обычно, прижмет непокорного парня через семью, но ничего не вышло. Нет, поначалу отец Владислава грозился научить непутевого сына, кого и как надо любить, но после возвращения юноши из деревни, настроение папаши поменялось. При очередном визите бабки, которая еще и Ингу с собой потянула, родитель непокорного объяснил, что сын у него один, жениться ни на ком другом он не сможет, а пресекать род из-за Инги — это надо совсем разумом съехать.

Бабка попробовала пойти другим путем, рассудив, что если извести девчонку, то остальное наладится. Инга участвовала в том обряде, уж очень ей хотелось увидеть, как накажут соплячку. Жалеет она об этом до сих пор. Порчу навести не удалось, а откат так шарахнул бабку, что та буквально стала овощем. Долго она после этого не прожила. Сама Инга сочла, что легко отделалась, да не тут-то было. Несостоявшийся свекор даже не приехал, просто позвонил, прохладно осведомился о самочувствии бабки и предупредил:

— Все, что случилось и еще случится, вы навлекли на себя сами. Мой сын в состоянии защитить то, что ему дорого, а его самого в состоянии защитить я. Не хотите повторить судьбу уважаемой бывшей верховной — не пытайтесь вредить моему роду.

Инга поначалу не поняла, а через пару дней осознала, что сила, дарившая красоту, молодость и власть, утекает из нее, как из дырявого ведра. Обращение к духу-хранителю позволило остаться живой и сберечь крохи силы. Дух в результате развеялся, а Инга за неделю превратилась из юной феи в сорокалетнюю тетку. Без поддержки хранителя, бабкиной силы и влияния, семья довольно скоро разорилась, отец умер, а мать сбежала куда-то в Норвегию, где до сих пор и жила то ли с пятым, то ли с шестым мужем. Инге же пришлось продать всю недвижимость и осесть в бывшем «поместье», с трудом добившись места директора школы. Из ковена ее выгнали. Нет, не за черный ритуал, ведьмы обладают абсолютной свободой в своих решениях. Просто она стала бесполезна — платить взнос энергией она больше не могла, а деньгами не хотела.

Довольно долго Инга жила спокойно, если это можно назвать жизнью. Потихоньку подкапливала силы, возвращала молодость, собирала деньги, надеясь вновь войти в ковен. Дела шли неплохо, но буквально на днях кто-то отпустил луговицу, годами присматривающую за огромными огородами. Инга решительно не понимала, кто это мог быть: мало-мальски сильных ведьм в округе не было, последняя ведунья, та самая знахарка, умерла много лет назад, а нелюди в ведьминские дела никогда не лезли. Надо было разбираться.

А тут еще фермеры решили повысить ставку за аренду земли. Дескать, им покосов не хватает, по прежней ставке сдавать невыгодно. «Ну ничего, ничего, — усмехнулась Инга. — Попомните вы еще эти покосы».

Ближе к середине июня Лелька познакомилась с самым настоящим привидением. Случилось это, когда она в очередной раз навещала Анчутку. Мохнатик отлично устроился на картофельном поле дяди Андрея, лопал колорадских жуков и хруща, вел с переменным успехом позиционную войну с кротами. Лельку он всегда встречал радостно, подставлял пушистое пузиком для почесывания, демонстрировал свои успехи, а как-то вообще притащил букетик из цветков картошки. Надо сказать, что этот гибрид поросенка непонятно с кем был

неразговорчив, но при необходимости изъяснялся внятно, хотя и коротко.

В тот раз он попросил Лельку о помощи: надо было залить водой нору особо крупного крота, справиться с ним сам нечистик не смог. Однако он смог выдать Лельке старый чайник, очень похожий на тот, что искала бабка Настасья, свекровь Сашкиной мамы, и показать тропинку к позабытому колодцу. Лелька с трудом сдвинула крышку и набрала воды, благо та ушла неглубоко. И в этот момент на нее налетело что-то истошно завывающее и неприятно холодное. С испугу девчонка швырнула в нападающего пригоршню соли, после чего вой сменился возмущенным поскуливанием.

— Ты кто? — спросила Лелька.

— Прощка я, — жалобно провыла белесая тень.

— А чего лезешь к людям?

— Так скучно же. Я пошутить хотел, а ты сразу солью с полынью кидаться!

— Ну у тебя и шуточки... Ты вообще откуда здесь взялся?

Прошкина история была простой и незатейливой. Жил он во времена, как сам сообщил, «Александра-Милостивца, который хранцузов побил». Была у него семья: батя, мамка и малые сестрички. Батя был крепким хозяином, Прощка — старшим сыном и наследником. После него у матери рождались одни девки, было их много, но выжили всего две, Акулька да Дуська. Все шло неплохо, но наступил неурожай, и батяка стал надолго уходить на заработки, отсутствуя по половине года. В последний раз его не было почти 9 месяцев, мамка ждала-ждала, да загуляла с прохожим охотником. Когда батя вернулся, охотник мигом смазал лыжи и был таков. Отец, разозлившись, решил жену поучить кулаками, да увлекся. Та, видать была в тягости, так что истекла кровью и отошла на третий день. Батяка и к Прохору с сестрами присматривался, да только все они пошли в его породу, сразу было видно, что не чужие. Сестры были малы, вести хозяйство не могли, так что через полгода отец снова женился. Новая жена была из многодетной нищей семьи, другая бы за вдовца с тремя детьми не пошла.

Вскоре у нее родился сын, за ним второй. Сестренки приспособили в няньки, а Прощку отец стал чаще припрягать по хозяйству, все-таки наследник. По молодости Прохор не успел понять, что молодой мачехе это не по душе, что хочет она своего ребенка наследником видеть. Он много работал, радовался, что мачехины братья берут его в свою компанию, лестно ему было со взрослыми парнями. Это его и стубило. Как-то раз новоявленные родственники, угостив парнишку самогонкой, подначили его на спор спуститься в колодец, а когда тот, цепляясь за скобы, скрылся из виду, просто задвинули сруб крышкой и ушли.

Прощка помнил свою смерть, помнил, как замерзал в ледяной воде, как мечтал, умирая, о мести. И он отомстил. Тело его таки не нашли, видать за что-то он на дне зацепился. Воду из колодца продолжали брать. От той воды и пошел в деревне мор. Выжили только Прошкины сестры. Забрала их дальняя родственница отца и больше Прохор о них не слышал.

Со временем деревня отстроилась заново, колодцем так и пользовались, а Прощка от своих костей уйти не мог. Со скуки начал пугать девок, что приходили за водой после вечерней зорьки: хватал за титьки, завывал в ухо, так что колодец забросили, а потом про него и вовсе забыли.

— Ты совсем отсюда уйти не можешь?

— Не. Только если по воде, колодец-то через подземные родники с рекой связан. Да только там водяной злющий, за вихры таскает, грозит поставит головастиков пасти. А зачем мне те головастики, лучше уж здесь, хоть кто-то иногда забредает. Ты вот забрела.

С тех пор девочка время от времени прибегала к незадачливому призраку поболтать, рассказывала о современных чудесах, слушала его истории о том, как жили раньше. История для Лельки оживала, превращалась в череду интереснейших рассказов, что грозило благотворно сказаться на успеваемости.

Не забывала Лелька и помогать тете. Анчуткина диета избавила их с Ириной от необходимости собирать колорадов, но дел и без того было достаточно. Пололи овощи, рассаживали клубнику, подвязывали какие-то особые морозостойкие помидоры. Дядя Андрей решил взять пару бычков, откормить на мясо. Фермерская артель в этом году расширила покосы, так что сено было недорогим, особенно если накопить его самому на окраинных неудобьях.

Были у Лельки и свои дела. Помня о нападениях нечисти, она в это лето решила собрать как можно больше разных трав. Лесавки ей с удовольствием помогали, но только если она занималась сбором вместе с ними.

— Самим нам траву рвать не положено, а тебе помочь можно. Лесной хозяин дозволил. — объяснила Уля.

Так что возвращаясь домой, Лелька падала в кровать и мгновенно засыпала, чтобы с рассветом вскочить и снова бежать в лес. В одну из таких ночей ее разбудил Кондратьич.

— Дева, а дева... проснись, разговор есть.

— А? — Лелька с трудом открыла глаза.

— Тут твой нечистик дал знать, что тебя какой-то Прошка зовет на разговор. Я днем-то сказать не мог, не положено нам, сама знаешь. А что это за Прошка такой?

— Это привидение, он в старом колодце живет.

— Ох ты, ну у тебя и знакомства! Но сходить надо, анчутка просто так разговаривать не станет. Да и как-то тяжело мне в последнее время, беды жду. Сходи, а? Может понятнее будет, что к чему.

— Ладно, я схожу завтра. А сейчас спать, ладно?

На следующий день, ближе к обеду, Лелька отправилась на знакомое картофельное поле. Выскочивший нечистик был непривычно суров, пузо для почесывания не подставил и немедленно потащил девчонку к колодцу. Дойдя до места, он как-то по-особенному хрюкнул, и над колодцем немедленно соткалась еле заметная туманная фигура.

— О, пришла! — обрадовался призрак.

— Пришла. А чего звал-то?

— Твой хозяин на покос собирается?

— Не хозяин, а дядя. Да, через пару дней уйдет, поживет в летнем балагане дня 3–4, запасет сена.

— Тут вот какое дело... Я русалок подслушал...

— Снова подглядывать лазал? Поймает тебя водяной, точно будешь лягушек пасти.

— Да ладно тебе, я ж просто со скуки. Ну так вот, русалки баяли, что появились на полях ночницы и одного мужика уже заездили.

— Ночницы? Это кто еще?

— Неужто не знаешь? У нас в деревне даже сопливые детишки знали, что после заката в поля нельзя, заездят ночницы. Они людей ловят, кто ночью в поле оказался, и катаются на них до первых петухов. Человека-то потом бросят, да только в разум он больше не вернется, будет ржать как конь, да скакать. Русалки болтали, что одного мужика у вас в селе уже заездили, как раз в тех местах, где твой дядька косить собрался.

— Вот-те на-те, — подумала Лелька. — что же теперь делать-то...

Поблагодарив Прошку за предупреждение и рассказав ему в качестве гонорара кусок «Волшебника Изумрудного города», девчонка рванула домой. Она понятия не имела, как предупредить дядю так, чтобы он поверил. Помогая тете Наташе чистить картошку к ужину, Лелька осторожно упомянула, что слышала про мужика, который после ночевки на покосе сошел с ума.

— Ты бы, Леля, всякую ерунду не слушала. Нуда, повредился Гришка головой. Так ведь пил он как конь последние годы. Как еще раньше-то не свихнулся! Вообразил себя конем, сперва думали придуривается, чтобы на опохмел дали, а оказалось в самом деле из ума вышел. Вера Васильевна говорит — белая горячка у него, она такое не лечит, так что отправили его в город, в сумасшедший дом.

После такого разговора Лельке стало совсем плохо. Весь вечер она лихорадочно листала мамину тетрадь и нашла-таки в итоге решение: руны. Мама почти не рассказывала ей о рунной грамоте, но сама иногда использовала руны в гаданиях. Весь следующий день у девочки ушел на изготовление амулета. Лелька решила сделать простой браслет из веревочек и полимерной глины. Обрезки шнура нашлись у тети в «рукодельном» ящичке, а немного полимерной глины — в вещах, которые Наталья забрала из Лелькиной комнаты в родительской квартире.

Глиняные квадратики с рунами высохли в последний день перед отъездом Андрея. Оставалось самое сложное — убедить дядю надеть браслет.

— Дядя Андрей, можно с тобой поговорить? Всего пять минуток?

— Отчего нельзя, — улыбнулся племяннице Андрей.

— Ты знаешь, моя прабабушка Таисия была не совсем обычной женщиной, и мама неплохо гадала. А у меня есть что-то вроде предчувствия, и сейчас я сильно беспокоюсь. Можно я тебя попрошу?

— Ну, племяшка, навела ты тень на плетень. Проси, конечно.

— Надень, пожалуйста, этот браслетик и не снимай, пока с покоса не вернешься.

— Ну давай, но, если сам порвется — я не причем.

— Он не порвется, пока я его не сниму. И еще... Если ты услышишь что-то необычное ночью — ни в коем случае не выходи из балагана, очень прошу.

— Ох и намутила ты, Лелька. Ладно, если тебе так будет спокойней, то обещаю не выходить.

— Спасибо, спасибо! Только не забудь — ты обещал!

Андрей выехал из дома рано утром. Коня ему заменял старенький велосипед, много раз собственноручно чиненный и смазанный, коса была привязана к багажнику. Они с Толькой, бывшим одноклассником, а ныне тоже крепким хозяином, договорились встретиться в балагане. Добравшись до места, Андрей увидел, что Анатолий не один.

— Да это приятель мой из города. Пристал как банный лист, возьми да возьми с собой. Он конечно с придурью, как все городские, но мешать не будет.

Городских Толька не любил еще со школьных лет, когда один такой приезжий чуть не увел у него Галку, на которой Толян теперь был счастливо женат. Косили весь день, в обед перекусили бутербродами и работали до темноты. К вечеру прошел небольшой дождик, поднялся ветер, так что готовить ужин было решено в балагане, в небольшой печурке, обустроенной специально для таких случаев. Мужики уже налаживались спать, как вдруг городской насторожился.

— Парни, слышите, зовут?

— Да кто зовет, угомонись давай.

— Не-не, там женщина меня зовет. Наверное, Анжелка все-таки приехала, поняла, что сама душой была. Я сейчас, выйду покричу ей, а то ведь заблудится.

— Погоди-погоди, откуда тут твоя Анжелка? Ты ей что, дорогу рассказывал? Ты ж сам не знал, что на покос поедешь.

— Да она у меня упрямая как не знаю кто. Что в голову вступило — вынь да положь. Из-за этого и поцапались. Свободно могла припереться к Галине, а та ей видать и рассказала, где нас искать. Из женской солидарности. Пойду я, посмотрю.

И тут Андрей вспомнил слова племяшки. Ему стало не по себе, но настоящего страха не было. Картина, описанная городским, выглядела абсолютно нормальной, в чертовщину Андрей не верил, но совпадение Лелькиной просьбы и неожиданно прорезавшейся Анжелки было крайне странным.

Тем временем городской выскочил за дверь и пропал. Где-то через минут сорок, когда мужики, не дождавшись приятеля, начали задремывать, вскинулся Анатолий.

— Слушай, это ж Галка моя! Она ж меня на помощь зовет! Видать городской-то ее с Анжелкой перепутал!

Вот тут Андрей понял, что дело неладно. Толька рвался наружу, удержать его не удавалось. Андрей примерился и крепко врезал другу в челюсть. Он всегда был сильнее Анатолия, да и атаки тот не ожидал, так что свалился, как подрубленный. Быстренько вынув из рюкзака веревку, Андрей связал бывшего одноклассника, пока тот не пришел в себя, и тут услышал, что его зовут. Кричала и плакала Иринка, на нее напал этот городской придурок. Рванувшись к дочке, Андрей зацепился браслетом за пряжку рюкзака. Дернул рукой, но шнурок держал крепко. Тогда он схватился за нож, попытался разрезать шнур. Крик Иришки стал совсем отчаянным, и Андрей второпях полоснул по руке. Как только кровь брызнула на браслет, голос дочери исчез. Вместо него Андрей услышал хриплое карканье и отчаянные вопли городского.

Толька заворочался, и Андрей подтянул узлы. Бежать наружу больше не тянуло, открывать дверь в балаган было откровенно страшно. Вспомнив Лелькино «не выходи из балагана, очень прошу», выглядывать он не стал, а вместо этого осторожно посмотрел в щель между досками. Увиденное долго являлось ему в кошмарах. По ночному лугу несея городской приятель Толяна. Он ржал как конь, взбрыкивал задом, передвигаясь скачками. На его спине сидели несколько фигур, закутанных в развевающиеся темные тряпки. Руки с огромными черными когтями держали веревку, которой несчастного мужика взнуздали вместо уздечки, серые космы клубились вокруг голов или, по крайней мере того места, где головам надлежало быть. Сквозь космы сверкали глаза, из пастей торчали клыки больше чем у Джека. Одна из фигур приподнялась, пришпоривая несчастного, а вторая издала тот клетот, который должен был имитировать голос Иришки. Андрей смотрел как замороженный, не в силах отвести взгляд. Внезапно страшилища направили своего «коня» прямо к балагану, к той щели через которую смотрел Андрей. Космы раздвинулись и Андрей потерял сознание. Он никогда не думал, что он, здоровый мужик, может рухнуть в обморок как трепетная барышня, но видеть то, что скрывали серые космы было выше человеческих сил.

Пришел в себя он утром. Рядом ворочался Толька. Быстро развязав приятеля, Андрей приготовился к скандалу, но тут снаружи послышались вопли, будто человек пытался ржать

как конь. Выскочив наружу, мужики увидели в утреннем свете городского придурка, который валялся на земле не в силах подняться, но все равно пытался скакать, вскидывал зад и издавал такое же ржание, как местный пьяница Гришка, на днях отправленный в городской дурдом.

— Андрюх, ты это... Спасибо, короче, братан. Не твой бы кулак, я б тоже там сейчас ржал. Мне бабка моя о таком рассказывала, а я ведь думал, что все эти ночницы — сказка. Как ты сам-то смог не выйти? Бабкам не говорила, что не может человек устоять против их зова.

— Племяшке спасибо, — угрюмо буркнул Андрей. — Видать, не зря она беспокоилась.

— А, она ж у тебя правнучка старой Таисьи! Я и забыл. Мне бабка, та, что про ночниц рассказывала, говорила, что не так проста Таисья. Видать так и было, да еще и правнучке передалось. Короче, свезло тебе Андрей, с девчонкой. А заодно и мне до кучи.

— Что с покосом делать будем? Ну и с этим, твоим городским?

— Я, Андрюх, здесь на ночь больше не останусь. Не по мне судьбу дразнить, один раз свезло и хватит. Давай-ка мы с тобой попросим косилку у Михалыча? У него конечно тоже сезон сенозаготовок, но если приплатить, то он одолжит на день-два.

— Дело говоришь. Но сперва надо этого к врачихе нашей доставить.

Доставить пострадавшего к Вере Васильевне оказалось не так просто. Пришлось съездить за телегой, а потом еще и связать бывшего человека, которому предстояло доживать свой век, считая себя конем. Врач удивилась странной эпидемии, косилку Михалыч одолжил, а узнав причину, даже денег не взял. А вот о том, что Андрей увидел через щель в стене балагана, он никому никогда не рассказывал и старался не вспоминать. Последнее не всегда удавалось, так что вся оставшаяся жизнь ночевать на покосе ни он, ни Толян не оставались.

Уже вернувшись домой с неудачного покоса и чуть выдохнув, Андрей задумался. По всему выходило, что девочка, живущая у него дома, отличалась от обычных людей. Он ясно помнил, что Таисия, которой жена Наташа приходилась внучатой племянницей, людям зла не делала. «Не делала, — подумал Андрей, — это не значит, что не могла. Видимо просто не хотела. А вот не захочет ли Лелька? И может ли она что-нибудь, кроме как предчувствовать?» Словом, мысли крутились нехорошие. Однако еще чуть подумав, Андрей вспомнил, как Ирина изводила двоюродную сестру. «Никто бы не удержался, любой бы отомстил, а Ирина ходит и хоть бы что. Видимо Лельке все-таки не дано ничего сверхъестественного, ну а интуиция — это даже неплохо. И ей пригодится, и нам». Знай он тогда, как он ошибается, спрятал бы дочь в городе, как можно дальше от Лельки, но у него-то как раз интуиции и не было.

А вскоре деревню потрясла очередная новость и вся история с покосом вылетела у Андрея из головы. Новость оказалась сногсшибательной: сын завмагазином Нины Петровны Витька, бывший лет на семь моложе Андрея и давно проживавший в городе, тоже неожиданно сошел с ума. Однако лошадью он себя не считал, а просто молча сидел, где посадят, пытался есть все что видел и тихо гадил под себя. Интересно то, что приключилось с ним все после поездки в родное село.

Недели три назад Витька приехал к матери, как он говорил, «с другом». Друга в городе называли бы мажором, а деревенские просто отметили дорожную одежду, манеру спать до обеда и отвратительное высокомерие. Звали друга Альбертом и при всем своем гадком поведении был он писанным красавцем. Деревенские тетки сворачивали головы, а девчонки

просто ходили следом и смотрели как на икону. Парень и впрямь был вылитый эльф, как их рисуют на обложках женских романов, которых даже у его здравомыслящей Натальи была целая полка.

Отоспавшись пару дней, поев деревенской свининки, приятели решили податься на охоту. Так-то охотиться был не сезон, но уверенности в том, что эта пара способна кого-нибудь добыть, у деревенских не было, и беспокоить лесничего никто не стал.

Охотники отбыли в лес, планируя вернуться вечером, и пропали. Только через пять дней к людям выбрался странный субъект, в котором с трудом угадывался бывший эльф. Серебристые локоны походили на старый веник, щегольская экипировка была порвана и испачкана то ли в крови, то ли в грязи, лицо и руки ободраны, будто Альберт все пять дней лазил по шиповнику, выбирая места погуще. Витька же пропал.

По словам Альберта, поначалу у них все шло неплохо. Они даже подстрелили какую-то белку, а потом начались странности. Во-первых, отказал GPS и пропала тропа. Приятели долго ее искали, пытаясь вернуться по собственным следам, но вскоре поняли, что ходят кругами. Было решено заночевать в лесу, а утром поискать снова. Альберт привычно уселся на подходящее бревнышко, дожидаясь, пока Витька разберется с костром и организует поесть.

Он слышал, как приятель засуетился, собрал хворост и сказал, что наберет воды, дескать знает поблизости ключ. Вернулся и впрямь с водой, странно молчаливый, и вместо того, чтобы готовить еду, сел возле огня. Альберт чуть подождал, но есть хотелось все сильнее, и он решил друга поторопить. Подошел и увидел, как Витька с тем же остановившимся взглядом медленно ест убитую ими белку вместе с мехом и костями, а по его подбородку течет кровь.

Остальное Альберт помнил плохо. Он помнил, как бежал по лесу, падая и срывая кожу с рук в попытках подняться, помнил, как споткнулся и ударился головой, как над ним наклонился кто-то зеленый и страшный. Очнулся он уже на опушке, впереди виднелась то самое село, из которого они ушли на охоту. Увидев дома, Альберт рванул к людям и вскоре уже звонил отцу, пытаясь истерически объяснить, что с ним произошло. Буквально через пару часов приехала машина, мажора упаковали и увезли. А пара серьезных мужиков сообщила, что у них приказ: найти Витьку и с ним разобраться. Приезжие заплатили лучшему охотнику деревни и отправились с ним в лес, откуда и вышив месте с Витькой буквально через несколько часов.

Еще через неделю Нина Петровна съездила в город, вернулась заплаканной. Непонятно, то ли Витька повредился головой еще в лесу, то ли после разбирательства Альбертова папаша. Врач психиатрической клиники сообщил матери, что случай практически безнадежный и, если не случится чуда, в которое он лично не верит, Витька просидит в углу всю оставшуюся жизнь. «Какое-то у вас там место странное, — добавил психиатр. — Ваш сын уже третий безнадежный случай за последний месяц».

Инга Геннадьевна была зла как голодный нильский крокодил, даже как три нильских крокодила, а может и тридцать три. Причин тому было немало. Для начала, наглая луговица, покорно работавшая столько лет, напрочь отказалась следить за огородами даже за обещанную плату энергией. Нахальная нелюдь подозревала, впрочем, не без оснований, что вместо платы она снова получит рабскую привязку. Так что луговица тряхнула золотисто-зеленой косой и растворилась в летних травах.

Кроме того, блестяще задуманная операция с ночницами на покосах позорно провалилась. Призывая нечисть, Инга предполагала, что фермеры просто не смогут ничего скосить. То, что эти крестьяне додумались не оставаться на покосах на ночь и использовать не дедовские косы, а современную технику, оказалось полной неожиданностью. Две жертвы, местный алкоголик и какой-то городской придурок не вызвали ни малейшего ажиотажа. Это означало, что с шансом по дешевке арендовать под огороды неплохие земли можно было попрощаться.

И это не говоря о том, что Инге самой пришлось кормить призванных ночниц. Даже из ведьм мало кто знал, что ночницы седлают запоздавших путников и косцов не для удовольствия, а исключительно из гастрономических соображений. Страх беспомощной жертвы, ее сопротивление, отчаянные попытки вырваться были деликатесом для ночных демонов. Оставшись без пищи, ночницы явились к Инге. Хорошо еще, что она заключила договор только на пару недель, а то бы пришлось скормить ненасытным тварям неприкосновенный запас силы, припрятанной для возвращения в ковен.

Вдобавок, как будто мало было этих неприятностей, выяснилось, что причиной чудовищного нарушения продуманных планов стала девчонка. Причем не просто девчонка, а выродок ненавистного Влада Гранина. Инга в свое время порадовалась, услышав о его смерти. Ей как-то не пришло в голову, что у него могли быть дети. Зато теперь она могла поквитаться с родом Граниных за все. Защитить соплячку будет некому. Гранины исчезнут, и вместе с ними исчезнут приступы неутолимой ненависти, которые так долго мешали ей жить.

Лелька не подозревала, что обзавелась таким серьезным врагом. Она просто радовалась, как могла, лету, солнцу и свободе, подаренной каникулами. Ирина в последнее время перестала шипеть, боль, терзающая Лельку при воспоминании о родителях, потихоньку ослабевала, не вонзалась как кинжал, а ныла, как больной зуб, и жизнь, кажется, налаживалась. Отправляясь на речку с компанией Ирины, девочка никак не рассчитывала на новые неприятности. Однако неприятностям было на это наплевать.

Началось все просто: повалявшись на бережку, Лелька отправилась купаться. Плавать она умела неплохо, папа научил. Поворачивая назад к берегу, девочка вдруг почувствовала, что ее кто-то тянет вниз. Испугавшись, Лелька закричала, но на помощь никто не пришел. Несколько человек засуетились, однако большинство просто смотрело, как смотрят представление в цирке. Лелька ушла под воду, снова вырвалась, стараясь глотнуть воздуха, но холодные руки держали крепко. Обернувшись, девочка увидела русалок. Их совершенно спокойные, равнодушные лица странно контрастировали с твердым намерением Лельку утопить. Она не собиралась сдаваться, но воздуха становилось все меньше, а тут еще течение отнесло ее в сторону от подростковой компании. Легкие разрывались, силы уходили, и

Лелька бы непременно умерла, как вдруг раздался дикий визг:

— Лелька, спасайся, я их держу!

Дернувшись из последних сил, девочка увидела Прошку! Она понятия не имела, как он смог нарушить запрет водяного и пролез сюда из своего колодца, но ей удалось сделать глоток воздуха, и сил прибывало. Равнодушно-прекрасные лица топильщиков исказились от ярости, они явно голосили от злости, но Лелька слышала только бульканье. Оказывается, Прошка схватил красавиц за любовно ухоженные волосы, и вроде бы половину вырвал. Лельку внезапно отпустили, она вырвалась на поверхность, забила руками по воде, понимая, что до берега смертельно далеко. Вдруг какая-то сила выдернула ее из реки, как морковку из грядки. Лелька грохнулась на землю, ее отчаянно рвало, в ушах стоял гул, через который она смутно слышала:

— Карпыч, старый ты карась! Ты ж чуть последнюю из рода не утопил! Ты ж думай, с кем связываешься! Если бы тебе удалось лихое дело, из твоей бы реки завтра уха получилась, а послезавтра — дорога!

Что пробулькал в ответ Карпыч, Лелька не поняла. Ее била дрожь, руки тряслись как тетин старенький сепаратор, а холод заползал в каждую клетку тела.

— Так, погоди, девица, сейчас помогу тебе, — кто-то проговорил рядом, и на Лелькины плечи опустился плед, с которым она пришла на речку.

— Карпыч, отстань ты от этого малахольного призрака! Ты ему кланяться должен, а не к сбору лягушачьей икры приставлять. Так, девонька, теперь с тобой... Давай-ка попей отварчика из трав. Пей-пей, знаю, что невкусно, а надо.

Отварчик оказался волшебным. Девочка успокоилась, согрелась, тошнота пропала, и Лелька наконец-то разглядела своего собеседника. Перед ней сидел на корточках невысокий крепкий мужичок в старенькой телогрейке. Из-за густой зеленовато-серой бороды лица почти не было видно, только озабоченно смотрели странные желтые глаза с постоянно меняющимся зрачком. Лелька завороченно уставилась на эти зрачки, глядя как они меняют форму, то вытягиваясь, как кошачьи, то становясь треугольными как у козы, то вообще разделяясь на несколько маленьких точек.

— Насмотрелась, девица? — насмешливо спросил мужичок и поскреб бороду.

— Ага. А вы лесной хозяин?

— Эко ты завернула. Леший я. Не хозяин, а смотритель и оберегатель леса.

— А как вас зовут?

— Зови дядькой Ермолаем.

— Спасибо вам уважаемый Ермолай. Если бы не вы, мне бы не спастись.

— Вежливая ты, однако. Еще не отдышалась толком, а уже — спасибо.

— А вы не знаете, кто хотел меня утопить?

— А сама-то кого видела?

— Русалок. Только они не сердились, а будто работу выполняли, значит им кто-то приказал.

— Ты ж ведающая, значит ведаешь, и кто им приказывать может.

— Я знаю — водяной хозяин. Но я ничего плохого ему не делала. За что он так?

— Так, вижу разговор будет не коротким. Давай-ка так... Беги, забери свои вещи, оденься в сухое и приходи на опушку. Тебя мои лесавки встретят и проводят на беседу.

Лелька побрела назад. Компания ребят все еще сидела на берегу.

— О, смотри, вернулась! Я ж говорила, что ничего с ней не делается, а вы бегали-

суетились.

Лелька не выдержала. Она подошла к девочкам и прямо спросила:

— Почему вы мне не помогли? Никого не позвали? Я вас тогда, в бане, не бросила.

Ближайшая Ирина подруга издевательски пропела:

— Ты ж у нас колдовка, вдруг это ритуал какой был, или опять с кем-то поговорить решила, как в бане.

Лельке стало до слез обидно. В этот момент она окончательно поняла, что у нее не будет друзей в селе, что еще много лет она будет одна справляться с большими и малыми бедами. И она не удержалась.

— Что ж, раз я колдовка, значит будет по моему слову: теперь как вы ко мне, так и судьба к вам. Сделаете гадость — втрое вернется, бросите в беде — бросят и вас.

Она не стала разбираться, поверили ей или нет, просто отвернулась и ушла, очень уж не хотелось плакать на виду у всех. Пока шла до опушки, постаралась успокоиться. Разговор предстоял серьезный, а что с нелюдями надо быть очень осторожной, Лелька уже поняла.

Уля и Дана ждали ее на привычном месте. Лесавки были рады встрече, а Лельке было приятно, что хоть кто-то не смотрит на нее косо и не пытается сказать колкость.

— Пойдем скорее, — зашебетали девочки, — Лесной хозяин заждался.

— Пойдем. А почему вы называете дядьку Ермолая лесным хозяином? Мне он сказал, что он не хозяин, а хранитель.

— Хранитель или хозяин, он лучше знает, а только без его ведома в этом лесу ничего не делается. Даже муравейника не построить, птице гнезда не свить.

Далеко в лес заходить не пришлось. Леший сидел на пригорке, с которого была видна опушка и даже немного деревенские дома.

— Успокоилась, девица?

— Да. А почему вы зовете меня девицей? Может будете звать по имени?

— А ты знаешь, что настоящее имя власть над любым существом дает? Большую или нет, это другой вопрос. Но ты-то пока совсем не обучена, если кто решит зло тебе сделать через имя, защититься не сможешь. Так подумай, стоит ли налево-направо имя свое кричать.

— Но как же мне быть, ведь многие знают, как меня зовут!

— Ну, во-первых, много ли среди этих знающих ведающих, ведьм, колдунов или ведунов? Обычный человек зла причинить через имя не может, разве что мелкую неприятность наведет от совсем уж сильной злобы. А вот прочим знать, как тебя зовут незачем. Ну и защиту надо учиться ставить. Поищи, как это делается, сама опять же подумай. Я знаю, что учить тебя некому, но ведь и я не ведун, знаний у меня таких нет. Давно когда-то краем слышал, что был обряд с куколкой. Поможет тебе эта подсказка, значит поможет, больше-то все одно ничего не знаю.

— А вы расскажете, почему водяной решил меня утопить?

— Он сам-то не решал. Попросили его, так, по-соседски.

— Ничего себе просьбочка!

— Это вы, человеки, жизнь цените. А мы ведь не живые, ты не забывай. Да и среди людей немало тех, кому чужая душа — полушка. А просила соседка авторитетная, с которой лучше в мире жить.

— Это кому ж я так не угодила?

— Вспомни-ка, что ты в последнее время делала. Да не обычные свои дела, а что делала с нами, нелюдями.

— Ой! Я луговице одной помогла, у нее веревка в косе запуталась, она так плакала! Я и помогла распутать, чтобы волосы не стричь.

— Жалостлива ты не в меру. Никогда ничего, у таких как мы, не путается само по себе. Веребочка эта была привязкой от ведьмы. Ведьмы — они хитрые, даже нелюдя, особенно молодого, могут обвести-обморочить. Вот и луговица твоя сама позволила себе косу перевязать, а потом, когда привязка в волосы глубже впуталась, поняла свою беду, да поздно было.

— И не моя она вовсе. Свои не обманывают.

— А она и не обманула. В чем неправда-то была? И запуталось само, она ж только косу перевязать дозволила, и волосы ей действительно стричь нельзя, развеется травой.

— Но ведь она могла попросить!

— А ты бы стала ей помогать, кабы знала, что тебе предстоит схватиться со взрослой и сильной ведьмой? Другие-то нам не опасны. Не мне, так себе ответь по чести.

— Не знаю. Но я быпо старалась что-нибудь придумать.

— А ей какой резон ждать, пока ты думаешь? А так она свое получила — освободилась от рабства. Твои же дела ее не касаются. Ты, девица, пойми и накрепко запомни: хочешь или нет, но ты теперь на всю жизнь, а может и после нее, часть нашего мира, который под луной живет. Его правила и покон для тебя будут поважнее законов и правил человеческих. Чего суксилась?

— Не хочу я так. У вас все какие-то хитрые, нечестные, а половина еще и злые.

— Хочешь или нет, тебя никто не спрашивает, как и нас когда-то не спросили. Я бы может, тоже лучше лесным пеньком сгнил, а потом из корня деревом вырос, но приставили вот к делу— и служу. А что касасяемо нечестности... Обидные твои слова. Ведь тебя не обманули, просто всего не рассказали. Так и ты ведь каждому проезжему-переезжему душу-то не распаиваешь.

Лельке стало совсем тошно. Она понимала, что жить ей придется с оглядкой, каждое слово проверять и обдумывать, но от этого понимания хотелось вернуться к водяному и утопиться уже окончательно.

— Ты, веда, погоди себя хоронить, — правильно понял ее печаль Леший. — Просто помни, что не надо ничего предпринимать, пока все как надо не выведаешь. Ну и клятву ты нашу знаешь же? Я слышал, ты ее у домовика спрашивала. Коли кто луной клянется из наших — никогда клятву не нарушит, хотя лазейку отыскать, конечно, постарается. Просто будь аккуратнее в делах и словах. В словах особенно! Вы, люди, часто ими бросаетесь, а у нас с этим строго. Сказала — делай, да делай как сказано и в указанный срок, не то спрос с тебя будет суровым. И никакие оправдания-объяснения не помогут.

— Но как же быть, ведь всякое бывает, не всегда можно успеть!

— Вот поэтому и думай наперед. Если можешь ничего не обещать — лучше не обещай, а если уж крайний случай приключился, то готовь виру.

— А что это такое?

— Ну вроде как извинительный подарок или услуга. И знай, если виру не предложишь — ее с тебя все одно возьмут, да не то, что ты готова отдать, а то что сами захотят. И словами не бросайся, помни, сказала — сделаю, значит делай.

— А мне тоже можно будет виру спрашивать?

— И тебе можно, только не забывай, молодая ты еще для этих дел. Вот, к примеру, пообещаю я тебе отдать клад, который у меня в лесу лежит. Обещал — значит отдам. Но

срок-то мы не ставили, так я могу и через 200 лет отдать, когда тебе клад не больно нужен будет. А могу отдать сразу, но закладной. Тогда тебе вовсе добра не будет.

— Закладной? Это какой?

— Тот кто клад закапывал, мог к нему сторожа поставить. И должен этот сторож убить каждого, кто клад возьмет, кроме, конечно, хозяина. Уйти этот сторож не может, развеяться, пока клад цел тоже не может, а от скуки за сотни лет так осатанеет, что ему только в радость будет покуражиться над тобой, да убить страшно, чтобы все помнили. Так что когда договариваешься — всегда думай, все ли уговорено что тебе надобно. А лучше смаху договоров не заключать, а время взять, да обмыслить все не спеша, тогда и дело будет.

— Спасибо вам, дядька Ермолай. А мне на речку теперь совсем нельзя?

— Пока не надо. Я, конечно, с Карпычем еще побеседую, но я ему не указчик, он сам себе владыка.

— А почему вы мне помогаете? И тогда, у осины, и сейчас? И как я вас могу отблагодарить за помощь?

— Молодец. девица, быстро учишься. Помогаю я тебе без корыстного умысла, и за помощь эту ты мне ничего не должна, в том и клянусь луной. А вот причин тебе пока знать не надобно, мала ты еще, да и не мне об этом болтать. А благодарность... В гости заглядывай на беседу. Скучно только работой время полнить. Да и девонек моих лесных не забывай, хотя ты их и так не обижаешь. Вот и ладно мне будет. А сейчас беги, пора тебе, дело-то уже совсем к вечеру.

Лелька поспешила домой, и только у самой ограды поняла, что так и не узнала у лешего, какой ведьме она перешла дорогу. Зато это хорошо знала сама ведьма, а то что она забыла, ей живо напомнили.

Лелька не знала что наследующий день после ее знакомства с русалками, чуть не ставшим для нее последним, директор местной школы Инга Геннадьевна проснулась с непонятным ощущением. Шелковая ночная сорочка, нежно обволакивающая тело накануне, внезапно уменьшилась в размерах, а местами вообще разошлась по швам. Удивленная подобной метаморфозой, ведьма подошла к большому зеркалу и заорала в голос. Вместо изысканной леди возрастом между тридцатью и сорока, причем ближе к тридцати, на нее смотрела старуха.

Честно говоря, со стороны Инга старухой не выглядела: обычная грузная тетка, которых немало в любом супермаркете. Однако контраст между вечерним и утренним обликом был столь велик, что женщина показалась себе развалиной. Всего за одну ночь рыжие локоны поседели, посеклись и превратились в грязно-бурую мочалку, тело расплылось, поправившись килограммов на 20, нежные губы вытянулись в тонкие нитки и спрятались в морщинах, а в мешках под глазами смело можно было хранить весь урожай с огородов.

Осев перед зеркалом прямо на пол, Инга вспомнила последний разговор с главой рода Граниных: «Мой сын в состоянии защитить то, что ему дорого, а его самого в состоянии защитить я. Не хотите повторить судьбу уважаемой бывшей верховной — не пытайтесь вредить моему роду».

— Из могилы достал, сволочь! — прошипела ведьма.

Шипеть можно было сколько угодно, покойному патриарху Граниных до этого дела не было. Мозг очнулся от потрясения и наконец-то заработал, выдав кроме фонтана яростной злобы конструктивные соображения: необходимо восстановиться и потом уже решать, как быть с девчонкой. Обливаясь злыми слезами, Инга отправилась в свой схрон, где лежали

сверкающие драгоценные камни, полные жизненной энергии.

— Ведь почти 20 лет собирала! Все, прощай ковен. Придется собирать силу на вступительный взнос заново.

Гараж у ведьмы был пристроен к дому, поэтому никто не увидел, как неопрятная тетка в тесной одежде шмыгнула за руль и с нарушением всех скоростных режимов стартовала в сторону леса. К вечеру ей удалось вернуть былую внешность, но жизненных сил порядком убавилось, теперь она несколько лет будет болеть и стареть как простая смертная. Инга не собиралась спускать это Граниным с рук, но стало очевидно, что повторения подобного сюрприза она может и не пережить. Расправляться с девчонкой надо было чужими руками.

Лелька не подозревала о сгущающихся над ней тучах. Внимательно изучив за зиму мамину тетрадь, она была полна решимости заготовить как можно больше полезных травок, листочков, цветков и корешков. Тетя Наташа, недолголюбивающая все сверхъестественное, к травам относилась лояльно, народную медицину уважала. Ну а то, что далеко не все травы были нужны именно для лечения, Лелька докладывать тете не собиралась. Благодаря такому положению дел, девочке был отдан целый чердак, где можно было развесить пучки трав для сушки, разложить корешки и ягоды, чтобы они сохли по всем правилам — в тени и на свежем воздухе.

Получив в свое распоряжение место для заготовки и хранения трав, Лелька работала как хомяк-трудоголик. Каждое утро, выполнив тетя-Наташины поручения, она хватала рюкзак, лопатку и убегала в лес. Иногда там ее уже ждали лесавки, иногда она трудилась в одиночестве. Дядька Ермолай сказал, что от животных и птиц ей в его лесу зла не будет.

— Но я тебе, девица, не нянька. Ни волк, ни медведь тебя не тронут, но ежели ногу сломаешь в буреломе — спастись будешь сама, так что аккуратнее давай.

Лелька наказ приняла к сведению и честно старалась далеко не заходить. Но услышав о целой полянке маральего корня, удержаться не смогла и отправилась на поиски. Полянку-то она, пусть и не сразу, нашла, а вот на обратном пути заплутала. Девочка уже приготовилась пугаться, как вдруг услышала тихое поскуливание, как будто плакал щенок или котенок. Задумавшись, чей детеныш может так плакать, Лелька пошла на звук. Каково же было ее удивление, когда вместо звериного младенца она наткнулась на прехорошенькую девушку. Несчастливая сидела возле заболоченного прудика и горько плакала. Плакала она судя по всему давно, успела устать, а плач перешел в негромкий скулеж.

— Привет! Ты кто, чего плачешь?

— Ой! — красотка подпрыгнула, как будто ее иголкой ткнули. — А ты кто? Как ты сюда попала? Почему ты меня видишь?

Лелька почти назвала себя, но вспомнила наставления лешего.

— Я травы собирала, заплутала немного и тебя услышала. Так что у тебя случилось, может расскажешь?

— Я бродница, живу в этом ручье. Только он в болото превращается-а-а-а, — с новыми силами зарыдала несчастная.

— Ну превратится, в чем беда? Тебе ж в нем жить никто не запретит.

Из обрушившегося на нее потока слез и слов, Лелька выловила основное: бродницы в болоте жить не могут, уходят или погибают, а она от реки далеко, да еще болотник не отпускает.

— Я с прежним болотником в мире жила, а этот какой-то новый. Мой ручей бобры запрудили и пропали, вода застоилась, скоро мой пруд станет частью болота, а меня

болотник кикиморой сделае-е-е-т.

Лельке было жаль бродницу, но помогать без просьбы она не хотела.

— А почему ты плотину не разберешь?

— Я не могу, совсем слабая стала.

Бродница продемонстрировала Лельке, как ее ладошки проходят сквозь ветки. И тут заплаканная нелюдь сообразила:

— А ты не можешь мне помочь? Пожалуйста!

— Ладно, — вздохнула притворно Лелька. — Показывай, где твоя плотина.

Плотиной оказалась большая куча веток. Они были скреплены глиной, в щели натолкана какая-то трава. Главной проблемой был большой и тяжелый кусок дерева, который и запрудил русло. Лелька заподозрила, что это работа отнюдь не бобров, а шустрого нового болотника. Она выпачкалась, промокла и измучилась, но вытащила и бревно, и ветки. Ручей весело зажурчал по привычному руслу и почти готовое болотце стало исчезать прямо на глазах.

— Ой, спасибо тебе! Ты мне так помогла! Давай я тебя провожу, а то уже темнеет.

Бродница вывела Лельку на знакомую тропку, а там ее подхватили лесавки, обеспокоенные долгим отсутствием человеческой приятельницы. Домой девочка добралась уже в сумерках и еле нашла силы разобрать драгоценные травы. Их оказалось неожиданно много, причем некоторые из собранных трав были редкими, а часть из них Лелька и вовсе никогда не видела.

— Видимо это спасибо от бродницы, — сообразила она.

С этой водяной красавицей Лелька сдружилась. Той, бедняге, было ужасно тоскливо сидеть в своем ручье. Ручеек был маленький, больших забот не требовал, а наблюдать целый день за личинками, паучками, головастиками и прочей живностью не особо весело. Так что красавица была не прочь поболтать. Она слушала Лелькины рассказы, с огромным удовольствием смотрела мультики на смартфоне, особенно про Русалочку, да и сама рассказывала немало интересного. Лелька разузнала все о местных растениях, засушила трав на три зимы вперед. Когда бродница немного поднабралась силенок, они вместе расчистили источник, из которого бил ручеек, выложили его по кругу камешками и пристроили рядом пару чурбачков из старых пней.

Временами к ним присоединялись лесавки, тогда разговоры становились интереснее. Оказалось, что у бродницы нет имени. Лелька ужасно удивилась, но лесавки ей объяснили:

— Мы когда-то были людьми и наши имена остались от той, человеческой жизни. А бродницы — это духи воды, просто набравшиеся сил. Их немного, потому что для рождения бродницы нужен не просто ключ, а ручей, причем немаленький. Так что имя твоей новой приятельнице дать было некому.

— Да ей, наверное, и ненужно.

— Имя нужно каждому. Оно усиливает и людей, и нелюдей, помогает сохранить себя. Когда ручей бродницы исчезнет, исчезнет и она, но если у нее будет имя, то она сможет уйти и поискать себе другой источник.

— Ну пусть выберет себе имя.

— Это не так-то просто. Имя должен кто-то дать, кто-то другой. Как малое дитя не может поименовать себя, так и духи не могут. Кроме того, давая имя, ты даешь дар. Это может быть вещь, а может быть кусочек твоей силы, но без дара имя не держится, не приживается. Поэтому и детям всегда дарят подарки на имянаречение, чтобы имя

защищало, укрывало от злых мыслей и оберегало суть человека.

Лелька не сомневалась, что ее новая подруга отлично знакома с этими правилами, так что, когда та спросила, не может ли Лелька дать ей имя, девочка была готова.

— А ты какое имя бы хотела?

— Я не знаю, я знаю мало имен. Даже твое пока не знаю, ты не говоришь.

— И ты никому не говори. Когда у тебя появится имя, каждый узнавший его получит власть над тобой, малую или большую. Мне дядька Ермолай объяснил. Так какое имя тебе нравится?

— А можно меня назвать, как русалочку из мультика? Она такая смелая!

— Тебе нравится имя Ариэль?

— Да, очень!

— Тогда пусть так и будет. Отныне тебя зовут Ариэль. А чтобы этот день стал памятным, возьми в подарок вот эту заколку для волос. — И Лелька протянула новоявленной Ариэли ярко-голубого пластмассового крабика.

— Спасибо! — захлопала в ладоши бродница. — Спасибо тебе! Ты замечательная.

Приятельницы распрощались, договорившись встретиться через пару дней. Однако, когда Лелька пришла в условленное время, Ариэли не было. Пожав плечами, девочка принялась за сбор маральего корня. Корневища этого растения были очень полезны, а росло его у ручья немало. Она увлеклась и не заметила нежданного гостя. Только услышав вопрос «Как ты здесь очутилась, девочка?» — вздрогнула и подняла взгляд. Передней стоял молодой светловолосый парень с очень светлыми, почти прозрачными глазами.

— Как тебя зовут и как ты сюда забрела? — повторил он вопрос.

Лелька уже собралась ответить, но внезапно заметила, что с левой полы модной куртки течет вода.

— Здравствуйте, уважаемый Карпыч. Дядька Ермолай дозволил мне собирать в его лесу травы.

— Вот же глазастая! — с досадой воскликнул парень и, присев прямо в ручей, превратился в старика с зеленоватой бородой. Только глаза остались прежними — светлыми, почти белыми, с рыбьим зрачком.

Лелька, подумав, отошла в сторонку от воды.

— Не страшись. Не стану я тебя топить. Вижу, ты девка не злая. Вон, бродницу мок пожалела, помогла. Даже имя ей дала, не поскупилась. Я, ежели прямо говорить, мириться к тебе пришел. Неладно у нас прошлая встреча получилась.

«Ничего себе неладно, — подумала Лелька. — чуть не утопил, рыба морда», но вслух ничего не сказала. Водяник помялся еще немного и спросил:

— Может виру возьмешь, да забудем старое-то?

— Мне ничего не нужно.

— Экая ты неуговорчивая...

— А вы можете сказать, кто попросил меня утопить?

— Вот ведь Ермолай болтун! Полено еловое! Не могу я тебе сказать, дева. Не поверишь сам бы рад, да не могу.

— Вам запрещено?

— Да кто ж воде может что-то запретить! Нет, дело не в этом. Просто имени я ее не знаю. Не называете вы имен-то.

— Ну расскажите какая она.

— И этого не могу. Мы вас, людей, по-другому видим. Можем силу видеть, темная она али светлая, можем увидеть есть ли за человеком смерти, здоров ли, болен ли. А цвет глаз-волос не различаем. Вот и выходит — что я могу сказать, тебе без надобности, а что тебе надобно — не могу, потому как не ведаю.

— Тогда у вас нет ничего, что мне нужно.

— Ну почему... В реке много всякого есть. Хочешь убор драгоценный? Колечко али бусы?

— Нет, не надо. Я знаю, что такие подарки добра не приносят, да и ни к чему мне.

— Не приносят, если сам человек забрал. Если же доброй волей подарено, да с нужным словом, то зла такие украшения не несут.

— Мне все равно не нужно. Извините, уважаемый, мне пора идти.

— Э, не спеши. Давай я тебе о медальоне расскажу, что ты на шее носишь?

— Вы ж его не видите.

— Не вижу, но чую. Встречал я такие, но очень уж давно. Однако кое-что о них знаю. Вира?

— Вира! Рассказывайте.

— Твой медальон делал сильный ведун, а помогал ему сильный маг. Медальон это защитный, но оберегает он только членов рода, на кровь заговорен, остальным и навредить может.

— А как навредить? И чем маг отличается от ведуна?

— Навредить по-разному. Ежели кто по незнанию возьмет — расплатится своей удачей, болеть будет часто, деньги терять. Тот, кто украдет — разорится вконец, у него ни копейки в руках не удержится, а когда деньги кончатся — начнет болеть и хиреть. Медальон жизненную силу брать будет, пока человек не умрет, либо не вернет чужое. Ну а если силой кто забрать попытается — костей не соберет. Чтобы твой медальон победить, сил надо много, я таких ни ведьм, ни ведунов, ни магов не знаю.

— А какая разница, маг или ведун?

Разница между магом и ведуном примерно как между обученным ремесленником и одаренным богами. У магов сила, конечно, есть, но использовать ее они могут только по формулам да правилам, а ведун творит как дышит. Маг будет долго считать, место подбирать, ритуал проводить, а ведун просто попросит и все сделается.

— А как мой медальон меня защищает?

— А он пока и не защищает особо. Ты ж его не активировала. Но и так он работает. Ты ж его не снимая носишь?

— Ну да.

— А тебя о нем люди спрашивали?

— Нет. Хотя это действительно странно.

— Вот тебе и первое — кроме тебя, да таких как мы, никто твой медальон не видит. Маг или ведьма могут увидеть, но только если они сильнее твоего батюшки. Это же он амулет зачаровал?

— Я не знаю, но, думаю, что он.

— Он, он. Не сомневайся. Я вижу, что на родную кровь сделано. Твой медальон сейчас работает как слабенький маячок. Ежели с тобой беда приключается, то он подает сигнал. Но видит этот сигнал не всякий, а только тот, кто может и хочет прийти на помощь.

«Так вот как дядька Ермолай узнал про упыря у осины!» — догадалась девочка. Водяной

между тем продолжал:

— Чтобы медальон заработал по-настоящему, ты должна на него капнуть своей кровью и родственную силу подать. Это, обычно, делает тот, кто медальон дарит, мало кто знает, что и сам одаряемый может все сделать. Тебе батюшка сам медальон отдал?

— Не совсем.

— А, да, вижу. Он уже ушел из Яви, когда ты амулет надела. Значит самой придется. Да не печалься, если сразу не получится, это штучка непростая. Может много раз попробуешь, пока она тебя не признает.

— Спасибо, вам, Карпыч.

— Ну что, дева, нет между нами долгов?

— Можно я еще кое-что попрошу?

— Ну попробуй.

— Не сердитесь на Прощу, пожалуйста. Он не хотел вашим русалкам навредить или вас оскорбить. Он меня спасал.

— Этот-то? Ладно, скажи своему малахольному призраку, что я зла не держу, пусть притекает в гости иногда. Но будет за девками подглядывать или шkodить — накажу.

— Спасибо!

— Что скажешь, нет между нами больше счетов?

— Да. Между нами нет больше обид и долгов. Все прошедшее прощено и забыто.

— Вот и ладушки. Ладно, бывай, девица. Не бросишь мою бродницу?

— Нет, она очень славная.

— Вот и ладно.

Водяной как-то по-особому булькнул и исчез, растекшись водой, а Лелька направилась к дому.

Август в этом году полыхнул невиданным урожаем морошки. Деревенские ведрами брали пресновато-сладкую ягоду. Морошку замораживали, мочили в небольших кадушках, варили варенье, сушили на чердаках и на теплых печках. Лелька очень любила эту ягоду, и с удовольствием отправилась на ее заготовку.

Собирались с вечера тщательно. Тетя Наташа приготовила одежду, напомнив девочкам, что все должно быть закрыто, а то заедят комары, или не дай боже, гадюка встретится. Дядя Андрей проверил кузовки и всем выдал перочинные ножички.

— Без ножа в лес только дураки ходят, — высказался он в ответ на осторожные возражения жены.

Лелька тоже готовилась, правда, по-своему. В ее рюкзаке нашлось место для пакетов с полынью, которую она засушила в промышленных масштабах, для маленьких мешочков с можжевельником и рябиной, и для зажигалки, втайне купленной в сельском магазинчике. Юная ведунья слишком хорошо помнила мартовскую встречу с активной покойницей. Повторения ей не хотелось, так что она здраво рассудила, что лучше ко всему быть готовой.

Вышли за ягодой затемно, благо Андрей отлично знал дорогу. Рассвет встречали уже у кромки болота.

— Так, девчонки, слушайте сюда. Ягоды берете только вдоль края, вам хватит. В воду не наступать, только на кочки. Если что-то случилось — подаете сигнал.

Андрей вынул из кармана детские свистки и вручил их дочке и племяннице.

— Увидите змею — аккуратно отходите, змеи сейчас ленивые, да они и так на людей не кидаются. Конечно, если на хвост наступите — ужалит, но для этого у вас вон какие сапоги. Как устанете или просто надоест собирать — подходите во-о-н к той сосне.

Он указал девочкам на обожженное молнией дерево.

— Там сидите и ждете. Пока все не соберем — никто не уходит. Все понятно? Отлично. Объявляю заготовку морошки открытой.

Лелька с удовольствием выковыривала солнечные ягодки из влажной ярко-зеленой травы, отправляя в рот те, что переспели и размякли. Кочки, на которых росла морошка, мягко пружинили под ногами, кузовок постепенно наполнялся. Наполнялся и украдкой взятый с собой пакетик. В него девочка складывала травки. Болотную растительность она знала неважно, так что собирала все что могла в надежде спокойно разобраться дома.

Увлечшись, Лелька не заметила, как наткнулась на молодого парня, тоже собиравшего ягоды.

— Ой! Извините, пожалуйста. Я нечаянно, я вас не видела.

— Да ладно, что ты реверансы разводишь. Всяко бывает. Много набрала?

Лелька продемонстрировала кузовок.

— О, прилично у тебя уже. Я смотрю ты и траву собираешь? Увлекаешься народной медициной?

— Да, мне интересно.

— А хочешь, покажу, где огнецвет растет? Я здесь вырос, места хорошо знаю.

— Мне нельзя от края отходить, тетя будет ругаться.

— Да и не надо, до него вполне можно добраться в обход, по краю болота. Хочешь? Заодно и ягоды дособираешь.

Соблазн оказался непреодолимым, да к тому же наказ взрослых нарушать не планировалось, так что девочка согласилась. Парень действительно неплохо знал травы, даже странно для такого молодого человека. Он показал Лельке заросли багульника, места, где расстилались последние белые коврики цветов вахты, рассказал про то, чем полезен сфагнум. Девочке было интересно настолько, что она забыла про необходимость смотреть под ноги, зацепилась за какую-то корягу и не только упала, но и расшибла нос о мокрый, не до конца сгнивший ствол.

Вскрикнув от боли, Лелька вскочила, и вдруг с ее глаз словно спала пелена. Она увидела, что идет напрямик к центру болота. Взглянула на провожатого — и заорала от ужаса. Вместо молодого, смутно знакомого парня, рядом шел полуразложившийся труп.

— Увидела, значит... — проскрипел покойник. — Только поздно увидела, дрянь мелкая. Не уйдешь теперь, моя будешь.

Девочка лихорадочно соображала, что делать, и злилась на себя, что не смогла удержаться от крика. Она вспомнила, что не так давно в лесу искали какого-то Витьку и нашли, но вроде как не в себе. Судя по всему, нашли кого-то другого, а Витька вышагивал рядом с ней.

— Ой... а тебя Витей зовут? Звали... — Лелька решила хоть немного потянуть время, вдруг что-то придумается. Умирать в болоте было очень обидно.

— А ты откуда знаешь? — ошарашенно отозвался разговорчивый труп

— Тебя искали, специально приезжали из города.

— Не надолго их хватило, видать.

— Они нашли. Теперь тот, которого нашли, в больнице сидит для психических, а твоя мама передачи туда возит.

— Зачем?

— Ну как, сыну. Она же тебя любит.

— Вот такого? Не думаю.

— А почему ты здесь оказался?

— Да услышал, как в кустах Альберт голосит. Мне ж его папаша платил, чтобы я за этим козлом присматривал. Нянька, типа. Ну я в кусты и ломанулся, спасать. Случись что с этим сусликом, меня бы там же зарыли. Ломанулся, а там такая тварь! Оказалось — болотник местный. Утопил он меня в чарусье. Только зря он это сделал! Я сильнее! Так что теперь я здесь хозяин!

Лелька почти физически почувствовала, как идущее рядом существо наливается злобой.

— А ты, дрянь такая, в мои дела полезла! Кто тебя звал к тому ручью?

— Но я же не знала, а она так плакала!

— Не знала, значит не фиг было соваться. А раз влезла на мою территорию — плати!

Бывший Витька каким-то кенгуриным прыжком оказался рядом с ней, и Лелька поняла, что это конец. Надеяться было не на что и не на кого. Просить Велеса о помощи она не могла, слишком сыро, огонь не разведешь. Соль и полынь это существо только разозлят. Девочка читала о нелюдях все, что могла найти, и знала, что на своей территории болотник практически непобедим.

На медальон тоже надежды не было. Тогда, после разговора с домовым, она несколько раз пыталась активировать защиту, исколола все пальцы, но так ничего и не добилась. Загадочная фраза, что надо «подать родственную силу» осталась загадкой, даже Кондратьич не помог.

— Не по мне это, веда. Я вашу силу видеть-то вижу, но не понимаю. Не знаю, как ей управлять.

Между тем, болотник прижал Лельку к последней кочке. Дальше начиналась трясина. И тут страх, переполнявший девочку, перешел в холодное бешенство.

— Да сколько же можно! То одно, то другое! Как же вы все меня достали!

В этом «все» были и Ирина, с ее придирками, и предательница Ленка, и непонятная тварь с туманными глазами, и все прочие, кто не давал ей просто спокойно жить. Девчонка выхватила перочинный ножик.

— Хоть пообстругаю этой мерзости корешки, которые он на себя нацепил!

Увидев ножик, Витька-болотник мерзко захихикал:

— Ну ты и дура! Тоже мне, нашла оружие!

Смердящая мерзость надвигалась на Лельку. Перехватив нож, девчонка не заметила, как полоснула себя по ладони и приготовилась к последней в жизни драке. Болотник потянулся к ее горлу, не обращая внимания на попытки порезать его ножом. Лелька отшатнулась, прикрыла шею рукой и внезапно почувствовала, как полыхнул медальон. Полыхнул буквально. Серебристо-алое пламя на мгновение расцвело куполом, и ринулось на болотника. Тот взвыл, как сирена пожарной машины и отлетел на несколько метров.

— Что это?! Что это такое?! Жжется!! А-а-а-а! — завыл бывший неплохой парень Витя.

Лелька же бросилась бежать, не дожидаясь окончания перформанса. Удивительно, но она даже не потеряла кузовок и рюкзак. Выскочив к краю болота, девочка обернулась. Дымящийся болотник пытался уползти в чарусью, забыв о планах великой мести. Лелька отошла к лесу и без сил опустилась на землю.

— Что, наприключалась, дева? — ехидно спросил знакомый голос.

Подняв голову, она посмотрела в желтые глаза лешего.

— Наприключалась, дядька Ермолай. Выше крыши наприключалась.

— Неосторожная ты. Ну да хоть висюлька твоя активировалась, теперь тебе попроще будет.

— Дядька Ермолай, покажешь дорогу? Меня, наверное, потеряли. Не только Ирина возмущаться будет, но и дядя с тетей рассердятся.

— Эх ты, кулема! Пойдем, проведу тебя своей тропкой. Только с тропы не сходи, а то пропадешь в Нави, там тебя и я не найду.

С помощью лесного хозяина Лелька очутилась у приметной сосны раньше всех и с полным кузовом ягод. Наследующий день она купила свежий круглый хлеб, с полкило недорогих карамелек и яркие атласные ленточки. Хлеб и конфеты со словами благодарности оставила на знакомом пне, а ленты подарила лесавкам, обрадовав их до счастливого визга.

Все вроде бы наладилось, но одна мысль так и не давала девочке покоя. Если Витька стал болотником, то кто же тогда сидит в городской дурке? Не найдя ответа, Лелька решила спросить у Кондратьича. Выбрав вечер, когда Ирина убежала к подружкам, а уставшие за день дядя с тетей присели у телевизора, она достала карамельки и позвала домового. Смена традиционного молока с хлебом на дешевые карамельки с химически-сладким запахом была вызвана коварством Лапатундель. Кошка упорно находила приготовленные для домового подношения и охотно разнообразила ими свое меню. Карамельки же не вызвали у умного животного ни малейшего энтузиазма. Обследовав их однажды и как следует прочихавшись от удушливого аромата, Тундель сделала пару движений, будто закапывала лоток, и больше конфетами не интересовалась.

Кондратьичу же на содержание красителей, подсластителей и прочих добавок было откровенно наплевать. Конфеты дарились ему, дарились с почтением и добрыми пожеланиями, этого домовому было достаточно. Так что вечерняя встреча высоких сторон проходила в компании карамелек и травяного отвара, заменяющего чай.

— Кондратьич, миленький, что же это получается, если Витька чуть меня не притопил в трясине, то кому же возит передачи его матушка?

— Я, дева, об этом немного знаю, тебе бы лешака своего попытать. Довелось слышать, еще в старые времена, что иногда навьи твари находят лазейки в Явь. Сил у них мало, мозгов совсем нет, но жрать они хотят не меньше прочих. Такая тварь садится в укромном месте, чаще в лесу, но может и в дом заползти, если домового у семьи нету. Садится, значиться, тварь и ждет того, кто первым придет. А увидев, принимает облик встреченного человека. Ежели это приключается в доме, то тут разговор короткий, домашние завсегда поймут, свой перед ними, али мерзость невнятная. А вот ежели в лесу встретятся, то и случается, как с Витькой. Ведь не попадись он болотнику, люди бы скоро разобрались, а теперь поди, докажи, что сидит в лечебнице и не человек вовсе. Засмеют, а то и рядом пристроят посидеть.

— А что же теперь делать?

— А что тут поделаешь... Ты, главное, сама не забывай смотреть. Ведь умеешь же тварей от людей отличать!

— Я и смотрела. Но он выглядел как обычный человек.

— Силен видать, раз смог от веды спрятаться.

— Как плохо быть слабой! Была бы я нормальным человеком, никому бы до меня дела не было, да и сама яникуда бы не влезала. А сейчас — как папа говорил, ни пес, ни выдра, ни ведунья, ни человек.

— Ладно тебе печалиться. Вон, Витька, обычный ведь был, тебе же кто хочешь это бы подтвердил. Сильно ему это помогло?

— Кстати да. Как же он вообще смог стать болотником?

— Это ты, дева, у лешака своего спрашивай, я тебе тут не подсказчик. Спасибо тебе за чай, за ласку, пора мне, бывай, — и Кондратьич растворился в наступивших сумерках.

Беседа с домовиком Лельку не успокоила. Кое-что она поняла, но вот как себя вести, чтобы не оказаться на месте Витьки, ей было неясно. Воспользовавшись последними летними днями, девочка через Улю и Дану попросила лесного хозяина уделить ей время.

— Ну здрава будь, девица, — прогудел леший, принимая купленные в подарок хлеб и сахар. — Что тебе покоя не дает?

— Дядька Ермолай, расскажи, как Витька смог стать болотником, и как мне-то быть, чтобы так не попасться? Мне объяснили, откуда второй Витька взялся, но вот как уберечься от твари я не знаю. И совсем уж не понимаю, как обычный человек победил хозяина болот.

— Ну, навьих тварей ты теперь можешь не бояться, твой медальон их на подлете изжарит. Что же касается Витьки... Болотники-трясинники все когда-то были людьми. Стоялая болотная вода — жадная. Что в нее попадет, в ней и сгинет. Однако если душа у человека сильная да темная, его злоба может оказаться сильнее злобы стоячей воды. Такой утопленец получает над трясиной власть и становится ее хозяином. Приманивает заблудившихся путников, затягивает ослабевших животных, топит в чарусьях сборщиков грибов и ягод, подкармливает болотную воду. А та в ответ делится с ним своей злобой и дарит долгий срок жизни. Но может вода и рассердиться.

Прежний болотник давно правил. Он когда-то колдуном был, шибко вредным. Еще до войны с ханцузом поймали его мужики, связали, да притопили в небольшом болотце. Потом пожалели, да поздно. Стало болото расти, стали пропадать кошки, собаки, куры опять же. А поднабрав силенок, сожрал болотник своих погубителей, отдал их души стоялой воде. Болото после этого выросло так, что чуть лес не затопило. Пришлось мне этому паршивцу объяснять, чьи в лесу шишки и чей сам лес. Но потом все устоялось-успокоилось, пару веков жили мы мирно. А в последние года стал, видать, хозяин болота уставать. Никого не топил, в чарусьи не заманивал, спал себе под кочками. Само болото и то подсыхать стало. Вот стоялая вода и выразила ему свое неудовольствие. Так что, когда Витька, почитай, сам прибыл, не было ему другого пути, кроме как в трясину. Да только не ведал болотник, что стоялая вода решит заменить его новым хозяином — молодым, полным сил и огромной злобы. Всю злость на богатого бездельника, на свою неудельную жизнь, на украденные непржитые годы вложил Витька в драку с болотником. Видать воде такой его пыл глянулся, так и стал он болотным царем.

Ты, девица, в эту осень на болота боле не ходи, не надо тебе. Утопить-то он тебя вряд ли сможет, медальон не даст, но по-другому напакостить — только в путь. Ни к чему тебе такие страсти, не надобны. Травы ты все собрала. А коли чего не хватает — гуляй по моему лесу до первого снега. После уж не моя власть будет, Зюзя хозяйничать станет, будешь с ним разбираться.

Август катился к концу, закрывая летнее раздолье, впереди замаячила школа с ее уроками, проблемами и одиночеством. Как-то незаметно для Лельки в ее окружении нелюди почти заменили людей. Леший был ей ближе, чем соседи, жившие на одной улице, а бродница и лесавки — приятней Ирины с ее компанией. Девочка понимала, что хорошего в этом мало, но насильно мил не будешь, так что вновь «навести мосты» со сверстниками она не пыталась.

В один из последних летних вечеров с ней неожиданно заговорил дворовой Дрон. С этим странным существом Лелька практически не контактировала. Временами она замечала его за работой во дворе, иногда, если было время, прибирала упавшие инструменты или подметала углы, которые дворовой не мог очистить сам. Поэтому, когда Дрон с ней заговорил, она страшно удивилась.

— Дворовой из крайнего дома под зеленой крышей весточку передал. Домовик их с тобой очень поговорить желает, но прийти не может, нет ему ходу из дома-то.

Крыша, крытая щегольской зеленой черепицей, на доме Нины Петровны, сельской продавщицы, была предметом зависти многих селян, так что о каком доме речь, Лелька поняла. Но вот зачем ей какой-то чужой домовый, понимать не хотелось, как не хотелось объяснять что-то Нине Петровне, женщине крупной, нервной и весьма ушлой.

— Зачем мне с ним разговаривать? Своих дел хватает.

— Он говорит, что хозяйка дома худое задумала, всей деревне беда может быть.

— Я к Нине Петровне не пойду, если ему так надо — пусть сам соображает, как поговорить. Вон, хотя бы и через Кондратьича.

— С Кондратьичем они издавна не ладят, с той поры, когда здесь еще вместо домов землянки были. Неможно им говорить. Драка будет.

— А это, Дрон, не моя печаль. Слыхал, поди, старую поговорка «Овес за конем не ходит, а хлеб за брюхом».

— Не пойдешь, значит?

— Не пойду. А в чем твой-то интерес?

Дворовой помялся и признался:

— Я их дворовому, Хотену, в карты желание проиграл. Вот он и пожелал, чтобы, значиться, веда с домовиком поговорила.

— Вот оно как... А если не поговорю, что будет?

— Нечестный я буду, долг не отдать нельзя, за такое могут и с деревни согнать. Прошу тебя, веда, поговори, а?

— Вот мое последнее слово, Дрон. Если придумают, как мне с домовиком поговорить втайне от хозяйки дома, так и быть, поговорим. Но только ради тебя, чтобы твою просьбу уважить. Если же не придумают — значит не судьба.

Дворовой, уже почти смирившийся с отказом, радостно закивал и утек под крыльцо. Лелька знала, что он там проживает в виде большущей змеи, большую часть времени спит, но иногда охотится на заблудившихся мышей, отбивая законный хлеб у Лапатундель.

Через пару дней Дрон снова появился перед девочкой.

— Надумали что-то?

— Надумали, веда. Завтра хозяйки весь день дома не будет, она в город поедет, еду повезет навьей твари. Подойди в полдень к дому с задней стены, тебя Хотен впустит и выпустит, и всем глаза отведет. Никто тебя в его дворе не увидит.

— Ого! И ты так можешь?

— Знамо дело, на своем дворе каждый из нас полный хозяин. Захотим — никто ничегошеньки не увидит. Опять же недруга дворовой придержать может, зло незваное во двор не впустить. Только если хозяин сам, доброй волей кого пригласит, то тут уж у нас силы нет возражать.

На следующий день Лелька отправилась «на дело». Тоненькой девчонке несложно было проскользнуть между домами и заскочить незамеченной в небольшую калитку за домом. Оглядевшись по сторонам, она оценила образцовый порядок, аккуратные грядки с зеленушкой и клубникой, большой парник для ранних овощей. Дворовой Хотен встретил Лельку в виде змеи. Она знала, что эти нелюди часто принимают облик хозяина дома, не всегда близко к оригиналу, ну уж кто как может. Однако у этого дома больше не было хозяина, а выглядеть крепкой теткой Хотену, видимо, не позволяло чувство собственного достоинства. Следуя по дорожке за упитанной змеюкой, Лелька подошла к дому. Окно распахнулось, и девочка увидела местного домового.

Щуплый, тощий мужичок с козлиной бородкой, посматривал на нее явно свысока, но Лельке было на это наплевать. Она спокойно смотрела на нелюдя, не начиная разговора. Прождав пять минут в полной тишине, девочка развернулась и пошла от дома. Тут-то домовик и запаниковал.

— Веда, погоди, веда!

— А зачем мне годить? Помолчать я и дома могу. А заодно и дела сделаю, их сейчас достаточно.

— Ну прости меня, дурака. Малая ты ищцо. Засомневался я.

— Ладно, давай попробуем еще разок. Мне передали, что ты хочешь говорить со мной, я просьбу уважила — пришла. Теперь твое слово.

— Хозяйка дома моего худое замышляет. Ты, веда, знаешь про ее сына? Что заместо него в аптеке навья тварь сидит?

— Знаю. И где настоящий сын — тоже знаю.

— Эва как! А где ж он?

— А вот это уже не твоя забота, сам понимаешь. Твоя власть в доме, только до порога.

— Твоя правда, веда. Только может хозяйка беду на мой дом навлечь. А коли дом-то я не уберегу, мне и самому конец придет. А неохота.

— Давай-ка уважаемый, ближе к делу. Что твоя хозяйка такого замыслила, что тебе аж помощь понадобилась? Ведь в стенах дома твоя власть велика, ты почти все можешь.

— Все, да не все. Этого подменьша, которого хозяйка сыном числит, в лекарне больше держать не хотят. Дескать, тихий он, не опасный. Вот Нинушка и задумала домой его, значит, забрать. Она ж уверена, что это родное ее дитя. Надеется, что дома и стены помогут. А не помогут. И я ничего не сделаю, ежели она эту тварь сюда своей волей приведет, а она приведет, я знаю, она всегда упрямая была. И когда такое приключится, вытянет тварь из нее жизненные силы, а после и дом рассыплется. Сейчас-то, в лекарне, людей вокруг много крутится, от каждого по капельке отщипни — они и не заметят, а таких тварей десятков прокормить можно. А вот здесь, когда Нина-то одна с этой гнусью останется, все будет плохо.

— Проблема мне понятна, но причем здесь я? Нина Петровна мне не родня, к сыну ее я тоже добрых чувств не питаю.

— Э-эх, веда, молодая ты видать, глупая. Ты сообрази: тварь эта облик менять может. Когда она здесь все сожрет, делать чего станет? Правильно, примерит на себя иное обличье и дальше отправится. А вот кем она станет, кого заменит — мы не узнаем. Ты ж знаешь, что мы вас, людей, не так видим, как вы себя сами. Описать не можем. И я не смогу, даже если доживу до встречи с тобой. Хочешь, чтобы такое к тебе в дом пришло? Сестрой ли, теткой ли, другим ли человеком? Тварь силу набрала, ты ее сразу точно не узнаешь, слабая ты. А когда разглядишь — может уже для многих поздно быть.

Лелька представила себе эту картину и ей стало плохо. Руки затряслись, колени ослабли, и она присела прямо у стены дома.

— Вижу, поняла. Веда, ты промеж людей живешь, подумай, как хозяйку упредить?

Девочка посидела минут десять. Что можно сделать, она понимала, но отправлять бедную тетку на болото, где ее могут просто сожрать, ей решительно не хотелось.

— Так, уважаемые, а есть ли у вас в хозяйстве куры?

— Есть, как не быть, — откликнулся Хотен. — Только они сейчас в сарайке закрыты, хозяйка-то уехавши.

— А черные среди них есть?

— Есть парочка.

— Так, уважаемый домовой, уж прости, имени твоего не знаю, не назвался ты, дай-ка мне листок бумаги и карандаш или ручку, письмо твоей Нине напишу.

— А что писать-то станешь, веда?

— Вот хозяйка дома прочтет, и все узнаешь. Но писать стану для выполнения твоей просьбы, так что уж позаботься, чтобы письмо ей в руки попало как можно быстрее.

Небольшую записку Лелька старательно вывела печатными буквами, ей не хотелось, чтобы кто-то узнал ее почерк. Вечером, когда Нина Петровна вернулась из города, в центре стола ее ждал свернутый треугольником листок.

Мимоходом удивившись попаданию посторонней бумаги в дом, замученная поездкой в город, а больше свиданием с больным сыном, женщина развернула записку. Поначалу Нина не поняла написанного, потрясла головой и прочла письмецо еще раз. Текст гласил: «Если

вы хотите узнать, что случилось с вашим сыном, приходите на закате к краю болота. С собой возьмите черную курицу и острый нож. Как дойдете до края, позовите: болотный правитель, трясиновый повелитель, мой дар прими, себя яви. Перережьте курице горло, положите ее поближе к болоту, но не в воду. Если птица исчезнет, вы увидите Болотника, он вам все расскажет. Если птица не исчезнет за десять минут— быстро уходите, оставаться станет опасно».

Женщина потеряла виски и грузно опустилась на стул. Нина прожила в селе всю свою жизнь. В детстве она слушала старушечьи сказки, в юности гадала в бане на суженного, подкармливала домового, проводила обряды на благополучие дома и урожай, но вот так прямо сверхъестественное в ее жизнь не вторгалось. Традиции, которые она соблюдала по привычке, внезапно обрели новый пугающий смысл. О болотном царе ей рассказывала родная бабушка, по рассказам, тварь это была жадная, ленивая, но не особо злобная.

Нине до слез хотелось узнать, что случилось с ее кровиночкой. Она не хотела и не могла расстаться с надеждой, что Витенька вернется в разум, снова ее узнает, и все будет как прежде. Для этого Нина была готова горы свернуть, а не то что на болото сходить. Участь курицы была решена.

На завтра, переделав дела, женщина посадила будущую жертву в корзину, прихватила остро наточенный нож и отправилась к болоту. Дорога показалась ей неожиданно короткой. Нине неоткуда было узнать, что накануне Лелька попросила лешего присмотреть за несчастной теткой, чтобы та не заплутала и, по возможности, не утонула. На краю болота Нина привычно перехватила курице горло и произнесла заученный наизусть текст. Как велено было в записке, опустила птицу на землю и чуть отошла. Несмотря на полную, казалось бы, готовность к любым чудесам, при виде исчезающей курицы она испугалась.

Но этот испуг немедленно смыло волной настоящего ужаса, когда на ее глазах из воздуха соткалась ужасная тварь, пожирающая птицу. В следующую секунду Нина осознала, что на твари — Витенькина куртка, грязная, но вполне узнаваемая. Эту модную и дорогую одежду она не спутала бы ни с чем. Яркая, желто-оранжевая куртка сыну очень нравилась, но безалаберный мальчишка почти сразу потерял бусину, фиксирующую завязку капюшона. Нина, конечно, рассердилась, но долго злиться на сына она никогда не могла, так что фиксаторы были заменены ею на бусины из настоящего янтаря, оставшиеся от старого ожерелья. Именно эти бусины и были на куртке.

Забыв все, женщина кинулась на тварь, упала во влажный мох. Вскочила и вдруг услышала:

— Маминка...

Так ее звал только сын. Об этой их маленькой тайне никто не знал. Много лет назад Витя переписывался с девочкой из Чехии и ему очень понравилось это обращение, ласковое, но не слащавое. Нина оцепенела. Воздух вокруг твари пошел волной, и она увидела сына! Сына, который узнал ее, заговорил с ней!

— Витя, сынок, как же ты здесь? Зачем? Пойдем домой!

— Мой дом теперь здесь, маминка. Прости меня, не уберегся я.

Жуткая история, рассказанная тем, кто был ее родным мальчиком, не укладывалась у Нины в голове. А существо перед ней продолжало:

— То, как ты меня видишь — это иллюзия, на самом деле я уже почти себя не помню. Я именно тварь, которой предстоит сидеть в болоте, пока не придет кто-то сильнее и не убьет меня, как я убил прежнего болотного царя. Я тебя прошу о двух вещах. Во-первых, не

забирай домой ту гнусь, что приняла мой облик. Это не человек, он тебя убьет, да так, что даже душа твоя не уцелеет, станет его поживой. Во-вторых, больше сюда не приходи. Мне все труднее помнить, что я был человеком, вскоре я тебя не узнаю и могу убить, как велит мне моя новая природа.

— Но ты же узнал сейчас, ты ж говоришь со мной!

— Я слишком недавно был человеком, но это уже почти забылось. В следующий раз куриной крови будет недостаточно. Моя душа не может уйти, но не может и жить в твари, она уходит в глубину, ожидая освобождения. Ждать ей долго, убить меня здесь невозможно, это моя вотчина и я здесь почти бог. Я не помню родства с людьми, а скоро забуду и тебя. Не приходи, живи спокойно. В нашем доме есть тайник. В моей комнате, в стене, возле постера с мотоциклом. Он хорошо спрятан, но если разберешь стену, то найдешь. В нем лежат доллары, там много, я у Альбертика спер, пока тот травку дегустировал. Тебе этого надолго хватит. Живи спокойно, рано или поздно меня убьют, я тебя найду даже за гранью. Я тебя очень люблю и всегда любил. Ты самая лучшая мама на свете. Прощай, маминка.

Виктор растаял в воздухе. Только густой запах тины и гнили напоминал, что владыка трясины выходил наружу. Нина отползла от края болота и разрыдалась. Она отчаянно не хотела верить, но одновременно понимала, что это правда — ее любимого, ласкового и самого лучшего мальчика больше нет. Она никогда с ним не поговорит, не обнимет, не накормит своими пирожками, которые он очень любил. Нина больше не знала, что ей делать со своей жизнью, зачем ей вообще эта жизнь. Сил думать, чувствовать и даже горевать у нее не осталось. Медленно переставляя ноги, она побрела вперед, не думая куда идет и даже не удивилась, выйдя к краю деревни. Дверь дома захлопнулась за ней, отрезая от привычной и неплохой, в общем-то, жизни. Она не в силах была думать о том, что теперь ее ждет.

Ирина смотрела в окно на серый сентябрьский дождик. Капли бились о стекло, затекали в квадратики переплета. На старенькой веранде было прохладно и влажно. Настроение было таким же мерзким, как погода, и улучшаться не собиралось. Девочка, уже фактически юная девушка, вздохнула, поплотнее закуталась в старое шерстяное одеяло и обхватила ладонями кружку с чаем.

За прошедший год с хвостиком она чуть привыкла к постоянному присутствию сестры-захватчицы. Оно уже не вонзалось, как гвоздь в пятку, а скорее ощущалось фоном, накидывало на все серый флер, стирало краски и радость жизни.

Как будто этого было мало, Сашка так и не признавал ее своей девушкой. Нет, в школе все знали, что этот парень — ее. Желаящим проверить так ли это, она с компанией вправляла мозги быстро. Только вот школа — это не все село. Вокруг было полно «доброжелателей», с удовольствием докладывающих ей, с кем Сашка ходил в кино или на танцы, с кем обжимался по углам.

Ирина вздохнула снова и подумала, что слонов едят по частям. Решать проблемы предстояло аналогичным методом. Повлиять на Сашку она не могла никак, а вот сестрицей стоило заняться поплотнее. Дело упрощалось тем, что Лелька, неуловимая летом, с наступлением холодов оседала дома. Оставалось продумать план атаки и непременно учесть настрой отца. В прошлый раз именно его реакция испортила все дело. В своей способности вертеть мамой она не сомневалась, а вот с отцом придется считаться. План не придумывался, дождь не кончался, настроение портилось. Ирина не подозревала, что помощь уже близко. И какая помощь!

В большом доме, стоящем в стороне от села, в это же время рыжеволосая красавица лечила насморк и злилась, злилась, злилась! Инга никогда не простывала, сколько себя помнила. Ведьмы не болеют ничем и никогда. Этот насморк, ставший напоминанием о неудачной попытке избавиться от выродка Граниных, был просто оскорблением. Инга уже не могла видеть распухший нос, красные слезящиеся глаза, растрескавшиеся губы.

Первого сентября, на школьной линейке, она наконец-то разглядела девчонку. Ну что сказать... Если юных девушек обычно сравнивали с бутонами роз, то эта была шиповником. И не цветком, с ними Инга мирилась, а тонким, как крысиный хвост, колючим прутом. В свое время садовник немало помучился, пытаясь извести упрямые растения, облюбовавшие теннисный корт. Успеха он не достиг, позже пришлось выкорчевать все и застелить корт дорожным специальным покрытием. А до этого каждую весну тощие прутья вырастали заново. Рвали колготки зрительниц и шелк летних юбок, впивались в щиколотки прочными шипами. Шиповник Инга ненавидела.

Однако, ненависть ненавистью, а здравый смысл и самосохранение никто не отменял. Директор школы Инга Геннадьевна отлично помнила все, что случилось летом и повторения не хотела. Поначалу она полагала, что придется строить сложную интригу, выращивать с нуля того, чьими руками она расправится с соплячкой. Но первое сентября преподнесло ей подарок.

Эту старшеклассницу Инга заметила давно. Девушка раздражала ее расцветающей красотой. Соперниц ведьма не терпела и свято соблюдала правило: паровозы надо давить, пока они чайники. Наведя справки, она узнала, что будущая (хотя, чего уж там, настоящая)

красотка приходится Граниной двоюродной сестрой и даже живет с ней в одном доме. А понаблюдав за кухнями на линейке, Инга поняла, что любви между сестрами явно нет, зато неприязнь налицо. Ей предоставлялась возможность убить даже не двух, а трех зайцев одним выстрелом, и ведьма собиралась использовать ситуацию по максимуму.

Лелька за последние два года разлюбила сентябрь. Раньше, в той, прошлой жизни, она с нетерпением ждала осени, возвращения из экспедиции родителей, встречи с подружками. Все это исчезло под колесами большегруза. Нынешний сентябрь стал знаменем одиночества: прятались до весны лесавки, устраивалась на зимовку бродница. Даже леший начинал подыскивать дупло поуютнее. Осень и зиму он не шибко жаловал, ворчал и меланхолил. Тем удивительнее было получить от него приглашение на лесной праздник. Доставившая приглашение Уля не вопросы не отвечала, только загадочно посмеивалась. Однако предупредила, что одеться надо основательно, как для похода на болото. При упоминании болот Лелька занервничала, но лесавка успокоила:

— Не бойся, к болоту ты и близко не подойдешь. Новый болотник беспокойный, от него все стараются пока подале держаться.

Явившись в назначенный срок к знакомому пню, Лелька привычно выложила на него гостинцы и огляделась. Она никак не могла поймать момент появления лешего, не хватало силенок. Девочка постоянно расстраивалась из-за собственной слабости. Но в этот раз она почувствовала лесного хозяина до того, как он с ней заговорил.

— Здравствуйте, дядька Ермолай! — поздоровалась Лелька, поворачиваясь к лешему.

— Здрава будь, девица. Вижу, искорка твоя разгорается, растет ведовское чутье. Видать верным путем идешь. Спасибо, что не забываешь меня, старика, гостинцами балуешь.

— На здоровье, лесной хозяин, да на удовольствие! Я от вас кроме добра ничего не видела, в ответ порадовать — дело правильное. А что вы сегодня празднуете?

Отметив, что малышка не удержалась от вопроса, леший ответил:

— Змейник осенний сегодня. Собираются все змеи, выбирают царицу. После две седмицы будут они праздновать, дела свои змеиные заканчивать, а после Сдвиженья залягут на зимовку.

Лелька передернулась. Змей она раньше практически не видела и побаивалась.

— Э, дева, — заметил Леший — не дело веде змей опасаться. Змея — животное не самое разумное, но и неглупое, а еще верное и благодарное. Тебе за жизнь в разных местах ходить и в разных лесах-болотах травы искать. Если ты змеиной царице глянешься, то ни одна змея тебя потом в жизни не тронет. Так что бояться не надо, смотри вокруг внимательно, на змеюшек не наступай. Сапожки твои им, конечно не прокусить, но все равно, наступишь — и им больно, и тебе неприятно.

Глядя под ноги, Лелька двинулась за лешим. Буквально через несколько шагов она увидела первую змею.

— Ну что ты пугаешься! Это ж обыкновенный ужик. Они никому не опасны, встреч не ищут, под ноги не лезут.

Леший поднял ужа, похожег она черный недлинный ремешок и протянул девочке.

— Посмотри, потрогай, познакомься.

Ужик совершенно не возражал против такого обращения, и осмелевшая Лелька осторожно прикоснулась к чешуйчатой спинке.

— Ой... Я думала змеи липкие, как лягушки, а он сухой и шершавый!

Ужик пригрелся на руке и всем своим видом демонстрировал, что не возражает, если

его доставят прямо на место.

— С чего ж им липкими-то быть. Лягухи в болоте живут, им надо чтобы вокруг мокреть была, а змеи — они тепло любят. Ты, девица, не отвлекайся шибко, под ноги-то смотри.

Лелька отвела взгляд от ужика и ахнула. Земля вокруг превратилась в настоящий ковер, весьма целеустремленно ползущий в одном направлении. Черные и графитовые ужи, красноватые, бурые, коричневые и зеленоватые медянки, гадюки с узором на спинках — казалось все змеи мира сползлись в одно место. Ужик на руках у Лельки завозился, и она осторожно опустила его на землю. Тот, свернув из хвоста на прощанье какой-то знак, скрылся в толпе собратьев.

— Смотри-ка ты, молодой совсем, этого году, а вежество знает, — умилился леший.

— Это он хвостиком так попрощался?

— Прощался и спасибо сказал за тепло и помощь. Смотри-ка, вон ползут самые сильные. Кто-то из них сегодня царицей станет.

— А они драться будут, что ли?

— Ну ты и удумала! Драться! Змеи не глупые, драк не затевают. Смотри, сама все увидишь.

Претендентки на престол размером были чуть поменьше Дрона. Лелька таких змей видела только в зоопарке и даже не подозревала, что они могут обитать в неприветливых сибирских лесах. Будущие царицы, между тем, сползлись в круг. Остальная масса змей схлынула, вокруг претенденток появилось свободное пространство примерно в метр, а сами они приподнялись на хвостах и закачались, глядя друг на друга.

— Что это они делают?

— погоди, не шуми, потом расскажу. Сейчас молчи, мешать нельзя, зажалят!

Испуганная девчонка заткнулась. Подобный поворот оказался для нее неожиданным, уж очень она привыкла, что в лесу ее никто не трогает. Между тем странное противостояние продолжалось. Змеи, казалось, увеличивались в размерах, покачиваясь на хвостах. Внезапно одна из участниц забега за короной свернулась клубком и будто сдулась. Лелька с изумлением смотрела, как змея на глазах укорачивалась, утрачивая яркую окраску. Через некоторое время все повторилось еще и еще раз и, наконец, осталась единственная победительница. Девочке показалось, что она видит на плоской голове пресмыкающегося крохотную корону.

— Ну вот и все, пойдём победительницу поздравлять.

Вместе с лешим Лелька опасливо приблизилась к огромной, по сравнению с соплеменниками, змее. Раздвоенный язычок прикоснулся к пальцам, исследовал ладонь протянутой руки. Неожиданно зубы впились в запястье, руку пронзила боль. Девочка вскрикнула.

— Ну ладно, ладно, все уже. Посмотри-ка на руку.

На запястье, где Лелька ожидала увидеть кровь и рваную рану, появился отпечаток маленькой короны.

— Ну вот, теперь полозово племя тебя везде узнает, а случится нужда — и поможет.

И тут у Лельки запоздало проснулась подозрительность.

— Дядька Ермолай, зачем вы все это сделали?

— А чем, ты, дева, недовольна? Дело-то доброе.

— В подлунном мире каждый в первую очередь соблюдает свой интерес, это мне крепко запомнилось с ваших же слов. Я не понимаю, в чем ваш интерес, и хочу знать, что

должна буду за такую дорогую услугу.

— Мне ты, девица, ничего должна не будешь, луной клянусь, моей корысти в этом нет.

— А чья тогда корысть и кто с меня долг взыщет?

Леший посмотрел на Лельку странно изменившимся взглядом, вытянутые зрачки желтых глаз распались на точки, и той вдруг стало зябко. Она как-то сразу осознала, что рядом с ней не человек, как она по инерции воспринимала лешего, а древнее могучее существо, для которого ее жизнь значит меньше, чем жизнь любого лесного комара. Просто потому что комар свой, а она — чужая.

— Быстро ты, веда, учишься. Но не ищи зла там, где его нет. Я поклялся, что нет моей корысти в этом даре, клянусь Луной и в том, что сделан он добровольно и ты ничегошеньки за него никому не должна. А что запомнила про интерес — молодец. Кто это правило помнит, живет долго.

Девочка выдохнула. Внезапно нахлынувший страх отползал куда-то вглубь. Но Лелька знала, что насовсем он уже не уйдет. Про себя она порадовалась, что все обошлось и решила, что будет осторожнее. Лучше все контакты с лесными нелюдями проводить по ритуалам и правилам, не забывая, что друзей здесь у нее тоже нет. Тем не менее, любопытство не позволило ей не задать очередной вопрос:

— Дядька Ермолай, а что это было, со змеями?

— Это, девица были, как у людей сейчас говорят, выборы. Каждая из змей в царском кругу владела не только своей силой-мощью. но и силой соплеменников, кто желал ее на престоле видеть. Этим змеи и мерялись.

— А если кто-то будет недоволен — Лелька запнулась, уж больно странно это звучало, — результатом выборов?

— А вот тут у змей свой порядок. Доволен-недоволен, а проиграл битву сил, значит проиграл. И сегодняшней царице змеи будут подчиняться долго.

— Это что же, не каждый год бывает?

— Эх ты сказала! Да кто ж каждый год такое затевать станет! Нет, теперь царица править будет, пока силу чувствует, а как придет ее время, уползет из этих мест, где они помирают, даже мне неведомо. Так что не просто так тебя на праздник звали, выбор змеиной царицы — дело редкое, не всякий человек столько живет, сколько она правит. А метка ее — знак любой змее в любой части мира, только в северных лесах это приказ, а в других местах — вежливая просьба. Ежели тебя судьба унесет в чужие края, помни об этом и не злоупотребляй.

Лелька подумала немного и поклонилась лешему, как героини старых сказок, не раз виденных по телевизору.

— Спасибо, дядька Ермолай. Поняла я, что не из корысти ты меня позвал, но и неблагодарной быть не могу. Придет в твой лес беда — только дай знать, помогу всем, что не будет угрожать здоровью и жизни моей и моих близких.

Леший чуть усмехнулся и погладил зеленоватую бороду.

— Ой молодец! И вежество соблюла и осторожность явила. Молодец, девица, так и продолжай.

Помолчав, леший продолжил:

— Есть вот какое дело, веда...Грядет Стрибог-Листобой. Издавна в этот день приносили люди дары водяному.

— Но ведь Стрибог — властелин ветров?

— Так-то оно, так, да только ветер крутит мельницы, а те издавна у воды строились, и мельники водяного хозяина не обижали. А сейчас пошло безлепие — рыбку люди ловят, в реке плавают, даже машины эти ваши вонючие иной раз моют, а водяному хозяину почтение оказать — нет, не желают.

— А что водяному дарили?

— Тут, дева, по-разному бывало. Предки ваши дарили девку красную, любви не ведавшую. Воде всегда в радость человеческую душу взять. Потом времена изменились, стали петухов дарить да поросят, лучше черных. А сейчас вовсе уважения не стало.

— И как быть?

— Того мне не ведомо. Но только знай, водяной обидится — сам возьмет, да с лихвой. Ты среди людей живешь, их в свойственниках числишь, вот и думай, что и кому сказать. Можешь и ничего не говорить, тебя никто не неволит. Но что будет — ты теперь знаешь, а в остальном сама смотри.

Домой Лелька возвращалась озадаченная.

— Вот тебе и сходила на праздник... Как же быть-то... Ведь непременно Карпыч кого-нибудь утопит.

Наталья заметила, что племянница ходит смурная. Все лето девочка проводила на свежем воздухе, в компании сверстников. О том, что к компании Лелька и близко, считай, не подходила, Наталье не рассказали ни племяшка, ни дочка. Остальным же деревенским было не до детских свар. Подступив к Лельке с разговором, тетя получила уклончивый ответ, убедилась, что это просто осенняя хандра и успокоилась, решив, что само пройдет. Девочка же никак не могла решить подброшенную лешим задачу. По всему выходило, что надо идти к взрослым.

— Вот так приду и скажу: так мол и так, послание у меня от водяного. Надо 20 сентября непременно петуха утопить, а лучше поросенка, а то водяной обижается. После этого меня как раз и пристроят в тихое местечко в городской психушке. И это еще неплохо, я хоть не увижу, как Карпыч свое забирать станет. А то ведь просто пальцем у виска покрутят и шуганут, чтобы с глупостями не лезла. Как же быть-то...

За много километров от мучающейся вопросом девчонки, глубоко в лесу, куда люди в последние лет пятьдесят не заглядывали, сидело жутковатое существо. Лелька никогда бы не узнала привычного ей дядьку Ермолая в этом полупне-полукусте с желтыми площадками совиных глаз. Леший, а это был он, людей не любил сильно. Короткоживущие, непомнящие родства мелкие создания убивали его детей, изводили деревья, что он растил веками, просто гадили везде, куда добирались. Но эта человечка («Пока еще человечка» — подумал лесной хозяин) была на редкость занятной.

У леших нет хозяев, но помочь Великому Полозу для них всегда было честью. Именно Полоз на заре времен навел Велеса на мысль превратить несколько пеньков в своих помощников и дать им власть беречь и холить леса. В подлунном мире иные мерки, но добро там помнили всегда, так что этому лешаку было несложно вбить еще один клин между потенциально сильнейшей ведающей и остальными людьми. Да и самому ему, чего уж там, было любопытно поглядеть, как, не замечая этого, уходит человеческое дитя из мира людей. Ну а сильная веда в лесу — всегда прибыль в хозяйстве, а хозяином «Ермолай» был хорошим.

У Ирины неожиданно наступила новая жизнь. Началось все с вызова к директору. Поначалу Ирина крепко перетрусилась. Директриса имела репутацию тетки властной, жесткой и бесцеремонной. Школу она держала железной рукой, так что Ирина не

сомневалась — подробности некоторых особо злобных шалостей ее компании выплыли наружу. Ожидание серьезных неприятностей заставляло дрожать колени, делало ледяными руки, мурашками ползло по спине.

Однако разговор повернулся неожиданно. Уже через несколько минут девочка была совершенно очарована. Очень, очень красивая женщина (и как она этого раньше не видела?) спокойно и вдумчиво объяснила ей, что энергию надо направлять на дела созидательные, а не на глупые и бессмысленные шутки, и предложила стать представителем учеников в школьном совете. Больше того, Инга Геннадьевна пообещала, что если Ирина применит свои силы на благо школы, то к выпуску директор сама, лично, даст ей рекомендательное письмо к ректору любого вуза города. Словом, в жизни Ирины явно нашлось место чуду.

Инга же, после ухода девчонки встряхнулась, отпуская ведьминский флер. Ей жутко не хотелось тратить на это силы, но цель оправдывает средства, а результат желался немедленный. Впрочем, дело того стоило, будущую ученицу она купила с потрохами. Осталось аккуратно убедить Ирину, что стать ученицей ведьмы — предел ее мечтаний, но с этим Инга намеревалась легко справиться. Ну а дальше... Тут красавица сладко зажмурилась, предвкушая плоды закручиваемой ею интриги.

Промучившись несколько дней, Лелька решила, что поговорит с дядей, постарается его убедить, но если не получится ничего — то ни к кому другому не пойдет, будь что будет. Она прекрасно понимала, чем для нее обернется репутация у взрослых людей ведьмы-колдовки. Да и отцовский наказ не помогать без помощи помнился очень хорошо. Конечно, сейчас она его нарушала, но пока немного, и еще могла себя уговорить, что чуть-чуть не считается.

Андрей к просьбе племянницы выделить ей немного времени, отнесся с пониманием. Слишком свежа была память о последствиях подобного летнего разговора. Решив для себя, что к девчужке от бабки перешли какие-то способности, он так же твердо решил ничему не удивляться.

— Дядя Андрей, — начала Лелька, — то что я скажу очень странно, но это не глупая шутка. Папа мне рассказывал — тут девочка покривила душой, не вел отец с ней подобных разговоров, — что в последнюю декаду сентября люди приносили дары духам реки. Те принимали подарки и делали поменьше наводнение, побольше рыбы, утопленников весь год не случалось. Я знаю, что сейчас это не принято, не делают так, но мне сон приснился, что, если в этот раз снова ничего не подарить, будет беда. Я не знаю, что случится, но что-то очень нехорошее.

— Так, погоди-ка... Что говоришь, надо сделать?

— Ну, как раньше делали. Бросить в воду петуха, лучше черного, и вылить какое-нибудь спиртное. Исказать: «Прими, водяной хозяин, дар, в благодарность за твою милость».

— А когда это надо делать?

— Лучше всего 20 сентября.

— А место есть какое-то особое?

— Я не знаю, это же сон был...

Лелька понимала, что концы с концами у нее не очень сходятся, видел это и Андрей, но его ничего не смущало. Слишком хорошо он помнил, что стало бы с ним, не обрати он внимания на прошлый такой «сон». При подобном раскладе утопить петуха и вылить в воду пол-литра — плевое дело.

К делу Андрей решил привлечь Толяныча. Старый друг хоть и немного видел на

ночном покосе, но вот свои ощущения помнил прекрасно. Будь ты хоть каким материалистом, но когда ты слышишь голоса, которых нет, а тот, с кем ты только что пил, начинает изображать из себя коня, и кстати, до сих пор изображает в городской психушке, то никакой материализм не выдержит. Так что дождавшись двадцатого сентября, приятели отправились на рыбалку. Пол-литра в таком контексте никого не удивила, как и покупка черного петуха. Мало ли кто чем любит закусывать. Вон, северяне сырую рыбу строгают, а тут всего лишь петух в перьях.

Друзья развели на берегу костерок, но доставать удочки не стали. Андрей взял несчастную птицу, Толяныч — пузырь, и подойдя к краю воды они синхронно опустили свои дары в реку.

— Прими в дар, водяной владыка, благодарим тебя за твою милость.

В последний момент Андрей сообразил, что текст воспроизведен неточно. Однако, бивший до этого крыльями, петух сдавленно вякнул и мгновенно погрузился в воду.

— Будто его снизу схватили, — зачарованно прошептал Анатолий.

— Так оно и есть, — согласился Андрей.

Рыбаки немного посидели у костерка, минут через двадцать затушили огонь и разошлись по домам. Они не видели, как со стороны леса к речке скользнула хрупкая фигурка и полудетская еще рука бросила в воду яркие пластмассовые расчески и пестрые ленты.

— Это вам, речные красавицы, — шепнула Лелька. — Пусть вам зимой будет не так тоскливо.

Всю следующую зиму в реке отлично ловилась рыба, а весенний разлив, против обыкновения, обошел стороной стоящие у реки дома, зато принес на заливной луг и огороды немало плодородного ила.

А Лельку поджидала новая засада. На этот раз, для разнообразия, со стороны деревенских. Началось все с того, что у Сашки еще в начале лета заболела одна из многочисленных теток. У молодой, чуть за тридцать, женщины стали неметь руки. Поначалу никто на это внимания не обращал. Ну подумаешь, чашку разбила, всякое бывает. Ведро не донесла — не таскай тяжелого, на что тебе родня? Но когда эту самую чашку больная не смогла даже поднять, родня забеспокоилась.

Вера Васильевна, осмотрев болящую, ничего не поняла, и порекомендовала сдать в городе анализы. Их результаты озадачили опытного врача еще больше. Все симптомы указывали на боковой амиотрофический склероз, да вот только анализы ничего подобного не подтверждали. Лечение в городской больнице результатов не дало, и несчастная доживала последние, судя по ее виду, дни в доме брата, Сашкиного отца.

Саша тетю Леру любил. Так уж случилось, что именно шестнадцатилетняя Лерочка, вместо свиданий и прогулок под луной, нянчила неугомонного мальчишку, во многом заменив ему вечно занятую мать. Смотреть как умирает близкий человек всегда тяжело, а смириться еще тяжелее, вот парень и не смог. В один из вечеров в клубе он подошел к Ирине, окруженной стайкой подруг.

— Пойдем, поговорим? Дело есть.

Ирина неохотно кивнула, хотя в душе просто вспыхивал салют. «Наконец-то подошел! — крутилось в голове, — Наконец-то увидел!» Девчонки вокруг зашушукались, когда признанная школьная королева медленно выплыла из зала вместе с первым парнем на деревне.

— Слушай, говорят у тебя эта твоя Лелька, кажется, колдовка?

Ирину просто перекошило от разочарования. И здесь эта мелкая дрянь! Однако виду она не подала, мягко улыбнулась и ответила:

— Да какая она колдовка и уж точно не моя! Ну что ты, Саш, как маленький, право слово. Просто бегают девчонка по лесам, что-то из себя строит. Никто ж из нормальных общаться с ней не хочет.

— Мне бы поговорить с ней. Можешь устроить? За мной не пропадет.

Ирина лихорадочно соображала. Если оказать Саше услугу, а он явно просит об услуге, то потом можно интересно на этом поиграть. С другой стороны, Лелька в свои двенадцать больше походила на черенок от старых грабель, чем на девушку, так что опасности никакой нет.

— Устрою, почему нет. Тебе срочно надо?

— Лучше бы быстрее.

— Я завтра скажу, где и когда.

Ей стоило нечеловеческих усилий удержаться от вопросов, но Саша явно не хотел ничего объяснять. Ее молчание было вознаграждено. Танцевал Сашка в этот вечер только с ней. И домой тоже провожал ее. Сам же он не смог бы объяснить, почему не рассказал Ирине о своей последней надежде помочь Лере. Может не хотелось показаться смешным, суеверным, как старая бабка, а может сглазить боялся.

Когда Ирина обратилась к Лельке с просьбой, та сильно удивилась и не менее сильно насторожилась.

— Почему ты хочешь, чтобы я о чем-то разговаривала с Сашкой? Тебе это зачем?

— Просто так я, значит, попросить уже и не могу?

— После того, как сделала все, чтобы меня выкинуть отсюда? Не можешь. Я ни зла, ни добра не забываю.

— Но Сашка-то тебе плохого не делал же.

— И хорошего тоже. Если ему от меня что-то нужно — пусть сам и подходит. А там будет видно, разговаривать или нет. Но в нашем случае похоже, все-таки, нет.

— Хорошо. Что ты хочешь зато, чтобы поговорить с Сашей?

— Раньше я бы попросила спокойной жизни, но теперь могу и сама себе это обеспечить. Давай так... Я с ним поговорю, а ты мне гарантируешь, что меня никто не дергает в школе, ни ученики, ни учителя.

— Как я на учителей-то повлияю?

— Ты же представляешь учеников в школьном совете, значит можешь как-то влиять.

— Ну ты смешная. Это же просто декорация, кто же даст мне что-то делать!

— Хорошо. Тогда так: если у меня начнутся проблемы с учителями, ты будешь меня в совете защищать, и делать это станешь как для себя.

Ирина подумала, что словак делу не пришьешь, пообещать можно все, но, как говорила тетка: «Обещать — не жениться».

— Обещаю.

И тут Лелька неприятно ее удивила:

— Ты же не думаешь, что я тебе поверю на слово?

— И что? Будем договор кровью подписывать?

— Подписывать не будем, а вот клятву на крови ты мне дашь.

— А если не дам?

— Значит этого разговора не было, живем как жили.

— Ты же понимаешь, что я могу тебе осложнить жизнь?

— Попробуй. Помнишь, как в последний раз полезла в мой ящик?

Ирина поежилась, вспомнив, как ее цапнула за палец какая-то тварь. После этого в месте укуса кожа стала шелушиться, грубеть, покрылась трещинами, а потом вся эта радость пошла по руке выше. Она тогда не придала этому значения, а потом почти год лечила кожу и только пару месяцев, как избавилась от последних проявлений.

— Ладно. Я дам обещание. Когда?

— Сейчас, если хочешь, чтобы с Сашей разговор состоялся быстрее. Впрочем, можешь и потом, я не спешу.

Ирина только диву давалась, откуда в знакомой до последней царапины девчонки такая стержность. Мысль о том, что она сама же это посеяла и вырастила, ее не посетила.

— Прежде чем клясться — подумай. Я не гарантирую, что смогу решить Сашину проблему, я берусь только его выслушать. Это понятно?

— Да понятно уже, давай быстрее.

Процедура клятвы Ирине не понравилась: пришлось колоть палец, повторять за Лелькой слова, дышать дымом какой-то травы, которую та подожгла в блюде. Но наконец все было сделано, и Лелька сказала:

— Я готова, в любое время можем поговорить. Только заранее предупреди, а то вдруг домашки будет много или тетя поручение даст.

Разговор Ирина запланировала на следующий день. Она тщательно продумала одежду и решила чуть подкраситься, хоть мама и пыталась запрещать косметику. Лелька на ее фоне будет выглядеть вовсе уж затрапезно, она об этом позаботится. Сашу Ирина решила пригласить к себе, благо родителям было не до чего — рекордное количество поросят, родившихся в этом году, требовало неустанного внимания.

Лельке вся эта история далась нелегко. Во-первых, Сашка ей очень нравился. Понятно, что свои шансы на взаимность она оценивала трезво, они были даже не нулевыми, а просто отрицательными, но это понимание не отменяло желания увидеть тепло в его глазах. Отказывать и ломать комедию было очень трудно, хотелось просто пойти, поговорить и помочь. Но Лелька намертво затвердила простую истину: не просят — не лезь. А Сашка не просил. Во-вторых, согласись она на просьбу сестры без разговоров, та моментально почувяла бы слабину, и ни к чему хорошему это бы не привело. А в-третьих, просто грех было не воспользоваться шансом сделать собственную жизнь чуточку проще. Теперь, по крайней мере, Иренина компания какое-то время не будет ее подставлять перед учителями и директором, ловить в туалете, пытаться утопить тетрадки, и развлекаться за ее счет всевозможными способами. Ради всего этого стоило немного побыть стервой.

Пока девчонки, каждая по-своему, готовились к столь важному для них разговору, село бурлило, обсуждая очередную сногсшибательную новость: пропал Михалыч. Павел Михайлович, которого последние лет тридцать Михалычем звала даже родная жена, мужиком был немолодым, крепким и основательным. Больше всего на свете, даже, пожалуй, больше упомянутой выше жены, Михалыч любил две вещи — своих козочек и грибную охоту.

Коз Михалыч разводил давно, специально когда-то ездил за ними в соседнюю область и привез трех комолых красавиц и козла. Козла того, нареченного Шайтаном, с легкой руки тогдашних гастарбайтеров, помнило все село. Умная здоровенная животина зря на людей не кидалась, но обид не прощала, так что немало хулиганов побегало поместным полям, спасаясь от оскорбленного козла. Сейчас стадо в пару десятков голов водил Шайтанов то ли внук, то ли правнук. Сыры же, сделанные из козьего молока, с разными сибирскими травками и грибами, Михалыч регулярно возил в город, в специализированный магазин.

— На мой сыр народ в очередь записывается! — уверял он односельчан.

Поначалу люди не верили, но после того, как Михалыч купил сыновьям по квартире в городе, а дочке оплатил учебу в институте, стало ясно, что все эти его жу-жу-жу не просто слова.

Местные леса неугомонный сыродел знал лучше, чем секреты производства своих сыров. Не было в округе грибного места, которого он бы не навестил за сезон хоть однажды. Сотни раз уходил он за грибами и всегда возвращался с полными корзинами. Словом, просто потеряться такой человек не мог никак. Вот и волновалось село, да так, что главе администрации пришлось вызывать спасателей, давая тем самым почву новым слухами рассказам.

Ирина тем временем готовилась к приему гостя. Она уговорила маму напечь шанежек с картошкой, приготовила все для чая. Зеркало показывало ей очаровательную девушку, стройную, зеленоглазую с толстой косой ниже пояса. Она бы, конечно, предпочла волосы распустить, но тогда бы мать точно поняла, что дело нечисто. Пришлось обойтись косой.

Сашка пришел вовремя. Как настоящий деревенский житель, он не стал сразу заводить разговор о деле. Выпил чаю, поулыбался симпатичной девчонке, про себя отметив, что Лельку за стол никто не звал, а потом спросил:

— Согласилась твоя сестра поговорить?

— Саш, — Ирина не сдержала раздражения. — ну не сестра она мне.

— Ладно, пусть будет не сестра, — покладисто согласился парень, — но поговорить-то с ней можно?

— Да, пойдём, она на своем чердаке сидит, все там завесила какими-то вениками.

Лельку они действительно нашли на чердаке, а потом Ирину ждал удар. Александр попросил:

— Выйди, а? Нам тут вдвоем потолковать надо.

Такого Ира не ожидала, вспыхнула и выскочила, хлопнув дверь. Ей было бы еще обиднее, если бы она увидела, что о ней мгновенно забыли.

Саша смотрел на девчонку, перетирающую в ступке какие-то корешки, как настоящая ведьма, и не знал с чего начать. В молчании прошла минута, вторая, наконец Лелька

сжалилась:

— Садись, — указала она на лавку у стены. Лавки были старыми, они помнили еще Андреева прадеда. Лелька их сама отскоблила до золотистого цвета и натерла льняным маслом, купленным ей еще мамой.

— Что ты хотел мне рассказать? Не бойся, я никому не расскажу. Сам знаешь, даже если бы захотела, то некому было бы, а я не захочу.

Сашка кашлянул. Он и сам не понимал, отчего так смутился. Сидящая напротив малявка не пыталась строить ему глазки, улыбаться, кокетничать. Ей было все равно, кто сидит напротив — первый красавец школы или ее кошка. Конечно, если б он мог заглянуть в Лелькины мысли, он бы понял, что она далеко не так спокойна, но уж что-что, а держать лицо девочка научилась отлично.

— Понимаешь, какое дело... — начал он. — У меня Лера болеет. Она вообще-то моя тетка, но мне как мама. Вера Васильевна не поняла, что с ней, и в городе не поняли. Посмотри на нее, может ты что-то увидишь? Я слышал, что тебя бабка и мать кое-чему научили.

Лельке очень хотелось сказать, что все это просто сплетни, придуманные в школе, и будь на месте Сашки кто-то другой, она бы так и сделала. Но глядя в черные, умоляющие глаза, отказаться она не смогла.

— Саша, я мало что знаю и ничего не умею. Ты пойми, может получится так, что я просто ничего не увижу, а может — увижу, а помочь не смогу.

— Да все я понимаю, немаленький. Но давай хоть попробуем, а?

— Ладно. Когда?

— А сейчас сможешь? Врач говорит, ей уже немного осталось. Вдруг она сегодня умрет...

— Она станет со мной разговаривать? Я мало что вижу сама, мне, скорее всего, придется ей вопросы задавать, на которые детям просто не отвечают.

— Я попрошу.

— Хорошо. Но если она откажется отвечать, я точно ничего не смогу сделать.

Сашка все понимал, он знал, что чудес не бывает, но наивная вера, что вдруг да получится, что специально для него где-то в мире спрятано маленькое чудо, не отпускала парня. Путь до соседнего дома был коротким. На ребят никто не обратил внимания, так что Сашка без проблем провел «колдовку» в комнатку больной.

— Лера, — позвал парень.

Лежащая на кровати женщина с трудом повернула голову. Лелька впервые видела столь тяжело больного человека. Сухая кожа шелушилась, когда-то шикарные волосы сбились в колтун, белки глаз пожелтели. Руки больной дрожали, но двигать ими по своей воле она не могла. На правой руке ногти начали отслаиваться, и рука выглядела откровенно жутко.

— Саша! — обрадовалась больная. — Хорошо, что ты пришел, а то мне иногда кажется, что меня уже похоронили, только не успели закопать.

— Лера, со мной Леля пришла. Поговори с ней, пожалуйста.

— А, ведьмина внучка... Не обижайся, я не со зла. Просто помню, как нас ею пугали, а она не злая была. Мы к ней за горохом лазили в огород, она всегда притворялась что нас не видит, а гороха сеяла помногу.

Лелька подошла ближе.

— Прабабушка меня ничему научить не успела. Я ее даже не помню. Но она учила

маму, а мама понемногу рассказывала мне. Только мало успела... — сердце привычно кольнуло болью. — Я вас поспрашиваю, ладно? Только если не захотите отвечать, лучше молчите. Если неправду скажете — это может вам во вред пойти.

— Спрашивай, конечно, детка. Терять мне уже нечего.

— Вы когда заболели?

— Летом еще. Хотя, это ж не так давно и было, а кажется жизнь прошла. Помните, наверное. тогда Альберт приезжал и пропал? Его еще искали?

— Такое забудешь, — откликнулся Сашка.

— А вы на поиски не ходили?

— Нет, я ж работала тогда. Но немного помогала, в основном кашеварить, мужики с поиска никакие возвращались.

По губам женщины скользнула тень улыбки. Лелька поняла, что копать надо где-то здесь, но нельзя же спросить взрослую тетку, спала ли она с кем-то из поискового отряда, или, может поссорилась сильно. Впрочем, про ссору спросить как раз можно.

— Скажите, а вы не ссорились ни с кем в то время? Из сельских или из приезжих?

— Да нет, зачем. Делить нам было нечего. А парни понимающие были, не приставали.

И снова улыбка.

— Вам кто-то особенно понравился?

— Вот ведь, точно ведьмина внучка. Понравился, было дело. Он потом звонил, приехать хотел, да я заболела. Не хочу, чтобы он меня такой помнил.

— У вас серьезно было?

— Да, он мне даже колечко подарил, старинное. Дорогое очень. Сказал, что в лесу нашел. Все смеялся, что нас лес обручил.

— А можно посмотреть колечко?

— Смотри, отчего нет. Только я его снять не могу, рука распухла.

Лелька подошла поближе и внимательно взгляделась в кольцо, почти утонувшее в кожной складке. Перстень был явно старый, камень в нем, пурпурного оттенка был не огранен, а отшлифован полушарием. Лелька читала, что такая форма называется кабошоном.

— Можно я капну на кольцо немного жидкости?

— Не вопрос, капай.

— Саша, принеси, пожалуйста, воды. Много не надо, мне пары столовых ложек хватит.

Сашка обернулся мгновенно. Ему было и интересно, и боязно, хотя в последнем он ни за что бы не признался. Лелька взяла плоску с водой и, достав из рюкзака пакет, насыпала в воду немного четверговой соли с травами, а затем подошла и просто налила чуть воды на палец с кольцом.

Внезапно от кольца повалил дым, а женщина вскрикнула от боли.

— Что ты делаешь! Ей же больно! — накинулся Сашка на гостью.

— погоди, сейчас пройдет, — Лелька плеснула на руку чистой водой и промокнула влагу салфеткой.

— Что это было? — слабо спросила Лера.

— Я не знаю, стало ли кольцо причиной болезни, но что оно опасно, гарантирую. Чтобы что-то понять, мне нужно время, примерно до завтрашнего вечера. Пока кольцо лучше снять. Я могу сейчас заварить травы, вам станет чуть легче. Но надо ли это все делать — решать вам.

Ошарашенные участники неожиданного перформанса переглянулись, и Лера решила:

— Делай все, что считаешь нужным. Хуже не будет. Да и вдруг у меня осталась капелька удачи и что-то получится.

Лелька попросила проводить ее в кухню. Там, пока закипал чайник, она смешала непонятные для Сашки травки и листочки и залила кипятком и едва слышно зашептала: «Здравница-девица, ивина сестрица, отведи беду, нам зажги звезду. Пусть звезда горит, нам покой дарит. Пусть уйдет хвороба в огонь через воду. Огонь взвоется, беда не вернется». Под этот тихий наговор травинки в большой кружке сами собой закружились, огонь на плите вспыхнул и опал, в кухню вернулись привычные звуки.

— Вот, отдай Лере. Ей надо это пить потихоньку, но до утра выпить. Я попробую узнать, что можно сделать, но не факт, что у меня что-то получится.

Когда гостя ушла, Саша отнес Лере питье. Из кружки мягко пахло чем-то хвойным, примешивались запахи чабреца и душицы. В этот вечер больная смогла сама взять ложку левой рукой, и Александр приободрился.

При других обстоятельствах Лелька бы с утра рванула в лес. Но помнились слова лешего: «Каждый сперва соблюдает свой интерес». Лесная мудрость девочку еще не подводила, так что Лелька отправилась в школу. За раздумьями о странном кольце уроки пролетели быстро.

— Хорошо еще, что к доске не вызывали, а то бы опозорилась, — мелькнула мысль.

Она собиралась забросить школьную сумку домой и с верным рюкзачком наведаться к дядьке Ермолаю. Вот только не было у нее уверенности, что старый леший захочет разговаривать. Девочка уже поняла, что людей он не жаловал и по непонятным причинам благоволил только ей. Однако мы предполагаем, а жизнь располагает. Едва Лелька заступила во двор, как появился Дрон. Воровато оглядевшись по сторонам, дворовой шепнул:

— Тут до тебя из леса прибежали, просили пожаловать побыстрее.

Девочка удивилась. Такого еще не случалось. Однако пренебрегать лесными жителями она не собиралась, так что быстро переоделась и отправилась к знакомому пню. Леший был уже там. Лелька первый раз видела его таким взбудораженным.

— Веда, помощь твоя нужна, поможешь?

— Дядька Ермолай, здравствуйте. Что случилось? — леший Лельке был скорее симпатичен, но давать опрометчивые обещания она не собиралась. Уже усвоила, что здесь за каждое слово спрос особый.

— Да вот этот ушастый поганец случился! — Леший откуда-то вытащил за ухо странного старичка.

Старичок едва достигал Лелькиного колена, носил роскошную бороду, которой подпоясывался вместо кушака, и шляпу от белого гриба.

— Вот-те на-те... — протянула Лелька. — А кто это и как он случился?

— Аука я, — сварливо ответил старичок, — Какая же ты, к ежикам, веда, если ауку не знаешь!

— Поговори мне ищцо! — взвыл леший и, схватив бедолагу за химок, основательно его потряхнул.

— Ау-у-у-у! — возопил несчастный. — Ты чаво, Ермолай, дерешься!

— Я тебе говорил, чтобы ты местных не трогал? Предупреждал, чтобы к Михалычу не лез? Объяснял что будет если кто из местных в лесу моем пропадет? — каждый вопрос сопровождался встряхиванием грибного старичка, как будто леший выбивал коврики.

— Предупреждаааал! Говориииил! Объясняааал! — подвывал обреченно субъект разборки.

— Так чего, грибная твоя морда, ты Михалыча заплутал-запутал? Ногу ему поломал? Он тебе чаво сделал? Ведь вся деревня ищет, вертолет грозятся вызвать!

Через весь комизм разворачивающегося спектакля до Лельки постепенно доходила глубина западни, в которой оказался несчастный Ермолай. Вертолет и группа поисковиков-спасателей, да еще и вместе с волонтерами, вытоптали бы его лес, как ордынское иго Русь-матушку.

— Дядька Ермолай, — вмешалась Лелька в диалог, который пошел уже на третий круг. — От меня-то что хочешь?

— Ох, веда, скажи ты им во имя предков, где Михалыча искать! Я и дорожку подстелю, только бы лес мне не вытоптали. Сейчас в зиму все уйдет, ежели ягодники вытопчут, а листву пожгут, весной у меня не лес будет, а чистое позорище. Помоги, а? Я в долгу не останусь!

— Дядька Ермолай, да какие могут быть счеты! Я тебе помогу по-соседски, ты мне. Только вот как бы этот старичок-боровичок снова кого-нибудь не заблудил.

— Ты, гнилая сыроежка, пошто Михалыча увел? — уже спокойней спросил леший.

— Скуууучно мне — провыл воспитуемый. — Тебе хорошо, ты на зиму в дупло заляжешь и нет тебя. А мне как жить? С Зюзей в карты играть? Так ты запретил.

— Ясное дело запретил. Тебе разреши, так ты весь лес проиграешь и меня на кон поставишь.

— Ну вот. А зима длиииинная...

— Ну и зачем тебе зимой дохлый Михалыч?

— Ты ж мне на лес запретил играть и на то что в нем. А о людских душах разговору не было.

— Охти мне... Что ж ты паскудник такой удумал-то!

Скандал собирался разгореться с новой силой.

— Погодите уважаемые, — вмешалась Лелька. — есть у меня мысли, как помочь такой беде. Только давайте по порядку действовать будем. Где, говорите, Михалыча искать?

— Помоги, веда, коль сможешь. А в свой час и я тебе помогу. А Михалыча этот бородатый злыдень аж за болото увел, к Глухаринной гряде.

— Ого! — Лелька уже знала лес, до той гряды не каждый лось доскачет.

— Азартный он, Михалыч-то. — вякнул аука. — И до грибов страсть жадный.

— Ладно, уважаемые, я уйду ненадолго, расскажу, где искать потеряшку, и захвачу кое-что.

Хорошо подумав, Лелька не стала заявляться в поисковую группу и сообщать, что знает точную дорогу к потерявшемуся. Во-первых, ей бы вряд ли поверили, а во-вторых, после такого заявления, да когда Михалыча найдут по указанным координатам, как бы односельчане ее не притопили для проверки на ведьмовство. Рисковать не хотелось, так что девочка пошла другим путем — она отправилась к Сашке.

Предварительно Лелька заскочила домой, прихватила смесь трав, ту что заваривала для Леры, и отправилась с визитом, имея железобетонный предлог. Сашка, к счастью, оказался дома.

— Привет. Я принесла еще травок для Леры, давай заварю. С кольцом вопрос еще не решен.

— А долго еще надо ждать?

— Дело было бы быстрее, но тут Михалыч пропал. Может слышал?

— Да только глухой не слышал, да и тот бы увидел. А какая разница пропал Михалыч или нет?

— Тот, кто может ответить мне на вопросы, сейчас занят решением этой проблемы. Тут смотри как вышло: где Михалыч, нам известно, вот только слушать нас поисковики не станут. Сам понимаешь, меня всерьез пока никто не воспринимает.

— Так, погоди... — соображал Сашка всегда быстро, — тебя может и не воспринимают, а вот меня воспримут. Где сейчас этот любитель коз?

— У Глухаринной гряды, сидит со сломанной ногой. Но доказательств у меня никаких.

Сашка очень хотел, чтобы эта странная девчонка продолжала помогать Лере. Если для этого надо не задавать вопросов и чуть приврать, он готов.

— Значит так. Я сейчас найду поисковую группу, они как раз обедают, и скажу, что слышал от Михалыча про эту гряду. Ну а там они и сами сообразят, чай, не дураки.

— Давай так, идея отличная. А я пошла, посмотрю, что по кольцу можно узнать.

Прежде чем возвращаться к лешему, Лелька ненадолго заскочила в местный магазин и убедилась, что Сашка пошел к волонтерам. Ждать она не стало, темнело сейчас рано, так что время поджимало. В лесу ее и впрямь ждали.

— Дядька Ермолай, люди узнали, где Михалыч. Я думаю, его скоро заберут. А чтобы уважаемому ауке зимой не скучать, предлагаю простую игру.

И Лелька достала из рюкзачка шашки, самые простенькие, дешевые, но непромокаемые.

— Ну-ка, ну-ка... — подлез поближе бородастый гриб, — Что это такое?

— Смотрите, уважаемый... — и Лелька принялась излагать правила. — А самое интересное, что вы можете играть сам с собой, если никто на огонек не забредет. И это не карты. В шашки на интерес не играют, это гимнастика для интеллекта.

— Ишь ты... — зачарованно глянул аука. — Придумают же!

Леший тоже заинтересовался.

— Так, давай-ка, расставляй эти шашки, посмотрим, кто умнее.

— Дядька Ермолай, а у вас в лесу плакун-травы не осталось?

— Да может и есть ищцо где. А тебе зачем?

— Да тут такая история, женщина ко мне обратилась, даже не сама она, а родня. Ей кольцо летом любовник подарил, сказал, в лесу нашел. Красивое кольцо, с пурпурным камнем, но злое. Болеет она, скоро умрет. Вот я и хотела понять, что с кольцом не так, ну и помочь, если выйдет.

— А где он его подобрал?

— Этого не знаю, но недалеко от болота. Помните, там еще одного потеряшку искали?

— Ой, — подпрыгнул аука. — А я знаю это колечко! Мне болотник рассказывал... ой...

Бедный бородастый гриб сообразил, что ляпнул что-то не то, но было поздно. Леший снова подскочил к нему и снова вздел в воздух.

— Ах ты, сморчок подберезовый! А ну-ка докладывай, что у тебя за дела с болотником?!

— Да нету у меня с ним делов, — задергался аука. — Так, поболтали немного.

— Знаю я твое поболтали! Это ты его к болоту завел?

— Ну я, а что такого? Тебе он не надобен. А старый болотник мне клад отдать обещал. Только не отдал, — печально закончил нелюдь.

— Еще бы отдал! Он скорее болото бы свое осушил, чем хоть монеткой поделился. Да и

клады у него оставались очень нехорошие. Погоди-ка... Так это ты кольцо подкинул?

По физиономии ауки все было ясно без слов.

— Ах ты, сыроежка поклеванная, мышь ты плешивый, крыс лишайный! Рассказывай все немедленно, а то сейчас я тебя живо грибом сделаю, и в суп искателям подкину!

Аука струхнул не на шутку, видимо угрозы лешего выходили за рамки обычной ругани.

— Да что мне делать-то было! Ты грибом сварить грозишь, а новый болотник утопить обещал, коли не сделаю. Что мне теперь — помирать? Завел я его в болото, так природа у меня такая — запутывать-заманивать. А он, как прежнего хозяина прибил, давай меня в чарусью тянуть.

— А ко мне с бедой прийти?

— Ага, а потом — в суп?

— Уважаемые, — вмешалась Лелька, — Простите пожалуйста, но я не понимаю, что случилось, в чем виноват господин аука?

— Да какой он господин! Сучок он трухлявый! — махнул рукой леший. — То кольцо, видать, было из заклятого клада. При таких кладах завсегда сторож есть. Сидит такой сторож, уйти не может, он к кладу приставлен, пока хозяин не вернется, а того хозяина и костей уже нету. Да ты вспомни, веда, я ж тебе сказывал.

— Я помню, дядька Ермолай. Только связи не вижу.

— Этот старый гриб колечко людям подкинул. Мужик, что его взял — не хозяин клада, так что думаю он тоже не шибко здоров, стражу клада он путь-то открыл. А баба подарок, видать, не снимая носила, так?

— Да, так и было.

— Вот сторож клада к этой бабе и подцепился. Он из нее жизнь сосет, с болотником делится. Как жизненные силы закончатся, перейдет на душу, и та целиком болотнику уйдет. Будет в болоте новая кикимора.

— И что, сделать уже ничего нельзя?

— Может и можно, если оба, и мужик, и баба живы. Надо все найденное собрать до последней булавки и вернуть в чарусью, да слова правильные сказать.

— А без этого женщине помочь нельзя никак?

— К мужику, видать, интереса не имеешь? Ну да это твое дело. Можно попробовать. Надо ей для этого, глядя ему в глаза, вернуть кольцо и сказать: «Возвращаю дареное доброй волей, забираю назад свое, что добром не отдавала». Если так сделать, да потом травки попить правильные, может и обойдется. И да, девица, плакун-трава тебе тогда понадобится, без нее ничего не выйдет. Нет, чужое-то баба когда отдаст, умирать перестанет, а вот свое не вернет. Останется как сейчас есть. А сейчас давай-ка рассказывай, как правильно в твою игрушку играть.

Урок игры в шашки несколько затянулся. И леший, и аука оказались игроками азартными. Они спорили сразу по всем пунктам: кто будет играть белыми, ходит ли дамка только по прямой или может поворачивать, можно ли долго обдумывать ход или нет. Словом, игра имела успех, а Лелька неожиданно для себя обрела статус арбитра в соревновании по шашкам лесных нелюдей. Спыхватились все участники, когда наступили сумерки, домой Лелька прибежала уже затемно и наткнулась на укоризненный взгляд тети Наташи.

— Леля, я понимаю, что тебе в лесу интересно, ты там все лето пропадала. Но сейчас травы собирать поздно, а темнеет рано. Что ты там делала так поздно?

— Теть Наташа, простите, пожалуйста. Меня Саша попросил помочь его тете, я травку одну искала, а она редкая, да и не растет уже почти.

— А, ты для Валерии? Нашла?

— Да, завтра отнесу травяной сбор.

— Я слышала, что ей после твоих травок полегче стало.

Лелька мысленно прокляла всех деревенских сплетниц, а Наталья продолжила:

— Все-таки народная медицина — это сила, что бы там ни говорили. Вот и Валерии таблетки не помогают, а травы лечат.

Лелька мысленно похихикала, но дискуссию открывать не стала, только подивилась, как в одном человеке уживаются полное неверие в ведовство с таким же абсолютным доверием к травам. Кстати, большинство травяных сборов, составленных Лелькой, сами по себе ничего не лечили. Они только помогали доставить вложенную с помощью наговоров энергию к месту назначения. Девочка знала из маминой тетради, что именно поэтому проведенные по всем правилам исследования ничего полезного в травяных сборах не обнаруживали.

Сашка подошел к ней наследующий день прямо в школе.

— Привет. Удалось что-то узнать?

— Да, мне кое-что объяснили, но сейчас не смогу рассказать, времени не хватит. Давай после уроков.

— Ладно. Я тебя найду.

Однако найти Лельку после школы у Александра не получилось. Кто-то из девчонок стукнул Ирине, что ее собственная сестра-врагиня всю перемену общалась с ее парнем, так что к концу уроков Ириной ярости хватило бы на новую бомбардировку Дрездена. Лелька же, увидев, что Ирина выловила Сашку, сочла за лучшее исчезнуть. Ей совершенно ни к чему был новый раунд домашней войны, так что дразнить двоюродную сестру она не стала.

Сашка, поняв, что мелкая ведьмочка, как он ее мысленно называл, смылась, был страшно раздосадован. Нет, Ирина ему нравилась. Роскошная коса, аппетитная фигурка, глаза, опять же, красивые. Просто сейчас ему было не до нее. Он не знал, как объяснить этой красотке, назначившей себя его девушкой (кстати, без его согласия), что он, во-первых, ей ничего не должен, а во-вторых, с Лелькой у него ничего нет. Если честно, малявка его заинтересовала, но она же совсем ребенок, что там с ней делать-то можно, не травки же сушить. Отбившись от Ирины, он набрал Лелькин номер.

— Где ты?

— Странный вопрос, дома, конечно.

— Мы ж договорились встретиться?!

— Э, нет. Ты сказал, что меня найдешь. Вот сейчас нашел, в чем проблема?

Сашка понял, что крыть ему нечем.

— Ладно, проехали. Когда расскажешь, что не так с кольцом?

— Что не так — не расскажу. Расскажу, что можно сделать.

— Давай хоть это. Так когда?

— Приду сейчас, снова травок принесу.

Угукнув в трубку, Сашка закончил разговор и бегом рванул домой. Расстояние до школы было приличным, он еле успевал встретить девчонку.

Лелька, убедившись, что Ирины поблизости нет, выскользнула из дома. Она уже могла навести простенький отвод глаз, но хватало его ненадолго, а сил требовалось много. Проще

уж было так, по старинке. Сашка встретил ее у калитки.

— К Лере пойдём или здесь расскажешь?

— Надо к ней идти, там без нее ничего не сделать.

Больная на этот раз выглядела чуть лучше.

— Лера, — начала Лелька, — причина вашей болезни в кольце. Я вам расскажу, что можно сделать, но решать и делать вы должны сами.

— А разве что-то можно? Если честно, верится не очень, — чуть улыбнулась женщина.

— Верить или нет — тоже решайте сами, я ни на чем не настаиваю.

Лелька быстро пересказала инструкцию, полученную от лешего.

— Будь я на вашем месте, я бы позвала его попроситься и вернула бы кольцо.

— Леля, скажи, а он тоже болеет?

— Не знаю, но не исключено. Только не так как вы, если, конечно, он не носил украшения на себе.

— Если он придет, ты можешь ему помочь?

— Я не смогу. Расскажите ему сами, что делать. Если он болен, то выжить он может только вернув все найденное в болото. Надо все принести, опустить в чарусью и сказать те же слова, что и вам. Только гарантий здесь нет. Хотя нет, не так. Если он что-то не вернет, хоть булавку, то скоро умрет. А вот поможет ли исцелиться возвращение клада, я не знаю.

— Спасибо тебе, детка. Я сделаю как ты советуешь, а там будь что будет.

Уже на следующий день Лера набрала того, кто подарил ей, не подозревая что делает, страшную смерть.

— Привет, Серенький. Узнаешь?

— О, здравствуй, Лера! Рад тебя слышать, — звонок был неожиданный, но приятный. Сергей хорошо помнил эту веселую, привлекательную женщину. Он тогда надеялся, что ему не показалось, что у них что-то сложится, но Лера внезапно отказалась с ним встречаться, сославшись на болезнь. — Как твои дела?

— Сереж, врачи говорят, что я умираю.

— Погоди, как умираешь? — новость прилетела словно камнем по голове. — Ты же вроде просто болела?

— Болела. А теперь умираю.

— А что с тобой. что медицина говорит? Может помощь нужна?

— Медицина много всего говорит, а помогать, похоже, поздно. Но я не пожаловаться звоню. Я попроситься хотела, ну и кольцо вернуть. На тот свет подарки брать — примета плохая. Я послезавтра в городе буду. Брат в больницу привезет. Выделишь часок на встречу?

— Да выделю конечно. Я бы и сам приехал, да ты же и не позволила.

— Увидишь меня, сам все поймешь.

Он и впрямь все понял, только увидев, во что превратилась обаятельная хохотушка, так охотно смеявшаяся его шуткам. Понял и не смог скрыть потрясения.

— Ну вот и увиделись, — улыбнулся ему кошмарный полутруп.

— Лера, да как же так-то? Что с тобой, какой диагноз?

— Медицина от меня, Сережа, отказалась. Только хоспис предлагают, а я умирать в больничных стенах не хочу. Вот, возьми колечко.

Лера протянула Сергею носовой платок, в который был завернут роскошный перстень старого золота с рубином цвета голубиной крови. Камень был темным, будто колодец, но попав в руки Сергею, плеснул пурпурной искрой. Отвлекшись на нее, Сергей не услышал

странные слова, произнесенные Лерой.

— Лер, а что ты делать-то станешь?

— У нас травница в деревне есть, пойду к ней, может она поможет.

— Слушай, ну дикость же... Вон сейчас — томографы, плазмографы, лекарства всякие, а ты к травнице.

— Посмотри на меня. Много мне помогли лекарства? Мне хуже не будет, а так я хоть умру, зная, что боролась до последнего. Жизнь — великий дар, да только понимаем мы это поздно. Ладно, Серенький. За мной сейчас брат приедет. Ты береги себя, ладно?

За Лерой и впрямь заехал здоровенный мужик цыганистого вида, бережно подхватил ее и практически вынес к машине. Сергей расстроено посмотрел вслед старенькому внедорожнику и направился в банк, чтобы положить перстень к остальной части клада. Он не подозревал, что для него эта история еще далеко не окончена.

Ирина злилась на мать. Состояние было непривычным, маму она любила. Та никогда и не в чем не отказывала дочке, с готовностью верила ей на слово, всегда занимала ее сторону в любом конфликте. Ситуация с Лелькой потому и зацепила Ирину так сильно, что мать впервые встала на защиту не ее, а двоюродной сестры. Конечно, Иру не наказали, как всегда все свелось к разговорам, но важен был сам факт.

Однако причина у сегодняшней злости была иной. Началось все с неделю назад, когда Инга Геннадьевна, приболев, попросила Ирину собрать анкеты во всех классах и привезти ей. Девочка поначалу в восторг не пришла. Дом директрисы стоял в стороне от села, а кому охота тащиться пешком несколько километров по мокрым дорожкам. Но когда за ней пришла машина, от недовольства не осталось и следа. Да и сам дом оказался потрясающим, как в сериалах, которые любила на досуге смотреть мать. Он удивительно подходил своей хозяйке, которая без официального костюма выглядела совсем молодой. О чем Ирина ей и сказала.

Инга улыбнулась и предложила девочке чаю. Эта улыбка стоила ей некоторых усилий: в ауре ее потенциальной ученицы висел узелок кровной клятвы.

— Интересно, кому эта идиотка уже успела что-то пообещать, и что именно?

Когда же Инга узнала, что обещание было дано Граниной, да еще из-за какого-то пацана, то с трудом удержала себя в руках. К сожалению, на этом этапе пугать Ирину было нельзя.

— Слушай, Ирочка, неужели ты действительно так старалась ради мальчика? Прости, конечно, но ты же красавица, у тебя их уже сколько угодно, и еще больше будет.

— Наверное моей красоты недостаточно. И потом, это в селе таких как я больше нет (Инга отметила что от скромности потенциальная ученица не умрет), но ведь сюда городских приезжает море, а Саша — парень красивый. За ним многие бегают.

— А ты хочешь, чтобы он бегал за тобой?

— Да. Я его люблю, а он не понимает.

— Нет, милая, он-то как раз все понимает, а вот ты — нет. Впрочем, есть способ сделать так, чтобы ни один мужчина не мог перед тобой устоять.

— Какой?!

— Все не так просто, детка. Умение управлять мужчинами, да и другими людьми с неба не падает. Учиться надо.

— А где такому учат?

— Не где, а кто. Могу научить я. Но как ты понимаешь, не просто так.

Девочка явно клюнула, это было видно по тому, как она расстроилась, сообразив, что такая нужная наука уплывает у нее из рук. Инга продолжила:

— Ты же сейчас подумала о деньгах?

— Да. Но у меня их нет.

— Нет — и не надо. Мне, милая деньги не нужны, у меня их достаточно.

— Я могу как-то отработать за обучение?

— Можешь. Смотри сюда. — Инга показала на клетку, в которой сидела обычная синица. — Видишь, у меня сломан ноготь? А теперь следи за руками.

Ведьма открыла клетку и вытянула руку на которую опустилась птичка. Опустилась и

замерла. Ирина заворуженно смотрела, как птичье тельце высыхает в маленькую мумию, на поврежденный ноготь на глазах отрастает и становится таким же, как и все остальные.

— Как вы это сделали? Я тоже так смогу?

— Давай по порядку. Я смогла так сделать, потому что я — ведьма. Просто забрала энергию у птицы и использовала ее для себя. Не знаю, сможешь ли также ты, но в любом случае тебе придется этому учиться, а вот твоя двоюродная сестра скорее всего сможет безо всякой учебы.

— Лелька? Она тоже ведьма? Не может быть!

«Интересная реакция», — отметила Инга про себя, — «Она ни на секунду не засомневалась в существовании ведьм». Вслух же она сказала:

— Ирина, ты действительно думаешь, что я не понимаю, о чем говорю? — спокойный, почти ласковый голос прощуршал холодом поземки.

— Нет, нет. Простите, пожалуйста, Инга Геннадьевна. Вы сказали, что я могу этому научиться?

— И этому, и многому другому. Я долго присматривалась к тебе, ты мне подходишь. Мне нужна ученица.

И тут у девчонки мелькнул первый проблеск здравомыслия:

— Инга Геннадьевна, простите за наглость, но зачем вам ученица? Вы можете все, зачем вам рассказывать свои секреты кому-то еще?

Инга разозлилась. Ей было бы намного проще, если бы девчонка с радостным визгом приняла ее предложение и не задавала вопросов, а уж тем более не задумывалась о таких вещах. Но секунду подумав, она решила, что все к лучшему. Лучше она сейчас все объяснит, как надо ей, тогда никому другому девчонка просто не поверит, особенно после ученической клятвы.

— А ты умная девочка. Вот тебе первый урок, так сказать авансом. Ведьмы не занимаются благотворительностью и ничего не делают просто так. Мне нужна ученица, чтобы войти в ковен. Процедура вхождения непростая, ученик становится якорем для входящего.

Правды в этом утверждении не было ни буквы, но к тому времени как Ирина узнает о реальном положении дел — будет поздно.

— Можно еще вопрос?

— Ну давай, — усмехнулась Инга, скрывая раздражение. Но вопрос ее порадовал.

— Почему Лелька точно сможет забирать энергию, а я — только после учебы, да и то не факт?

— Я же говорю — умная. В корень смотришь. А причина простая. Родители твоей сестры — ведьма и ведун, а твои — обычные люди. Сила передается по крови, только поэтому у тебя есть крохотный шанс. Нравится тебе или нет, но общая кровь у вас с ней есть.

— Но если ее мать — ведьма, значит и моя тоже?

— А вот тут другая история. Традиционно ведьмой становится старшая сестра, она же забирает себе всю, или почти всю силу. Но твоя мать когда-то отказалась обучаться у бабкиной сестры, решила, что все это чушь.

— Она и сейчас так думает.

— Вот именно. А ее младшая сестра отказываться не стала и обучение прошла. Она, конечно, оказалась слабее, чем могла бы быть твоя мать, но ей это не помешало. Ну и замуж правильно вышла.

Тут Инга скрипнула зубами. Прошло много лет, но испытанное унижение жгло ее словно каленым железом. К счастью Ирина, увлекшись своими мыслями, ничего не заметила.

— А сейчас моя мать может стать ведьмой?

— Уже нет. Она отказалась от силы, оскорбила ее, а такие подарки повторно не предлагают.

— Но у меня возможность есть?

— Есть. Пока слабенькая, но, если будешь учиться и слушать меня, сможешь все поправить.

— Что мне надо сделать, чтобы у вас учиться?

— Тебе придется мне довериться и дать ученическую клятву. Это очень серьезно. Те, кто такую клятву нарушал, умирали долго и очень неприятно.

Ирина подняла на будущую наставницу потемневшие глаза.

— Я готова на любые условия.

Начиная всю эту историю, Инга довольно долго раздумывала, как лучше обставить процедуру клятвы. Решающим фактором оказалась готовность потенциальной ученицы, так что принятие клятвы, состоявшееся через несколько дней, прошло буднично. Ира уронила несколько капель крови на самый настоящий пергамент, проговаривая тщательно заученный текст. Инга ощутила отклик силы — клятва, что называется, легла. Сама Ирина ничего не почувствовала, так что первым заданием наставницы стало упражнение на тренировку чувствительности.

Упражнение не шло, времени на тренировку уходило много. Стало некогда тусоваться с подружками, ходить с Сашкой в клуб. Ирину не покидала мысль, что не откажись мать от обучения, ей, Ирине, не пришлось бы сейчас так мучиться. И времени было бы больше, и Сашка бы никуда не делся. На себя было злиться неинтересно, на наставницу — просто опасно, а на мать можно. Впрочем, мысли девушки скоро сменили направление. В самом деле, разве могла мама сама отказаться от такой замечательной возможности! Явно же нет. Значит кто-то ее к этому толкнул, а кроме младшей сестры было некому. Так что Лелькина мать просто забрала обманом то, что должно было достаться Ирине, просто украла. И теперь Ирина сделает все, чтобы восстановить справедливость. Главное, чтобы проклятое упражнение все-таки получилось.

Лелька не сразу заметила, чем занята двоюродная сестра. Упражнения ей были незнакомы, ее ведь никто не учил, все приходилось осваивать самой. Подсмотрев у Ирины последовательность действий и покопавшись в интернете, благо из-за Иринино нового увлечения их старенький компьютер был свободен большую часть времени, Лелька быстро получила результат. Теперь она могла ощущать всех, кто находится вокруг нее в радиусе примерно метров пяти. Интересно что в число «идентифицируемых объектов» попали даже Лапатундель и Кондратьич. Теперь девочка знала, что любимое место домового — между стеной котельной и плитой. Домовик явно любил тепло. Лельке было интересно, где сестра нашла упражнение, но беспокоиться было не о чем, сил у Ирины практически не было.

Незадолго до снега в село неожиданно приехал Сергей, тот самый, что подарил Сашкиной тете Лере непростой перстенок. Лелька про это узнала, только когда Лера попросила ее поговорить с неожиданным гостем. Надо сказать, Сергей не то чтобы удивился, он дар речи потерял, увидев Валерию. Та, избавившись от сторожа клада, почти полностью восстановилась. Она еще пила отвар, который делала Лелька, но и это лечение через пару

дней должно было закончиться.

Сам же Сергей чувствовал себя все хуже. До встречи с Лерой он планировал продать клад понимающим людям и прикупить себе участок в коттеджном поселке. Денег хватило бы и на землю, и настройку. Однако план осуществить не получилось. Сперва было некогда, пришлось по работе съездить в пару мест, а когда вернулся — навалилась болезнь. Врачи кивали на высокие онкомаркеры, но сказать что-то конкретное не могли, просто не видели опухоль.

В один из дней, взглянув на себя в зеркало, Сергей вспомнил Леру и набрал знакомый номер. Он был готов ко всему: что абонент не абонент, что ответит кто-то другой, ну или родственники в лучшем случае. Услышав в трубке голос Леры, он дико обрадовался, но снова глянув в зеркало, протрезвел.

— Лера, привет! Я так рад тебя слышать! Как твои дела?

— Здравствуй, Сережа. Нормально у меня все. А что ж раньше не звонил?

— Боялся. Боялся, что вместо твоего голоса будет чужой. А пока не звонишь, вроде все окей. Понимаю, что это поза страуса, но что ж сделаешь, если так и есть.

— А сейчас что случилось?

— Стыдно говорить, но беда заставила.

— Болееешь?

— Болею. И врачи ничего толком не говорят.

— А от меня чего хочешь?

— Лер, можешь мне рассказать про травницу, которая тебе помогла? Ты же знаешь, я жадным отродь не был, отблагодарю по-взрослому.

— Видишь ли, Сергей, тут все не так просто. Если время и силы позволяют — приезжай, я тебе все честно расскажу, а там как сам решишь.

— Когда можно приехать?

— Да хоть завтра, сам смотри как у тебя со сроками.

— Спасибо, Лер. Завтра буду.

— Да спасибо-то за что?

— Что не погнала и в помощи не отказала.

— Да еще и помощи никакой нет.

— Что травница скажет, будет видно, а ты мне уже помогла. Спасибо.

Сергей честно признавался себе, что ехал с надеждой на помощь. Однако эта надежда приказала долго жить, едва он увидел травницу. В комнату, где Лера поила его чаем, вошла девчонка лет 12, длинненькая и худая как прутик. Поздоровавшись, она вручила Лере кружку с отваром, который та немедленно выпила.

— Леля, помнишь я тебя просила поговорить с моим знакомым?

— Тем, что вам подарил кольцо? Помню.

Девочка говорила вежливо и абсолютно спокойно, как будто к ней каждый день обращались с подобными просьбами.

— Только захочет ли ваш гость разговаривать со мной?

— Леля, ты ему расскажи, как мне, а там видно будет.

Девчонка, вздохнув, присела к столу.

— Простите, вас как зовут? — обратилась она к Сергею.

— Сергей Александрович я, но можно просто по имени и на вы.

— Сергей, я вижу, что верить мне вы не расположены. Мой отец меня учил, что помощь

без просьбы никогда не дает результатов. Отсюда вопрос: вам моя помощь нужна? Подумайте, если вы скажете «нет», вопрос закрыт, если нужна, то будьте готовы мне хоть немного доверять.

Сергей ожидал, что его будут уговаривать и убеждать, но и женщина, и девочка молчали, спокойно глядя на него. Внезапно накативший приступ слабости напомнил, что думать в общем-то некогда.

— Нужна, — бухнул Сергей.

— Тогда смотрите, что у нас получается. Вы нашли в лесу какие-то ценности, так?

— А это при чем здесь?

— Вам ничего не говорит то, что Лера поправилась, отказавшись от кольца?

— А что, это как-то связано?

— Так мы далеко не уйдем, а мне пора возвращаться. Мне не нужны ни ценности, ни деньги, мне от вас вообще ничего не надо, я просто выполняю просьбу Леры о разговоре и вашу о помощи, но если у меня не будет информации, я вам ничем не помогу. Ваша проблема травами не лечится. Давайте так: ответьте на мои вопросы, я вам расскажу, что знаю и разойдемся. Что делать — вы будете решать сами. Согласны?

— Договорились. Да, я нашел сначала кольцо будто мне его под ноги кто-то бросил. А потом увидел в стороне остальное. Там болото подмыло старый пенек, и клад стал видимым.

— Не знаю, слышали ли вы что-то о заклятых кладах?

— Слышал, кто ж эти бабушкины сказки не слышал.

— Эта сказка вас убьет, если вы мне не поверите. Вы взяли то, что вам показали. У этих ценностей был сторож. Когда владелец прятал клад, он убил ребенка и поставил его душу стеречь золото. Взять клад без последствий мог только сам владелец, но не взял. Я не знаю почему. Клад пролежал в земле много лет, его страж просто осатанел от тоски, а уйти не мог. Он договорился с болотником, тот открыл клад. Сейчас ваша жизненная сила уходит к стражу клада и от него к болотнику. Оставив у себя ценности, вы закрепили эту связь и живы еще только потому, что ничего не носили, ни колец, ни цепочек.

— И что теперь? Выбросить все что ли?

— Просто выбросить мало. Вы можете подарить кому-нибудь весь клад, сказать правильные слова и страж от вас отстанет. Здоровье вы не вернете, но болеть перестанете. А можете вернуть клад в болото и сказать уже другие слова. В этом случае у вас появляется шанс вернуть и здоровье, но это без гарантии. Сложность в том, что болото скоро закроется — еще несколько дней и ляжет снег. Как только это произойдет, клад вернуть станет нельзя, а до весны вы вряд ли доживете. Я вижу, у вас много забрали.

От такого поворота Сергей офигел. Одно дело старухины рассказы, другое — кому-то отдать такие бабки, или вообще их в болоте утопить.

— А кому клад-то отдать надо? Тебе что ли?

— Вы разве не слышали — я сказала, что мне от вас ничего не нужно. А к заклятому кладу я и кочергой не притронуся, мне жить нравится.

— Да, задала ты мне задачу.

— Решайте сами, вы человек взрослый. Доказательств у меня нет кроме одного — вон, рядом сидит. — и девочка показала на Леру.

Сергей подумал еще чуток.

— А когда надо все в болото выкидывать? И что сказать?

— Надо не просто в болото, а в глубокую чарусью рядом с местом, где вы клад нашли.

Сказать надо простые слова, но не перепутать: «Все чужое, несправедно взятое возвращаю, все свое, обманом отнятое забираю». И одному ходить нельзя, не вернетесь. Утопит вас болотник.

— А ему-то я зачем?

— Каждая душа, отданная стоялой воде, дарит ему силу и напоминает, что он недавно еще живым был. А если клад вернете, то напомните, что снова живым ему никогда больше не быть. Так что расстроится он и непременно вас себе оставить пожелает.

— Да... Чудны дела твои, Господи. Спасибо, Леля. Не знаешь, когда там снег ляжет?

— Дня через 3–4. Для этого пути у вас времени немного осталось.

— Напиши мне слова на бумажке, а?

Лелька записала наговор, попрощалась и ушла. Через пару дней до нее дошла информация о городском психе, который заплатил охотнику из соседнего села дикие деньги и утопил в болоте кило золота. Лера весь ноябрь бегала к Лельке за укрепляющим сбором для любимого, а в декабре перебралась к нему в город.

Зима, пару раз навестив село в начале октября, к ноябрю почувствовала себя в нем полной хозяйкой. Несмотря на пухлые снежные сугробы, Лелька бегать в лес, к удивлению тети, не перестала. Даже лыжи освоила. Причина такой активности была проста — в лесу не спал неугомный аука. Зимой ему всегда было скучно, так что хулиганил он как мог. В этот раз ситуацию здорово поправили шашки. Новая игра пришлась по душе старому прохиндею, но полное счастье он обрел, уговорив Лельку заглядывать к нему на партию-другую.

Шашечные баталии шли с переменным успехом. Лелька же, поглядев пару раз на замерзающего гриба, который нипочем не желал смиренно сидеть в теплом дупле, сгоношила ему из лоскутков меха и драпа что-то вроде мешка с рукавами и вырезом для головы. Шитьем она не увлекалась, но смотреть на упрямого, ехидного старикашку, который замерзал как пельмень в морозилке, сил не было. Аука же, обрета одежду, преисполнился гордости. Видимо кривоватое Лелькино изделие поднимало его статус на недостижимую высоту. В благодарность он делился с девочкой сплетнями, рассказывая, что волки снова собирались к Михалычу, но передумали, узнав, что тот обновил ружье, что Зюзя, оставшись без карточного партнера, со скуки загнал своих вьюг-поползух в овраг и поклялся не выпускать, пока они полный овраг снега не наметут, что болотник никак не хотел сидеть в своей чарусье и угомонился только когда тот же Зюзя пригрозил намертво его заморозить до самой весны.

В один из дней старый прохиндей, ехидно хихикая, рассказал Лельке о том, что Зюзя затевает большую карточную игру с каким-то северным гостем. Девочка поначалу пропустила все мимо ушей, но при следующей встрече аука был крайне серьезен.

— Дурные новости, веда. Зюзя проиграл северному гостю право охоты в наших лесах.

Лелька поначалу не поняла, в чем проблема:

— Погодите, уважаемый. Вы же и сами в карты не раз игравали, да и охота у нас неплохая, зверья много.

— То-то и беда, ведающая, что гость тот далеко не прост. Он забрел к нам из Якутии, от шаманов уходил. Что-то он там накосорезил даже по своим меркам. А такого наделать, чтобы за тебя шаманы взялись, не каждому дано.

— Так, погодите-ка, давайте не так быстро. Что это вообще за гость такой?

— Так я разве не сказал? Абасы это. Злой дух из тундры.

— Ясно. Такой охотник явно не зайцев будет гонять.

— Верно мыслишь, веда. Абасы — он на души охотится. Его дичь — любой, кто оказался в лесу.

— Так ведь и Зюзя заблудившихся тоже не пряниками кормит.

— Так-то оно так, да нетак. Зюзя прибирает только тех, кто сам забрел, да и замерз, а абасы — всякого, кто на его землю хоть ногой ступил. Завертит, обманет и убьет. Тело сожрет, человечину он очень уважает, а душу приберет.

— В людоедстве, конечно, ничего хорошего нет, но ведь замерзшему-то все одно?

— Ты мала еще, веда, вот и не знаешь главного. Зюзя, конечно, души прибирает, к делу пристраивает, но это он скорее порядка ради. Наслаждения в мучительстве он не находит. А абасы от мук людских силу получает немеряную. Душа, в его лапы угодившая, все приказы его выполнит. Не захочет, а выполнит. Придет в свой дом, ребенка своего морозом убьет, жену любимую, мать старую. Все понимать будет, жалеть любимых будет, слезы лить, а убьет, поскольку нет у людской души силы противиться приказу абасы. Так что веда, ты сюда боле не ходи, сгинешь ни за грош, а ты девка добрая, даже мне жаль будет.

— И сколько же он в наших краях охотиться будет?

— До первого человека, что от него невредимым уйдет, ну иль до весны. Я мыслю, что до весны, от абасы целым никто никогда не уходил. Ну во всяком случае, я не слышал, а я долго живу, только чуть мене Ермолая.

Лелька сочла за лучшее прислушаться к предупреждению жуликоватого ауки, а вот остальных сельчан предупреждать было некому. Так-то зимой народ в лес особо не совался — что там можно делать в эту пору? Однако некоторые все-таки наведывались, кто за дровишками, кто на зайцев силки ставил, кто белку бил. Когда пара таких неугомонных пропала, люди заволновались. Волнения усилились, когда оказалось, что пропавшие исчезли бесследно. Ну то есть натурально бесследно, будто их излеса ластиком стерли. Снег остался нетоптанным, лыжня не тореной, и даже ошметков одежды не нашлось, что было уж совсем непонятно. Если потеряшек задрал какой-то хищник, то уж тулупы-то он оставил бы.

А потом из леса приполз Женька-браконьер. Мужик он был не просто безбашенный, а из серии «мать его Анархия, а папа стакан портвейна», но стрелял отлично, и охотник был всем на зависть. И вот этот-то герой выполз из леса белым днем, причем мало того, что все что можно себе обморозил, так еще и ногу ему кто-то погрыз. Новый врач из соседнего села потом только крестился — зубы у этого кого-то были чисто акульки, да вот акул-то в сибирских лесах отродясь не видали.

Женька поначалу не в себе был: орал, метался, кусался, норовил прибить каждого, кто близко подходил и все пытался уползти. В городскую дурку его однако везти не решились, просто зафиксировали и стали колоть антибиотик и седативы. Постепенно мужик опаматовался, начал людей узнавать.

Смотрел за ним новый врач. Вера Васильевна, ссылаясь на возраст, и то, за 70 ей ведь уже, выбила ставку в соседнем селе. Новый доктор, звероватого вида молодой мужик с пятью (герой!) детьми, соблазнился северными надбавками и сельской трехпроцентной ипотекой. Теперь он обживал крепкий рубленый дом и принимал у Веры Васильевны истории болезней. Женьку они тянули вдвоем, и вдвоем же слушали сперва бред, а потом лихорадочные рассказы о страшной твари, которая меняет облик, заманивает и жрет наживую. Женька твердил, что выжил чудом — встретились они на краю леса, да помогла материна ладанка с четверговой солью. Как он ушел от эдакого ужаса на одной ноге, он объяснить не мог. На все вопросы только снова орал, матерился и впадал в буйство, так что и

спрашивать вскоре перестали.

Нога между тем у него не заживала, несмотря на уколы, намечался некроз тканей. По хорошему надо было или менять антибиотик, или ампутировать, но в забытой богом сельской больничке не было ни новых препаратов, ни средств для анестезии. Женьке становилось все хуже, но за жизнь он держался зубами. Везти его в город в таком состоянии было нельзя, так что глава сельской администрации решил отправить за лекарствами своего водителя, с которым неоднократно ездил в этот самый город на совещания. Водитель, Олег, ехать не хотел категорически, но под угрозой увольнения вынужден был согласиться. Фермер из него был никакой, а другой работы в окрестных селах не было.

Ехать через лес, где гуляет такая тварь, было страшно. Женька-то ведь не ждал, пока его доедут, он все патроны в эту жуть выпустил, да только без толку, не брали «это» пули. Решив, что дело явно нечисто, Олег поскреб затылок, простимулировал интеллектуальную деятельность проверенным дедовским способом и отправился к Андрею. В школе они с Андрюхой и Толяном дружили, это потом парни в фермеры подались, а он водилой заделался. Вспомнились ему рассказы о ночевке на покосе, откуда друзья чудом в своем разуме ушли. Вроде как Андрюхина племяшка им помогла. Может и ему поможет? Все одно, больше рассчитывать не на что.

Когда Олег заявился к Андрею, тот даже не удивился. После истории с покосом на племяшку стали косо поглядывать, и это народ еще не знал о том, как водяному подарки дарили, да и из поисков Михалыча тоже торчали Лелькины ушки. Хоть и заявил соседский пацан, что он слышал, куда Михалыч подался, да только не могло такого быть. И сам Михалыч никогда не болтал о маршруте, берег грибные места, и никогда бы он не поперся на Глухариную гряду. Так что у Лельки постепенно появлялась весьма специфическая репутация. На таком фоне появление старого приятеля уже не удивляло.

— Здорово, Андрюха. Я к тебе по делу.

— Привет. Дай-ка угадаю не столько ко мне, сколько к племяннице моей?

— Ну да. — Олег даже не стал спрашивать, как приятель угадал цель визита. — Позовешь?

— Я-то позову, но ты ж понимаешь, что это просто девчонка?

— Ну, люди говорят, что бабка ее кой-чему научила.

— Бабка померла, когда Лельке и пяти лет не было, чему она могла научить?

— Люди зря говорить не станут. Так чего, не позовешь что ли?

— Да не о том речь. Ты же сам понимаешь, что такое деревня. Один сказал, другой рассказал, третий переврал, а потом четвертому вслед плюют. Я такой судьбы девчонке не хочу.

— Андрюха, да ты что, я — могила! Никому ни слова не скажу.

— Ты могила, пока трезвый, а чуть выпьешь — и понеслось. Ты учти, что, если будешь лишнее болтать — я не посмотрю на старую дружбу.

Олег насупился.

— Ладно, понял-принял. Попроси девчущку, может хоть посоветует что... Боюсь я. Сам знаешь, меня мало что может напугать, но вот сейчас боюсь, аж кишки крутит.

— Ладно, позову сейчас.

Лелька уже давно почуяла, чем пахнет неожиданный визит дяди-Андреинового друга. Так что когда тот позвал ее на кухню, она не удивилась. Дядя перехватил ее в коридоре и чуть придержал за рукав платья.

— Леля, этот человек мой старый друг, но я не хочу тебя просить о том, что может навредить тебе самой. Если ты решишь, что помочь не можешь, или не хочешь — просто скажи.

— Спасибо, дядя Андрей, — робко улыбнулась девочка. — Если я что-то смогу сделать, я сделаю, но вы же видите, что я просто в травах разбираюсь. А больше почти ничего и не знаю.

— Леля, я в этом совсем ничего не понимаю, но может ему браслетик, вроде того, что ты для меня делала?

— Может и так, надо сперва поговорить.

Олег терпеливо ждал обещанного разговора. Лельку он, конечно, знал, чай деревня не город, все знакомы. Удивился только несвойственной детям серьезности, да отметил про себя, что девочка за лето вытянулась, как молодое деревце.

— Леля, я к тебе за помощью пришел. Может ты мне хоть посоветуешь что.

— Дядя Олег, лучший совет — не ездить.

— Да я и рад бы, и, наверное, даже уволился бы, да только Женька тогда точно ласты склеит, а мы ж водной школе учились, он просто на пару лет старше. Не могу я на такую смерть его бросить.

Лелька достаточно узнала про абасы, чтобы понимать, что пока тот гуляет по лесу даже ампутация ноги Женьку-браконьера не спасет. Не отпускают духи свою добычу. Вот только рассказывать об этом было бессмысленно, кто бы ей поверил.

— Дядя Олег, я вам расскажу, как себя лучше вести, но вот поможет ли это, я не знаю.

— Да хоть какая-то надежда пусть будет.

— Вам же уже завтра ехать?

— Ну да.

— Вот, я на вас надеваю браслет, он не снимется и не порвется, пока я его не сниму. Когда будете подъезжать к лесу, капните на браслет немного крови, тогда вы сможете видеть то, что обычно людям невидимо.

— Так может сразу тогда, чего ждать-то?

— Всему для работы нужна энергия, ну вроде батарейки в телефоне. Когда ваша кровь попадет на браслет, батарейкой станете вы. Для здорового человека это незаметно, конечно, но все равно, чем меньше времени вы будете подпитывать браслет, тем лучше.

— Ладно, понял-принял.

— Возьмите пакет. В нем соль, смешанная с травками, которые для нелюдей очень неприятны. Много ее не надо, достаточно щепотку бросить. Когда доедете до города, бросьте прямо на землю, чтобы убедиться, что это не морок.

Тут Олег вспомнил, что Женька что-то про мороки вещал. Да он слушать, дурак, не стал. Девочка продолжала:

— Самое главное, пока до города не доедете, постарайтесь не выходить из машины и ни с кем не разговаривать. Даже если ребенка увидите или женщину. А если все-таки заговорите — ни на что не соглашайтесь. Если не сможете сказать нет — просто молчите. Пока вы не согласились, с вами никто ничего сделать не сможет, только пугать будут.

Лелька подумала и добавила:

— Если вы до города доедете целым, назад ехать будет безопасно.

Олег и верил, и не верил. Все его материалистическое мировоззрение протестовало против этакой фигни, но с другой стороны, Женькин пример не позволял просто

отмахнуться от наставлений. И потом, он же сам приперся, его никто не звал. Так что поблагодарив Лельку и попрощавшись со всеми, он отбыл домой.

Выехал он на рассвете по привычному маршруту. До города по сибирским меркам было недалеко, часа три на внедорожнике главы администрации. Первая странность настигла Олега где-то минут через сорок. На обочине голосовал турист. Обычный такой турист, в синем пуховике. Вот только как он здесь оказался, было неясно. Тут Олег сообразил, что кровью-то он на браслет не капнул! Опытному водителю ничего не стоило сделать это на ходу. Едва капля впиталась в обычную бляшку из полимерной глины, он увидел вокруг туриста туманный силуэт натурального циклопа. Тот пялился на него единственным красным глазом, скалился ртом от уха до уха с иголками зубов, а потом вдруг высунул раздвоенный язык и облизал свою шею. Олег дал по газам.

Только через сотню километров он смог чуть выдохнуть. Руки были мокрыми, по спине тек холодный пот, а сердце стучало где-то в горле.

— Сроду такой жути не видел. И ведь не глюк это, не с чего мне глюки-то видеть...

Расслабившись, он едва не проехал валяющийся вверх колесами на обочине грузовичок. Вокруг перевернувшейся машины бегала, причитая, какая-то тетка. Помощь на дороге — святое дело. Олег притормозил, открыл дверцу. Тетка, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении симпатичной женщиной, подлетела к нему.

— Помогите! Помогите, пожалуйста! — она тянула Олега за рукав, не переставая причитать. — Вы же мне поможете?

Он чуть не ответил «да», но браслет дернулся и голос Лельки сказал: «Пока не доедете — ни на что не соглашайтесь». Олег выдернул руку, метнулся к машине, крикнув тетке:

— погоди, у меня там аптечка! — схватил мешок с солью и почти пригоршню бросил на женщину. Та, что-то рыкнув, исчезла. На ее месте осталась дохлая ворона. Олег ошалело потряс головой — грузовик тоже исчез, он стоял перед съездом с большака. Проехать чуть дальше вперед — и все, застрянешь в снегу в чистом поле. Он рванул к машине, дверцу заклинило. Послышался гул, Олег поднял глаза — к нему по большаку перлась та самая одноглазая тварь, только теперь она была вполне материальна. Тварь скалилась и тянула к нему мохнатые когтистые грабки и сине-зеленый язык, причем последний был метра три длиной.

Заорав что-то матерное, Олег махнул в сторону твари мешком с травяно-соляной смесью. Соль разлетелась и попала страшилищу на язык. Язык пошел язвами, чудовище завывало, но чуть сбилось с ноги, и Олег успел заскочить в машину. Соли почти не осталось, но щепотку бросить в рот он наскреб. Посылая по матери скоростной режим, Олег гнал в город, жевал соль и мысленно торговался с судьбой:

— Только спаси, только дай доехать! Пить брошу, курей заведу, как теща хочет, дубленку Катьке куплю, огород буду каждую весну без звука копать, только смилуйся, помощи, хоть чуть.

Дорога больше не менялась, и, что удивительно, доехал он целехоньким, никуда не врезался, в сугроб не улетел. Въехав на площадь, он посолил ее остатками смеси из мешка и, убедившись, что ничего не рассеивается, вылез из машины.

К счастью, узнав в чем дело, с ним отправили медиков, помочь с операцией. Все-таки сельские врачи — не хирурги из области, опыта меньше в таких делах. Нарушая собственные правила, Олег пустил за руль своей ласточки одного из врачей и просидел, не меняя позы до самого села.

Назад доехали без проблем, даже зимний лес стал поприветливей, белки запрыгали, заяц чуть под колеса не выскочил. Женьке помогли, операцию делать пришлось, но ногу сохранили. Врачи уехали через пару дней. А пить Олег действительно бросил. Всем говорил, что зарок дал. На самом же деле, стоило ему хоть понюхать рюмку, и он снова оказывался на ледяной дороге, смотрел в горящий красный глаз и видел, как к нему тянется сине-зеленый язык. Но не меньше памяти о чуде пугала подленькая мыслишка: “Тварь-то нешуточная была... а ушел я от нее только благодаря этой мелкой...Ежели девчонка такое знает-умеет, то что ж она сделает, коли обидится?”

Ирина открывала для себя новый мир. Каждый день приносил ей новый дар, новое осознание собственного могущества. Наставница оказалась права — многое оставалось ей недоступным. Однако всегда есть больше одной дороги к цели. Да, Ирина не могла напрямую забрать энергию у птицы или дерева, зато она могла сделать крадник, да не один. Крадник, сделанный на одну из подружек помогал поддерживать собственную красоту без особых усилий. А что при этом потенциальная конкурентка за внимание сильного пола покрывалась дивными прыщами — дело житейской, пусть сладкого меньше ест. Крадник, поставленный на сына главы администрации обеспечил приятный денежный ручеек, а этот баран даже не замечал, что его финансы поют романсы. Да и зачем ему, все равно папаша все купит.

Неплохо себя чувствовала и Инга Геннадьевна. Ученица оправдывала ее ожидания. Ученическая клятва, данная Ириной, подразумевала, что четверть любого прибýtка напрямую отправлялась Инге. Девочка развернулась так, что скоро про откат, вызванный атакой на гранинскую соплячку, можно будет полностью забыть. Конечно, Ирине стоило бы быть осторожнее, но говорить ей об этом Инга не собиралась. Во-первых, девчонка шкoдила только в школе, так что деревенские вряд ли что поймут, а во-вторых если она сама о себе не беспокоится, то кто ей доктор. Инга в няньки точно не нанималась. Ее дело — учит, вот она и учит. А уж как науку применяют — не ее проблема. Да и деревенские новости отвлекали излишне внимательных от мелких школьных неприятностей.

Последняя новость вообще была сногсшибательной. Началось все с того, что у Михалыча пропал козел. Черный, с роскошными рогами, он был внуком того самого Шайтана, носил гордое имя Беспредельщик, если короче — Бес. Михалыч осенью решил отправить его на заслуженную пенсию, и передав козочек Бесову сыну, рыжеватокашгановому Бандиту, перевел начинающего пенсионера на дальний выгон. Там Бес и пропал. Михалыч своих животных ценил, так что крик поднял на всю округу и привлек к поискам всех, кого смог.

Лельку все эти события интересовали постольку-поскольку. То, что Ирина промышляет крадниками, девочка поняла сразу, но рассказать никому не могла. Достаточно было представить, как она подходит к любой из Ириной свиты и сообщает, что их признанная королева школы навела на подружку порчу, после чего собеседница поднимает визг и в лучшем случае дерет Лельке косы. От такой картины всякое желание вмешаться в Иринины дела исчезало. О себе Лелька не волновалась, отцовский медальон исправно выполнял свою функцию, охраняя девочку от мелких и крупных неприятностей ведьмовского характера.

Тем неожиданнее оказалась тетка, налетевшая на нее с воплями на выходе из школы. Из криков и визгов следовало, что Лелька — ведьма и колдовка, похитила Михалычева Беса, принесла его в жертву и навела на тетку и ее дочку страшную порчу. Из-за этой порчи у них дома черт знает что творится, все ломается, теряется, по ночам черти скребутся, сметану воруют и молоко прямо из коровы пьют. Лелька бы на такое лишь плечами пожала, но, во-первых, тетка пыталась вцепиться ей в волосы, а во-вторых, она была матерью самой противной девицы из Ириной компании. Было еще и в-третьих. Лелька знала, в чем причина всех тетких несчастий, о которых та с упоением голосила. Знала, потому что

подслушала один интересный разговор. Знала, но сказать не могла. Разговор был между дочерью крикуньи и Ириной, а в эти дела Лелька лезть решительно отказывалась.

Пару недель назад, пытаясь наладить контакт с домовым школьного здания, Лелька забралась в забытую кладовку, которую все считали закрытой. Домовой ей был нужен, чтобы приглядывать за двоюродной сестрицей, уж больно резво та взялась за ведьмовство, как бы чего не вышло. Однако вредный домовик на контакт не шел, на глаза не показывался, только хихикал по углам и кидался шариками из паутины, пару раз даже с пауками. Лелька уже почти плюнула на все попытки контакта, в конце концов, не хочет домовой знать, что ему на голову того и гляди свалится, пусть живет как знает. Собираясь выбраться из кладовки, девочка услышала голоса. Разговаривала Ирина с одной из своих прихлебательниц, той самой. Что сейчас со злорадством наблюдала за истерящей матерью.

— Тебе хорошо, Ир. У тебя мамашка вообще мышей не ловит, делай что хочешь, лишь бы тихо. А за мной, с тех пор как сестрица старшая залетела в городе от незнамо кого, смотрит в четыре глаза. Ни в клуб, ни в киношку, ни погулять. Знай долбит свое: «Учись, учись». У меня от этой учебы уже уши опухли.

— Слушай, ну что ты как маленькая. Найди матери дело, чтобы ей стало не до тебя.

— Да какое я ей дело найду! Пока сестра здесь жила, все легче было: и малой орал всю дорогу, и пилила она ее, а не меня. А сейчас, когда Туська дверью хлопнула, мать знай за мной следит. Куда пошла, когда пришла, зачем взяла... Достала, назола!

— Ну если хочешь, можно найти твоей мамашке занятие. Ей надолго хватит.

— Да? И какое?

— Вот смотри: возьми эту шгуку, положи куда-нибудь дома, где не сразу найдут и подожди дня три—четыре. Дальше все сама увидишь.

Судя по ситуации, эта идиотка так и сделала, и теперь в доме вовсю шуровала шишига. Лелька помнила встречу с этим неприятным существом у Веры Васильевны, но там домовой помог. Он был опытный и после небольшой помощи сам справился с незваной гостьей. Здесь, собственно, можно было попробовать тот же метод, но помогать скандальной тетке решительно не хотелось.

Находиться в центре скандала становилось все сложнее. Кричащая совсем разошлась, она выкрикивала ужасные вещи в адрес Лелькиной мамы, оскорбляла отца, угрожала то ли священником, то ли директором школы. Лелька поняла, что сил держать лицо уже не осталось и сейчас она позорно заревет. Ей ужасно хотелось спустить на тетку заклинание заикания или спотыкашку, но правила веды были строгими. Ведающая никогда не нападает первой, если нет угрозы жизни и здоровью, не берет чужого и всегда честна с теми, кто пришел за помощью. Нарушившая это правило хоть раз становилась ведьмой. После особенно грязного пассажа девочка поняла, что все. Ведьма так ведьма. Она мысленно составила наговор и уже открыла рот, но тут вмешался кто-то еще.

Открыв глаза (сама не заметила, как зажмурилась), Лелька увидела Олега, того, кому она сама надевала обережный браслет.

— Так, Лидка... Ты чего орешь-то? Как была в школе крикуньей, так и осталась. Чего на девчонку кидаешься?

— Да какая она девчонка! Ведьма она, колдовка. На меня порчу навела, на дом на мой. А ты чего вообще лезешь? Шел мимо — так иди.

— Ты мне не указывай давай. Мужем докомандовалась — сбежал да так, что до сих пор не нашли. А на племяшку моего друга наезжать нечего. Вон, коровушку свою поучи, смотри

— стоит, скалится.

— Хорошо тебе рассуждать, а мне-то хоть из дому беги!

— Ну а Леля при чем? Она что, в твоём доме бывала?

— Не хватало мне еще всякого отродья в моем доме!

— Ты слова-то выбирай, а то пожалеешь. У Лельки родители были — дай бог каждому таких, а от тебя собственная дочь с дитем малым сбежала, так что непонятно, кто тут отродье.

Олег, после памятной поездки, так и не нашел времени заглянуть к Андрюхе и попросить Лельку снять браслет. Очень скоро он понял, что жизнь намного интереснее, чем ему казалось. Чего стоил только туманный клубок, который ежевечерне выкатывался из-за плиты на чай с пряником! Чай исчезал, а наутро находились вещи, считавшиеся безвозвратно утерянными — бабушкина еще серьга, Олегов стеклянный шарик, потерянный в 10 лет, кольцо жены, закатившееся в щель. Короче, снимать браслет не хотелось. Он и не стал.

Сейчас Олег видел тоненькую ниточку грязи, ушедшую от Лидкиной дочки к их дому. По какому-то наитию он добавил:

— А про порчу лучше удочери спроси. Она точно знает, в чем там дело.

Лидия обернулась мгновенно и успела поймать ускользающий взгляд дочки. Как смотрит Ксанка, когда что-то натворила, Лида знала давно, так что поняла, что Олег похоже прав. Она порядком устала от собственного скандала, да и устраивать семейные разборки на школьном дворе не хотелось. Так что схватив дочь за руку, Лида поволокла негодницу домой для дальнейшего решения вопроса.

Лелька вытерла подступившие слезы и с чувством поблагодарила:

— Спасибо вам, дядя Олег.

— Да, ладно, Леля, чего уж там. Подумаешь, скандалистку приструнил. Ты мне куда больше помогла. Леля, я все спросить хочу — вот браслетик-то твой я ж не снял. И иногда очень интересные вещи вижу.

— Так давайте я его сниму.

— Не, не надо. Ты мне только скажи — он не вредный? Ну, носить его не вредно? Ты же говорила, что ядья него вроде батарейки.

— Не вредно. Здоровый человек и не заметит такой потери энергии. Да и рано или поздно он выдохнется. Я только не знаю, насколько его хватит, нет у меня такого опыта.

— Жалко будет, когда выдохнется. Так иногда интересно бывает!

Лелька про себя подумала: «Надо же, интересно ему... Повидал бы ты, дядя, Карпыча в натуральном виде». И тут же поправила себя «Впрочем, абасы он видел и, судя по всему, не сильно напугался». Поблагодарив еще раз нежданного спасителя, девочка отправилась домой.

История с шишигой, ставшей причиной скандала, имела неожиданное продолжение. Лидия, считавшая себя усердной христианкой, потребовала от батюшки Павла непременно освятить дом, что и было сделано. Шишигу, разумеется, это не впечатлило нисколько. Не была она прислужником дьявола, не якшалась с темными силами, просто, следуя своей природе, обустроивалась в доме, куда ее к тому же добром пригласили.

Убедившись, что священник не помог, Лидия потребовала от дочери отыскать зловредную штуку, которую та использовала для приваживания нечисти. Ксанка честно попыталась, но шишига душой не была, дом ей понравился, так что заветный узелок никто не нашел, да и найти не мог. Тогда Лидия потащила в церковь самую Ксанку. Последствия этого

посещения были неожиданны и настигли не Ксанку, а Ирину. Дело в том, что Ксения была крещеной, так что после похода в церковь и полной исповеди с последующей епитимьей, Иринин крадник с нее просто слетел. В результате Ксанка избавилась от проблем с кожей и волосами, а Ирина получила болезненный откат в виде роскошных ярко-алых прыщей. Прыщи не реагировали ни на какие мази и маски, цвели и множились, так что Ирина осела дома.

Откат был столь сильным, что немного зацепило и Ингу Геннадьевну, на что та немедленно разозлилась. Ирина сунулась было к ней за помощью, но быстро узнала, каково ученице, когда на нее гневается наставница. Пролечившись напрасно неделю, ведьмочка решила проблему привычным способом — повесила новый крадник на приехавшую в гости очередную Сашкину тетку. Сделать это оказалось не так просто, на контроль уходило много сил, а результаты были куда скромнее. Начинаящая ведьма забеспокоилась, а покопавшись на рекомендованных наставницей сайтах, нашла крайне неприятное объяснение.

Выяснилось, что все взятое с помощью крадника, утекает от ведьмы как вода из дырявого ведра. Более того, если продолжить аналогию, дыра в ведре при этом растет, так что крадников надо все больше, да и расход энергии заметно увеличивается. Ирина поняла, что ей совершенно необходимо любой ценой увеличить собственную силу. Наставница, к которой она пришла с этим вопросом, сменила гнев на милость и обещала помочь. Мысленно же Инга потирала лапки. Девчонка ступила на заранее спланированный путь безо всяких усилий со стороны самой Инги. Это значило, что при успехе отката можно будет не опасаться. О том, что профит от полученной Ириной силы достанется не ей, а Инге, последняя предпочла умолчать. Пусть ученица для себя старается, все усерднее трудиться будет.

Лелька готовилась встречать весну. Последний день Мораны в этом году прошел спокойно, не принеся никаких сюрпризов в виде активных покойников или других потусторонних визитеров. Не считать же чем-то серьезным неожиданно приснившийся накануне Мораниного дня знакомый туман, из которого доносилось то ли шипение, то ли причитания. Со времени активации медальона Лелька тумана не боялась, так что ее Старичок-Огневичок спокойно лежал в сумке вместе с другими дорогими сердцу вещичками.

Сюрпризом для всей деревни стало триумфальное возвращение козла Беспредельщика. К великому удивлению сельчан, оплаканный Михалычем козлий пенсионер доказал всем, что его рано списывать со счетов. В середине марта он гордо вернулся в родной козлятник и привел с собой... лосиху! Самую настоящую молодую лосиху, которая с готовностью протрусилась за Бесом по главной улице и пристроилась в козлятнике поближе к кормушке. Правда вольностей лесная принцесса не позволяла, вымя проверить не дала и через несколько дней, переждав в комфорте последние холода, покинула неутешного Беса не попрощавшись.

В колодце за картофельным полем активизировался неугомонный Прошка. Зимой он не любил, поскольку лед не позволял ему свободно передвигаться, да и русалки, за которыми он так любил подглядывать, зимой спали. Сейчас же, предчувствуя скорый ледоход, Прошка выбирался из колодца прямо белым днем и висел над старым срубом мутноватым облачком. Лельке он сообщил, что получивший по осени подарки Карпыч «до невозможного радый» и что рыбы в этом году будет немеряно. Пусть только река освободится.

На третью пятницу Макоши Лелька решила попробовать погадать. С предвидением у

нее было неважно, не хватало и силы, и мастерства, но заглянуть в будущее хотелось невыносимо. За зиму она сделала из полимерной глины все 40 славянских рез и намеревалась воспользоваться ими для гадания. Во вторую пятницу марта, взяв все необходимое, она устроилась на летней веранде. Здесь было зверски холодно, но зато никто не мешал. Резы показывали странное: подарок, опасность, камень и ключ образовывали совсем уж загадочное сочетание. Лельке эта комбинация ничего не говорила, так что, повздыхав о собственной неудельности, она просто сложила резы в мешочек и убрала подальше. Результаты же гадания записала в тетрадку, чтобы потом подумать над тем, что пыталась ей сказать судьба.

Провожая март, девочка впервые самостоятельно испекла традиционных жаворонков. Пекла она с добрыми пожеланиями, наговором для всей семьи на здоровье, удачу, долгую жизнь. На запах печева неожиданно явился Кондратьич. Всю зиму он прятался от Лельки по темным углам, не приходил на беседу, только исправно принимал угощение, но тут не утерпел.

— Здравствуйте, Кондратьич. Давно вас не видно было.

Домовой смутился:

— Дык, веда, дело то непростое.

— Вы о том, что Ирина наставницу нашла?

— Знаешь, значит... А кого нашла ведаешь ли?

— Чего не знаю, того не знаю. А отчего вы все-таки пропали?

— Вишь какое дело... Ирина наша ведьмой стала, хучь и слабенькой, а приказывать все одно может. Ну и кровь ей помогает — она же моего рода. Вот и не хотелось мне промеж вас попасть, как промеж молота с наковальней. Веду и ведьму мир никогда не возьмет, вы посваритесь, да разбежитесь, а от меня только блинчик с ушами останется.

— Значит и дальше будете прятаться?

— Буду, дева. Это ж дело такое — разозлится на тебя наша ведьмочка, да и прикажет мне чего позаковыристей. А я ведь ее любой приказ сполнить должен. Ты ж не нашего рода, не Андреева корня значит... Так что боюсь, как бы худа творить не пришлось. Вот я и решил — подальше сховаюсь, поцелее буду. Извиняй, веда, если что не так, а только против природы не попрешь.

— Ладно, Кондратьич, мне все понятно. Но раз уж случилось побеседовать, прими от меня печенье. И позволь я тебя еще спрошу. К делам рода этот вопрос отношения не имеет, а ответ мне нужен.

— Ну если дела рода не причем, спрашивай, веда.

— Как зовут школьного домового?

— Эк ты спросила! Откуда ж в школе домовой? Дом — это жилище человеческое, в нем домовый и появляется. А школу никто домом не считает и не называет, нету там домовика и быть не может.

— Спасибо, Кондратьич, за ответ и объяснение. Больше тревожить не буду.

— Вот и славно. Бывай, веда.

Сказать, что полученный ответ Лельку озадачил — это ничего не сказать. Это что получается — домовика в школе нет, а паутиной в нее кто-то кидался? Да еще по углам хихикал! Эту неясность явно следовало прояснить и разъяснить, чем Лелька и собиралась заняться в ближайший учебный день.

Пока же она решила навестить прохиндеистого ауку, благо опасность стать жертвой

абасы давно миновала. Старый гриб обрадовался несказанно, видимо играть в шашки с самим собой ему окончательно надоело. Но скоро Лелька поняла, что было что-то еще. Уж больно много этой самой радости для простого партнера по игре. Так оно и оказалось. Во время очередной партии аука застенчиво, что было для него совсем нетипично, попросил:

— Ведающая, вот ты ко мне с добром. Шашкам научила, одежку справила, понимаю я, что дерзко будет еще чего-то желать. Но попросить хочу, ты уж не серчай.

— Не буду. А что за просьба такая, что ты издалека начинаешь?

— Слыхал я, веда, еще летом, что имя ты броднице дала. А можешь меня поименовать?

Лелька опешила. Просьбы была совсем пустячной. Но глазки котика из Шрека, смотрящие на нее с физиономии пожилого гриба, показывали, что легкомыслие здесь неуместно.

— А скажи-ка мне уважаемый, зачем тебе имя надобно?

— Дык... сама, поди, слышала, как леший грозился грибом меня сделать, да в суп отправить. А буде у меня имя появится, у него такой власти не станет.

— В смысле, грибом тебя сделать не сможет, или в супе сварить?

— Сварить-то сможет, кто ж ему воспрепятствует, да еще в его же лесу. А вот грибом сделать — уже нет. И ежели я сумею удрать да схорониться, а то и в другой лес перебраться, то сделать он ничего не сможет.

— Если так все замечательно, то чего ж ты до сих пор без имени гуляешь?

— А кто б меня поименовал? Думаешь, веды в наш лес каждый день строем ходят?

— А другие люди?

— А они меня не видят. Да и потом, вот будь ты обычным человеком, да заговори с тобой гриб, что бы ты делать стала? Беседы с ним вести?

Лелька подумала и решила, что обычный селянин говорящему грибу бы не поразился.

— Вот-вот, — правильно понял ее молчание аука. — У людей разговор при такой оказии короткий — сапогом мне по хлебалу, да и ходу. Так бегут, что никакая арысь не догонит.

— А кто ж тогда Ермолаю имя дал?

— Э-э-э, он свое имя хитростью получил. Давно то было, меня еще не было.

— А откуда ж знаешь?

— Да мне болотник прежний разболтал. Была в здешних местах девка красивая, из зажиточной семьи. Как впору вошла, женихи на двор потянулись. Родители-то ясно дело, выбрали самого крепкого хозяина, а девке-то красавец-певун полюбился. Да только нищим был красавец, как мыша при церкви. Вот и приладилась девка к нему на свидания в лесок бегать. А звали-то парня Ермолаем. Однажды закружил-заблудил его леший, а сам в его обличье к девице вышел. Где ж деревенской-то девахе морок разглядеть! Кинулась она ему на шею, по имени назвала. А не всякий знает, что как нелюдь имя получает, принимает он в тот момент истинный свой облик. Вот и лешак принял. Девица как его увидала — разума лишилась. Но имя он получил, с ним и существует.

— Страсти-то у вас в лесу какие! Спасибо, что рассказал.

— Так что, удостоишь меня имени?

— А Ермолай не осерчает? Мне с ним ссориться не с руки.

— Не осерчает, луной клянусь. Позволил он мне имя-то попросить.

— Ладно, будь по-твоему. Похож ты на красивый и крепкий белый гриб, так что будешь Беляном.

Стоило это сказать, как на глазах у изумленной девчонки аука и впрямь обернулся крепеньким белым грибочком, дико выглядящим на нерастаявшем до конца снегу. Но долго удивляться не пришлось, гриб подпрыгнул и снова стал прежним хитрованом-аукой.

— Благодарствую, веда. Большое дело ты для меня сделала. Я тебе вот еще что скажу — не верь шибко Ермолаю-то. Есть у него какой-то в тебе интерес. Он тебе зла, конечно, не сделает, но смекаю я, что зло и добро для вас с ним по-разному выглядят. Так что поберегись, веда.

— Спасибо за предупреждение, уважаемый Белян. Я добро крепко помню.

На этом, однако, неожиданные разговоры не закончились. Следующий настиг Лельку в школе, все в той же дальней кладовке. Она решила-таки установить дипломатические отношения с непонятной сущностью, которой нравилось кидаться паутиной в незваных гостей. Орудием доброй воли призвано было послужить печенье-жаворонок. И сущность неожиданно соблазнилась. Вид она имела жалостный до невозможности и выглядела как худой пацан лет десяти. Интересно, что одет был пацан, в отличие от того же Прошки, в физкультурную форму примерно годов пятидесятих. Сформировавшись изтумана, дух посмотрел на Лельку и спросил:

— Дашь печеньку?

— Вот ты быстрый! Апоздороваться?

— Все вы девчонки одинаковые. Столько лет прошло, а все одно — здрасьте, пожалуйста, будьте любезны... тьфу!

— Да ладно тебе, что плохого в вежливости?

— Да так-то ничего, — растерянно почесал затылок призрачный мальчишка. — печеньку просто хочется.

— Раз хочется — держи, — Лелька вручила кривоватую птичку школьному призраку, — а поговорить согласишься?

— А на урок тебе не надо?

— Так кончились на сегодня. Тебя как зовут?

— Пашкой звали.

— А как ты здесь очутился?

— На физре, пока Степаныча, физрука нашего, директриса вызвала, я на сосну на спор залез. Ну и свалился. Сперва удивился даже — вроде так грохнулся, а не больно. А потом понял, что болеть уже нечему.

— Это сколько ж ты здесь казакуешь?

— С пятьдесят третьего года. Скучно — жуть. Поначалу ничего было, девчонок пугал, сторожа еще. А потом надоело. А как нынешняя директриса появилась, так и все, сижу, вылезти боюсь.

— А что так?

— Так ведьма она. Или изничтожит, или пакость какую заставит делать.

— Погоди, то есть как ведьма?

— Самая настоящая. Ты что, не видишь, что ли?

— Нет. Я еще ни одной живой ведьмы не видела.

— А мамка не научила?

— Мама умерла. Не успела.

— Э-эх... Моя вот тоже, как я свалился, пить начала и следующей зимой померла — замерзла. Я думал, она меня заберет, а она даже не пришла.

— Она не могла, наверное. Она же крещеная была? И на кладбище ее, наверное, похоронили, как следует?

— Крещеная — да, была. Бабка нас с ней все время в церкву таскала, а какая церковь, когда я — пионер!

— Ну вот, раз ее крестили, то душа сразу и отправилась к кому положено. А тебя, наверное, не крестили? Ты растерялся и здесь застрял.

— Это что же мне теперь вечно здесь сидеть? С пылью и пауками?

— Я пока не знаю. Я еще мало знаю, но если разберусь, то расскажу тебе что и как делать, ладно?

— Слово?

— Слово!

— Только ты осторожнее, ведьмы берегись, она злющая. Я сам видел, как она девчонку одну извела. Та вроде сперва ничего, а потом болеть стала, болеть и померла. А ведьма тогда помолодела лет на десять.

— Спасибо, Пашка. Я поберегусь.

— И заходи, когда время будет. Скучно, мочи нет.

Второй разговор был не менее неожиданным. Через несколько дней после саммита в кладовке Лельку поймал дядя Олег.

— Лель, ты не сильно спешишь? Мне бы посоветоваться.

— Не спешу. Давайте к нам пойдем, будто вы к дяде Андрею идете и поговорим по дороге.

— А и давай. Мне Андрюха давно дрель обещал, заодно и возьму.

Олег посмотрел по сторонами негромко продолжил:

— Помнишь, ты говорила, что браслетик выдохнется, и я перестану всякое видеть? Так вот он не выдыхается. Я раньше видел вроде облако из тумана небольшое, а пару дней назад смотрю — старичок. В лаптях. В самых настоящих лаптях! Сидит, пряник, который я положил домовому, трескает и чай пьет!

— Дядя Олег, а у вас в роду никого не было вроде меня? Ну тех, кого ведьмой обзывали?

— Была прабабка моя, Евдокия. Травница была знатная, из города приезжали лечиться. Вот ее тетки тоже ведьмой норовили ославить. А только она женщина была серьезная, мне матушка рассказывала. Послушала-послушала, да и отрезала: «Раз я ведьма, то ты, Семениха, ко мне за травами от живота боле не бегай. И ты, Прасковья, за сбором от прыщей не ходи. Негоже вам с ведьмой якшаться». После этого все разговоры как отрезало. И то сказать, больнички-то тогда не было, до врача — 300 километров, травами только и лечились.

— Дядя Олег, я могу и ошибиться, но похоже. что у вашей прабабушки искорка тоже была. Без нее травы, конечно, работают, но сильно хуже. Видимо браслет мой вашу искорку и разбудил.

— И что теперь?

— Я не знаю. Можем его снять, может все назад вернется, и вы ничего непонятного видеть не будете.

— А если я не хочу?

— Тогда можете попробовать травы пособирать и позаваривать. Вдруг дело пойдет.

— А ты меня научишь?

— Меня бы саму кто научил. Лекарственные сборы в книжках есть. Я могу вам только рассказать, как в лес правильно ходить.

— Договорились! О, почти дошли. Я тебя попозже найду, ладно?

Лелька согласно кивнула и поспешила к себе, стараясь не попадаться на глаза вышедшей во двор Ирине.

Лелька критически рассматривала себя в большом зеркале в комнате тети. Впрочем, оснований для критики было немного.

— Та-а-к... на черенок грабель больше не похожа. Грудь наконец-то появилась и вроде талия обозначилась? Лапатундель, — обратилась она к сидящей на кровати кошке — есть у меня талия? Молчишь? Ладно, молчание знак согласия. И волосы вроде уже не мышинного цвета. Жалко только, что не серебристыми становятся, а в рыжину начинают отдавать. Ну да ничего. Зато брови наконец-то появились и ресницы вроде бы гуще стали? Если так пойдет, милочка, — сообщила она своему отражению — у вас и парень может появиться. Подруг, похоже, не будет, тут Ирина подмогнула, а вот парень — вполне. В конце концов, мальчишкам наплевать, обзывают меня колдовкой или нет, они во все это не верят. А некоторые и вовсе не боятся, вон как Саша.

При мысли о Сашке Лелька вздохнула. Понятно, что даже с положительными изменениями, о которых ей исправно докладывало зеркало, Сашка в качестве своей девушки ее не выберет.

— Он такой... такой... — Лелька затруднилась с формулировкой, но Лапатундель исправно слушала. — короче он одновременно похож на молодого Супермена из сериала и на принца из сказки про Золушку с орешками. Ну и зачем такому парню невнятная малограмотная веда? Слушай, кися, интересно, а можно от этой силы-искры отказаться? Была бы у меня нормальная жизнь...

Проходившая по коридору Ирина замерла, услышав последнюю фразу сестры. Ей так не хватало силы, она все время думала, можно ли ее увеличить, а тут эта идиотка рассуждает «отказаться — не отказаться». Стоп... а вроде ведь наставница что-то говорила, что силу можно забрать? Или не говорила? В любом случае, надо это с ней обсудить. И если реально можно забрать... В голове девушки начал формироваться план.

Лелька о таких далеко идущих планах не подозревала. Поговорив с кошкой, она занялась уроками, а потом поискала в маминой тетрадке что-нибудь о призраках. Уж очень ей хотелось помочь застрявшему в школе мальчишке. Это ж страшно подумать, сколько он уже там... слово «живет» не годится, скажем — существует.

Кстати, материнская тетрадь оказалась очень интересной, но вела она себя странно. Рецепты травяных сборов и гадальных ритуалов, истории о нежитях и нелюдях появлялись и исчезали совершенно самостоятельно, не считаясь с Лелькиными желаниями и следуя собственной загадочной логике. В этот раз тетрадка послушалась, правда, информация показалась девочке общеизвестной. Призрака удерживало на свете или незавершенное дело, или непонимание того, что он умер. В первом случае призрака можно было освободить, разобравшись что за дело его удерживает и оказав помощь в выполнении этого самого дела. Про второй случай сведений было мало, только сказано было, что нужен сложный ритуал с жертвами, но инструкция кого, кому и как жертвоприносить оставалась за кадром, то есть в тетради описана не была. Впрочем, Лельке хватило имеющихся сведений.

Через пару дней, улучив момент, девочка снова оказалась в кладовке. Призрак выскочил из стены как пробка из бутылки.

— Узнала что-нибудь?

— Да, но все непросто. Понимаешь, тебе надо вспомнить, что за дело тебя здесь

удерживает. Что-то такое, что ты собирался сделать и очень хотел завершить, но не смог.

— Да откуда ж мне знать-то, — приуныл призрак. — Я только себя и помню. Ну еще сосну.

— Ты не спеши, подумай. Делать-то тебе все равно нечего. Верно?

— Ну вообще-то да. Сейчас сюда никто не ходит, даже пугать не интересно. А тут на днях попробовал шугануть одну фифу, так она вместо того, чтобы заорать, какую-то черную фиговину выхватила и как давай кнопку давить. Еще и приговаривала: «Вот фотка-то будет! Точно завирусится, девки обзавидуются!». Я и не понял ничего. Вирусы — это ж вроде зараза какая-то?

— Это, конечно, так, но не совсем.

Лелька честно попыталась рассказать про интернет, смартфоны и вирусный контент, но она и сама в этом мало что понимала. Ну интернет и интернет, смартфон и смартфон, а вот как оно работает, да почему все с другого края мира можно увидеть — она понятия не имела. Просто пользовалась достижениями технического прогресса. И только широко распахнутые от удивления глаза призрачного пацана заставили ее на минуту задуматься о том, что обычное для нее — настоящее чудо для тех, кто жил раньше.

— Ладно, Пашка. Пора мне, а то меня тетя потеряет. Ты подумай о незаконченном деле, может все-таки вспомнится. А я подумаю, что можно сделать, чтобы тебе помочь.

Первой, на кого Лелька наткнулась дома, была тете Наташа. Девочка удивилась и забеспокоилась, обычно это время Наталья работала или на семейной мини-ферме, или в сельской бухгалтерии. Сейчас же женщина сидела в кухне и озадаченно читала какое-то письмо.

— О, Леля, привет. У тебя все нормально?

— Да, тетя Наташа. А у нас что-то случилось?

— Да вот непонятки какие-то с опекой. Хотят зачем-то нас с тобой видеть. То ли проверка у них, толи что-то еще. И квартиранты как по заказу съезжают. Жалко, хорошие жильцы были.

— И как теперь, тетя?

— Да это-то не страшно. Они вроде кого-то на смену нашли, говорят, что люди неплохие, но все одно надо смотреть. Так что, Леля, после майских поедем в город на пару дней, как дядя немного освободится.

Еще не так давно Лелька быобрадовалась предстоящей поездке, но сейчас прежняя жизнь, прежние подругивиделись словно через дымку: вроде и видишь, но сердце не трогает, как киносмотришь. Тот же аука стал ближе и понятнее.

— Мы все вместе поедем?

— Нет, Ира останется, незачем еще и ей школу пропускать. Девятый класс ведь, перед самыми экзаменами куда-то срываться ни к чему. Хоть и успевает она неплохо, и директор к ней хорошо относится, а лучше все-таки не расслабляться.

В памяти всплыли слова школьного привидения: «Директриса ведьма, самая настоящая», и девочка впервые задумалась, что связывает местную ведьму и Ирину. Выводы намечались неприятные. Ладно что та учит Ирину ведьмовским шгучкам, про учениц Лелька слышала. Намного хуже, что эта учительница не рассказывает сестре о последствиях колдовства, того же крадника, к примеру. Лелька готова была поручиться, что про откаты и тому подобное двоюродная сестра не знала.

Ирина в это самое время направлялась к наставнице домой. Те времена, когда ее

отвозили на машине, давно прошли. Инга Геннадьевна искренне считала, что комфорт ученице ни к чему. Пусть учится и закаляется. Сегодня Ира везла заявления от родителей учеников на летнюю отработку.

Инга, лишившись по Лелькиной милости рабыни-луговицы, какое-то время помыкалась без рабочих. Ну не хотелось ей платить за то, что она столько лет получала даром. Однако поймать нового раба не получалось и пришлось искать другие варианты. Найденное решение не было идеальным, но обеспечивало какой-то минимум бесплатной рабочей силы для обширных огородов. Инга просто приписала огороды к школе и сделала их местом отработки летней практики.

Идею практики-отработки она ухватила у коллег в городе. Надо сказать, что в селе раньше эдакое извращение не практиковали, ребята работали на колхозных полях, помогали родителям на приусадебных участках. Но колхозы канули в Лету, работы на участках, благодаря технике, стало меньше, так что, когда Инга возродила забытый институт летней практики, никто из родителей особо не протестовал. Парочка самых упертых получила предложение об освобождении детишек от отработки по причине здоровья, а остальные рассудили, что пусть детки лучше при школе поработают, чем будут без надзора казаковать. Так Инга и получила бесплатную рабочую силу.

Однако, чтобы не нажить разборок с городским отделом образования, документы следовало держать в порядке. Раньше Инге самой приходилось бегать собирать заявления и прочие бумажки, теперь же у нее для этого была ученица.

Добравшись до дома наставницы, Ирина отдала собранные заявления, и решила узнать ответ на волновавший ее вопрос:

— Наставница, а ведьма может кому-то отдать свою силу?

Инга мысленно потерла лапки. Похоже ситуация развивалась в нужную сторону. И то сказать, должно же ей хоть когда-то повезти!

— Ученица, а ты бы отдала?

— Нет конечно!

— Вот и ответ на твой вопрос. В некоторых случаях, умирая, ведьма передает силу своей преемнице. Это может быть ученица, может быть родственница. Однако вместе с искрой силы ведьма отдает и все накопившееся — откаты, долги, незавершенные дела. Преемница обязана все закончить и отработать.

— Ну-у-у... Это слишком сложно.

— Не ты одна так думаешь. Поэтому есть другой ритуал, используя его, силу можно забрать.

Ирина оживилась.

— А вы расскажете, какой? Как его проводить?

— Для начала я тебе кое-что покажу. Смотри.

Инга открыла гримуар и показала схему девятилучевой звезды, исписанной множеством символов.

— Что это? — ужаснулась Ирина.

— Это звезда, в которую надо поместить донора силы. И учти: во-первых, донор будет сопротивляться, во-вторых — достаточно одной ошибки, чтобы вместо силы реципиент получил сильнейший откат. Ну и всю силу так, конечно, не заберешь, часть все равно развееется, так что донор должен быть действительно силен, а иначе и затеваться не стоит.

— Я такую звезду не смогу нарисовать...

— Нарисовать! Здесь главное правильно сделать расчеты. Для этого тебе потребуются геометрия, тригонометрия, да и знание рун лишним не станет.

Ирина разочарованно вздохнула. Училась она хорошо, но математику не любила и не понимала, брала зубрежкой, а в последнее время — заклинанием мгновенной памяти. Удобная штука — прочитала, ответила и забыла, как не бывало. Здесь такой номер явно не пройдет. Да и неизвестно еще, достаточно ли сильна Лелька, а то может и действительно овчинка выделки не стоит.

— Наставница, а как узнать, насколько сильна ведьма?

— Уже присмотрела донора? Узнать сложно, да и ни к чему тебе это. У тебя искра настолько мала, что любая ведьма сильнее тебя. Так что бери кого сможешь — не ошибешься.

Осознав, что легкого путине будет, Ирина уточнила нужные разделы математики и отправилась домой. Идти было прилично, но ей повезло: из города возвращался Олег, отвозивший туда бумажные формы отчетности, он и подвез девушку.

Еще недавно Олег непременно бы отметил, как Ирина похорошела. Ведьмочка действительно стала редкой красавицей, уж что-что, а позаботиться о себе могла любая ведьма, даже самая слабая. Однако на этот раз Олегу было не до баб, он морально готовился к походу в лес.

Так-то в лес он ходил как и все селяне, с детства. Но на этот раз он собирался идти туда в новом качестве — в качестве начинающего травника. Лелька в своих предположениях оказалась права — в Олеге тлела искра прабабки Евдокии. Стоило мужику по-настоящему задуматься о травничестве, как ему будто кто-то дорожку расстелил. В библиотеке оказался приличный набор книжек о лекарственных травах, а тот старичок, который раньше выглядел для него клочком тумана, как-то вечером поманил за собой и, указав на один из сундуков, стоящих на чердаке, растворился в воздухе. В сундуке оказались ступки, пестики, спиртовка, какие-то склянки с крышечками и без, и, самое главное — прабабкины записи, чего Олег никак не ожидал.

Выяснилось, что Евдокия была не просто грамотной, она была весьма образованной женщиной, особенно для своего времени. В ее записях были достаточно сложные расчеты количества трав в разных сборах, заметки о температурном режиме. Интересно, что даже время было указано удобно — в минутах и секундах, а не так как обычно: «Читай три раза Отче наш и один раз Богородицу». Часть же записей и вовсе оказалась гербарием. Правда, вместо сухих растений были их рисунки, выполненные, однако, с такой тщательностью, что Олег сходу узнал некоторые травы. Словом, стало понятно, что походу в лес — быть.

Собираясь, Олег вспоминал Лелькины наставления:

— Люди не хозяева леса, мы туда приходим в гости. Вежливый гость сперва знакомится, приносит подарок хозяину и только потом излагает просьбу. Если идти в лес правильно, то в первый раз стоит отнести лешему хлеба, поклониться, рассказать о себе, попросить разрешения приходить за травами. Лучше в первый раз ничего не брать, даже если что-то редкое на глаза попадет. Леший не любит, когда люди жадничают, берут лишнее, бесцельно ломают или портят растения. Если такого не делать, то все будет хорошо.

Олег тогда поразмыслил, и попросил жену испечь хлеб. Катерина любила разные рецепты, пробовала печь и в русской печи, и в духовке, и в хлебопечке, так что в лес Олег отправился со свежим караваем. Выйдя на симпатичную полянку, он представился, поклонился, поприветствовал лесного хозяина, положил хлеб на поваленный ствол на краю

поляны и отправился назад, стараясь не ступать на первую молодую травку. Начинаящий травник не увидел, как один из кустов раскрыл желтые глаза-плошки и веткой-лапой цапнул хлебушек.

— Уважительный ныне народ пошел, — подумал леший. — И ведь подошел со всем вежеством, видать научили его... — леший хмыкнул, сообразив, чья была наука. — Все-таки веда, даже молоденькая и необученная — зверушка в хозяйстве полезная. Вот и травника подобрала, глядишь, еще кого лесу на пользу приведет... — и леший погрузился в раздумья, соображая, как бы расширить овражек между Лелькой и людьми до серьезной пропасти.

Лелька тоже собиралась в лес. Собственно, сейчас, после того, как проснулись лесавки, девочка бывала там ежедневно. Лесные подружки оценили произошедшие за зиму перемены:

— Леля, ты уже совсем взрослая, — вздохнула Уля.

Они с Даной не менялись, оставаясь все теми же девочками лет 11–12 на вид.

— В прежние года тебя бы уже замуж выдали, — подала голос молчаливая Дана.

— Нет, замуж я точно не хочу, — отмахнулась Лелька.

— А чего хочешь?

— Да учиться мне надо. И школу заканчивать, и с силой работать. Не смогу я всю жизнь в лесу сидеть.

— Чем тебе наш лес не нравится?

— Да нравится он мне, как такое может не нравиться. Только ведь я человек, а не лесной дух, мне с людьми надо жить.

— Люди таких как ты не любят.

— Да и пусть не любят. Я не червонец. Девочки, не обижайтесь, очень прошу. Просто жизнь больше даже самого красивого леса, мне ее увидеть хочется.

— Тебя будут обижать.

— Будут, конечно, но что уж тут поделаешь.

— А ты в Живину ночь в лес пойдешь?

— Уля, а расскажи мне про нее, а? Мама не успела.

— В Живину ночь предки могут помочь своим потомкам. В эту ночь в прежние года отворялись ворота между Навью и Явью, боги выходили в мир к людям. Сейчас такого уже нет.

— Совсем нет? Предки больше не помогают?

— Леля, мы не знаем. Не забывай, мы не люди.

Домой девочка вернулась озадаченная. Быстрый серфинг в интернете информации дал мало, и Лелька решила позвать Кондратьича. Ирина отправилась в клуб, так что помех для беседы с домовиком не ожидалось.

Кондратьич, видимо, тоже скучал по разговорам, так что отозвался охотно.

— Уважаемый, а расскажите мне, пожалуйста, про Живину ночь.

— Я, веда, мало про это знаю. Ведомо мне только, что в эту ночь человек может встретиться с пращурами, попросить у них чего-то на пользу роду. Чаще всего просят достатка, здоровья, иногда совета спрашивают.

— Я тоже могу попросить?

— Можешь, конечно, только в этот дом твои пращуры не придут, это жилище не твоего рода. Тебе надо поближе к своим корням оказаться.

— Как же быть-то? В город меня одну не пустят. А тетя туда собирается ехать уже после

праздников...

— Не спеши горевать. У тебя же родительница из соседней деревни родом? Ежели ты рядом с ее родовым гнездом ночку Живину встретишь, может и снизойдут к тебе бабки-прабабки.

— Благодарю за науку, Кондратьич. Я подумаю, как это сделать.

Самым сложным делом в подготовке к встрече Живиной ночи стало получение санкции на поход в лес от тети Наташи. Для Натальи не имели значения никакие аргументы. Одинокая ночевка в лесу тринадцатилетней племянницы виделась ей просто опасной блажью. Но Лелька с этим справилась. Помогла, как всегда в таких ситуациях, народная медицина. Объяснив тете, что есть растения, которые надо собирать только на рассвете, девочка получила желанное разрешение.

Конечно, ей пришлось взять с собой мини-палатку, спальник и туристическую пенку, которые она забрала из родительского дома, но дело того стоило. Украдкой Лелька прихватила заботливо отшлифованный черенок для будущей метлы, котелок и традиционный запас трав. Последний всегда включал полынь, рябину, можжевельник и крупную соль. Эта нехитрая смесь не однажды спасала Лельке жизнь, так что девочка без нее никуда никогда не выходила.

Старенький велосипед, любовно восстановленный дядей Андреем, чуть поскрипывал, но вез. Проезжая заросли рябины, Лелька остановилась. Черенок будущей метлы, конечно, вышел на славу, но какая метла без прутьев. Подойдя к стройной рябинке, девочка опустила на одно колено и попросила

— Рябина-красавица, подари мне веточку, что тебе не надобна.

Ветви зашуршали, к ногам Лельки упал тонкий длинный прут.

— Спасибо, красавица! Прими и от меня подарок!

Девочка повязала на склонившуюся к ней ветвь яркую ленту цвета спелых рябиновых ягод и отправилась дальше. По дороге она еще не раз останавливалась у разных деревьев, повторяла ритуал, получая веточки, и собирала нападавший за зиму хворост. Ночевать без костра Лелька не собиралась.

До старого дома, где когда-то жила прабабушка Таисья, девочка добралась уже в сумерках. По-хорошему, надо было готовить костер, но Лелька не утерпела. Она всего раз бывала в этом доме с мамой, бабушки тогда уже не было, но дом содержался в порядке. Ей помнилось охватившее ее тогда ощущение теплой радости. Словно ее в этом доме долго-долго ждали и наконец-то встретили. Много лет ей хотелось вновь испытать это чувство.

Однако в этот раз все было иначе. Дверь легко открылась, но чувства долгожданной встречи не случилось. Дом был пуст. Всю зиму его не топили, так что в воздухе висел легкий флер затхлости, а сам воздух был влажным и как будто липким. Лелька расстроено вздохнула. Оставляя дом в таком состоянии не хотелось, так что она нашла в сарайке несколько поленьев и осторожно затопила печь. Уроки тети Наташи помогли, огонек занялся быстро, дрова оказались неожиданно сухими и дом начал оживать. Пообещав себе утром привести здесь все в порядок, девочка отправилась собирать костер.

Женщины ее рода десятки лет встречали ночь накануне Живиного дня у старой березы, растущей неподалеку. Лелька отыскала следы старого кострища и аккуратно сняла тонкий слой дерна. Лес всегда брал свое, место, где раньше пылал ритуальный огонь, стало зарастать, корешки трав за пару лет успели сцепиться, срастись и твердо намеревались расти дальше, но против острой лопатки устоять не могли. Лопатку Лелька, кстати, тоже

обнаружила в доме.

Разложив в круге собранный по дороге хворост, Лелька развела костер. Травы в него бросать было рановато, так что девочка занялась метлой. Именно такими метлами поколения ее предшественниц очищали лес от зимнего морока, сметая следы Карачуна и Мораны, открывая путь новой весне. В тишине заброшенной деревни звучал полудетский голос:

«Ветви-прутья собираю, сил пяток объединяю.
Для удачи и здоровья, для богатства и любви,
Силой мудрости закрою, капну кровью родовой,
Ты, метла, меня храни».

Капли крови и порезанной ладони падали на прутья, на красный шнурок, который завязывали тонкие пальцы, и что-то рядом оживало, ворочалось, словно после долгого сна. Нечто словно открывало глаза, стараясь разглядеть того, кто его потревожил, узнавая потомка своей крови и рода. В ветвях старой березы прощуршал свежий ветерок, воздух потеплел. Запахло молодой травой, землей, ожидающей лета, неожиданно запела какая-то птица. Род признавал свою дочь, обещая ей помощь и защиту, подпитывая искру дара в крови. Лельке на мгновение стало жарко, но налетевший сквознячок спутал распущенные волосы, дунул в пламя костра, затушил внутренний жар. Девочка снова как когда-то почувствовала, что ей рады, что ее ждали.

На окрестности старой березы опустилась ясная, еще холодная ночь. Сверху на лес и крохотную фигурку у костра смотрели звезды. Им до девочки дела не было — звезды видели многое, но ничто не смогло растопить их холодное созерцательное равнодушие. Искры плясали над огнем. Лелька понимала, что ее слушают, ждут, что она скажет, чего попросит. Слова в этот момент были излишни. Девочка постаралась передать то ощущение одиночества, с которым она жила, желание найти тех, кто никогда не бросит и не предаст, кто поможет и защитит. Внезапно пришло понимание — здесь ее любят и всегда ждут, постараются помочь. Пусть с уходом тех, кто веками встречал Живину ночь, сила рода слабеет, для Лельки будет сделано все что возможно.

Девочка послала в ответ теплую волну благодарности, пообещав самой себе не забывать родовое гнездо. Подумалось, что хорошо было бы поселиться в доме бабушки, пригласить домового и зажить самостоятельно. Как-то же девушки ее возраста справлялись раньше с хозяйством. Но Лелька понимала, что тетя Наташа на подобное никогда не согласится, да и школу хорошо было бы закончить. «Ладно», — решила она. — «Тогда хотя бы летом буду здесь почаще бывать».

Надвигалась полночь, так что Лелька убрала в сторонку коврик, на котором сидела, взяла свежесделанную метлу и начала обрядовый танец. Поначалу она чувствовала себя дико — странно было выплясывать одной ночью вокруг костра. В голову лезли мультики о злых волшебницах, которые так же прыгали вокруг огня, поджаривая части незадачливых путников. Однако шелест листвы под ветром складывался в тихую мелодию, горящий хворост пощелкивал, отсчитывая ритм, и вскоре рядом закружились тени.

Белесые поначалу, они наливались жизнью, в отсветах пламени мелькали домотканые юбки, новые и поношенные, кружились ленты, взлетали рукава. Те, кто присоединился к ней в обрядовом танце, были ее родом, ее корнями. Молодые и старые, смешливые и серьезные, они видели в ней, Лельке, свою надежду и продолжение, и она молча обещала им не подвести, не предать, быть достойной своего рода. Грянул последний аккорд и на старую

березу рухнула тишина. Взметнулось в последний раз пламя костра, провожая уходящие тени, а Лелька упала рядом с огнем почти без сил. Надо было бы согреть воды, приготовить отвар трав, но грудная клетка ходила ходуном, сердце билось как сумасшедшее и перед глазами все еще кружился хоровод ведуний, пришедших приветствовать Живину ночь и новую дочь рода.

Только через час, отдышавшись и основательно замерзнув, девочка поставила котелок с водой в центр почти прогоревшего костра. Вода согрелась быстро. Лелька достала заранее приготовленный травяной сбор, перевернула пакетик над котлом. Запахло душицей, ромашкой, чабрецом и еще чем-то неуловимо летним. Приближался рассвет.

Попивая травяной отвар, Лелька смотрела, как первые лучи солнца выглядывают из-за горизонта, путаются в березовых ветвях, героически преодолевают колючки старых сосен и золотят небо Живина дня. Осторожно запела какая-то пичуга, предрассветный, холодный ветер свернулся клубком в траве, а из лежащего чуть в сторонке лесочка вышла женщина и направилась к Лельке. Девочка смотрела на приближающуюся гостью, не испытывая страха. Все вокруг незнакомки дышало теплом, да и сама она была какой-то уютной, родной. Ни сейчас, ни позже Лелька бы и под страхом смерти не смогла сказать, какими были волосы незнакомки, какого цвета глаза, да даже во что она была одета. Мозг воспринимал образ целиком, как икону, и не мог уловить детали.

— Здравствуй, веда. — приветствовала девочку неожиданная гостя. — Пригласишь к костру?

— Здравствуйте, — пришла в себя Лелька, — садитесь пожалуйста!

Она вскочила и предложила женщине место у огня.

— Да не прыгай, малышка, не суетись, — гостя повела рукой, и к ней бодро подскочил какой-то шустрый пенек, встал поустойчивей и замер. Женщина опустила на него как на кресло. — Хочешь спросить кто я?

— Да... — зачарованно кивнула девочка и встряхнувшись добавила — я вижу, что вы необыкновенная, но мне мама ничего не успела рассказать.

— Я ведаю о твоей беде, малышка. Иногда даже боги не могут противостоять судьбе. Но я вижу, что ты не теряешь свои корни.

— Я совсем недавно узнала про то, как правильно встречать ночь накануне Живиноного дня и только надеюсь, что все сделала правильно.

— Правильно-правильно, даже не сомневайся. Раз женщины твоего рода были с тобой в эту ночь, значит все хорошо. Я рада, что кто-то еще помнит о Живе. Моя госпожа давно спит в Нави, но мы выполняем заповеданное ею, бережем жизнь на этой земле.

— Вы берегиня? — вспомнила Лелька старинную сказку.

— Угадала, — усмехнулась пришлица. — Я эту березку еще семечком помню. — Она показала рукой на огромное дерево, у корней которого сегодня горел костер. Много столетий я приходила сюда, в обрядовый круг, к твоим прабабкам. Мы вместе провожали морозы и встречали весну, радуясь новой жизни. А потом все исчезло и до этой ночи никто не разжигал здесь огня, не бросал в пламя травы, не кружился в обрядовом танце. Ты, малышка, сделала очень много для нашего леса. Пусть у тебя мало знаний и твоя искра еще не раскрыта, но все равно теперь весна будет дружной, лесным жителям хватит корма, а их потомство будет здоровым и крепким. Будет много грибов и ягод, а зимние мороки не смогут тревожить заблудившихся селян.

— Я не знала об этом, иначе бы пришла прошлой весной.

— Все приходит в свое время. Расскажи мне о себе, малышка. Я вижу, какого рода ты дочь, но не знаю, как сейчас живут люди за границами моего леса.

Лелька, чуть подумав, начала свою историю. Она рассказывала берегине, как жила в городе, как погибли мама с папой, как неласково ее встретили селяне. Девочке казалось, что она беседует с кем-то бесконечно родным, кто поймет, поможет и пожалеет. Берегиня смотрела на эту расцветающую девушку, на слезы, текущие по ее лицу, которые та не замечала, слушала знакомую и каждый раз новую историю об оборванной любви и утраченном счастье. Она видела перед собой не только веду, но и маленького бойца, готового биться со всем миром ради выполнения завещанного родителями — прожить жизнь и за себя, и за них, быть достойной своего рода и своих пращуров.

— Славная будет веда, — подумалось ей. — Пожалуй, Ермолаю-лешему жирно будет такую умницу в своем лесу запретить. Но не стану ему мешать, малышка умна, сама разберется, заодно повзрослеет и силы свои попробует. Хотя чуть ей помочь можно.

Между тем Лелька закончила рассказ и замолчала. С нее будто схлынул морок и сейчас девочка удивлялась, как она могла быть так откровенна. Рассказать столько всего о себе, своих чувствах и надеждах кому-то постороннему, будь то человек или древняя непонятная сущность — на нее это было непохоже. Берегиня заметила, что девочке стало неудобно.

— Не волнуйся, малышка. Яне опутывала тебя загадочным колдовством, — усмехнулась она. — наша миссия — беречь все живое. Мы не можем причинить кому-то вред, это противно нашей природе. Вот и тянутся к нам звери, птицы, люди, особенно дети, а ты пока еще ребенок.

— Уже не совсем, — вздохнула Лелька.

— Тебя это огорчает?

— Не то чтобы огорчает, просто чем старше я становлюсь, тем больше появляется проблем. А мне зачастую испросить-то некого.

— Я не могу стать твоей наставницей, это сможет только тот, кто хотя бы был человеком, а я им никогда не была. Но кое-что я тебе расскажу.

Лелька поставила ушки на макушку, а берегиня продолжила:

— Каждая ведунья, какой бы путь она ни выбрала, прежде всего женщина. Именно женская суть дает вам силы, раздувает искру, что горит у вас в крови. Помни, что если хочешь остаться той, что ты есть, не меняй свою суть ни на деньги, ни на удачу, ни на знания. Ведунья дарит свою невинность только любимому, только от любимого зачинает и рождает детей. Кто-то из вас любит раз и навсегда, кто-то нет. Но главным остается одно — веду и ее избранника должны связывать сильные чувства. Если дополнить их специальными ритуалами — искра будет гореть ярче, а ты станешь сильнее. И помни о защите. Любовь и рождение детей делают уязвимой любую женщину, а веду — особенно. В такой момент вы открыты миру, а он бывает разным. Да и без этого будет немало желающих воспользоваться твоей уязвимостью. Все нужные обряды есть в твоей родовой книге, найди ее. Твоя мать не смогла — и погибла, так что не откладывай поиски.

— Но как я узнаю, где искать?

— Тут я тебе не помощник. Знаю только, что родовая книга где-то здесь. Твой род старый, книга за века стала мощным артефактом, я ее чувствую, но найти не смогу. Только ты или женщина, связанная с тобой кровным родством, сможете ее увидеть и взять в руки. Но я могу помочь тебе в другом. Ты взрослеешь, я могу сделать так, что ты вскоре станешь красивой. По-настоящему красивой, ни один мужчина не сможет тебе ни в чем отказать,

просто не захочет.

Лелька задумалась. Она будто увидела, как становится первой красавицей школы, как Сашка смотрит на нее влюбленными глазами, как тянутся к ней мужчины... И как мучительно завидуют женщины, вынашивают месть отвергнутые.

— Я вам очень благодарна, но я не могу принять такой дар. Он меня убьет, не исключено что в буквальном смысле. Я и так-то не могу себя защитить, а став красивой, я не смогу даже спрятаться.

— Не хочешь, как хочешь. Тогда предложу иное. Я могу затворить твою кровь, и ты не станешь матерью, не понесешь дитя, пока сама того не пожелаешь.

Лелька как-то не задумывалась о детях, ТАК далеко в будущее она не заглядывала. Однако отказываться от второго подарка не хотелось, да и подозревала она, что все преимущества такого дара проявятся позднее.

— Я буду благодарна за такой дар.

— Тогда дай мне руку.

Девочка протянула руку, почувствовала тепло чужой ладони, гладкую, нежную кожу. Неожиданно берегиня провела ногтем по ее запястью, и кожа разошлась в стороны. Показалась кровь. Наклонившись к ране дарительница что-то зашептала, и на глазах у Лельки кровь исчезла, а от разреза не осталось и следа.

— Вот и все, и не больно было, ты зря боялась, — улыбнулась гостья.

— Вы читаете мысли?

— Нет, просто мне многое ведомо.

— А можно я тогда спрошу?

Берегиня поощрительно кивнула, и девочка задала вопрос:

— Вы не знаете, что от меня надо лешему? Он сделал мне много добра, но я вижу, что это не просто так.

— На этот вопрос я тебе не отвечу. Считай поиск ответа испытанием, которое тебе надо пройти. Ты малышка умненькая, так что справишься.

Лелька вздохнула. А потом решила, что как-то она много хочет. И так вон сколько всего вышло: обряд провела, в род вроде приняли, берегиню повидала и даже подарок получила, а ей все мало.

Гостья по-доброму улыбнулась, взъерошила Лелькины распущенные волосы.

— Прощай, малышка. Пусть тебе сопутствует удача!

— До свиданья — договорила девочка уже в пустоту.

Гостья словно растворилась в воздухе. Лелька посидела еще немного у затухающего огня и начала собираться.

— Все-таки с лешим что-тоне так, чувствую, а мысль поймать не могу.

Она вспомнила, что мама о таких ситуациях говорила: «Чует попа непорядок». Лелька улыбнулась воспоминанию и пошла в дом.

Домой, то есть к тете, Лелька вернулась уже вечером. Она задержалась, чтобы прибраться в старом доме, да и, что греха таить, поискать по всем укромным местечкам родовую книгу. Поиски результата не дали, но время отняли. С другой стороны, эта уборка вдобавок к собранным травам немало способствовала милостивому отношению тети к такой серьезной задержке. Позвонить-то Лелька не могла, сети в старой деревне не было, так что Наталья всерьез беспокоилась и собиралась отправлять мужа на поиски гулены.

Все майские праздники у девочки ушли на переработку добычи. Расправить, развесить на солнышке, положить в тень на чистое полотенце, отмыть корешки — собранные травы надо было обработать по всем правилам. Да и работа по хозяйству требовала времени. Ирина готовилась к экзаменам. К радости матери она серьезно занялась математикой, которая ей всегда плохо давалась, так что с нее спрос был меньше. Впрочем, Золушкой Лелька себя не чувствовала, а возиться с землей и растениями ей, скорее, нравилось.

В школу идти не особенно хотелось, радости ей учеба не доставляла, да и любимицей учителей она не была. Лелька понимала, что сама в этом виновата. Интересующие ее предметы она знала прекрасно, а те, что не нравились, учила по остаточному принципу, который в ее интерпретации звучал так: «Что успела — выучила, что осталось — то осталось». А какому учителю понравится, что к его предмету относятся наплевательски... Лельке бы точно не понравилось. Учителей она понимала, но стремление к знаниям от этого не просыпалось.

Зато просыпалось любопытство. За всеми весенними обрядами девочка не забыла о призрачном приятеле из школьной кладовки. Когда шкодный мальчишка ворвался на урок географии с воплями: «Вспомнил! Я все вспомнил!», она только порадовалась, что кроме нее никто этого не слышит. Ей нестерпимо хотелось спросить Пашку, что же он вспомнил, любопытство кусалось не хуже голодных таежных оводов, но пришлось терпеть до конца занятий.

Едва дождавшись последнего звонка, Лелька рванула в кладовку. Судьба и здесь была против нее: там пряталась какая-то парочка, причем женская часть была из компании Ирины. Хорошо, Пашка догадался высунуться из стенки и махнуть рукой наружу, туда где до сих пор росла старая сосна. У сосны они и встретились. Школьный двор уже опустел, ученики разбежались по домам в надежде успеть попользоваться оставшимся кусочком солнечного дня, так что разговаривать самой с собой (а именно так выглядел процесс общения со стороны) можно было без опаски.

— Что ты вспомнил-то?

— Да дело вспомнил недоделанное, ты ж сама говорила, что я из-за этого не могу к мамке пойти.

— Ну я еще говорила, что это без гарантии, причина может оказаться и в чем-то другом.

— Вот ты зануда! Все одно же проверить надо.

— Ладно, излагай что вспомнилось.

— Ты помнишь, я рассказывал, что на сосну на спор полез?

— Было дело, помню.

— Ну так вот, я полез потому что мы с Павкой на щелбаны забились. Он говорил, что я не долезу до макушки, а я долезу!

— Погоди, я запуталась. Павел же у нас ты?

— Ага, ага. Я — Павел, который Пашка, а он — который Павка. Нас так звали, чтобы не путаться.

— Ясно, давай дальше излагай.

— Так вот, на сосну-то я залез, а щелбаны ему не поставил — умер. Вот из-за этого я здесь и сижу.

— Где ж я тебе теперь этого Павку найду-то? Ведь столько лет прошло! Ты хоть помнишь, как его звали полностью?

— Ну как, Павлом, как меня.

— Так дело не пойдет. Мне хотя бы фамилию надо знать.

— А, фамилию помню. Кругликов он был. Павел Кругликов. Над ним еще смеялись вначале — он на колобка был похож.

— Вначале смеялись? А потом?

— А потом перестали. Знаешь, как он в нос больно бил?

— Не знаю, но верю на слово. Ладно, это здорово, что ты это все вспомнил. Осталось этого Кругликова-колобка найти. А то вдруг он как настоящий колобок отовсюду ушел и давно не живет в деревне. Сидеть тебе тогда в кладовке до конца времен.

— Зачем? Я не хочу до конца! Я по мамке знаешь как соскучился!

— Ладно, не плачь. Найдем мы твоего Кругликова, будь он живым или мертвым.

Призрак смотрел на нее с такой надеждой, что Лелька напрочь забыла про зарок ничего никому не обещать. Деваться ей теперь некуда — загадочного Кругликова надо было найти любой ценой.

Однако заниматься поисками времени у нее не было. Совсем. Из опеки пришло второе письмо, и Наталье с Андреем пришлось-таки вести племянницу в город. Наталья несколько беспокоилась, как к этому отнесется дочь, их с племянницей, к ее огорчению, мир так и не брал. Однако Ирина отреагировала спокойно, заметив, что позанимается в тишине, а то, когда все дома, кто-нибудь да шумит. К поездке пришлось подготовиться, все-таки дня три явно придется провести в городе. Лелька не стала изменять себе и взяла и мамину тетрадку, и свою защитную смесь соли с травами.

Выехали рано утром. Старенький, но ухоженный внедорожник бодро бежал по подсохшей грунтовке. Тетя дремала, а Лелька смотрела в окно на проснувшийся весенний лес. Мелькали белые стволы берез, стройные сосны, но в отличие от обычных людей девочка видела лесавок, обнимающих деревья, пляшущих в ветвях поветруль, неожиданно из кустов появился незнакомый леший и приветственно махнул то ли рукой, то ли веткой. Лелька подумала, что надо бы заглянуть к нему с гостинцами, а то она кроме Ермолая никого из лесных хозяев не знает.

На подъезде к городу Андрей ненадолго остановился, давая возможность своим спутницам немного размяться и сбегать в кусты. Дожидаясь возвращения Натальи, Лелька успела познакомиться с местной лесавкой. Вета, так звали новую знакомую, порадовалась подаренной ленточке, поделилась лесными новостями, показала несколько кустов бадана. Копать корневища было еще рановато, но девочка решила воспользоваться случаем и, под щелбет новой знакомой, добыла-таки пару толстеньких корешков.

Внезапно что-то в рассказе Веты заставило Лельку насторожиться.

— Говоришь, ходили поисковые группы?

— Да, и так много! Силыч, местный леший, долго потом ругался, дескать нет у него

никаких детей, зря весь ягодник потоптали только.

— Ага, значит искали детей...

— Ну да, еще даже лето не началось, а уже двое ребятишек пропали. Но к нам они не забредали, точно тебе говорю. Я бы знала, я все здесь знаю.

От машины раздался голос дяди Андрея:

— Леля, где ты там? Давай быстрее. Нам ехать пора, а то ничего сегодня не успеем.

Лелька подхватила и побежала к автомобилю, едва успев проститься с новой приятельницей.

— Ты славная, — прощбетала Вета, прячась в ствол старой лиственницы. — Приезжай еще, здесь знаешь какие травы есть! Приезжай, Силыч покажет, я его попрошу.

Лелька давно не бывала в городе. Раньше он был ее домом, привычным и знакомым. Тогда она не замечала удушливых выхлопных газов, потока смурных, недовольных чем-то людей, шума и лязга городских улиц. Пробудившаяся искра показывала ей и другие стороны городской жизни. Вокруг людей, спешащих мимо застрявших в пробке машин, клубились серые тени лихоманок, радужные пузыри шишей, студенистые тела сварниц и ревнцов. Девочке стало жутко. Столько нежити она и не видела в своей жизни. Лелька подумала:

— Как мама жила, видя все это? Ведь невозможно же так.

Откуда-то пришло понимание— если есть зло, то есть и защита от него. Надо просто о ней узнать.

На столбе возле здания, где находился офис Управления опеки и попечительства, висело объявление: «Света Аникина, 5 лет, пропала 29 апреля» С фотографии улыбалась славная кудрявая девчушка. Лелька прикинула, что с момента исчезновения уже прошла пара недель. Вспомнился рассказ Веты о поисковой группе, может эту кроху и искали. Тетя поторопила девочку и мысли о пропавшем ребенке выскочили у Лельки из головы.

В коридорах управления былолюдно, однако сельскими опекаемыми занималась отдельная группа специалистов, так что долго ждать не пришлось. Наталья отправилась в кабинет, а Лелька присела на жесткую скамейку в углу и достала телефон. Включить игрушку она не успела — между стеной и краем скамейки за клубилось облачко тумана, и из него выглянул смешной дедок. Девочка посмотрела на клочковатую бороденку, на сизый нос картошкой, оценила брови, похожие на мохнатых гусениц и тихонько поприветствовала прищельца:

— Здравствуй, домовый хозяин.

Дедок подпрыгнул, вытаращил глаза, так что брови прыгнули почти на затылок и охнул:

— Охти мне, кто здесь?

— Да я это, я. Не пугайся.

Старичок присмотрелся:

— Ведающая! А ты-то какими судьбами? Ваше племя сиротами не бывает.

— Все когда-то впервые случается. Ты мне лучше скажи, откуда ты здесь? Здание-то общественное. В таких вроде домовых быть не должно.

— Это оно сейчас общественное, а больше 20 лет назад было вполне себе хозяйское. Правда хозяева были такие, что лучше бы и без них.

Лелька заинтересовалась:

— Расскажешь, суседушко?

— Чего бы и не рассказать...сколь лет уж уже ни с кем не беседовал, того и гляди одичаю.

Девочка протянула старичку конфету и приготовилась слушать историю дома.

— Построил этот дом граф Навруцкий. Хотя, графом он в то время не был. Они, вишь, с товарищами-офицерами надумали царя-батюшку скинуть и какую-то Конституцию на престол посадить. Царь и огневался, кому ж понравится, когда из-под тебя родовой трон тягают! Огневался значит, кого-то повесил, а графа нашего разжаловал, состояния лишил и в Сибирь выслал. Друзья-то его в каторгу попали, а граф, видать, не сильно в бунте замарался, так что его просто сослали в эти края, ни денег не дали, ни прислуги. Только меня он из родительского дома и позвал.

— Он мог вас видеть?

— Да не, искры у него не было. Просто маменька его сильно плакали и просили кусочек родного дома с собой забрать. А ежели человек домового с собой позвал, то дом у него непременно будет. Так и у графа получилось. Победовали мы с ним поперву, но потом дело на лад пошло. Царь-батюшка его простил, даже звание графское вернул. Слухи ходили, что графиня-мать царя-то уговорила. Дивной красоты была женщина. Была у Навруцких особенность — они всегда по любви женились. Не всегда ладно выходило, но детки в семье отличные получались, парни — чудо-богатыри, а девки — такие красуни, что глаз не отвести.

Ну и граф, как водится, влюбился, когда время пришло. В дочку местного учителя. Так-то ее папенька тоже из дворян был, да только все денежки на свои опыты спустил, даже дочкино приданое. Только графу до того дела не было, влюбился он в Вареньку так, что ни жить, ни дышать без нее не мог. Тогда он этот дом для своей любушки и выстроил, сам после венчания ее через порог перенес. Хорошая семья была, счастливая. И детки их хорошо жили, а вот внуку не повезло.

Был тот внук старший и единственный сын старшего сына. Неплохой он был, не злой, но гулена страшный. Все бы ему развлекаться. Наплакались с ним родители. Только пришло время — и кончились гулянки. Родители вздохнули, обрадовались, дескать, остепенился сынок. Он и впрямь остепенился, да только лучше бы дальше гулял. Матушка-то его сразу заподозрила — влюбился сынок. Так и вышло. Привел графенок в дом девушку-красавицу. Локоны рыжие, аж скрасна, глазищи зеленые, сама гладкая такая. А только нам-то, нелюдям, видно, что не любовь у парня, а мара, морок наведенный, а за девичьей красотой прячется ведьма, вдвое старше жениха.

— Это что, он из лесу ведьму привел, что ли?

— Экая ты смешная! Нешто ведьмы в лесах живут! Они ж удобство любят, богатство. Да и дела черные на многолюдстве намного проще творить. На кого им в лесу порчу да сглаз напускать? На пауков да зайцев? Да и лешие их не жалуют. Не-е-ет, эта ведьма была из обедневшей дворянской семьи, Амалия Зауберинг ее звали. Приворожила она графенка так, что не выжил бы он без нее.

Родители смирились, свадьбу справили, повенчали их.

— А как же ведьма в церковь смогла войти?

— Опять смеешься, веда? Сама ведь знаешь, искра что твоя, что ведьминская — след крови старых богов. Распятый своих еще защитить от нее иногда может, тех кто искренне верует, а чужих карать, пока они в его доме непотребств не творят, его власти нет.

Свадьба та удачи семье не принесла. Сперва умерла в поздних родах графиня, потом сестренка молодого мужа лихоманка забрала, а у старого графа сердце не выдержало. Осталась Амалия с мужем вдвоем, вскоре дочку родила. А только привороженные долго не

живут, не может человек с половиной души жить. Так что и молодой граф на этом свете не задержался. Так и пресекся род графов Навруцких, стал вместо них да под их именем ведьмовской род Зауберинг.

Бабы в нем были все как одна ведьмы, а сыновей боле не рождалось. Силы, конечно, разной, но совсем слабых не было. В мужья брали только богатых и всегда муж фамилию жены принимал. Только вот более двадцати лет назад не вышло у последней ведьмы с женихом. Наметила она себе парня из хорошей семьи, а оморочить его не сумела. Не знаю уж, что там вышло, только все богатство семья потеряла, а Ингу Навруцкую здесь боле не видали.

Лельку словно током ударило: «Да что я за дура, — подумала она. — Ведь фамилия директрисы как раз Навруцкая!».

— Суседушко, а ты не помнишь, как сбежавшего жениха-то звали?

— А и помню! Он этот род поганый ведьмовский пресек, так что век ему благодарен буду. Звали его Владиславом Граниным.

Папино имя прозвучало для девочки словно гром. Внезапно стала понятной придиричивость директрисы, ее почти ненависть к обычной ученице. «Почему ж она меня-то не извела?» — задалась вопросом Лелька.

— Дедушка, а скажи, как же она не отомстила жениху-то бывшему?

— Многого не знаю, веда, но сказывают, что там семья была не из последних магов. И сам этот Владислав, и батюшка его в защите очень хорошо понимали. Так и спаслись.

Тут дверь кабинета открылась, тетя Наташа позвала Лельку. Домовик охнул и исчез в пыльном углу, оставив юной веде растревоженную память и почву для размышлений.

Тетя Наташа завела девочку в кабинет, где ее долго расспрашивали: как ей живется, есть ли у нее своя комната, свой письменный стол, не обижают ли ее. Лельке было странно слышать подобное, сейчас она воспринимала семью тети как свою собственную, а ведь в семье бывает всякое, да и совсем не обязательно иметь отдельный стол или тумбочку. Мысли о семье крутились в ее голове и позднее, когда Наталья, закончив дела в опеке, отправилась с племянницей к той на квартиру. Надо было посмотреть, в каком состоянии оставили комнаты прежние арендаторы, познакомиться с новыми. Следующий день планировалось потратить на покупки. Лелька подросла и уже не выглядела ребенком, девочку стоило приодеть, тем более что деньги для этого можно было взять в банке с ее счета.

Следуя за тетей, Лелька старалась мысленно выстроить всю логическую цепочку, связанную с Ингой Геннадьевной. Она ясно поняла, что директриса перенесла на нее свою ненависть к родителям, но сделать с самой Лелькой ничего не может, отец как-то позаботился об этом. И тут Лелька встала прямо среди улицы. Она поняла, что ведьма, не имея возможности сделать ей что-то своими руками, решила воспользоваться Ириной.

Лелька была слишком неопытной, ей и в голову не пришло, что Ирина, при всех ее «закидонах» способна умышлять зло на часть своей семьи. Она не понимала, что сестра ее семьей насчитает и ничего плохого в своих планах не видит. Леля была уверена, что Инга учит Ирину ведьминским шгучкам в надежде на то, что сестра, не зная ведовской "техники безопасности" навредит себе или окружающим. Девочка твердо решила по приезде поговорить с сестрой на эту тему, а пока отодвинула эту мысль подальше и принялась смотреть по сторонам.

Город действительно притягивал разную пакостную нежить. Вот мать кричит на

ребенка — у нее на плече сидит довольный злыдень и аж раздувается от дармовой энергии. Вот бредет пьяный, опутанный радужными пузырями пьяных шишей. Видно, что от его человеческой сути почти ничего не осталось и только шиши удерживают это тело отброска под колеса или прыжка с балкона. Вот стоит серая коробка многоэтажки, опутанная пятнами крикс и туманом Нави. По мере приближения к центральным улицам таких «грязных» домов становилось меньше. Девочка решила непременно узнать причину. И среди всей этой повседневной хмари яркими багровыми пятнами боли горели объявления на столбах: «Пропала девочка пяти лет... Ушел и потерялся мальчик, четыре года, был одет в красную курточку... Не вернулась домой из школы девочка семи лет...»

Город словно давил на плечи, с хлюпаньем сосал энергию своих жителей, ничего не давая им взамен — ни здоровья, ни радости, ни удачи. Лельке захотелось стать снова маленькой, спрятаться под одеяло, где нет никаких бед, а есть только пушистый бок игрушки и ласковая мамина колыбельная. Но и одеяло, и колыбельная, и безопасность остались в прошлом.

Надо сказать, что Наталье, несмотря на то, что она не видела нежити, в городе тоже не нравилось. Она спешила закончить дела, стараясь быстрее вернуться домой. Так что всего через пару дней после приезда, заполненных новыми жильцами, покупками вещей и заказом каких-то чудо-кормов для хрюшек, семейство вернулось назад.

Когда старенький внедорожник замер перед воротами, Лелька не выдержала и выскочила наружу. Такой ее и увидел Сашка. Стройная, но вполне округлившаяся фигурка, волосы, отдающие золотом на закатном солнце, глаза то тигриные, то черные в золотистых ресницах и несколько крохотных конопушек на белой коже — еще не женщина, но уже не ребенок.

— Привет, мелкая! Как дела?

Лелька смутилась. Как многие расцветающие женщины, она не могла почувствовать своей притягательности, юной свежести, того радостного ожидания, что свойственно многим вступающим в жизнь.

— А ты не такая уж мелкая... — задумчиво протянул Сашка, провожая взглядом убегающую девушку.

С этого вечера Лелька натыкалась на Сашку везде. Он встречал ее у школы, помогал нести сумку из магазина, вылавливал на заветной опушке, срывая сбор трав. Лесавки не появлялись при постороннем, а ведь именно они знали, где в этот раз лесной хозяин позволяет брать корешки, цветы и листья, столь нужные людям.

Лелька поначалу честно попробовала с парнем поговорить, но толку не вышло. Что уж тут себя обманывать, нравился он ей. Глядя на его кудри, чувствуя на себе жаркий взгляд черных глаз девушка таяла. Она так давно мечтала, что он ее заметит, оценит, какая она, поймет, что именно с ней он будет счастлив. Но тут же накатывали воспоминания об Ирине, о ее влюбленности, о той настойчивости, с которой она добивалась Сашку, и на душе становилось гадко. Лелька чувствовала себя предательницей. Как водится, ничем хорошим это не закончилось.

Увидев в очередной раз как Сашка идет с сестрой из леса, Ирина закатила грандиозный скандал.

— Ты, дрянь такая, чего липнешь к моему парню? Совсем стыд потеряла за чужое хвататься?!

— Я ни к кому не липну, никого не зову, а в том, что Саша себя твоим не считает, моей

вины нету.

— Да ты же его просто приворожила! Ты же ведьма!

— Я приворотами не балуюсь, лучше о себе подумай. Ты что, думаешь, твои игры с крадниками никто не видит? Других тебе не жалко, себя пожалей, откат же пойдет.

— Не твое дело! Тебя не спрашивают — не лезь. Такая же воровка как твоя мать — та на чужую силу позарилась, а ты за парнями бегаешь!

Этого Лелька вынести не смогла.

— Тетя Наташа отказалась от всего сама. Не веришь — спроси у нее. И орать прекращай. Сашка — не козел на веревочке, его ни увести, ни забрать нельзя. Учила бы тебя наставница как положено, ты бы знала, чем за приворот платят, и почему веды таким не занимаются.

— Сильно умная стала?! Ничего, ворованное тебе впрок не пойдет, ты еще пожалеешь, что на мое пасть раскрыла!

— Еще раз услышу про воровство, или дурное слово о моей маме — оборву все твои крадники. И тот денежный, что ты навесила на Владимира, и тот что ты с Ксанки на Марину, Сашину родственницу перекинула, и остальные не забуду. Хочешь откаты от всего сразу? Не хочешь? Тогда нечего вопить. Сходи, поговори с матерью о силе, поговори с Сашкой. Мне тоже не сильно в радость, что он решил меня в свою коллекцию добавить. А сейчас — лучше остынь, а то обе жалеть будем.

Лелька хлопнула дверью, оставив Ирину в ярости снова и снова придумывать меткие ответы на все угрозы той дряни, что забрала у нее любовь родителей и теперь забирала любимого. Мысль о том, что родители ее по-прежнему любят, а Сашка никогда не любил, в Ирину голову пробраться не смогла, там и без нее было шумно.

Лелька выскочила из дома и пошла, почти побежала, ничего не видя перед собой. Слова Ирины жгли как огнем. Обвинения в адрес мамы были беспочвенными, больно было из-за того, что на них некому ответить. Однако с обвинениями в «угоне» парня все было не так просто. Это Ирине Лелька могла заявить, что Сашка сам все решает, но от себя не скроешь, что парень нравится ей много лет, что его внимание ей льстит, что она, пусть и не показывала свои чувства, но сами-то чувства были! Лелька решила, что завтра, если Сашка снова к ней подойдет, она поговорит с ним в последний раз и сделает все, чтобы больше не сталкиваться. В конце концов, веда, даже начинающая, легко спрячется от нежелательного внимания одного, пусть и любимого, человека.

Внезапно тропинка кончилась, и Лелька поняла, что стоит на берегу реки. Она вдруг вспомнила, как когда-то давно, кажется целую жизнь назад, она стояла на этом же месте, сбежав от Ириной компании. Вспомнила взгляд из-под воды и свой испуг. Теперь она знала, что на нее смотрел кто-то из русалок.

— Кстати, подумалось ей — а ведь как раз началась Русалья неделя. Можно будет увидеть их танцы.

Лелька присела на травку, привалившись спиной к старой иве и принялась ждать сумерек. Однако Фортуна сегодня была не на ее стороне. Девушка поняла это, когда ей на плечи опустилась знакомая куртка и Сашка сказал:

— Еле тебя нашел. Не сиди так, замерзнешь ведь.

— Саш, ну что тебе от меня надо? — замученно спросила Лелька. — Ты же знаешь, что Ирина за тебя любой косы вырвет.

— Тебе не вырвет, ты вон сколько с ней под одной крышей уже, и ничего, живая. Да и

вообще, мало ли что она там себе придумала. Я ей ничего не обещал.

Саша действительно ничего не обещал Ирине. Нет, она конечно, красотка, но встречаться с ней по-настоящему? Увольте. Ни денег, ни хорошей работы, ни настоящей жизни с ней не будет. Всю жизнь ходить за свиньями или крутить коровам хвосты, как это делали сельские мужики, Сашка не собирался. Вот Лелька ему вполне подходила: красивая, с квартирой в городе, явно с деньгами (специально у Ирины вызнал), да еще влюбленная без памяти. Девчонка могла говорить что угодно, но все ее чувства для него были как на ладони. Осталось чуть прогнуть ее под себя и считай, жизнь удалась. Нельзя сказать, что Лелька Саше не нравилась, просто себя он любил больше.

Между тем, пока двое разговаривали, на берег опустился сумрак. По-летнему теплый вечер переходил в ночь. Лелька спохватилась, что встреча с русалками безопасна только для нее, а вот для Саши — наоборот. Она потянула его с берега, но было уже непоправимо поздно.

Из воды поднимались молочно-белые силуэты. Лунный свет наполнял их силой, делал пленительно-манящими, притягательными для любого мужчины. Это была их ночь. Каждый увидевший танец, был их законной добычей.

Лелька впервые за долгое время по-настоящему испугалась. Она отлично знала, что реальные русалки — это вам не мультяшная Ариэль. Русалками становились не все утонувшие. Если на душе утопленницы не было тяжких грехов, то водяной хозяин не имел над ней власти. Те же, кто при жизни крал, предавал, убивал, навеки оставались под темной водой. Немного проще было самоубийцам — отбудешь срок, пока твои косточки полностью не истлеют, и свободна. Личности с таким бэкграундом безобидными не бывают. И сейчас они завораживали ее любимого.

Сашка смотрел на танцующих под луной девушек и ему казалось, что он никогда не видел ничего столь прекрасного. Полные груди, белая кожа, струящиеся локоны, круглые бедра манили и звали, горящие страстью глаза обещали неземное наслаждение. Отбросив чью-то руку, пытающуюся его удержать, он оттолкнул препятствие и направился в хоровод.

Лелька ушиблась и кажется разбила коленку, но ей было совершенно не до того. Она подбежала к берегу и позвала:

— Анисья! Отпустите его!

— Зачем? — ответил ей звонкий голос. В другие дни он звучал глухо, как из-под воды, но сейчас было их время. — Он наш, ты знаешь правила.

— Я люблю его! Анисья, возьмите меня, а его отпустите!

— Ишь, чего захотела! Да если мы веду утопим, нас лесной хозяин изведет. Да и с Карпыча есть кому за такое спросить.

— Что мне сделать, чтобы вы его отпустили? — Лелька была в отчаянии, Сашка вошел в реку уже по грудь, еще немного — и все.

— Приведи нам замену.

— Это кого-то живого утопить? Нет!

— Тогда уходи.

И тут Лелька просто осатанела.

— Не хотите добром договариваться?! Так знай, и своим скажи — я эту реку так прокляну, что никому здесь жизни не будет. Ни Карпычу, ни вам, ни людям. Будет болото. Сама знаешь — я смогу.

Русалка была старой и опытной. Когда-то давно она извела в своем чреве очередное

дителя и утонула, возвращаясь от повитухи. Сейчас она видела, что девчонка перед ней горит тем же огнем, что когда-то она сама, только такая ни плод изводить, ни плакать не станет. Такая отомстит, ценой своей жизни, души, посмертия. Все отдаст, но отомстит. И русалка заколебалась.

— Хорошо. Давай договариваться. Я вижу на тебе серьги. Их дарил тот, кто сильно тебя любил. Такая вещь может подарить любой из нас истинную смерть. Ты отдашь мне их, а мы отпустим твоего мужчину.

— Да, да, конечно, — пытаюсь побыстрее снять сережки, Лелька поранила мочку, но даже не заметила этого. — Бери, только отпустите.

Она вбежала в воду и положила мамин подарок в протянутую ждущую руку.

— Ты дала мне еще и свою кровь. Это дорогой дар. За это я подарю тебе совет. Твой любимый тебя не любит. Он вообще никого не любит кроме себя. Красивый внешне, внутри он гнилой, как колода у старой мельницы. Не того ты выбрала. И знай: ты сегодня купила его жизнь. Когда он станет тебе не нужен, ты ли от него уйдешь или прогонишь, он ли от тебя уйдет, а ты не удержишь — он умрет от первой же встречи с водой. Хотела сохранить — держи. Расстанешься — убьешь.

Русалочий хоровод исчез, луна скрылась в облаках. Сашка рывком пришел в себя и понял, что стоит в реке, а Лелька стоит почти рядом.

— Что это было? Как я в воде оказался?

— Я и сама не поняла, ты меня оттолкнул и рванул в реку. Что это было?

— Не знаю, что это было, но знаю, что будет — страшный насморк. Пошли скорей отсюда.

Ребята выбрались наружу и бегом припустили к светящимся окнам домов.

Несмотря на каникулы, Лелька время от времени навещала дальнюю школьную кладовку. Она отлично помнила, что обещала Пашке узнать судьбу его бывшего одноклассника-тезки. Попытки найти загадочного Кругликова проваливались одна за другой. Однако помощь пришла и с неожиданной стороны. Лельку нашел Олег. Его карьера травника оказалась неожиданно успешной. От сборов и настоев у пациентов проходила боль в суставах, наступала ремиссия экземы и псориаза, исчезали многолетние мучительные мигрени.

С односельчан Олег поначалу денег не брал, но потом жена натурально его запилила.

— Олег, ну сам посуди, ты же не Христос бесплатно лечить. Да и ладно бы бесплатно, но ведь что получается— спиртовку купи, склянки купи, времени свободного у тебя не стало. Сидишь как сыч, травки свои перетираешь, что-то у тебя кипит, шипит и плюется, ни я ни дети тебя не видим. Да даже огород в этом году копать не стал, пришлось нанимать! Ну нельзя же так!

Олег долго сопротивлялся, не хотелось ему превращать свое хобби в источник дохода. Не для того брался, а для радости душевной. Но, поразмыслив, понял, что Катерина права. Радость радостью, а в семейный бюджет лезть не дело. Так что очередных страждущих ждал неприятный сюрприз: за пакетики с травяными сборами пришлось платить. Впрочем, даже по деревенским меркам плата была так мала, что возмущаться народ не стал, просто поворчали для порядка. Но вот с городских новоявленных знахарь драл три шкуры.

Надо сказать, когда появились первые визитеры из города, Олег страшно удивился. Не понимал он, зачем тащиться к нему, когда на в каждом городском квартале есть минимум одна аптека с яркими коробочками и баночками. Но время шло, поток пациентов постепенно рос, росли и доходы, и сейчас Олег раздумывал, не стоит ли ему бросить работу водителя и сосредоточиться на травничестве. Были в этом решении и плюсы, и минусы, и устроили эти математические знаки в голове бедного знахаря такой карнавал, что он решил посоветоваться с Лелькой. Может кому и странно, что взрослый мужик к тринадцатилетней юнице за советом собрался, но Олег-то знал, что девчонка сильно непростая. Поговорить с ней явно стоило. Так что встретив Лельку у местного магазина, он обрадованно решил, что на ловца и зверь бежит.

— Леля, здравствуй. Есть минутка? Поговорить бы...

— Здравствуйте, дядя Олег. Чем пригожусь?

— Да знаешь, тут такая штука получается... Ты же видела, наверное, что народ ко мне идет?

— Видела конечно. В деревне ничего не спрячешь.

— Ну вот, народ идет, платит, причем даже не торгуются. Я совсем зашиваться стал, времени ни на что не хватает. А тут Кругликов пришел за растиркой для своей поясницы и говорит...

— Простите, дядя Олег. А Кругликов это кто? — Лелька замерла в ожидании ответа. Неужели так просторешится одна из ее самых неудобных проблем?

— Кругликов-то? Да ты же го знаешь, Михалыч это.

Девочка выдохнула. Кругликов действительно нашелся и теперь она может выполнить сгоряча данное обещание.

— Что он вам сказал?

— Бросай, говорит, свою баранку, нечего прокладкой между рулем и сиденьем работать. Давай лучше людям помогай — вон как у тебя все ладно пошло. Вот я и задумался — может и впрямь бросить? А с другой стороны боязно, вдруг перестанут ко мне люди ходить? Или дар мой пропадет? Я все-таки деньги с людей беру, а говорят ведь, что дар он для служения людям дается, а не для прибыли.

— Дядя Олег не мне вам советы давать. Я могу только сказать, что дар не может пропасть, это свойство вашей крови, которое досталось вам от предков. А что деньги берете... бесплатно никто не работает. Меня учили, что нельзя поддаваться жадности, когда деньги становятся не выражением благодарности, а главным в жизни. Если за этим следить, все должно быть хорошо.

— Думаешь, этого хватит?

— Гарантий мне никто не давал, — усмехнулась Лелька.

— Это понятно. Кому их сейчас дают...

— Есть еще кое-что, что вам лучше знать. Вы в лес ходите, там не только травы и коренья найти можно. Но люди с искрой знают — никогда нельзя брать то, что не твое.

— Это само собой, чужого сроду не брал.

— Дядя Олег, я не об этом сейчас. Вот если вы в лесу монету золотую найдете — вы ее поднимете? И с собой возьмете?

— Ну да, только мне на находки никогда не везло.

— И правильно, что не везло, видно вас искра всегда берегла. Ценные вещи, украшения и деньги просто так никогда на земле не валяются и бесхозными не бывают. Найти их можно только если вам их подложили специально. Например, монета может оказаться с проклятием, колечко с порчей, а на деньги вообще часто болезнь переводят.

— Я конечно о таком слышал, но всегда думал, что это бабкины сказки.

— Вы ведь и о домовом так думали, а сейчас пряниками его угощаете.

— Твоя правда.

— Если такую находку поднять и в карман или сумку положить — вы себе возьмете и то, что с находкой связано: проклятие, болезнь, неудачу. Сами возьмете, своими руками и своей волей. И помочь вам после этого никто не сможет.

— Так уж и никто?

— Ну может где-то есть умельцы, но я не встречала. Иногда человек может успеть и отказаться, но это редкость. Так что того, что не ваше, лучше никогда не брать.

— Спасибо, Леля. Проблему мою мы не решили, но интересного я узнал много. Пойду дальше думать.

— Дядя Олег, вы просто не торопитесь. Может оно все само устроится. Куда вам спешить?

— Твоя правда. Ладно, счастливо тебе.

Лелька смотрела вслед Олегу, но думала уже о другом. Найден загадочный Кругликов, оказавшийся совсем незагадочным Михалычем. Вот только как извернуться, чтобы Пашка смог старому приятелю щелбаны поставить? Девочка представила, как она приходит к Михалычу и приглашает его в школьную кладовку на получение щелбанов от привидения. «Да меня же его козы засмеют, а сам он тем более не поверит». Проблема опрометчивого обещания повернулась другим боком, что оказался не лучше первого.

В школу, однако, Лелька зашла. Пашка поначалу бурно обрадовался, но девочка ему

объяснила, что притащить Михалыча сюда она не может.

— А как тогда быть? Я пробовал из этой проклятой кладовки выбраться, но дальше школьного двора мне хода нет. Только чуть дальше вылезу — р-р-р-аз, и я снова здесь.

— Значит здесь есть какой-то предмет, который тебя держит. Если мы его найдем, то сможем свести тебя с твоим другом-недругом и отдать ему обещанное. Придется тебе еще повспоминать и подумать, что это может быть.

— Опять одному в темноте сидеть...

— Что поделаешь. Я постараюсь заглядывать, но ты лучше во двор выходи, к своей сосне, а то и так все удивляются, чего это я в каникулы по школе шастаю.

— Ладно, я постараюсь. А ты честно будешь приходить?

Лелька с трудом удержалась от нового обещания.

— Я постараюсь, — ответила она. — Ты, главное, вспомни.

Июнь катился к концу. Оцвели багульник и маральник, разлетелись белые лепестки ветрениц, на опушках распустились красоднев и водосбор. Приближалось летнее солнцестояние, а с ним и самая короткая ночь в году — Купальская. У Лелька на эту ночь было множество планов, дядька Ермолай обещал ей показать самые редкие травы, а в благодарность за укрощенного шкодника-ауку еще и заветную полянку. Если наутро после купальской ночи на той полянке умыться росой, то по словам лешего, весь следующий год будет девка красивой, здоровой и удачливой.

Однако старательно построенные шеренгой планы не пожелали бодро шагать на воплощение. Вместо этого они запутались, перепутались и устроили такую чехарду. Что Лелька только диву давалась. Причина была вечной и банальной — любовь.

Лелька не могла обманывать себя — она влюбилась, взаимно и по-настоящему. Они с Сашкой все свободное время проводили вместе — ходили в лес, работали в огородах, по очереди — в его и в ее, даже уроками занимались. Сашкина школьная жизнь шла к концу, его ждали выпускные экзамены. Лелька не могла помочь ему с учебой, но зато могла сидеть рядом, прислонившись к надежному плечу, смотреть на четкий профиль, длинные ресницы, иногда убирать непослушные кудри, падающие на лоб. Она никогда не была такой счастливой, как в эти минуты. О чувствах Ирины девушка больше не беспокоилась. Всем мил не будешь, а чувствовать себя виноватой надоело. В конце концов, Лелька никого не отбивала, не заманивала и не привораживала. Кто же виноват, что повезло ей, а не двоюродной сестре.

Состояние дочери беспокоило Наталью. Ирина замкнулась, обозлилась. Она больше не гуляла с подругами, избегала свою компанию, только иступленно учила математику, рисуя какие-то многоугольники и зазубривая формулы. Наталье никогда бы и в голову не пришли те мысли, что согревали ее дочь, заставляя двигаться вперед и продумывать планы мести. Ирина отодвинула в сторону ревность, перестала обращать внимание на шепот за спиной. Она знала — как только она заберет Лелькину искру, все вернется на круги своя и даже станет лучше. И Сашка будет смотреть только на нее, и все, кто сейчас шепчется вслед, пожалеют об этом. А этой дряни, что отбирает у нее все, просто не станет. Наставница предупредила ее, что после отнятия силы выживают далеко не все. Да почти никто не выживает. Ирину это полностью устраивало, ей недруги были ни к чему.

Наставница же предупредила ее, чтобы не совалась к купальскому костру.

— Ты ведьма, детка. Пусть слабая, неумелая, но ведьма. Одна искра купальского огня, и ты просто сгоришь факелом. Эти развлечения теперь не для тебя.

Лелька же собиралась встречать купальскую ночь вдвоем с любимым: развести костер, побыть вдвоем. Ей было уютно с Сашей. Парень отлично понимал, что его подруга о любви знает мало и старался ее не пугать, дальше поцелуев ребята не заходили. Впрочем, Сашка понимал, что тянуть долго тоже не стоит. Лельку надо привязывать к себе намертво. Только в этом случае у него все получится.

Между тем в селе прибавилось поводов для обсуждения, проще говоря — сплетен. К главе администрации приехали какие-то важные и нужные приятели. Их огромные автомобили взбудоражили все село. Впрочем, гости и без машин никому скучать не давали. То решат пожарить шашлыки в беседке у здания администрации, то залезут к Михалычу и попытаются оседлать коз, а потом с воплями убегают от Бандита, то решат купаться ночью и распугают воплями рыбу, рыбаков и русалок. Народ потихоньку зверел, но терпел. Замученный креативными визитерами глава решил немного отвлечь дорогих друзей празднованием Ивана Купала. Все равно будут разводить костры, вопить и безобразничать, так пусть делают это вместе с деревенскими, все меньше недовольных будет.

Солнцестояние пришлось на выходные, так что кроме поднадоевших гостей главы ко многим приехали родственники, друзья и знакомые. Ночной костер обещал быть многолюдным и грандиозным.

— Лель, давай пойдем на большой костер? Ну что мы будем как дураки одни, когда все станут веселиться?

— Саш, мы же договаривались?

— Да, но тогда ничего такого не планировалось, а сейчас смотри, какой праздник собирается. Давай со всеми, а?

Лелька не рассказывала любимому о своем даре, она опасалась, что, узнав о лешем, лесавках, водяном, Саша будет ее бояться, сочтет ведьмой. Да и тайна это была не только ее. Она не без оснований подозревала, что лесные жители не согласны показываться чужаку, даже если это самый лучший и любимый для нее человек. Ссориться с Сашей ей не хотелось, так что, немного подумав, она решила уступить, а ближе к утру потихоньку ускользнуть и встретиться с лешим.

Кострище обустроили возле реки, у того заливчика, где любила плескаться деревенская ребятня. Выложенный камнями круг, целая поленница дров, в сторонке пара шустрых «гастарбайтеров», подрабатывающих строительством по деревням, обустроили мангалы и обложились сумками-холодильниками с мясом и пивом. Народ веселился вовсю.

Девчонки и девушки в белых платьях сбивались в стайки, посмеивались в кулачки. Парни прохаживались возле огромного костра, выбрасывающего оранжевые искры в ночное небо. Поначалу собравшиеся пытались петь хором, но вскоре разбились на группки, врубили самую разную музыку и праздник покатился огненным колесом.

Лелька чувствовала себя какой-то легкой, ей казалось, что стоит оттолкнуться и она взлетит от счастья. Ей не мешали завистливые взгляды местных красавиц, злобные шепотки о колдовке, приворожившей первого парня села. Она была с любимым и была счастлива. Счастье золотило волосы, блестящие в свете костра, делало черные глаза огромными, красило робким румянцем лицо. Даже самые злобные завистники не могли не признать, что Лелька оказалась самой красивой девушкой на празднике.

Сашка гордо поглядывал по сторонам. Он встречался с разными красотками, но ни одна из них не была только его, полностью, окончательно. Эту же он сам нашел, сам очаровал и сам собирался воспользоваться т красотой, и любовью, и всем, что к этому прилагалось. Для

такого дела стоило потерпеть, не терять контроля, воздержаться от хмельного, отвернуться от подмигивающих девчат, каждая из которых была готова отправиться с ним хоть в стожок, хоть в лесок. Соблазнов было море, так что, когда после «заплыва» венков, Лелька попросила проводить ее домой, Сашка про себя порадовался, что успеет урвать кусочек простых жизненных радостей. Проводив девушку и закрепив поцелуями свои права, он метнулся назад к костру.

Лелька тоже не собиралась оставаться дома. Быстро переодевшись, чтобы не светить белым платьем среди деревьев, она прихватила свой рюкзачок и рванула в лес. Эту ночь лес праздновал по-своему. В травах мерцали зеленые огоньки, на полянах собирались в хороводы лесавки, где-то перекликались друг с другом ауки. Пляшущие в ветвях поветрули звали Лельку поплясать вместе, а какой-то пожилой пенек манил за собой, обещая показать цветок папоротника.

— А ну. кыш отсюда! Скоро трухой рассыплешься, а туда же мне, — услышала девушка знакомый голос.

— Дядька Ермолай! — обрадовалась она. — А я вам гостинчик принесла!

Лелька протянула лешему хлеб с семенами и травами, который специально испекла к этой ночи.

— Вот спасибо, дева. Такой хлеб редкость, чаще магазинный приносят, а в нем всякой вашей химии столько, что и на хлебушек-то не похоже. Пойдем, покажу обещанную полянку.

Из леса Лелька вернулась под утро, проскользнула в дом и, убедившись, что Ирина спит, юркнула под одеяло, надеясь хоть пару часов подремать. Утро встретило ее новостью: пропали сын и племянник самого важного друга сельского главы. Парни бесследно исчезли, пока из подружки кокетничали с местной молодежью.

На памяти местных жителей никого и никогда в этих краях не искали так, как этих потеряшек. Поисковые группы три дня прочесывали леса, тайгу осматривали с вертолетов. Приехавшая из города полиция расспрашивала всех побывавших у костра, впиваясь клещами в самую маленькую неточность. Все было бесполезно, парни как сквозь землю провалились. Более того, их подружки, которых полицейские мгновенно опознали как дорогих эскортниц, тоже куда-то исчезли. Странность заключалась в том, что девицы каким-то образом выбрались из-под ареста и, судя по всему, растворились в лесных просторах.

Лельку эта суэта несколько раздражала. Она с удивлением обнаружила, что ее волнует не столько судьба пропавших, сколько потоптанный ягодник, застреленные искателями маленькие кабанчики и срубленная на дрова древняя сосна, которую хозяйственный Ермолай приберегал для каких-то особенных лесных дел.

— Весь лес мне загадили, — жаловался Лельке лесной хозяин. — И ведь тронуть я их не могу!

— А это-то почему не можете?

— Да как ты не понимаешь, веда! Ведь стоит только кому-то заподозрить, что в лесу не только птицы и звери проживают, но и иные существа есть, как сюда набегит толпа снимать эти ваши ролики.

— Дядька Ермолай, никогда не поверю, что вы не сможете от них укрыться.

— Укрыться-то сможем. Но ежели кто-то из них снова пропадет, или волчкам моим на зубок попадет, мне же весь лес с землей сравниют. Тут не то что редкие травы, крапива сто лет расти не будет.

— Это да, — понимающе кивнула Лелька. — Так может вы просто покажете всем этим

спасателям, где потерянные сидят?

— Да показал бы давно, только не вижу я их!

Тут Лелька по-настоящему опешила. Чтобы хозяин леса в своих владениях кого-то не видел — не бывало такого и быть не могло.

— Дядька Ермолай, давайте-ка подумаем, как такое может быть. Вы давно живете, много знаете, наверняка это не первый случай, когда кто-то от лешего спрятался.

— Права ты, веда, не первый. Не раз от нашего брата ведьмы хоронились. Есть у них такое пакостно езелье, что натрешься им — и никто тебя из нелюдей не видит. Только я о таком давно не слышал.

— Ну это же не значит, что его никто не варит.

— Такую штуку сварить не так-то просто. Травы там сложные. А еще жертва нужна, умершая мучительно. Не человек, нет. Просто живое существо. И вот если бы кто-то в окрестностях такое варил, мимо нас, лесных хозяев это бы не прошло. После такой волшбы след долго остается. Грязный след. И ничем его убрать невозможно. Так что я бы непременно про такое прознал.

— Значит это не зелье. Тогда так спрошу: все ли места этой земли вы видите? нет ли какой закрытой от вас?

— Сама же знаешь, что нету.

— Погодите. Вот смотрите: в своем лесу вы все видите, так? А в реку заглянуть можете?

— Нет, это мне не дозволено, так Карпыч владычествует.

— Но ведь кроме реки есть и еще место со своим владыкой.

— А вот тут ты, дева, в точку попала. Ежели эти потеряшки во владениях болотника оказались, то мне их видно не будет. Только болотник у нас молодой ныне, резвый. Что к нему попало, считай пропало. Был бы прежний хозяин, я бы с ним сговорился, он бы мне тела отдал и поиски бы остановились. А этот не отдаст, ни за что не отдаст. Он на меня еще с прошлого раза злой, когда я его болото дальше не пустил. Э-эх, пропал мой лес!

— Погодите печалиться, дядька Ермолай. Обещать я ничего не могу, но попробую сделать так, чтобы искали на болоте, а не в лесу. Пусть болотник печалится, что его вотчину вытопчут.

И ведь все у Лельки получилось. Правда, ей здорово помог дядя Олег. Хотя девушка ему в полной мере не доверяла, он все-таки знал о ней чуть больше остальных. При этом никому ничего не рассказывал, ничего ни с кем не обсуждал. Лелька эту сдержанность оценила и отблагодарила травника, показав ему пару тайных полянок. Так что, когда Лелька обратилась к нему за помощью, Олег не стал допытываться, что, как и зачем, а просто рассказал поисковику о старой охотничьей избушке на болотах.

Избушка стояла на небольшом островке посреди трясины. Вадим и сам бы не смог рассказать, как они с Игорем добрались сюда и не утонули по дороге. Правда, Игореха вывихнул лодыжку, так что идти куда-то еще они не могли. Посоветовавшись, парни решили сидеть на месте и ждать спасателей, вряд ли у них получится найти дорогу. Вадим не сомневался, что их ищут, отцовский друг не бросит без помощи.

Он вспомнил, как Игорь показал ему девушку, стоящую в стороне от костра. Нет, конечно, парни приехали с подругами. Диана и Карина были девчонками проверенными и безотказными, но девушке, которую показывал ему Игорь, и в подметки не годились. Зеленые шальные глаза незнакомки, ее локоны цвета лунного серебра, роскошная фигура — словом красавица явно была классом выше городских эскортниц. Сейчас, сидя в избушке,

до которой они с трудом добрались, Вадим удивлялся: зачем он за ней пошел?

Он плохо помнил, как целовал прохладные губы, как догонял смеющуюся красотку, как потом брел по лесу, отчаянно пытаясь найти дорогу. Они с Игорем долго пытались разобраться, куда исчезла девушка, но потом, устав и измучившись, просто о ней забыли. Пара ночей в лесу, на холодной земле напрочь выбила из головы все вопросы, кроме мыслей о еде и теплом ночлеге. Честно говоря, с избушкой им повезло, не найди они ее, все было бы намного хуже. В избушке даже была небольшая печурка и старый-престарый коробок спичек. Удивительно, как он не отсырел за столько лет на болотах.

Печка и избушка напомнили Вадиму поездки к бабушке, в соседнюю область. До того, как отец разбогател, маленький Вадик считал бабушкин дом самым лучшим местом в мире. Вспомнилось бабушкино наставление, и парень достал из кармана пару завалявшихся карамелек. Он мельком удивился, как не нашел их раньше, но есть не стал. Вместо этого Вадим встал посередине избушки, поклонился в сторону печки и сказал:

— Хозяин-дедушка, домовый соседушка, дозвожь нам в твоём доме подмоги дожидаться.

Подойдя к печке, он положил конфеты в дальний угол и добавил:

— Прости, суседушко, нечем больше мне за приют отдариться.

Игорь собрался было сказать что-то язвительное, но, подумав, придержал язык. Нога у него болела немилосердно и сейчас он полностью зависел от Вадима. Не стоит ссориться с тем, от кого ждешь помощи. Вадим устроил приятеля поудобнее и вышел наружу. Рядом с избушкой валялся какой-то мусор, что вполне мог послужить топливом для печи и помочь им хоть немного согреться.

Укладывая найденные хворостины в печь, парень сдвинул заслонку и обнаружил за ней мешочек с какой-то крупой, черный от старости котелок и тряпочку с солью.

— Спасибо тебе, хозяин!

Болотную воду пришлось процеживать через футболку и кипятить, но впервые за последние дни парни поели горячего и без сил рухнули на лавки. Игорь вырубился сразу, а к Вадиму сон долго не шел. Он лежал, рассматривая старую картину, которую прежний владелец забыл в избушке. Вкус, правда, у владельца был странный — жутковатые лица изображенных на картине людей принадлежали то ли вампирам, то ли зомби, но на вкус и цвет все фломастеры разные — подумал парень, проваливаясь, наконец, в сон.

Сон пришел такой же странный, как и вся эта история. Вадим отчетливо понимал, что спит, иначе откуда бы рядом с ним на лавочке оказалась хорошенькая девчушка. Он даже вспомнил где видел это личико в обрамлении пушистых кудряшек — девочка пропала, и ее фотографиями в городе были обклеены все столбы. Девчушка глянула на него ясными глазками и сообщила:

— Он не дал нам вас съесть. Сказал, что ты просил у него разрешения и защиты, и он никому не позволит вас забрать.

— Дети не едят людей, — ответил Вадим.

— Ну, во-первых, здесь не только дети, — девчушка махнула ручкой в сторону картины, — а во-вторых, мертвые — едят.

— То есть как мертвые?

— Ты глупый, — равнодушно сообщила девчушка. — Мертвые дети едят людей.

Тут она открыла рот, даже не рот, а пасть, полную острых треугольных зубов и разрезавшую пополам милое детское личико. Вадим отчаянно пытался проснуться, но не мог выпутаться из вязкого кошмара.

— Я не буду тебя есть, — сказала девчушка. — Говорю же, он не позволил.

Она кивнула головкой в сторону печки и Вадим увидел крохотного старичка, замотанного старой тряпицей. Старичок погрозил девочке узловатым пальцем и ввинтился в угол.

— Так что съесть тебя мы не можем. Но ты должен заплатить выкуп.

— Ка-какой еще выкуп? — обалдел Вадим. — Тебе что ли деньги нужны?

— Говорю же, ты — глупый. Зачем мне здесь деньги? У нас есть господин, мы принадлежим ему, и деньги нам не нужны.

— Тогда какой выкуп?

— Найди мою маму и скажи ей, что я мертвая и меня больше не надо искать. Я знаю, она меня ищет и все время плачет, а я не хочу.

— Да как же я ее найду? Я даже не знаю, кто ты.

— Я Михеева Анечка. Мой адрес улица Октября, дом семь, квартира сорок. Меня мама заставила выучить.

— И что, я к ней приду искажу, что ваша мертвая дочка меня послала? Она же не поверит.

Девчушка задумалась.

— Да. Наверное, не поверит. Она никому не верит, кто говорит, что я умерла.

Она еще немного подумала, и стянула с себя щегольскую голубую курточку.

— Вот, отдашь ей и скажешь, что нашел в этой избушке. Тогда поверит. Отдашь?

Даже во сне Вадиму стало не по себе. Он представил, как приносит курточку, фактически улику в деле о пропаже ребенка, ее матери, представил, что с ним будет дальше и спросил:

— А обязательно ей? Можно я полиции отдам?

— Можно. Только чтобы она искать перестала. У меня братик есть, Артемка. Он маленький, ему маму надо. Если она перестанет искать, то снова сможет ему сказку читать.

— А если я не смогу?

— Тогда я снова приду к тебе вместе с ними, — девочка вновь махнула рукой в сторону окна. — И нам никто не запретит тебя съесть.

Вадим почему-то был уверен, что это не шутка и не фигура речи.

Девочка спрыгнула с лавки.

— Не выходи до рассвета во двор. Они голодны, а защиту ты просил только в избушке.

— Зачем ты мне это говоришь?

— А кто расскажет все маме, если ты останешься с нами?

Девчушка посмотрела в сторону картины и растаяла. Вадим судорожно вздохнул и рывком сел на лавке. Начинался рассвет, и розовый луч заглядывал прямо в окно, которое он всю ночь принимал за картину. Рядом с ним на лавке, вся в болотной тине, лежала голубая детская курточка. Впрочем, толком испугаться он не успел. Послышались голоса, проснувшийся Игорь заорал что-то радостное. Их наконец-то нашли.

Короткое сибирское лето летело птицей. Кажется, только-только цвели ветреницы, и вот уже отгорел купальский костер, налились травы, пришел жаркий июль. Люди старались как можно больше успеть, ухаживали за огородами, окучивали картошку, брали лесную ягоду. Лелька от возни с картошкой была избавлена. Анчутка, прижившийся в картофельных рядках, поддерживал на своей территории железный порядок. Там даже сорняки не росли, да и окучивание превращалось в чистую формальность. Собрать травы было интересно, но привычно, и вскоре Лелька заскучала. Рутину она никогда не жаловала, так что обрадовалась, когда монотонное течение дней разбило Сашкино предложение.

В очередной вечер на реке, отмахиваясь от злющих оводов, парень сообщил:

— Лель, мне предлагают поработать на уборке сена, обещают хорошие деньги.

— Это же хорошо?

— Хорошо, только далеко. Придется почитать месяц жить в летнем стане, знаешь, в сторону Глухариной гряды.

— Так это же сутки пути! — расстроилась Лелька. — мы совсем не будем видеться все лето, а потом ты поступать уедешь...

— Лель, мне, конечно, деньги нужны, но я тебя оставлять не хочу, — обнял парень подругу. — Но есть вариант. Смотри: там работать будут одни мужики и Валентина, помнишь, из школьной столовой? Но она говорит, что одна успевать не будет. Как ты смотришь поехать со мной и поработать поварихой? Ну не совсем поварихой, помощницей. Ты же умеешь?

— Умею, конечно, меня тетя Наташа научила. А ничего, что мне еще четырнадцати нет?

— Я договорюсь, засчитают как школьную практику.

— Ты уверен? Директриса меня не жалует.

— Уверен. Договариваться будет Валентина, ей не откажут, на ней, считай, вся столовая держится.

— Тогда я «за» всеми лапками!

— А вот с лапками полегче, там руки нужны умелые, — рассмеялся Сашка и, подхватив девушку на руки закружился по берегу.

Из воды завистливо глазели русалки, но выбираться на поверхность не осмеливались. Неожиданно Лельке показалось, что в компании речных дев появились новые лица. Она отодвинула эту мысль, положив разобраться попозже.

Довольный Сашка проводил девушку домой и убежал договариваться. Ближе к полуночи Лелька выскользнула из дому и отправилась к реке, в сторону старой ивы. Русалки сидели на своем любимом месте неподалеку от дерева. Девушка поняла, что глаза ее не обманули — в компании речных дев действительно случилось пополнение. Им стали Диана и Карина.

Лелька русалок не боялась. Нельзя сказать, что она с ними дружила, но те ее не трогали, Карпыч запретил, а сама девушка регулярно одаривала их гребешками, необходимыми для расчесывания роскошных кос. Так что Лелька подошла поближе, уселась на песок и стала ждать. Долго ей сидеть не пришлось, бывшие эскортницы сами подошли с разговором.

— Мы тебя видели у костра, когда наши мужчины исчезли. Ты пришла поговорить о них?

— Не совсем. Их нашли.

— Да, Вадик всегда был везучий. А нам вот не повезло...

— Как вы вообще сюда попали?

— Да ты понимаешь, — начала Карина, — когда парни исчезли, кипишь поднялся, нас сразу под замок. Понятно же, что крайними бы сделали. Вот Динка и говорит: давай, дескать, отсюда, пусть без нас разбираются. Мы в окошко, и ходу.

— А кругом же лес, — включилась в разговор Диана. — Мы поначалу нормально шли, я уж думала все, пронесло, а потом дорогу как отрезало. Душно, комарье кругом, жутко в темноте, пить хотелось страшно. Тут какая-то девчонка выскочила на нас из леса, явно у костра сидела, тоже, как все местные, в белом платье. Ой, говорит, а что это вы тут? Ну я ей в ответ, так мол и так, заплутали. Она мне: а я здесь ручеек знаю, вы же пить хотите?

— Нам реально пить хотелось страшно, еще шашлыка у костра наелись, а он соленый, зараза, — продолжила Карина. — Короче, пошли мы за ней, там и впрямь родничок, вода вкусная-вкусная. В той воде она нас и утопила.

— То есть как утопила? — обалдела Лелька.

— Да очень просто, — горько усмехнулась Диана. — Прижала покрепче головы, и все. Я даже не поняла, откуда у нее такая силища. Ну а потом она сказала, что мы — подарок ее батюшке. У него дескать пара русалок истинной смертью умерли, он заскучал, вот она и решила порадовать.

— Порадовать, значит... — Лелька поняла, кому доверились девчонки. — А вы сами чего хотите?

— В смысле? — удивилась Карина. — Нам вроде больше хотеть не положено. Нам водяной объяснил, что теперь наше место здесь навечно.

— Вам это подходит?

— Ну живыми же мы стать не сможем, так что какая разница.

— Живыми не сможете. Но вы можете умереть и когда-то родиться снова. Пока вы здесь, это невозможно. Ну и тел ваших не найдут. Если тела захоронить по всем правилам, то вы уйдете.

— А ты можешь сделать так, чтобы нашли? — спросила Карина. — Динка-то одна. У нее мамаше бутылка свет закрыла, а моя мама не успокоится. Я чувствую, как она плачет, и другие русалки говорят, что вокруг меня всегда вода соленая.

— Обещать не могу. Но если тебе это надо — постараюсь. А ты, Диана? Тебе здесь лучше?

— Я бы осталась. Что я в том перерождении не видала, та же гадость только в профиль.

— Смотри сама. Но выбор сейчас окончательный, снова тебе его никто не предложит.

— Ну и ладно, мне и здесь неплохо.

Лелька простилась с невезучими красотками и отправилась готовиться к серьезным разговорам. Правда, подготовку здорово осложнили так называемые «критические дни». С этой неприятностью Лелька столкнулась впервые. Мама ей, конечно, рассказывала, что это такое, так что напугаться она не напугалась. Вспомнилось и то, что говорила берегиня — с развитием женской сути дар веды раскрывается, не растет, а словно расцветает. Честно говоря, никакого цветения Лелька не ощущала. Живот как-то неприятно крутило, зверски болела спина, мешало прикосновение платья к коже. Тетя Наташа, которой девушка рассказала про свою беду, поахала и выдала прокладки, показав, как ими пользоваться.

— Ты, Леля лучше полежи немного, завтра полегче будет. У Даринки тоже всегда

месячные были болезненные, пока она тебя не родила.

Лелька прислушалась к мудрому совету и, несмотря на ранний вечер, отправилась спать. А с утра начались чудеса. Мир словно расцвел, раскрылся и показал себя во всей красе. Лелька проснулась от пения птицы и вдруг поняла, что поет зяблик, что гнездо у него рядом с опушкой, где любят бывать Уля и Дана, что птенцы уже вылетели из гнезда и он ищет подругу для новой кладки. Девушка просто обалдела. Она сроду не знала, как выглядит зяблик, а уж понять, что именно он поет... Короче, мир снова перевернулся и к этому опять надо как-то привыкать.

В маминой тетрадке стало больше листов. Она нашла проклятие распада, которое, если верить описанию, разлагало неорганику в пыль. Органика же от него просто сгнивала на глазах. Было там и примечание: если объект окажется большим или хорошо защищенным и у проклинающей не хватит силы, то она просто умрет. Были и другие, не менее интересные вещи, которых девушка раньше не видела. В том числе и рассуждения о связи всего сущего в этом мире.

Прочитав об этом, Лелька поняла, что пусть не напрямую, пусть косвенно, но она ответственна за нелепую смерть Карины и Дианы. Эта смерть упала маленьким камушком на весы судьбы, и если она ничего не сделает, то станет чуть ближе к ведьмам.

Кстати о ведьмах... Усилившийся дар показывал темное облако вокруг сестры. Оно было небольшим, пронизанным ниточками, которые уходили в стороны и исчезали. Лелька поняла, что это крадники, просто ее сил не хватало, чтобы увидеть, к кому они идут. Видела она и ауру Ирины. Именно аура питала облако и было как-то сразу понятно, что, если у Ирины не хватит сил, то ее аура просто исчезнет, став чьей-то пищей. Чьей именно — пока было неясно. Но без крадников Ирина была обречена.

Лелька встряхнулась и решила, что подумает об этом потом. Она любила тетю и дядю, была им благодарна, но Ирина не просила помощи и более того, явно бы этой помощи противилась. Причинять добро Лелька не собиралась, помня чем ей это грозит. Для начала было бы неплохо разобраться с новоявленными русалками и восстановить равновесие. Становиться ведьмой девушке не хотелось абсолютно.

Утро началось с Сашкиного звонка.

— Лель, я обо всем договорился, тебя возьмут помощницей, выезжаем через два дня. Тебе надо только в школе забрать дневник практики у Людмилы, мне она его не отдала.

Людмилой звали школьного секретаря, была она дамой немолодой и педантичной до занудства. Так что в Сашкиной неудаче не было ничего удивительного.

— Сходишь сегодня за дневником? Я бы с тобой пошел, но надо кое-какие дела до отъезда закончить.

— Саш, я понимаю. Схожу сама, попозже увидимся.

В школу Лелька отправилась сразу после завтрака. Она шла по улице и заново открывала для себя деревню. На деревенских домах весело перемигивались какие-то огоньки, во дворах копошились дворовые. Лелька удивилась, вспомнив как Дрон рассказывал, дескать никто дворового не увидит, пока тот сам не захочет. Судя по всему, с ведами Дрон дел до Лельки не имел. Обратила она внимание и на потускневшие плетения на заборах, заборчиках и оградах. Они явно должны были защищать дворы, но прошло слишком много времени с тех пор, как жильцы приносили подношения пращурам и подкармливали домовых. Плетения ослабли, но пока еще чуть-чуть работали. Лелька подумала, что надо проверить дом дяди и тети, разобраться в защите и, если получится, поправить.

Дневник практики она забрала быстро, а перед уходом прошла мимо Пашкиной кладовки и направилась к старой сосне. Призрак прилетел мгновенно. Сегодня девушка видела его намного четче.

— Привет, Паш. Как у тебя успехи? Не вспомнился якорь?

— Нет, — понурился призрачный пацан. — Только начну вспоминать, вроде уже вот-вот поймаю мысль, и каждый раз как будто отбрасывает меня.

— Не огорчайся, рано или поздно все равно найдем. Ты старайся, вспоминай, а я подумаю, что можно еще сделать.

— Спасибо тебе, Леля. Тыне думай, я все понимаю: и что ты время на меня тратишь, и что помогать мне вообще не обязана. Я постараюсь вспомнить, должно же мне хоть немного повезти.

Попрощавшись с призраком, Лелька поспешила домой. До отъезда в летний стан оставалось совсем мало времени, а ей надо было не только поговорить с тетей Наташей, но и наведаться в лес, к знакомому роднику.

Наталья новость о том, что племянница будет отрабатывать практику помощницей поварахи в летнем стане, встретила без восторга.

— Леля, зачем тебе это? Неужели нельзя было найти что-то поближе?

— Тетя Наташа, но ведь ничего плохого в этом нет. Я поучусь готовить, да и веселее там, чем на школьных огородах для директора школы деньги зарабатывать.

— Знаю я твоё веселье. Неужели ты думаешь, что я не в курсе, что тебя туда Сашка сманил? — Сашку Наталья не жаловала с тех пор как дочь и племянница не поделили красивого парня.

— Тетя Наташа, я ведь и не скрываю ничего. Я знаю, что вам Саша не нравится. Но он не виноват, что не любит Ирину, а я не виновата, что он любит меня.

— Леля, да при чем здесь это! — покривила душой Наталья, на самом деле ее сильно задело, что Сашка оттолкнул ее красавицу-дочь. — Тебе всего тринадцать! Какая любовь в таком возрасте, тебе же учиться надо!

— Я и буду учиться. Саша осенью уезжает в город, будет поступать в колледж, а я останусь в школе. Времени на учебу хватит.

— Выдумали тоже мне — колледж! В техникум он будет поступать, или вообще в ПТУ. Вот как хочешь, детка, а не нравится мне все это. Маленькая ты еще для всех этих страстей.

Лелька обняла тетю.

— Тетя Наташа, я хоть и маленькая, но что к чему уже знаю. Не беспокойтесь, все будет нормально. Там всего-то три недели.

— За три недели много чего можно наворотить, — проворчала Наталья. — Но ты же все одно меня не слушаешь, так что езжай, чего уж там. Только теплую одежду возьми. спальник и коврик-пенку, с которыми ты в мае в лес за травами ходила. Мало ли, холодно будет тебе в балаганчике с Валентиной жить.

Лелька радостно побежала собираться, а Наталья отправилась к Валентине. Визит задался: женщины договорились, что Валя присмотрит за девчонкой, чтобы деревенский красавчик не поломал малышке жизнь.

Немногим позже, закончив со сборами, юная веда отправилась к знакомому пеньку. Она была твердо намерена наказать бродницу, но делать это за спиной лесного хозяина ей не хотелось.

— Дядька Ермолай, удели полчаса на беседу, — попросила девушка, положив на

пенек гостинцы.

Обычно после этого появлялся кто-то из лесавок, сообщая время встречи. Но в этот раз леший сразу пожаловал сам.

— Ведаю я, дева, зачем ты ко мне пожаловала. Лукавить не буду — не по душе мне твоя просьба.

— Я понимаю, дядька Ермолай, но и ты меня пойми. Бродница поступила не по покону и ты это знаешь.

— Ну это как посмотреть...

— А как ни посмотри. Она не имела права отбирать у них шанс. Завести их обманом в чащу — могла, заманить к реке — могла, уговорить на купанье — тоже была бы в своем праве. Словом, если бы девушки своей волей в воду вошли и утонули — не было бы вопросов. Но она их просто утопила, не дав им шанса разгадать ее хитрости, сберечь собственные жизни. Это не по покону.

— Так-то оно так, да только она здесь своя, а они — чужие.

— Так ведь и я чужая. Однако пока покон соблюдаю, могу ходить везде, куда пускают. Девушки шли проторенной тропинкой, зла не творили, никому не мешали. И если говорить прямо — они были гостями и имели право на защиту. Имели?

— Эх ты, — крякнул смущенно леший. — Тут ты права, отвлекся я. Ночь-то праздничная, хлопот немало.

— Поэтому я, лесной хозяин, тебе вопросов и не задаю. Всякое бывает, мы оба про то знаем. Но она наказание заслужила.

— Ладно, коль тебе так надобно, наказывай. Но родник тот мой лес питает, а ущерб лесу я не потерплю. И с Карпычем сама разбираться будешь.

— Разберусь. Договор?

— Договор.

Глядя в спину уходящей ведунье, леший подумал:

— Заматерела малышка. И когда только успела. Надо бы ее ягодками угостить. Скоро у меня княженика пойдет, как раз для этого. А то развеется наговор и все, останусь я без веды влесу.

Лелька шла к роднику знакомой тропинкой. Она очень боялась, что у нее просто не хватит духу причинить вред броднице, уж больно та была славная и безобидная. И то, что вся ее безобидность оказалась обманом, жизнь Лельке не облегчало. Это на словах хорошо рассуждать, что зло должно быть наказано. А поди-ка накажи это зло, когда оно смотрит на тебя ясными невинными глазами и решительно не понимает, чем оно провинилось. Именно так и смотрела на Лельку бродница Ариэль, которой девушка сама дала имя этой весной.

— Привет! — обрадовалась бродница. — Ты ко мне? Давно не заходила, я уж думала ты про меня совсем забыла.

— Здравствуй, Ариэль, — мрачно поздоровалась девушка.

— А что ты такая сердитая сегодня?

— Ариэль, скажи, зачем ты убила девушек в купальскую ночь? Ты же знаешь, что это было неправильно.

— Перестань. Что тут неправильного? Ну подумаешь, не стала их по лесу водить как положено. Все это давно устарело. Не до того мне было, мне один симпатичный дух обещал небо показать. Такой хорошенький! И знаешь, он праправнук самого Стрибога!

— Ты убила двоих моего племени, не дала им ни малейшего шанса потому что тебе

было лень?

— Ну что ты так волнуешься, подумаешь, какие-то чужаки. Все одно они свои короткие жизни впустую бы провели.

— Не тебе судить. И потом, я тоже чужак. И меня убьешь?

— Ну что ты такое говоришь! Какой же ты чужак! Ты уже почти наша, совсем немного осталось, не зря лесной хозяин старается. Неужто не чувствуешь, что здесь тебе лучше, чем среди людей?

Лельке очень хотелось возразить, но бродница говорила правду. Лес был действительно ближе и понятней, чем город, да и село, пожалуй, тоже. А та продолжала весело болтать:

— Еще разок-другой тебя угостит грибами-ягодами лесной хозяин и совсем своей нам станешь.

Сказать, что Лельку эти слова напугали — это ничего не сказать. Ледяной ужас ввинтился в каждую клеточку, испуганно заметались мысли. Она вдруг представила, как перестает быть человеком, как смотрит на тетю, дядю, даже сестру как на сорную траву, как чужим становится ее любимый. Усилием воли девушка взяла себя в руки, уцепившись за слова о том, что «еще разок-другой угостит». Значит шансы у нее есть. Надо просто не брать у лешего подарков и хорошо все обдумать. Стряхнув набегающую панику, Лелька прервала веселую болтовню Ариэль. Она достала из рюкзака травки, те, что когда-то помогли ей спрятать от Ирины Старичка-Огневичка. Ухватив синий мешочек, девушка подошла к броднице и, взяв ее за руку, бросила мешочек прямо в обложенный камнями источник, нараспев читая заговор:

— Ручей от глаз чужих скрываю, к нему дорожку запираю. Пока сроки не пройдут, сей источник не найдут. Да сбудется сказанное!

— Что ты де-е-ела-а-аешь! — визг бродницы ввинтился в уши, холодная рука попыталась выскользнуть из цепких Лелькиных пальцев, но девушка держала крепко. Через несколько секунд, показавшихся Лельке невероятно долгими, прохладное запястье, сжатое ее пальцами, рассеялось туманом. На землю упал голубой пластиковый крабик-заколка. Лелька судорожно втянула в себя воздух и, глядя на заколку, выпалила проклятие распада.

— Бродница, кою я поименовала Ариэлью, я забираю твое имя и свой дар! — заколка рассыпалась и исчезла, а бродница, еще несколько минут назад материальная, превратилась в туманный силуэт.

— Ты нарушила покон и не по праву забрала у двоих моего племени годы жизни. Твой источник будет скрыт от всех, принадлежащих Яви, ровно 78 лет. Именно столько ты забрала у этих двоих, а я — у тебя. Увидеть его сможет только тот, кто сильнее меня, а захочет ли он тебе помочь — мне неведомо.

Внезапно старая сосна, растущая возле ручья, рухнула, перекрыв воде дорогу. Лелька в последний раз посмотрела на запруженный ручей и отправилась домой, оставив бродницу оплакивать утраченное.

Когда девушка исчезла из виду, бродница взвыла:

— Лесной хозяин, за что ты-то меня обидел?

Растущий неподалеку куст открыл желтые глаза-плошки.

— Болтать надо меньше! — проскрипели ветви, и куст исчез с глаз долой.

Полевой стан жил своей беспокойной жизнью. Сибирское лето короткое, а скот в деревне держали многие. Прокормить козочек и коровушек, откормить бычков без сена не получится, вот и старались местные козо-и корововладельцы запастись сеном. Здесь,

неподалеку от леса, оно было особенно душистым. Неважно, что косилка на таких неудобьях работать не могла, косили руками, здесь же сушили и скирдовали, благо сибирское лето хоть короткое, да сухое.

У Лельки полно было своих забот. Они с поварихой с ног сбивались. Поди-ка накорми полтора десятка здоровых мужиков, да три раза в день, да еще и вкусно, когда у тебя костер да буржуйка. Так что работы было валом. Валентина своей помощницей была довольна. Чего греха таить, поначалу не хотелось ей брать девчонку. Мозгов у них в эти года еще нету, а все остальное вполне выросло, только и гляди за ними. Однако Лелька усердно работала, немало умела и всегда оказывалась там, где нужна. Правда, пару раз отпрашивалась в лес. Первый-то раз Валентина отпустила ее с опаской, но малявка не заблудилась, да еще притащила охапку дикой черемши и щавеля. После этого Валентина уже не волновалась, когда Лелька, переделав все дела, отправлялась в лес.

Лельке на покосе тоже нравилось. В этой части леса она бывала только пару раз, когда дядька Ермолай ее своими тропками проводил. Сейчас же у нее появилась возможность исследовать местность более тщательно. Ее дар раскрывался все ярче, она видела и слышала смех поветруль, болтовню луговиц, увлекающие голоса хитрых аук. Весь этот мир спешил все успеть за летние недельки: и службу справить, и порадоваться, и над людьми пошутить. С местными луговыми девушка договорилась сразу как приехала, так что мышей в балаганах не было, мухи не летали и даже противная мелкая мошка облетала полевой стан по дальней дуге.

Лелька понимала, что ее сюда взяли не для лесных прогулок, и старалась не зарываться. Поначалу немного беспокоилась о том, как примут ее отлучки, но бригада с удовольствием хлебала зеленые щи, хвалила душистые травяные чаи, а когда Лелькин сбор помог Иванычу, самому опытному косцу, от радикулита, ее акции и вовсе взлетели до небес.

Самое же главное — любимый был с ней рядом каждый вечер. Лельке нравилось кормить парня, смотреть, как он работает, когда случалась свободная минутка, нравилось разговаривать с ним и целоваться до одури в летних травах. Она видела, что Сашке давно хочется пойти дальше поцелуев, но сама подобной готовности не ощущала и была благодарна парню, за то, что тот ее не торопил.

В одну из ночей, когда все уже уgomонились, девушка засиделась у огня. Она осталась у костра неслучайно. Ночь накануне Велесова снопа была особенной, и ведунья твердо намеревалась провести ее у огня.

Оранжевое пламя плясало и потрескивало, огонь принимал людскую заботу. Принял он и Лелькину жертву на урожайный год и долгое тепло. Глядя в пламя, девушка вдруг вспомнила серый туман и страшную битву, папу в странном алом плаще и ползущих через реку тварей. Костер разгорелся ярче и неожиданно свернулся гигантской змеей.

— Ну здравствуй, Велесова служанка! — услышала Лелька в потрескивании костра.

Еще несколько месяцев, да что там, несколько недель назад, она не поняла бы голоса пламени и участь Вольги Граниной была бы решена. Но сегодня Лелька была готова:

— Нет на мне ничьей службы, ни словом, ни делом не обещалась я никому служить.

Огненной змее (или змею?) это заявление явно не понравилось. Искры взлетели в воздух, а сказочная, иначе не скажешь, рептилия зашипела и плюнула огнем.

— Ох, Великий Полоз, эдак мы с тобой ни до чего не договоримся. Ты еще разок плюнешь, я испугаюсь, да плесну в огонь ключевой воды на семи старших травах. После такого в этом огне ты уже не явишься.

Великий Полоз озадачился и уселся на хвост. Со стороны это выглядело как будто живое пламя свернулось спиралью и застыло. Полоз же вспоминал наказ Господина.

Лелька молча смотрела на свернувшегося змеюку. Со стороны она выглядела абсолютно спокойной, настоящей охотницей за привидениями, опытным борцом с нечистью.

— А может не борцом, а борцухой? Или борцуньей? — отвлеклась на мгновение девушка.

Между тем, все это спокойствие было чистой воды блефом. Мысли в голове внешне невозмутимой ведуньи бешеными зайчиками плясали джигу.

Если честно, то на встречу с Полозом она вообще не рассчитывала. Старший ближник Велеса просто так по гостям не ходит. Так что когда он явился, Лелька поняла — сейчас ее будут жарить. Жарить в буквальном смысле. Будет в меню Великого Полоза новое блюдо — начинающая ведунья с хрустящей корочкой с гарниром из луговых трав. Про ключевую воду и старшие травы, найденные вместе с наговором в маминой тетрадке, она ляпнула чисто с перепугу, и сейчас, обалдев от собственной непредсказуемости, созерцала застывшего змея.

Полоз же, вспоминая последнюю беседу с владыкой, мыслил иное... Что девчонка зачем-то господину нужна, он понял давно. Ну так не в первый раз! Припугнуть как след, и станет служить как миленькая! А не станет — так на Велесов век слуг хватит. Но столь богатая идея понимания у господина не встретила.

— Все бы тебе силой да пламенем грозить. Нет в тебе понимания, Полоз. Уж сколь веков живешь, умен по-змеиному, хитер, силен, а с людишками управляться так и не научился.

— Помилуй, владыка, сколько я тебе слуг нашел, сколько привел! А ты твердишь, что не научился. Много чести им, однодневкам, чтобы ты о них печалился, а я силы, на службу тебе потребные, тратил.

— Привести-то привел, а много ль среди тех приведенных толковых? Все они на твое злато польстились, все страхом да жадностью служат.

— Так служат же! Да и чем плохо — страхом ли жадностью, а работу сполняют.

— Плохо тем, что не всякую службу таким доверить можно. Того, кто напуган, всегда можно напугать сильнее, того кто жаден — перекупить. Верности так не получишь, ума не завоеешь. А мне надобны не только усердные, но и умные да верные.

— Владыка, ну какая из этой пигалицы слуга!

— А вот тут не твоя печаль! — разгневался Велес. Но увидев искреннее огорчение верного слуги, смягчился. — Ты пойми — она последняя из Хранителей ключа, не осталось их боле. Всех мои недруги повыбили. А Ключ-Камень он к кому попало в руки не пойдет. Да что там. никто другой его даже не увидит, не то что взять не сможет. Только кровь Хранителей открывает путь к Ключу. А он мне ой как нужен... Ветшает Грань меж Явью и Навью, ворочаются в своих курганах витязи, просыпаются мои братья и сестры, рвутся к сладкой дармовой пище твари Нави. Если Грань не закрыть, через век-другой рухнет она, и на сем этот мир закончится. А еще добавь, что не о могучем вое мы с тобой говорим, о юной веде беседу ведем. А сам ведаешь, только воина можно к службе призвать, та же, кто дает жизнь, только своей волей прийти может. Не захочет — не будет службы. Так что ступай-ка ты в Явь. Скоро день Велесова снопа, и пусть сейчас не дожидаться мне богатых жертв и жарких молитв, но в ночь накануне такого праздника я еще кое-что могу. Ступай. Ты мудр, хитер, многому обучен. Уговори, купи, прельсти ведунью, чтобы приняла она на себя службу. Ну а там легче пойдет. Коли слово дадено будет — никуда не денется, выполнит.

И вот после такого доверия, таких речей, эта сопливка грозит ключевой водой! Да и травки там непростые, отсюда чуется. Ведь и впрямь, если плеснуть такой водицей на костерок, и все, считай на год дорога в Явь закрыта. Это раньше бы он дерзкую за такое дело в рабы определил, а сейчас силенок не хватит. Великий Полоз, конечно, был велик, но вот врать себе не любил и никогда таким не занимался. Так что высокие договаривающиеся стороны пялились друг на друга, упуская короткую июльскую ночь.

Далеко от полевого стана, в шикарном лофте, с криком проснулся молодой парень. Вадим рывком сел на кровати, выпутываясь из очередного кошмара. С той проклятой ночи они приходили регулярно. Точнее не они, а она. Маленькая кудрявая девочка просила, плакала, грозила. Милое, няшное личико расплывалось, черты менялись, превращая ребенка в чудовище. Он никогда не знал, какой она в этот раз придет, но одно оставалось неизменным: девочка требовала, чтобы он нашел ее мать и отдал куртку.

Надо сказать, что поначалу Вадим решил, что в сторожке на болоте ему просто привиделся плохой сон. Парень он был жизнерадостный, во всякую мистику не верил, ведьм-экстрасенсов считал шарлатанами. Ну подумаешь, надышался болотными газами, посмотрел вместо сна ужастик. Мысль о том, что ужастики не оставляют грязных курточек, он старательно запихал поглубже и постарался забыть.

Но кто бы ему дал забыть! Первый раз кошмар пришел через несколько дней. Они тогда праздновали окончание приключения и здорово набрались, так что явление во сне девочки Анечки парень списал на некачественный коньяк. Однако вскоре сны стали тревожить его постоянно. Вадим замкнулся, он не мог никому рассказать, что с ним происходит. Да и кому? Отец отправит в дурку, а приятели просто поднимут на смех. Хотя вскоре он стал подумывать, что в дурку было бы неплохо, особенно в другую страну. Но нынешний кошмар поставил точку в этих раздумьях. Преследующее его существо, выглядящее то как ребенок, то как разложившийся труп, то вообще как натуральный Ктулху, спокойно и буднично сообщило:

— Ты спрятаться не надейся. Расстояние — это только живым помеха, а я тебя где хочешь найду. Зря ты меня не послушал, маму не нашел. Теперь все плохо будет.

Тут Вадим испугался уже по-настоящему. Этот сюр явно выходил за рамки обычного сна.

— Неделю, дай мне еще неделю. Я виноват, знаю, но кто ж мне поверит!

— Кто поверит, кто нет — это твоя забота. Мои друзья говорят, что не надо тебе время давать, но я еще многое помню — солнышко, вкусное мороженко, маму с братиком. Мне тебя еще жалко, потому что я знаю, что с тобой будет. Неделя у тебя есть, но за промедление тебя накажут. Не я, я пока не могу. Друзья мои накажут.

— Как накажут?! — в воображении Вадима малютка с друзьями доедала его руку или ногу.

— Не бойся, — хищно усмехнулось существо. — Целым останешься, коли за неделю успеешь. А наказание — наказание сразу узнаешь и сам все поймешь.

Вот и сидел Вадим на шикарном траходроме, медленно дышал, чувствуя, как согреваются руки и ноги, как бьется сердце и бежит по жилам кровь. Сейчас мало кто узнал бы в нем того беззаботного парня, что поехал праздновать Купальскую ночь к отцовскому другу: глаза запали, на висках засеребрилась седина, да и вообще выглядел он как тяжело больной человек. Даже отец, которому сроду было некогда, обратил внимание:

— Ты бы показался Михаилу Львовичу, а то в последнее время на тебя смотреть страшно. И заканчивай давай бухать, что ли.

Вадим как всегда покивал головой, но к Михаилу Львовичу, семейному врачу, знавшему его с рождения, не пошел. Ну направит тот к психиатру, снотворное выпишет, так ведь ясно

сказано — не спрячешься. Так что сейчас, глубокой ночью парень решил, что все сделает, и плевать ему кто и что скажет, лишь бы прекратилась эта ночная забубенная жуть. Он встал, открыл окно и с облегчением подставил голову ночному ветерку. Решение было принято, оставалось дожидаться рассвета.

Шустрый дух воздуха, управлявший ветерком, с недоумением посмотрел на закрывающееся окно. Он не понимал этих странных созданий. Зачем жить в каменных коробках, без света и вольного воздуха, укорачивая свою и так невеликую жизнь? Впрочем, будучи ветренным, он немедленно забыл свое недоумение и устремился на волю, в леса, туда, где отсчитывала последние часы волшебная летняя ночь.

Легкомысленный стрибогов праправнук (а это был именно он) не долетел до полевого стана и потом долго сожалел, что пропустил столь увлекательный разговор. Не так часто Великие снисходят до смертных.

Между тем, Великий и смертная продолжали изучать друг друга. Затянувшееся молчание первым нарушил Полоз.

— Так что ж, девица, говоришь, нет на тебе службы? А ведь Велесу служить почетно, честь это великая — жрицей его стать, волю его нести. Быть слугою бога не зазорно.

— Никто и не говорит, что зазорно. Но я не хочу сама на себя ярмо возлагать. Ни к чему мне это.

— Если за наградой дело стало, то здесь обиды не будет. Мне все клады в этих краях ведомы и подвластны, сколько захочешь золота, столько и будет.

— Э, нет, знаю я здешнее золото. Да и сам рассуди, к чему мне деньги? Я что с ними делать буду? Сидеть на них? Так жестко. А если серьезно, то для меня это не награда, а опасность. Итак люди косо поглядывают.

— Ни к чему говоришь? А вот твой дружок бы не отказался, бегом бы побежал.

— Ну, во-первых, не побежал бы, во-вторых, я — не он, а в-третьих, мне это слушать надоело.

Лелька решительно двинулась по направлению к ведру. Неожиданно ее перехватила чья-то рука. Девушка повернулась и уставилась на рыжего мужика.

— погоди, Вольга, не спеши, давай спокойно поговорим.

Лелька поняла, что этот рыжий и есть Полоз! Да, такого ведром воды не прогонишь.

— Мы уже поговорили, — ответила она. — Ты предложил, я отказалась. И мы оба знаем, что кабы ты мог меня заставить, то не стал бы тратить время на разговоры. Да и вообще, смотри, сколько народу, что вы до меня докопались? Я вообще не хочу никому служить, закончу школу и уйду в лес жить, мне здешний леший помощь обещал и содействие.

Про жизнь в лесу Лелька ляпнула наобум, решив, что служба лесу в глазах столь древнего существа будет уважительной причиной для отказа. Но, судя по тому, как подпрыгнул Великий Полоз, все было не так просто.

— Ладно, расскажу. Владыка меня к тебе отправил, потому что твой род издавна ему служил. Все твои родовичи, начиная с самого первого Воимира-воина, стерегли и стерегут Грань меж Навью и Явью. Отсюда и фамилия ваша пошла — Гранины. Будь ты мужчиной, не было бы у тебя другой дороги, но женщина — дело иное. Только по своей воле можешь ты службу принять.

— По своей воле не приму.

— А что так? Негоже ведь родовую честь позорить, от службы отказываясь.

— Родовую честь?! А где был твой Велес, когда мой род под корень изводили? Это так он за службу жалуется? Все умрете, а я сиротку вашу к делу определяю? Ну уж нетушки, давайте как-нибудь сами. Без меня. Мне папа наказывал жить долго, а кто твоему богу служит — долго явно не живет, и моя семья тому примером.

— Экая ты неблагодарная... А ведь от дара не отказалась, вон, на руке твоей метка моей слуги.

Лелька взглянула на коронку, оставшуюся на месте укуса змеиной царицы.

— Я о подарках не просила, а тот, кто дарил, Луной поклялся, что на меня этот дар долгов не накладывает. Или обманул?

— Не накладывает. Однако ты его приняла. А обманул он тебя в другом.

— Это в чем же? Я от дядьки Ермолая только добро видела.

— Добро?! А самого-то его ты видела? Каков он настоящий?

— Это неважно. Будь он хоть каким, а мне он зла не делал.

— Не делал, говоришь... Может и так, только всю он тебя ворожбой опутал. Думаешь, это ты сама решила в лесах поселиться?

— Сама, конечно, он мне ничего подобного не предлагал.

— Ладно, веда. Недоверчивая ты, благодарности в тебе нет, но я свои слова докажу. Знаешь, поди, что велесов огонь все очищает?

— Знаю. Но на мне нет порчи, да и на здоровье я пока не жалуясь.

— Вот сейчас и посмотрим.

Пока Лелька разговоры разговаривала и аргументы подбирала, этот рыжий-бесстыжий оттеснил ее к самому костру и, воспользовавшись минутным замешательством девушки, схватил и поставил прямо в центр пламени.

— Не бойся! Если нет в тебе черного зла, не повредит тебе огонь, — услышала она голос огромного змея, свивавшего вокруг нее свои кольца. — А лешему здешнему урок будет. Нечего лапы корявые тянуть к тому, что не твое.

Пламя взметнулось золотыми искрами, прожигая Лельку насквозь, проникая в каждую клеточку. Она закричала и проснулась. Костер почти прогорел, на траву легла роса, а из-за горизонта показался край солнечного диска.

— Вот и думай теперь, толи было, то ли приснилось. Как же мне все эти заморочки надоели! Лелька отряхнулась и побрела в балаганчик, намереваясь поспать хоть пару часов.

Визит Великого Полоза обеспечил бессонную ночь не только Лельке. Когда подобная сущность появляется в мире Яви, это чувствуют все, в ком есть хоть капля силы. Не стала исключением и скромный директор сельской школы Инга Геннадьевна Навруцкая. Ведьмы с Полозом традиционно не ладили. Когда-то на заре времен, приняли праматери не ту сторону, став врагами Велеса. Владыка Велес их простил, всегда был отходчив, а вот Полоз тех, кто пошел против его господина, запомнил. Была та память недоброй, и не изжили ее ни столетия, ни туманы Нави.

Инга не сразу поняла, что ее разбудило, но осознав, забеспокоилась. После того, как развоплотился, спасая ей жизнь, дух-хранитель рода, ее сила почти угасла. Стоит Великому Полозу усомниться, ее местный леший узлом завяжет. Так-то ведьма старалась с лесным хозяином не ссориться, помня, что худой мир лучше доброй ссоры. Надо сказать, что и леший был существом вполне практичным. Конечно, в отличие от того же Болотника, ведьм он не жаловал, но с этой, конкретной, жил в мире. Не трогал ее схрон в дальней чаще, не мешал собирать травы, хотя и помощи, как Лельке или местному травнику не оказывал.

Появление Полоза могло напрочь разрушить это шаткое равновесие, а Инга все еще была не готова к противостоянию.

Мысли женщины переметнулись к ученице. Ирина сейчас была главным ее ключом к силе. Она учила девчонку, выращивала в ней ненависть, нашептывала о том, как приятно быть сильной, как сладка власть над людишками. Надо только чуть постараться, стать сильнее, увеличить искру в крови и все радости жизни спелым яблоком упадут ей в руки. В последние недели, когда Ирина сестрица подалась в поля вместе с первым парнем на деревне, в Ирину словно бес вселился. Нет, училась она также яростно, но толку от той ярости, если не стало внимательности и хладнокровия.

Инга видела, что девчонка идет в разнос. Огромное количество крадников поддерживало ее красоту, подпитывало здоровье, наполняло карманы и медленно разъедало душу, отнимало жизненные силы.

— Эдак она у меня до осени дотянет, — забеспокоилась Инга. — Придется показать ей ритуал отъема жизненных сил.

Тут ей пришла в голову новая мысль:

— А ведь отъем силы от отъема жизненных сил не так уж и отличается. Подумаешь, пару закорючек поменять.

Конечно, сама Инга разницу не только видела, но и понимала, но вот просвещать Ирину не собиралась. Одноразовому инструменту лучше знать поменьше, а понимать что-то и вовсе ни к чему.

— Решено, сегодня покажу ей ритуал. Пусть подкормится. Ну и увязнет еще чуть глубже. Даже глупая курица по зернышку клюет, а уж умная ведьма капля по капле такое соберет, что никакой Полоз не расхлебает.

Лелька, устроившись на топчане в балаганчике и едва закрыв глаза, вновь оказалась в компании рыжего мужика, что так коварно запихал ее в костер.

— Вот ведь приставучий какой! — подумалось ей. — И чего ему нейдется... — мысленно ворчала она, критически разглядывая незваного гостя.

И то сказать, при широких плечах, буйных рыжих кудрях и красивом лице, ноги у Полоза все-таки подкачали. Не хватило, видать, хвоста, так что нижние конечности Велесова слуги были кривоваты и коротковаты.

— Вот ведь какая ты! — заворчал в голове знакомый голос. — Ума тебе дадено щедро, упрямства насыпано — на семерых, а вежества вовсе не отсыпали. Ноги ей мои не нравятся! Да что такая соплячка в мужчинах понимает!

— Великий Полоз, ты ко мне в сон наведалься дальше ссориться?

— Я же говорю, никакого вежества! Из-за этого я и забыл тебе подарок владыки вручить.

— Не-не, знаю я ваши подарки. Возьмешь, потом сто лет служить придется, да еще и с хвостиком.

— С каким хвостиком? Тебе змеей не бывать! Не заслужила!

— Вот ведь какой нервный... — во сне Лелька была куда смелее, чем у костра. — никто про змей не говорит. Это годы так считают, когда полной ясности нет. Сто лет с хвостиком бывают очень разные. Один год — хвостик, и 99 годов — тоже хвостик, а сроки для нас, людей, сильно отличаются.

— Беда с вами, бабами. Сама запуталась и меня запутала. Ты мне скажи, ты пацаненку, что в школе застрял, обещала помочь?

— Обещала, — вздохнула Лелька. Невыполненное обещание грузом лежало на совести.

— Мой господин решил в знак доброй воли тебе поспособствовать. Луной клянусь, никакого долга на тебя это не накладывает. Примешь помощь?

— Приму, если так.

— Ты не можешь якорь найти, что мальчика к школе привязал, так?

— Ну так.

— Так вот тебе подарок — медальон, что на шее носишь, будет тебе знаки подавать — остывать либо нагреваться, когда поблизости окажется вещь, одновременно с Явью и Навью связанная. Коли в ней больше от мира Нави — медальон холодным станет, а ежели от Яви — наоборот нагреется.

— Спасибо Великий Полоз! Знаю я, что ты на дары не щедр, так что не раз мне еще это аукнется, но все равно спасибо.

Полоз снова рассердился, рыжие усы встопорщились, а ноги стали трансформироваться в змеиный хвост, но до конца преобразование Лелька не досмотрела.

— Вставай давай, помощница. Заспалась ты сегодня совсем, меньше надо полуночничать. — Валентина удивительно вовремя вырвала девушку из тягостного сна, разрушив Полозовы чары.

Пришло утро и к Вадиму. Впервые за долгое время он выспался, может помогло принятое ночью решение. Наступающий день был солнечным, но прохладным, Вадим открыл окно и отправился на пробежку. Он, мальчик-мажор, как дразнили его приятели, с маниакальной настойчивостью бегал по утрам. Когда-то эта привычка родилась из желания доказать отцу, что он не марионетка, а человек со своими целями. Желание что-то доказывать быстро прошло, Богдану Владимировичу на сына было наплевать, хоть бегай, хоть прыгай, хоть канкан пляши, но привычка осталась. Со временем утренние тренировки стали доставлять удовольствие, так что Вадим не отказался от них даже после роковой поездки в Купальскую ночь.

Вот и на этот раз он прошел мимо сонной консьержки, потянулся, и, наращивая темп, побежал по пустой улице. Обычно в это время прохожих еще не было, город спал, но в этот раз Вадим увидел мальчишку лет 12, нарезающего круги по дороге на синем велосипеде. Пацан помахал ему рукой, Вадим ответил и побежал к парку.

Летние улицы постепенно оживали, заполнялись ранними прохожими. Бодро гудели машины. Вадим возвращался, снижая скорость, он был еще слишком далеко, когда вновь увидел того самого мальчишку на велосипеде и несущийся на него грузовик. Вадим замер столбом, голос пропал, крик застрял где-то в горле, он ясно видел, что не успеет ничего предпринять, мог только смотреть. И тут, вместо кровавого столкновения, после которого ни от пацана, ни от велосипеда ничего бы не осталось, он увидел, как многотонная машина проехала сквозь ребенка, а тот продолжил свои круги по улице. Вадим понял, что сейчас потеряет сознание. Положение спас раздавшийся сзади голос:

— Вам нехорошо? Что с вами?

Он обернулся. На него смотрела обычная женщина чуть за сорок, таких они с приятелями называли училками.

— Вам нужна помощь? — повторила она вопрос.

— Нет, спасибо. — хриловато ответил Вадим. — Все уже прошло.

— Молодой человек, проверьте сердце, я вам как врач советую. Такие приступы помутнения сознания после физической нагрузки — прямой билет к кардиологу.

Непрерывно проверьтесь.

— Спасибо, — кивнул Вадим. — Я постараюсь.

Короткий остаток дороги домой занял неожиданно много времени. Вадим пытался понять, что это было, что он видел. Это явно не было галлюцинацией. Конечно, он недавно получил диплом экономиста, а не психиатра, но в реальности того что видел не сомневался. Решив обдумать все попозже, Вадим вернулся к придуманному ночью плану.

Первым делом был звонок отцовской ассистентке. Та никогда ничего не забывала, все успевала и выглядела как натуральная валькирия.

— Людмила Стояновна, доброе утро. Помогите пожалуйста с небольшим вопросом. Есть у отца свои люди в полиции?

— Доброе утро, Вадим. Вы снова что-то натворили?

Другого бы человека Вадим за подобный интерес мгновенно наладил бы по известному адресу, но Людмила работала у отца дольше, чем Вадим на свете жил, была теткой непростой, и право на подобные вопросы имела.

— Нет, что вы. В последнее время мне несколько не до проказ. Просто разбирая вещи после поездки, я нашел чужую детскую курточку, видимо в избушке со своим барахлом захватил. А сегодня на пробежке наткнулся на объявление о пропавшей девочке, и кажется, на ней точно такая куртка.

— Да, Вадим, уж лучше бы вы проказничали. Там хоть все было понятно. Приезжайте-ка вы в офис, побеседуйте с Александром Яковлевичем, а там и наш полицейский подъедет.

Александр Яковлевич был корпоративным юристом, и более ушлого человека Вадим пока не встречал. Любимой присказкой этого зубра была фраза: «Что можно, что нельзя все знают. А вот как можно, когда совсем нельзя — знаю только я».

— Зачем беспокоить такого занятого человека? Может лучше напрямую действовать?

— Вадим, — в голосе ассистентки зазвучал металл, — А как вы собираетесь доказывать полиции, что это не вы похитили ребенка?

Вадим живо представил, как он с курточкой появляется перед полицейскими, которые последние полгода просто землю рыли в поисках ребятишек и рыли напрасно. Тут никакой отец не поможет, просто порвут и фамилию не спросят.

— Виноват, Людмила Стояновна, затупил. Через час буду.

В офис Вадим успел вовремя, но его уже ждали. Поначалу Александр Яковлевич не мог понять, зачем вообще лезть в это дело, но убедившись, что при его отказе Вадим полезет один, сдался.

— Я вас, юноша, не понимаю. Зачем во все это лезть?

— Александр Яковлевич, но ведь пропадают дети, а эта курточка может навести на след.

— Вы решили попробовать себя в роли героя? Я вам определенно не советую, слишком это опасная профессия.

— Александр Яковлевич, вам меня не переубедить. Можете подсказать, есть ли способ куртку передать, а самому не сесть? Или хотя бы не сразу?

— Вот как вы ставите вопрос... Даже готовы отправиться в места не столь отдаленные... Хотелось бы мне, юноша, знать, что ж вас так прижало. Но вижу, не хотите вы со стариком делиться. Давайте тогда думать.

Седой, но моложавый и подтянутый «старик» набрал номер ассистентки:

Людочка, Юра скоро подъедет? Уже здесь? Скажите, ему, пожалуйста, что мы его с

нетерпением ждем.

Иметь своих людей во всех структурах для любого предпринимателя было хорошо и правильно. Богдан Владимирович исключением не был, так что его сыну было к кому обратиться за помощью. Юра, а точнее бравый капитан полиции Юрий Градченко очень хотел стать майором. Нет, конечно, генералом он стать тоже хотел, но свои возможности оценивал трезво, не настолько он зубаст. А вот со временем пободаться за звание майора, а позже и полковника, да еще с поддержкой Богдана Кравича, было вполне реально. Так что помогать он был готов.

В проблему Юрий въехал быстро.

— Да, Александр Яковлевич, вы как всегда правы. Непременно наши структуры этим заинтересуются. Вы не поверите, сколько начальственных задниц подпекают эти исчезновения ребятишек. Будь Вадим не сыном Богдана Владимировича, уже бы сидел в нашем СИЗО и, пожалуй, без зубов... Значит, Вадим, на болотах курточку нашел?

Вадим еще раз рассказал тщательно продуманную легенду: о том, как бродили по лесу несколько дней без пищи и воды, о том, как Игореха вывихнул ногу. Так что пришлось искать любой ночлег, о том, как их замученных и простывших нашли поисковики, и он, не разбирая, сгрэб все свои вещи, что были в избушке и тогда-то, вероятно, и прихватил курточку.

— Юрий, а можно проверить, точно ли это та куртка, что была на девочке?

— Да можно попробовать, почему нет. Позовем мать на опознание, тем более, что она в своем отделе у оперов практически поселилась. Каждый день ходит. Жалко, конечно тетку, хотя какая она тетка, тебя на пару лет постарше, но оперов своих она насмерть замумкала. Скоро прятаться будут.

Александр Яковлевич подключился к диалогу:

— Давайте-ка молодые люди, сделаем все правильно. Поезжайте, оформляйте протокол выдачи. А что не по месту жительства пропавшей, так никто и не удивится. Что куртка принадлежит девочке, еще доказать надо. А так все у нас будет красиво — сам нашел, сам пришел, сам сдал. После же можно и оперативников привлечь, которые дело ведут.

— Спасибо, Александр Яковлевич. Что бы я без вас делал!

— Ну что вы, Вадим. Юра ведь сказал — сидели бы в СИЗО, по зубам скучали. Езжайте молодые люди, езжайте. Пора мне на поля корпоративных битв, там господин Кравич очередное поглощение слиянием затевает.

Вадим с Юрием друзьями небыли, все-таки как ни крути, а орбиты у наследника дела и цепного волкодава были разными. Однако Вадим парнем был дружелюбным, никогда не жестил, почтения не требовал, так что Юрий к нему относился неплохо.

— Поехали что ли? Ты на своей?

— Нет, после этой клятой поездки на шашлыки за руль пока не садился. Нужды не было, а так не тянет.

— Ладно, давай тогда на моей ласточке.

Свою машинку Юрий приобрел недавно, он ее любил и ценил. Хоть благодаря Богдану Владимировичу обошлось без кредита, но поднапрячься пришлось, так что ехали они аккуратно, как по учебнику. Оформили все быстро, после чего Юрий начал звонить коллегам, дабы осчастливить их зацепкой в безнадежном деле, а Вадим приступил к реализации второй части своего плана. Предстояло поговорить с мамой Анечки.

Эту встречу он продумал заранее. Вадим не мог просто прийти по адресу, названному

Аней. Доказывай потом полиции, что мертвая девочка сказала тебе, где она живет, вот бы мужики повеселились. А потом либо в дурку его бы отправили, либо попытались повесить на него всех «глухарей». Нет, понятно, что благодаря Александру Яковлевичу, у них ничего бы не вышло, но провести несколько дней в СИЗО Вадиму не хотелось. Сейчас же он просто сидел у райотдела и ждал, когда женщину вызовут на опознание вещественного доказательства. Дело было резонансным, Аня была не первой пропавшей. Так что Вадим не сомневался, что полицейские тянуть с опознанием одежды не будут.

Собственно, так и оказалось. Заплаканную молодую женщину с такими же как у дочки кудряшками (или это у дочки были такие же как у нее?), Вадим узнал сразу. Оставалось дожидаться, когда она пойдет назад и передать ей послание дочери. Пока же он сидел на скамейке, с которой отлично был виден вход в райотдел.

Время тянулось удручающе медленно, так что, когда к Вадиму подсел молодой парень в черной косухе, он даже обрадовался возможности развеять скуку. Парню, судя по всему тоже было скучно и хотелось поболтать.

— Привет, — начал разговор байкер. — А ты как здесь оказался?

Вадим не знал, байкер его собеседник или нет, но из-за косухи мысленно обозвал его именно так. Парень был молод, почти мальчишка и было в нем что-то странное, но что именно — неясно.

— Женщину одну жду.

— Знакомую, что ли?

— Не совсем. А тебя что, вызвали из-за нарушения ПДД?

— Если бы... Все, отнарушался я.

— А что так? Права забрали?

— Лучше бы забрали раньше, тогда не влетел бы я в тот грузовик.

— Так ты вроде в порядке, — осмотрел Вадим нового знакомого и впрямь оказавшегося байкером.

— Это здесь я в порядке, а на то, что там лежит — парень махнул головой в сторону небольшого домика, стоящего в стороне, — смотреть страшно. Маму жалко, ей тяжело будет.

— Погоди, я что-то не понимаю. В чем проблема-то?

— Теперь и я не понимаю. Ты что, не умер?

Вот тут Вадиму поплохело конкретно. Он внезапно понял, что ему показалось странным — жарким летним днем парню в тяжелой кожаной куртке было не жарко! Он не потел, не пытался снять куртку, тогда как сам Вадим в одной футболке практически поджарился. Ему резко захотелось уйти, но надо было дожидаться мать девочки. Вадим не без оснований опасался, что очередной ночной визит он может не пережить. Между тем парень продолжал:

— Прикольно, что ты живой и меня видишь. Прямо как в фильме «Призрак», его мама любит пересматривать. Только у меня никаких желаний нету, да и похоже, ты не стал бы их выполнять.

— Не стал бы.

— Почему же ты меня видишь? И не боишься сейчас, когда все понял?

— Почему вижу — сам не знаю, почему не боюсь — бояться живых надо, ты мне ничего не сделаешь.

Вадим говорил уверенно, но внутри него все тряслось и сжималось, никакой уверенности он не ощущал. Сработала привычка держать лицо, выращенная язвительными отцовскими насмешками.

— Твоя правда, не сделаю. Ладно, вон моя мама идет, пойду хоть попрошусь.

— А почему ты меня не просишь?

— Сам подумай — кто тебе поверит? Я бы не поверил.

— Твоя правда, — признал Вадим.

— Бывай, бро, — махнул рукой покойник. — И не гоняй без шлема, если сядешь на байк, а то встретимся совсем скоро.

Странный собеседник исчез, а Вадим стал догадываться, о каком наказании за промедление говорила Анечка.

Тут из дверей отдела вышла Анина мать, и он поспешил за ней. Женщина шла медленно, временами словно зависая, как старенький ноут, на котором он пытался играть в детстве. Тот так жене «тянул» графику и надолго останавливался, стараясь осмыслить реальность, превосходящую его возможности. План разговора Вадим тоже продумал заранее. Главной его целью было выполнить обещанное, но при этом избежать слез и вопросов. Он окликнул женщину в одном из дворов:

— Подождите, пожалуйста. Это вы Анина мама?

Женщина вскинулась, взгляд ее ожил, словно ее внезапно разбудили.

— Вы кто? Что вам нужно?

— Кто я — неважно. Мне от вас ничего не нужно, кроме трех минут времени.

— Зачем?

— Можете верить, можете нет, но у меня есть способность видеть умерших. Ваша дочь умерла, ее убили. Она просила вам передать, чтобы вы перестали ее искать, ее тело скоро найдут. Еще она просила, чтобы вы заботились о ее братике Артемке. — Вадим на секунду замолчал, а потом по наитию добавил — Она сказала, что если Артем будет хорошим, то она сможет снова родиться у него и стать вашей внучкой, раз не получилось стать дочкой. Она вас очень любит и просит не плакать и заботиться о братике, снова читать ему на ночь сказки, а то он скучает.

Выпалив все это, Вадим рванул с места, словно за ним гнались. Женщина осталась стоять, пытаясь то ли осмыслить сказанное, то ли что-то спросить, то ли удержать Вадима, но было уже поздно.

Август пришел с дождями и ветрами. Он перевалил за середину и неумолимо катился к сентябрю. Лелька давно вернулась с практики в полевом стане. Их встречи с Сашей продолжались, так что отношения с Ириной проще не стали. Лелька по-прежнему видела темный ореол вокруг ауры сестры, но сейчас в нем появились багровые оттенки. Девушка поняла, что Ирина забрала чью-то жизнь и только надеялась, что это не был человек.

Ирина же действительно попробовала вкус новой власти — власти над живым существом. Месяц назад наставница показала ей, как можно воспользоваться жизненной силой живого существа. Ритуал был непростым, требовал тщательной подготовки, но результат был просто фантастическим: улучшилась память, выросли физические силы, кожа налилась сиянием, а волосы годились для рекламы любого шампуня.

Ира не видела, не могла видеть, что сотворила с собой. Она не понимала, что жить без заемной силы уже не сможет, не осознавала, что сорок и кошек скоро будет недостаточно, чтобы просто поддерживать собственную жизнь. Все ее мысли занимал План. Это действительно был План с большой буквы. Она наконец-то поняла, как забрать силу у ненавистной соперницы. То, что соперница приходилась ей пусть двоюродной, но сестрой, Ирину не волновало. Не беспокоил ее и тот факт, что после отъема силы Лелька вряд ли выживет. Наставница ей про это не говорила, а сама Ирина не интересовалась. Она давно уже не интересовалась ничем и никем кроме себя.

Тем неожиданнее оказалась новость, принесенная матерью. Наталья зашла к девочкам в комнату вечером. Огорченно отметила, что они так и не подружились, сидят как совушки, каждая в своем углу.

— Девочки, я должна вам сказать, что у вас скоро будет братик или сестричка.

Поначалу Ирина не поняла, откуда возьмется очередная сестричка. Лелька же, взглянув на ауру тети Наташи повнимательнее, мгновенно увидела новую зарождающуюся жизнь.

— Ты ждешь ребенка! Это же замечательно!

Ирину новость в восторг не привела. Ей вполне хватало одной конкурентки за родительскую любовь, а уж что начнется, когда появится младенец! Однако она тоже улыбнулась и поздравила мать. Внутри темной волной поднималось раздражение, но девушка придержала себя, рассудив, что до рождения очередного конкурента еще долго, многое может измениться. И где-то глубоко копошилась мыслишка, что если ребенок окажется помехой спокойной жизни... Додумывать мысль Ирина не стала.

— Это конечно замечательно, — продолжала между тем Наталья, но Вера Васильевна посоветовала мне лечь в больницу на пару-тройку недель, на сохранение. Справитесь без меня?

Лелька на мгновение задумалась. На помощь Ирины она не рассчитывала и исходила из собственных возможностей. Впрочем, если станет тяжело, всегда можно озадачить Кондратьича, все-таки рождение нового члена рода было в его «юрисдикции».

— Справимся! — уверенно ответила она.

— Мои вы хорошие! — расчувствовалась Наталья. — Спасибо вам, что вы такие понимающие.

— Когда тебе в больницу? — спросила Ирина.

— Послезавтра меня папа отвезет. Если все будет хорошо, я в начале сентября вернусь,

так что соскучиться не успеете.

На следующий день в деревню нагрянула полиция, да не районная, а из города. По селу поползли слухи, что где-то в окрестностях была убита девочка, и теперь полиция будет искать виноватых, а не найдет, так назначит. У всех местных немедленно обнаружили дела: кто-то отправился на дальние выпасы, кто-то занялся заготовкой дров у Глухаринной гряды, кто-то вообще уехал в соседнее село в больничку. Нет, конечно, сельчанам было любопытно, что будут делать пришлые, да только инстинкт самосохранения у них работал куда лучше любознательности. Оказаться козлом отпущения не хотелось никому.

Полицейские между тем принялись тщательно прочесывать лес вокруг болота, задерживаясь на том островке, где нашли заблудившихся после купальской ночи. Эта суэта напомнила Лельке о важном, но не выполненном деле.

Тетя Наташа уехала рано утром, так что вечером Лелька беспрепятственно отправилась к реке. Дядя Андрей давно понял, что его племянница не так проста, и старался в ее дела без просьбы не вмешиваться. К реке девушку привело опрометчивое обещание, данное новой русалке Карине. Наученная горьким опытом, Лелька прямо ничего не обещала, но заявила, что сделает все возможное, чтобы тело Карины нашли и отдали матери. Именно это возможное Леля и намеревалась совершить этой ночью.

С тех пор, как она наказала бродницу, отношения между ней и местным водяным натянулись, так что любые договоренности были под большим вопросом. Да и, если честно, безопасность Лельке тоже никто не гарантировал. После того как Великий Полоз провел ее через очищение огнем, сняв тем самым наложенные лешим чары, девушка больше не могла рассчитывать на помощь дядьки Ермолая. Однако слово было сказано и его надо выполнять.

Усевшись на берегу у старой ивы, Лелька немного подождала, а потом позвала:

— Водяной хозяин, поговорить надо бы.

Но на зов девушки никто не отозвался. Река молчала, по ровной почти зеркальной поверхности воды бежала лунная дорожка, шелестели ветви ивы.

— Карпыч, я знаю, что вы меня слышите. Разговор нужен не только мне. Я пообещала сделать все возможное для решения известной вам проблемы, я сделаю. Сегодня мы можем еще просто поговорить, а потом разговором дело будет не решить.

— Ну и что ты мне сделаешь? — раздался голос из-под веток растущего у воды куста.

— Здравствуйте, уважаемый. Вы совершенно правы, я ничего не смогу сделать водяному хозяину. Да и не стану. Вы мне зла, кроме нашей первой встречи не делали, поэтому и пришла договариваться.

— Раньше надо было договариваться, когда девочку мою обидела.

— Уважаемый, я ведь вашей девочке ничего не сделала. Только дареное забрала.

— А источник почто от людей спрятала? Теперь там скоро болото будет, вон уже новый трясинник зеленые лапки потирает, ждет, когда ему все само ему в них свалится.

— Как же я могла источник не скрыть, если вы, уважаемый, девочку свою покону не научили? Я человек, вот и защищаю людей от беспредела.

— Никакого беспредела не знаю. А своих в обиду не дам!

— Давайте-ка уважаемый водяной хозяин по порядку пойдем. Нарушила ваша девочка покон?

— Нарушила, но что там нарушения-то было!

— Э, нет, уважаемый. Вы не хуже меня знаете — не будь там нарушения, не легло бы мое заклятье, или меня бы откатом там же прибило.

— Ой ли... Я немало ведьм видел, немало и утопил, все их заклятья без вины ложились.

— Я, уважаемый, понимаю, что совесть вам, как нелюдю, не положена, ни к чему она вам. Но совсем-то уж глупой меня считать не стоит. Оба мы знаем, что ведьмовские заклятья всегда кровавой жертвой подпитывались. Чтобы несправедливое проклятие легло, хоть кошку, хоть курицу, а прирезать надо. Вы меня хоть раз за таким видели? Да и в ауре следы остаются от такого. Неужто вы их у меня разглядели?

— Кто вас, людей, знает, — ушел от ответа водяной. — Ты, давай, говори, зачем звала, у меня без тебя дел хватает.

— Звала я вас, чтобы вы мне отдали тело Карины, которую ваша девочка утопила в нарушение всех конов и покона.

— Это с чего я тебе должен что-то отдавать? Мало ли кто и что нарушил, знать не знаю ни о каком нарушении. А русалка это моя, мне подарена, моя и будет.

— Значит, покон, стало быть не для вас? Уважаемый Карпыч, опасные слова вы говорите. Это ведь в обе стороны работает. Раз вы покон нарушаете, то и с вами так можно. Возьмет, вон, дядька Ермолай, да и повернет от вашей реки десяток ручьев туда, куда ему надобно. Вы не хуже меня знаете, что сделать это ему проще, чем шишку уронить. А с вашей рекой что тогда станет? А если не один десяток, а три? Думаете, ему нечему в лесу водицы добавить?

— С Ермолаем ты меня не рассоришь, мы давно в мире живем, — неуверенно заявил водяной. Он знал, что леший не откажет себе в таком развлечении, много раз лесной хозяин просил его перенаправить часть речушек.

— А с местным болотником, молодым и резким, вы тоже мирно живете? Ой, сомнительно. Он точно не откажется за счет ваших берегов свои владения расширить.

И снова девчонка была права. С болотником отношения у Карпыча были куда хуже, чем с лешим. Ему и наказание, наложенное ведой, поперек встало, поскольку болото расширялось, а бродниц он себе еще наклепает, раз эта дурой оказалась. Тем не менее, соглашаться с ведой водяному не хотелось.

— Ты, веда, в наши дела не влезай. Сама говоришь — ты человек, вот и иди к человекам.

— Я ведь, уважаемый, и впрямь пойду, раз такие дела. И скажу тем, кто вчера приехал, что я на реке видела маленькую девочку, которую они по слухам ищут. Я вчера все послушала, им очень надо тело найти и техники у них немеряно, и времени достаточно. Как думаете, Карпыч, если они свою технику по руслу пустят, они что-нибудь найдут?

И тут водяной понял, что найдут. Больше того, если эта мелкая поганка надуумит кости правильно похоронить (а она непременно так и сделает), то у Карпыча из русалок останутся полторы древних калеки, чьи косточки он по самым глубоким омутам прятал.

— Ладно, девка, твоя взяла. Забирай. Завтра придешь на дальнюю отмель, туда тело вынесет. Ох и зараза же ты!

Лелька встала и отвесила водяному земной поклон.

— Благодарю вас, водяной хозяин, что согласились мне помочь. Надеюсь, что зла на меня держать не будете, все-таки одна городская русалка у вас останется.

— Это как?

— Та, что была Дианой, решила остаться у вас по доброй воле. Очень уж ей ваш коллектив по сердцу пришелся. И вот, не побрезгуйте, примите от меня подарочек.

Девушка протянула водяному бутылку, которую еще до поездки на покос выпросила у

дяди. Водяной ухватил спиртное, и уже более добродушно проворчал:

— Ох и ушлая же ты девка! И откуда что взялось!

Свое слово водяной хозяин сдержал, тело Карины действительно вынесло куда было сказано. Только вот эта новость, которая в обычное время обсуждалась бы всем селом несколько месяцев, почти не удостоилась внимания сельчан. Ее переплюнула другая, более жуткая. На островке в болоте, возле избушки, где ночевали потеряшки, было найдено три детских тела. Было среди них и то, которое Вадим бы сразу узнал — тело маленькой белокурой девочки с безжалостно перехваченным чем-то острым горлом. Остальные два тела тоже принадлежали пропавшим в городе детям. Вся область буквально встала на уши, никогда еще в селе не бывало столько самых разных гостей самых высоких уровней.

Однако тело Карины тоже было отправлено на экспертизу. Как и следовало ожидать, следов насильственной смерти эксперты не нашли, нелюди синяков не оставляют. Экспертам было очевидно, что девушка утонула, пытаясь сбежать из-под ареста. Тело ее отдали матери и мгновенно забыли.

Вадим тоже предпочел бы забыть обо всем, но такой возможности ему не дали. Парень измучился в последнее время. Оказалось, что по улицам города блуждает множество неприкаянных душ. Вадим не понимал, откуда их столько, почему они не отправляются куда следует уходить после смерти. Да что там, он даже не понимал, кто перед ним — живой или мертвый. Он замкнулся, стал бояться любого общения. Да и окружающие его люди поглядывали на наследника империи Кравича с недоумением. Семейный врач по требованию отца даже обследовал молодого человека на предмет употребления всяких интересных препаратов, но Вадим был чист.

— Даже следов употребления алкоголя нет, Богдан Владимирович, — докладывал доктор своему главному нанимателю. — Молодой человек минимум месяц, а то и поболее, спиртного и не нюхал.

— Откуда тогда такие странности в поведении? То он сам с собой разговаривает, то замирает на месте в неподходящий момент?

— Я бы порекомендовал полноценное психиатрическое обследование, может даже не у нас, а в Лондоне. Как бы нам шизофрению не просмотреть.

Отпустив врача, Богдан Владимирович откинулся в удобном, сделанном на заказ кресле. «Мало того, что сын неудачный, — подумалось ему, — Так теперь еще и психиатрия подъехала. Решено, отправлю мальчишку в Лондон, хоть знать буду что к чему».

Вадим на объявленное ему решение отреагировал вяло. Он уже настолько измучился от всего происходящего, что ему было все равно куда ехать: хоть в Лондон, хоть в Тьмутаракань, хоть на тот свет, лишь бы прекратился этот кошмар. Он надеялся, что после выполнения требования Ани ему полегчает, но ночная встреча отняла последнюю надежду.

Девочка пришла к нему ночью. Она больше не походила на чудовище, Вадим видел перед собой очаровательную малышку с фотографии на объявлении.

— Привет. Я пришла попрощаться.

— Привет. Ты больше не придешь?

— Да. Мое тело нашли, завтра будут похороны, и я смогу уйти. Я пришла еще и поблагодарить за то, что ты сказал маме.

— Ты о чем?

— Ну, что я смогу снова родиться и стать ее внучкой. Она теперь больше не плачет, занимается с братиком и ждет.

— А ты действительно сможешь снова родиться где и когда захочешь?

— Откуда же мне знать, — улыбнулась девочка.

— Анечка, а я еще долго буду видеть мертвых?

Девочка виновато улыбнулась.

— Теперь ты будешь нас видеть всегда. Понимаешь, у тебя в крови есть искорка силы. Она очень маленькая и могла бы не проявиться, но те, кто мне помог вернуться, разбудили эту искорку. Теперь она с тобой насовсем.

Из Вадима словно выпустили воздух. Оказывается, надежда вернуть все на круги своя была такой сильной, что держала его вместо стержня. Он понял, что жить как сейчас он не сможет. Останавливал его только страх. Вадим успел осознать, что смерть — это не конец. Может тогда и то, что говорят о самоубийцах, тоже правда? Посмертного наказания парень откровенно боялся, ему бы с этим разобраться.

— Тут еще кое-кто хочет с тобой попрощаться.

Вадим вновь сфокусировался на девочке. Внезапно из-за спины ребенка выскользнула девичья фигурка. «И как она там поместилась», — мимоходом удивился Вадим.

— Здравствуй, Вадик.

Вадиком его до сих пор звал только один человек. Мама предпочитала звать Димой, а отец всегда использовал полное имя, сколько Вадим себя помнил.

— Здравствуй, Карина. А ты как здесь? Я думал, вы с Дианой уехали.

Девушка невесело усмехнулась.

— Уехали, как видишь. Да только недалеко.

— Ты мстить пришла?

— Нет, что ты. За что мне тебе мстить? Я по собственной дурости погибла.

Парой месяцев раньше Вадим ни за что бы не поверил в подобную историю: бродницы, русалки, лешие, водяные, девочки-ведуньи, сказка, да и только. Однако парой месяцев раньше он и сам не стал бы разговаривать с мертвой девушкой, просто потому, что в его прежней жизни такого быть не могло. Совсем не могло, никак.

— Что ты тогда хочешь?

— Какой ты был нетерпеливый, такой и остался. Помочь тебе хочу немного.

— С чего бы это?

— Ты со мной по-человечески обращался. Я для тебя была скорее подружкой, чем купленной вещью. Так что заплачу добром за добро, авось зачтется. Меня тоже завтра похоронят, я крещенная, мама священника пригласила. Так что больше не приду, не волнуйся.

— Ты хороший человек, Ринка, но чем ты мне поможешь...

— Послушай меня. Тебе надо уехать из города.

— Кладбища, погосты и покойники везде есть от этого не убежишь.

— Все не так просто. Если ты покопаешься в деталях, то увидишь, что все, кого ты видишь, лежат на новом кладбище.

— Я в это не вникал, не до того было, если честно.

— Я тебе, Вадик, многого не скажу, сама мало понимаю, но с этим кладбищем что-то неладно. Обычно такого беспредела нет, не гуляют души по земле так подолгу. Тебе, чтобы с ума не сойти и научиться с этой своей искрой управляться, надо уехать туда, где поспокойнее, где бесхозных кладбищ нету.

— Ну папаша меня и так решил в Лондон наладить, в иностранную дурку, на

обследование.

— Вот и отлично. Уезжай. Ты нормальный, врачи у тебя ничего не найдут, если ты им сам не скажешь и не начнешь в их присутствии с кем-то невидимым общаться. А в Англии все строго, там вряд ли к тебе кто-то наведается. Поживешь там спокойно, привыкнешь, поищешь информацию. Вряд ли ты такой уникальный. Ну и на самый крайний случай наведайся в деревню, куда на Купалу ездили, найди ведунью, о которой я тебе рассказывала. Она такая же как ты, только видит не умерших, а нелюдей. Девочка она добрая, будешь честен — она в помощи не откажет.

— Спасибо тебе, Ринка. Ты всегда была доброй бабой.

— Прощай, Вадик. Пора нам.

Карина подхватила девчущку на руки, улыбнулась и исчезла. Будто кто-то ее ластиком из жизни стер.

Через два дня Вадим вылетел в Лондон.

Лето растаяло, как забытое на столе мороженое. Сентябрь подкрался на серых лапках дождей, ночи стали холодными, а солнце, казалось, окончательно исчезло, будто его проглотил крокодил из детской сказки. Для Лельки это означало только одно — снова пора идти в школу. Саша уехал в город еще пару недель назад, пообещав приехать при малейшей возможности, и жизнь стала совсем невыносимой.

Лелька бы окончательно захандрила, но в школьной кладовке ее с надеждой ждал призрачный мальчишка, который сильно соскучился по маме и которому она пообещала помощь. Так что хандра хандрой, а выполнять обещание надо. Уже через неделю после начала занятий Лелька, задержавшись после уроков, тщательно обыскивала кладовку. Помня о Полозовом подарке, она внимательно прислушивалась к ощущениям от медальона: станет он холодным или нет. Однако оберег молчал и совершенно не намеревался выполнять чужое обещание.

— Слушай, Паш, — спросила девушка в очередной раз отряхиваясь от пыли, — вот ты говоришь. вы с Павкой на щелбаны спорили. Но с чего-то же ваш спор начался?

Призрак, задумавшись, завис в воздухе.

— Я уже и не помню, с чего все началось.

— Давай вспоминать, может хоть так получится, а то мы уже все здесь перерыли, а толку ноль. Пойдем по порядку, что и как в тот день было.

— Да вроде все было, как всегда. Только я на первый урок опоздал, мне учительница замечание написала в дневник. Я, помню, еще разозлился сильно. Опоздал-то всего на пару минут, могла бы и не заметить.

— А с чего это ты опоздал?

— Ножик прятал.

— Погоди-погоди, какой еще ножик? Ты об этом не рассказывал.

— Перочинный, с кнопкой. Я его накануне у Павки в ножички выиграл. Он еще злился сильно, ножик-то был непростой — там кнопочка такая хитрая, нажмешь — лезвие вжих, и выскакивает. И ручка отличная была, как настоящая черепаховая. Ему ножик дядька подарил, отцов брат, а он мне его проиграл. С того он и злился так, что со мной поспорил.

— А где ж ты такой замечательный ножик спрятал?

— А вот, смотри...

Призрак нырнул куда-то вниз, и попытался ухватить в углу выступающий брусок плинтуса. Детская рука скользнула сквозь деревяшку, и мальчишка досадливо чертыхнулся.

— Погоди, ты не сможешь. Давай я попробую.

Лелька достала из рюкзака металлическую линейку и ловко подцепила неподатливую деревяшку. Часть плинтуса пошевелилась, появилась щель, и через пару минут девушка держала в руках старый перочинный нож. Медальон на груди стал обжигающе ледяным.

— Не обманул Великий Змей, — пробормотала Лелька. — Нашли мы, Паша, твой якорь. Осталось с Михалычем договориться, чтобы он лоб под щелбаны подставил, ну это уж как-нибудь... По крайней мере искать Михалыча точно не придется.

Девушка встряхнулась.

— Паша, я ножик здесь оставлю пока. Завтра-послезавтра пойдем к твоему старому другу-недругу. Потерпишь?

— А чего не сегодня? Мне знаешь, как здесь надоело.

— Того, что договориться надо с Михалычем. Он мне должен, конечно, но все равно лучше вежливо действовать. Ты столько лет тут проболтался, потерпи пару дней.

— Ладно. Только пару, договорились?

Но Лелька больше не купилась на старый трюк.

— Надо будет и подольше потерпишь. Видишь же, я свое слово держу.

— Вижу. Потерплю.

Девушка выбралась из кладовки, вытирая пыль с вспотевшего лица, и наткнулась прямо на Ирининых подружек. В последние месяцы сестра почти забросила свою компанию, но дружбы между ее участницами и Лелькой из-за этого не наступило. Девушки захихикали, и Лелька, уходя, услышала:

— Интересно, с кем она там обжималась. Ты видела — вся красная выскочила. Зря Сашенька с ней связался, дрянь она и есть дрянь, ни чести, ни совести.

Лелька мысленно фыркнула, оценив гигантский размер зависти, звучавший в этих словах, и выбросила встречу из головы.

Найти Михалыча оказалось совсем непросто. Следственная группа, к которой он был прикомандирован, перекопала половину местных болот и продолжала работу. В городе пропали семеро ребятишек, найдены были только три тела. Розыскники были уверены, что остальные тела поблизости, и готовы были лично осушить болото, но найти.

В очередной раз придя в лес, Лелька попала на большой совет. Раз в кои-то веки собрались в одном месте леший, водяной и болотник. Им всем мешали незваные городские гости, но убедить болотника отдать детские тела хозяева леса и реки не могли, тот уперся рогом.

— Ты ж своих русалок не отдаешь? А я с чего должен?

— Да с того, что моих русалок никто не ищет, ко мне попадают те, что никому уже не нужны, а у тебя — души детские, невинные. Ты ж недавно еще человеком был, помнишь, поди, что творится, когда дите пропадет. А тут аж семеро!

— Да хоть семь, хоть семьдесят. Похоронят их по обычаю — и все, уйдут они к богам или в Навь. А у меня кикимор не хватает, игоши все разбежались. Отпущу этих — с кем останусь? Вас что ли позову лягушек пасти и чарусьи углублять? Так ведь не пойдете.

Лелька вежливо молчала, устроившись в сторонке.

— Здрава будь веда, — поприветствовал гостью леший. — А ты что нам скажешь?

Лельке позарез надо было чтобы вся история с поисками закончилась. И матерей было жалко, которые мучились неизвестностью, и невыполненное обещание жгло. А пока Михалыч сопровождает поисковую группу, сделать ничего не получится. К счастью, у нее

был свой туз в рукаве.

— Здравствуйте, уважаемые. А скажу я вам новость, которую сегодня услышала. Поскольку полицейские уверены, что тела в болоте, завтра сюда пригонят технику с торфоразработок из соседнего района. Будут копать дренажные канавы и осушать болото.

— То есть как осушать?! — завопил, подпрыгнув, болотник.

— Уважаемый хозяин болота, вы же, наверное, помните, с тех времен как были Виктором, что если губернатор задачу поставил, а он поставил, то полиция море осушит и луны достанет, что им ваше болото.

Болотник, вспомнив жизнь человеческую, выдал такую матерную тираду, что леший поморщился.

— Ты давай не сквернословь в моем лесу, а то не посмотрю, что ты трясиновый хозяин.

— Да ладно, — махнул лапой болотник, — что ты там сможешь!

— Да уж смогу, чай, постарше тебя буду. Поопытнее.

— Ладно, прости, погорячился немного.

— Так что решим-то? — подал голос водяной.

— Да что решим, раз такая непруха, отдам я тела. Я действительно губернатора помню, дядька он лютой, раз ему приспичило — от моего болота даже кочки не останется. Все сроет и агрохолдинг построит. Так что отдам. Завтра их найдут без всякой техники.

На следующий день тела детей действительно нашлись. Поиски закончились, следственная группа, осмотрев все, что хотела, отбыла в город, изучать результаты вскрытия и думать, где искать убийцу. Михалыч, уставший как конь на пахоте, наконец-то добрался до дому, с удовольствием попарился в баньке и решил отложить все дела на завтра, не подозревая, какой сюрприз ему приготовила начинающая ведунья.

Лелька не полезла к уставшему пенсионеру. Навестила она его на следующий день на ближнем выпасе, взяв с собой найденный в кладовке нож, от которого медальон холодом жег грудь.

— Здравствуйте, Павел Михайлович.

— А, Леля! Здравствуй-здравствуй, красавица. Что у тебя, дело какое?

— Да, Павел Михайлович, всех вы насквозь видите. Дело действительно есть, хотя несколько необычное. Минут пятнадцать у вас найдется?

— Ну прям зацепила ты меня за самое любопытство. Найдется, чего не найтись, чай, сам себе хозяин.

— Мы можем отойти в сторонку, туда где тень?

Михалычу было ужасно любопытно, он вообще был человеком любознательным и, встретив хоть маленькую тайну, места себе не находил, пока не разгадает. Но девушка смогла его удивить, как никому не удавалось ни до, ни после.

— Павел Михайлович, это ваш ножик? — Лелька достала из кармана найденный в кладовке нож и протянула собеседнику.

— Господи, — ахнул тот, — да откуда же он у тебя? Это ж мне дядька с фронта привез!

Михалыч вспомнил, какой был праздник, когда отец и его брат вернулись с войны, пораненные, но живые. Гуляла вся деревня, даже, казалось, сосны плясали. Именно тогда отцовский брат, подозвав племянника, протянул ему нож потрясающей красоты. Пенсионер вспомнил, как удобно ложилась в ладонь прекрасная черепаховая рукоять, с каким звуком выскакивал быстрый, как молния, клинок, как завидовали ему все, буквально все пацаны.

И тут он вспомнил и остальное: случайные проигрыш и жгучую обиду, когда уже почти

ставший другом Пашка забрал его чудо-подарок.

— Откуда у тебя это?

Лелька молчала, но откуда-то из-за спины раздался голос:

— Я отдал.

Михалыч обернулся и испытал самое большое потрясение в своей непростой жизни. На него смотрел Пашка! Тот самый, погибший много лет назад, чью смерть он всегда помнил неизбывной тяжестью вины, чью могилу регулярно навещал и обихаживал. Других-то родственников у Пашки не осталось.

— Пашка! Как ты здесь? Ты же умер тогда...

— Нуда, умер. Только вот застрял...

— Да как же так-то!

— Павка... Ой, наверное, Павел Михайлович... Помоги мне, а?

— Да какой я тебе-то Михайлович... И чем помочь-то могу?

— А вот, она расскажет, — и призрачный мальчишка кивнул в сторону юной ведуньи.

— Павел Михайлович, Пашу держит в нашем мире важное для него дело. Связано оно с вами и если вы не согласитесь помочь, то он навсегда останется здесь неприкаянным духом.

— Да какое дело-то? Слушайте, а может в церковь сходить? Службу закажем? Поможет?

— К сожалению, нет. Пашу не крестили, а теперь что-то с этим сделать уже нельзя. Ноя думаю, что мы сами справимся. Помните тот спор, из-за которого Пашка на сосну полез?

— Никогда не забывал. Кабы не моя дурость, ничего бы не случилось.

— Ну, дурость наша с тобой общая была, — снова вступил в разговор призрак. — Но ты помнишь, на что мы спорили?

— Дана щелбаны же! Мы все на них только тогда и спорили.

— Ну вот, я спор-то вроде выиграл, на сосну залез, и слез почти. А щелбаны не поставил. Вот и застрял здесь.

— Так только в этом беда? Давай тогда ставь!

— Павел Михайлович, вам бы присесть, — продолжила Лелька. — Все-таки Пашке несколько... неживой. Кто его знает, как все пойдет.

Михалыч присел на лежащее поблизости старое бревно и подставил лоб. Призрак подлетел поближе и принялся за дело, выполнение которого так долго держало его в неволе. Михалыч и понять-то толком ничего не успел, только и услышал, как Пашка отсчитал десяток проспоренных когда-то щелбанов, почувствовал ледяное прикосновение ко лбу и увидел, как растворяется с улыбкой в воздухе старый школьный приятель.

— Спасибо! — прошелестел то ли призрак, то ли ветер, и все закончилось.

Преодолевая внезапно нахлынувшую слабость, Михалыч глянул на Лельку.

— Ты мне, красавица, скажи-ка, это что сейчас было?

— Не могу, Павел Михайлович. Я и сама ничего не понимаю, только чувствую, что он ушел, уже окончательно.

— Непростая ты девка, да и темнишь знатно. Ну ладно, видать не моего ума это дело, меньше знаешь — крепче спишь. Мне земных дел хватает, во всякую чертовщину я, пожалуй, не полезу. Не настолько любопытный.

— Павел Михайлович, возьмите травяной сбор, — девушка всунула ему в руку пакетик. — Это общеукрепляющий, вам сейчас надо. Просто заварите как чай и попейте, он

вкусный и душистый.

— Спасибо, Леля. Точно надо?

— Точно-точно. Вы же знаете, я в травах разбираюсь.

— Ладно, беги уже, вижу, что спешишь.

— До свидания. Павел Михайлович. Спасибо вам большое.

Михалыч посмотрел вслед уходящей девушке и побрел в сарайчик, где стояла печка, заваривать чай.

Ночью Лельке снова приснился необычный сон, как когда-то зимой. За стеной из серебристой дымки разговаривали двое.

— Здрав будь, отрок, — приветствовал низкий голос.

— Здравствуйте. А вы кто? — Лелька сразу узнала Пашку. Все-таки общалась она спризраком долго.

— Асам-то как думаешь? — с подначкой спросил бас.

— Сторож? — предположил пацан.

— Неужто похож? — весело отозвался неизвестный.

— Не очень. Просто кто здесь еще может быть? Что бога нет, нам объясняли, так что вы, наверное, охраняете переход? Как мне мамку найти?

— С твоей мамкой все не так просто, малец.

— Почему? Она же давно померла, значит долго уже меня ждет.

— Понимаешь, какое дело... Мамка твоя считай сама себя загубила. Случается, что человек слабым оказывается, жить не может и помереть боится, вот и спускает свою жизнь зря. Ладно еще, коли смерти в бою ищет, а твоя мать вовсе напрасно жизнь потратила. А боги, хоть тебя и учили, что их нету, такого не любят. Жизнь человечья — это великий дар и распорядится им надлежит по-хозяйски. А вы с мамкой все впустую просадили, что ты, что она.

— И что теперь будет? Я с ней не встречусь? — Лелька просто чувствовала овладевшее мальчишкой отчаянье. Столько ждал, так рвался и все зря...

— Ну почему, встретишься. Только попозже. Тут вот как получилось: мать твоя была христианкой. Так?

— Ну в церкву она не ходила, но бабка ее крестила. Тогда всех крестили.

— Во-о-от. То есть она находилась под покровительством Христа, и душа ее после смерти должна была к нему и отправиться, а он бы ей уже наказание за напрасно расфуканую жизнь и выдал.

— Это как, в ад что ли?

— Скорее всего. Но я решил твоей мамке помочь. Перехватил душу-то.

Лельке отчаянно хотелось закричать, чтобы Пашка не верил этому голосу, чтобы бежал от него быстрее. Она успела понять, что боги не бывают добрыми и всепрощающими, что им нет до людей никакого дела, люди для них ну не пища, а кормовая база, это явно. Однако кричать она не могла. Не было у нее во сне голоса.

Наивный мальчишка отреагировал по-своему.

— Спасибо вам. А где она теперь, мама моя?

— Понимаешь, совсем без наказания ей оставаться было нельзя. Никто не может нарушать равновесие, раз есть проступок, будет и наказание.

— То есть она теперь у вас в аду?

— Нет, что ты. У меня ада нет. Поговорили мы с твоей мамкой, и она выбрала себе

дорожку. Ее душа теперь в разных обличьях поживет, научится жизнью распоряжаться правильно. Белкой побегает, сосной постоит, горлицей полетает, а там и вновь человеком родится.

— Амне-то как быть? Я к ней хочу.

— А вот смотри... Когда она снова станет человеком да подрастет, ты можешь снова у нее родиться.

— А сейчас-то мне как быть? Тоже белкой?

— Можно и белкой, но тогда может так получиться, что вы с мамой твоей разойдетесь.

— Это как?

— Ну, она уже станет человеком, а ты все еще сосной стоишь.

— А как тогда мне быть?

— Оставайся здесь, послужи пока мне. А как время придет, я тебя к ней отправлю.

— А точно отправите?

— Точно.

— А мне одна ведунья говорила, что человеческая клятва самая сильная — кровью рода.

А если не человек, как вы, например, то тогда силой клянутся.

— Экой ты шустрый. Значит с бога хочешь клятву взять? А не надорвешься?

— Так мне все едино без клятвы-то. Потом ли пропасть, или сейчас, сразу.

— Ну ладно, уважаю храбрецов. Коли будешь мне служить честно, то клянусь божественной силой, станешь ты вновь сыном своей матери и жить вы будете хорошо, если сами снова все не попортите. Готов к службе?

— Готов.

Голоса пропали, словно говорившие ушли куда-то далеко, а серебристый занавес растворился в паутине Лелькиного сна.

Выходных Лелька ждала как манны небесной. Из города должен был приехать Саша! Потеряв семью, девушка неожиданно для себя осталась совсем одна. Конечно, тетя с дядей относились к ней хорошо, о ней заботились, не наказывали, не упрекали. Может, кому другому этого бы было достаточно, но Лелька выросла в семье, где любовью было пропитано все: отношения родителей друг к другу, отношение к единственной долгожданной дочке. Она не замечала того тепла, что согревало ее всю жизнь, как мы не замечаем воздуха, пока он есть. И так же как исчезнувшего воздуха, ей не хватало того, что щедро дарила семья. Так что появление в ее жизни Саши, отчаянная первая любовь заполнили пустоту, образовавшуюся в день гибели мамы и папы.

Однако столь долгожданная встреча ожидаемой радости не принесла. Сашка был холоден и угрюм. Девушка, кинувшаяся к любимому, поначалу ничего не поняла.

— Саша, что случилось? У тебя все хорошо?

— Как у меня может быть хорошо? Меня не было всего пару недель, а моя девушка, как последняя шалава таскается непонятно с кем по школьным подсобкам.

И тут Лелька вспомнила Ирининых подружек, злое шипение в спину. Она попробовала оправдаться, объяснить, что это ерунда, что никого с ней не было, но все было зря. Любимый не слышал, не хотел слышать, не пытался понять. Оскорбительные слова причиняли почти физическую боль, сил терпеть не было. Девушка просто отвернулась и ушла.

Надо сказать, что Сашка не поверил записным школьным сплетницам. Однако поучить девчонку было полезно, нечего без него куролесить, пусть сидит дома и ждет. Нельзя сказать, что он не любил Лельку. Она была только его, чувствовать себя единственным светом в окошке было чертовски приятно. Но Сашка не зря был первым парнем на деревне. Он отлично знал, что девкам воли давать нельзя, они должны знать свое место и не хотеть больше того, что ты готов отдать. Тем более, что Лелька была его пропуском в обеспеченную городскую жизнь, а значит должна быть не только влюбленной, но и покорной. То, что девушка ушла, не стала ждать, пока он остынет, было неприятно. Немного совестно было вспоминать ее потрясенный взгляд, слезы и ненужные ему на самом деле оправдания, но парень был уверен в своей правоте. А что ушла, так ничего страшного, побегаёт и вернется. Пока же можно с ребятами посидеть, расслабиться.

Лельку ноги сами принесли к реке. Невыслушанные оправдания сплелись в груди в холодный клубок, было больно дышать, хотелось плакать. Она и заплакала.

— Чего слезы льешь, веда? — голос из реки мог принадлежать только Карпычу.

Отвечать Лельке не хотелось, она закрыла глаза. в надежде, что нелюдь исчезнет. Надежда не оправдалась.

— Сколь вас таких прибежало сюда... Также вот, посидят, поплачут, а потом раз — и головой в воду, ко мне в русалки. Что, может тоже пойдешь?

В русалки не хотелось еще больше, чем отвечать, так что девушка помотала отрицательно головой.

— То-то и оно... Тогда прекращай реветь. Да и не пара тебе твой хахаль, не зря его мои девчули отметили.

— Вы ничего не понимаете. Я его люблю!

— Конечно не понимаю, нелюдям такое не положено, и хорошо, что не положено. Как поглядишь на вас — дуры дурами, даже самые умные. Вот скажи — твой ухажер жив-здорв?

— Да, — шмыгнула носом Лелька.

— Родня его здесь проживает?

Девушка кивнула.

— Ну вот, значит рано или поздно до чего-то договоритесь.

— Я не выдержу, — вырвалось у Лельки.

— Ты словами-то не кидайся. Что значит — не выдержу? Веда ты али кто? Иди, свари себе сбор успокоительный, раз сама себя в руках держать не можешь. Жаль, родителей нет, тебя бы выпороть хорошенько, да некому.

Слушая ворчливое бульканье водяного, Лелька задумалась. И чего она, в самом деле? Плохого она ничего не делала, вины на ней нет. Жалко, конечно, что выходные выходят нерадостными, но тут уж ничего не поделаешь.

— Благодарствую, водяной хозяин.

— Во-о-от, так-то лучше. Иди. А то ишь, удумала, на берегу слезы лить, девок моих смущать.

Выходные действительно вышли грустными, но вот неинтересными их назвать было нельзя. В село вновь нагрянула следственная группа. В городе снова пропал ребенок, да не из простой семьи. Семья была немецкой, ее глава приехал к местному губернатору по каким-то делам. То ли бизнес творить собирались, то ли бюджет пилить. И вот этот иностранный мальчишечка, который не то что по-русски, на родном-то языке в свои четыре года толком не говорил, растворился в воздухе посреди городского парка, стоило няне на минуту отвернуться. На дыбы подняли всех: полицию, армию, ФСБ, следственное управление. После того, как город напрасно буквально просеяли через мелкое сито, кто-то вспомнил о других пропавших детях, и в село высадился натуральный десант.

Поисковые группы разделили на квадраты болота и окрестные территории и принялись планомерно их прочесывать. Сколько они при этом разорили гнезд, потоптали редких трав, закрыли источников, знали только леший и водяной. Дядька Ермолай страдал вслух на очередном «саммите» с водяным и болотником:

— Вот ведь набежало их! И ходят, и топчут, и под каждый куст заглядывают. И ведь ничего мне не стоит их убить — закружить по тайным тропкам, вывести к оврагам в дальней части леса, и никто никогда бы и косточек не нашел. Спасу нет, как хочется! А нельзя.

— Дядька Ермолай, а почему нельзя-то? — любопытствовала Лелька, от которой местные нелюди совсем перестали прятаться.

— Ты дева, головой-то подумай, али любовь твоя тебе вовсе мозги отшибла? — ехидно пробулькал Карпыч. — Вот что будет, когда пара-тройка этих незваных гостей пропадет? Нешто остальные попрощаются да уйдут?

— Не уйдут, — прозрела Лелька. — Они только лучше искать станут, ведь раз люди пропали, значит на кого-то наткнулись, значит явно есть какой-то злоумышленник.

— Во-о-от, соображаешь, — захихикал водяной.

Он беспокоился меньше остальных, его реке ничего не угрожало. Ну построят плотину, разорят пару запруд, река все одно останется рекой, а он ей — хозяином. А вот почему помалкивал болотник, Лелька понять не могла.

— Веда, может ты чего посоветуешь? — взмолился леший. — Дожил я, с дитем

советуюсь! Только не знаю я нынешний мир, далек он от меня, а люди столько всего напридумывали. То навигатор, то пеленгатор, тьфу!

— Я, дядька Ермолай, здесь вам не помощник. Меня слушать никто не будет. Но мне отчего-то кажется, что уважаемый хозяин болот что-то знает о пропавшем ребенке.

В глазах лешего зажглись желтые огни, он рывком развернулся к третьему участнику собрания.

— Знаешь? Они мой лес зорят, а ты знаешь и молчишь?

Болотник полоснул юную веду злым взглядом.

— Ничего я не знаю, И вообще, нечего мне с вами сидеть, дел и без того хватает.

Едва не задев лешего, болотник прытко рванул с поляны.

— Хорошо пошел, — меланхолично отметил Карпыч. — Что-то он явно знает, но не скажет.

Леший плюнул, махнул рукой и исчез.

— И мне пора, — забулькал водяной. — Но вот что я тебе, веда, скажу: Ермолай крепко на тебя обижен за то, что не схотела ты его лесу служить, сбросила его чары, прошла огненное очищение. Если ты сообразишь, как его лесу сейчас помочь, он тебе по покону должен будет, ведь совета-то он спрашивал. А долг обиду завсегда перевесит. Тебе же дружба с лешим очень пригодится, сама ведь ведаешь.

— Спасибо за науку, Карпыч. Не пойму, по какой причине вы мне советы давать решились, но я подумую.

— Подумай. И не ищи подвоха. Я Ермолаю помочь хочу, без его леса моя реченька захиреет. Сам же он тебя боле о помощи не попросит, а без нее не справится.

Лелька знала ритуал поиска. Был он не очень прост, но сейчас она бы, пожалуй, его осилила. Только вот искать того, кого в глаза не видел не так-то легко. Вот была бы у нее кровь или хотя бы вещь пропавшего ребенка, можно было бы попробовать. Только где ж это возьмешь, если тебе еще нет четырнадцати, и никто тебя всерьез не воспринимает!

Помощь пришла неожиданно и имела вид сильно обеспокоенного Олега-травника. Бывший водитель окончательно посвятил себя знахарству и, надо сказать, весьма преуспел. Он не давал рекламы, не ссорился с официальной медициной, но сарафанное радио исправно снабжало его все новыми пациентами, которые за решение своих проблем были готовы отдать любые деньги. Олег не жадничал, не зарывался. Он просто предлагал посетителям заплатить за травяной сбор или за лечение столько, сколько им не жаль отдать за избавление от хвори, но предупреждал: «Мир свое всегда возьмет. Не доплатишь деньгами — возьмет удачей, здоровьем, успехом в делах. Так что сами решайте, чем и сколько платить». Люди решали, и никто не скупился.

Нашествие городских искателей Олегу рушило весь бизнес. Он понимал, что еще неделя — и от заповедных полянок с травами не останется ничего, кроме сухой земли. Это значит — придется искать новые места, договариваться с новым лешим, а то и конфликтовать с владельцами. Олег уже успел понять, что поляны с действительно ильными травами бесхозными не бывают. Так что ему ничего не оставалось, как просить Лельку о помощи.

— Леля, я давно понял, что ты знаешь больше меня. Неужто у тебя в заглавнике никакого поискового ритуала не завалилось? Или зелья?

— Дядя Олег, вы меня совсем с Гарри Поттером перепутали. Не умею я чудеса творить, не ко мне это.

— Ну хорошо, не чудеса, но хоть как-то помочь в поисках? Врать не буду, у меня

интерес вполне корыстный, но мальчишку-то все одно жалко.

— Жалко. Я знаю про один ритуал поиска, но я его ни разу не проводила.

— Так давай проведем. Что тебе для этого нужно?

— Дядя Олег, провести-то можем, но что будет реальный результат — сильно не факт.

— Ничего, попытка не пытка.

— Тогда мне нужна вещь этого мальчика, любая, которую он трогал в день пропажи. Но только не стиральная и не глаженная.

— А если не найдем, что-то другое подойдет?

— Можно игрушку, но тоже немытую и нестиранную, или кровь. Но кровь нужна именно ребенка, родительская не подойдет.

— А крови много надо?

— Нет, пару капель хватит.

Вольга не знала, где уж травник раздобыл польсевшего от интенсивного использования игрушечного кролика, но игрушку он принес, так что ритуал надо было проводить.

— Леля, с тобой пойти?

— Не стоит. Делать все придется ночью, к чему вам лишние вопросы.

— А к тебе вопросов не будет?

— Тетя Наташа еще в больнице, а дяде не до нас с Ириной. Так что ко мне — не будет.

Ближе к полуночи, выскользнув из дома, Лелька отправилась на знакомую опушку. Она не удивилась, встретив лесавок. Стало ясно, что леший готов всячески содействовать всему, что позволит убрать поисковую группу подальше от его драгоценного леса.

Уля и Дана легко нашли нужные травы и затихли в сторонке. Сплетая венок, Лелька сосредоточилась на несчастном парнишке, представляя, как ему страшно оказаться без мамы, в незнакомом месте. Девушка поймала тоненькую ниточку связи и зашептала заговор:

«Я траву с травой свиваю, я оконце отворяю,

В то оконце загляну и потерю враз верну.

Где трава была, там тропа легла,

Через горы-долы, сквозь замки-запоры.

Я сквозь сны зову — приди наяву.»

На последних словах юная ведунья выдернула правой рукой что-то незримое сквозь венок из заветных трав. Лево́й она держала плюшевого кролика, с которым любил засыпать малыш. Неожиданно накатилась слабость, в глазах у девушки потемнело, она чуть не упала, где стояла.

— Леля, ты осторожней. Смотри, как сильно потратилась! — зашептала Уля.

— Я первый раз провожу, не знала, как правильно.

— Тебе теперь с неделю ничего нельзя делать, даже лечебные травы заваривать. Слишком ты много отдала, еще чуть — и тебя саму лечить потребуется.

— Спасибо, девочки. Я поняла.

— Давай мы тебя проводим, сколько сможем.

Домой Лелька добралась под утро, постукивая зубами от холода, но горячий чай с заранее сделанной противопростудной настойкой спасли положение.

Утром Лелька позвонила Олегу и предупредила:

— Дядя Олег, в ближайшие 2–3 дня надо быть очень внимательными. Обязательно появится ниточка к мальчику. Но если упустим — снова я провести ритуал смогу нескоро, для ребенка, скорее всего, поздно будет.

Олег привык принимать эту девочку-девushку всерьез, так что решил держать ушки на макушке и даже обычную болтовню жены слушать внимательно. Его терпение было вознаграждено в тот же день. За ужином Катерина, пересказывая деревенские сплетни, упомянула, что Нина-продавщица отложила для себя последнюю пачку памперсов, из-за чего в магазине приключился скандалчик.

— Погоди, а зачем ей памперсы? У нее ж детей нет?

— Бабы говорят, что Нинка после пропажи сына совсем в юродивую превращается — все время в город мотается, детские вещи покупает, кажется, в детдом возит.

В отличие от жены Олег иллюзий по поводу Нины не питал. Знал он ее давно, и превращение отъявленной скопидомки, которая никого, кроме сына, не любила, в щедрую дарительницу, у него доверия не вызвало. Обо всем этом он и сообщил старшему поисковой группы.

Маленькому Рiku было холодно и хотелось кушать. А еще ему было очень-очень страшно. Он так хотел вернуться к маме! Он даже вспомнил молитву, которой его учила бабушка. Если Господь его спасет, то он больше никогда не будет смеяться на уроках Закона Божьего, не станет нарушать правила фрау Лотты и даже будет есть противные скользкие клецки из супа. Он попал в беду, потому что не послушался взрослых. И мама, и папа, и фрау Лотта запрещали ему даже разговаривать с другими дядями и тетями. Но ведь он не разговаривал! Он только хотел посмотреть игрушечного зайчика, которого ему показывала добрая тетя. Зайчик был так похож на его любимого кролика Карлушу! Только Карлуша был уже старенький, у него даже шерстка не везде была, а зайка был беленький и новый, в смешных штанишках и шапочке. Он взял зайку и хотел показать его фрау Лотте, но вдруг заснул, а проснулся здесь, в темноте. И зайки не было!

Тетя, которая раньше была доброй, а потом перестала, приходила к нему сюда в темноту, приносила покушать и зачем-то надевала на него памперсы, будто он маленький. А он уже большой и умеет пользоваться туалетом. Вот и сейчас памперс сильно намок, а еще Рик покакал и теперь там, под памперсом все чесалось, а он не мог расстегнуть штанишки, чтобы все снять и почесать. Мальчик свернулся в клубочек и тихо заплакал.

Он сначала плакал громко, но мама не приходила, а потом пришло что-то страшное, и он снова заснул, а когда проснулся, ему было очень плохо, будто он снова болел инфлюэнцей, как прошлой зимой. С тех пор он плакал потихоньку, и страшное не приходило, но к маме все равно очень хотелось.

Нина, которую бедный ребенок считал доброй, но которая таковой отродясь не была, не дошла до мальчика по простой причине: ей почему-то заинтересовались городские полицейские. У нее, как на грех, в корзинке было детское питание, хорошо, что памперсы она раньше отнесла, а то точно бы вцепились. Ну а так все было просто: иду за грибами, а детское питание себе взяла, что-то стал желудок болеть, вот и решила попробовать. Так что к ребенку Нина не пошла, а походила по лесу и действительно вернулась с корзинкой груздей. Ничего, за день мальчишке ничего не сделается, а скоро это будет и неважно.

Баночку груздей она засолила для школьной директрисы. Добрая женщина, сама того не ведая, очень ей помогла. Именно ее старые книги и записи подарили Нине возможность общаться с сыном, да и о землянке, где сейчас спал маленький Рик, Нина узнала от нее же.

Директриса же в этот момент смотрелась в зеркало и ей очень нравилось то, что она видела. Со времени заключения ученического договора с Ириной приток энергии стал постоянным и, что самое приятное, ей лично это ничем не грозило. Ну а если аура девчонки

не справится, всегда можно найти еще учеников. И чего она их раньше не брала?

Еще один ручеек энергии тек к ней от духа места, охранявшего ее персональный кусочек леса. Именно там и располагалась землянка. Детские страхи подкармливали духа, а тот щедро делился с Призвавшей. Единственное, что заботило Ингу — отношения с лешим. Она конечно, называла кусочек леса своим, но власть лесного хозяина была выше. Леший неодобрительно относился к ведьмовским шалостям, однако лес Инга берегла, а еще на ее участок не заходили браконьеры. Им там просто было неуютно из-за незримого присутствия духа места. Так что соседи сосуществовали мирно.

Следственная группа продолжала поиски пропавшего ребенка. С подачи Олега они вцепились в Нину, но женщина вела обычную жизнь сельской жительницы, никак не проявляя склонностей к детоубийству. Село по-прежнему гудело разными слухами, но никакие следственные мероприятия не могли помешать селянам в традиционном осеннем сборе клюквы. Лелькина родня исключением не стала.

Наталья, буквально на днях вернувшаяся из роддома, где лежала на сохранении, требовала клюкву с настойчивостью строящего плотину бобра. Ей желалось моченья, квашенья, морсов и прочих незатейливых деликатесов, в коих клюква была незаменимым компонентом. На замороженную ягоду из городских магазинов она категорически не соглашалась, а сама по болотам лазать уже не могла. Так что Андрею пришлось, прихватив девчонок, отправляться к заветным ягодникам.

Договорившись о встрече у приметной сосны, сборщики разошлись. Девушки старались свести контакты к минимуму, так что не было ничего удивительного в том, что направились они в противоположные стороны. Лелька в трясину не лезла, уж очень неприятные воспоминания были у нее связаны с болотом. Может из-за этих воспоминаний она сразу узнала позвавший ее голос.

— Ведающая, есть дело. Можем обсудить?

Повернувшись, Лелька увидела знакомые куртку и лицо. Однако что-то в этом лице было неправильным. Присмотревшись девушка заметила чуть более широкий рот, чуть более выпуклые глаза, зеленоватую кожу. Хозяин болота все меньше походил на жадноватого, но неплохого парня Витьку. Болото и стоялая вода мало-помалу забирали человеческое, меняли не только внутреннюю суть, но и внешний облик.

— У меня нет дел с тобой, болотник. да и расстались мы прошлый раз неважно. Сам. поди, помнишь.

— Веда, у тебя в этом разговоре есть свой интерес, поверь, я знаю, о чем говорю.

Девушка понимала, что надо бы уйти. Нелюди всегда были себе на уме, блюли только свой интерес, а уж тем более болотник, с которым мира у нее не было. Однако любопытство, которое, как известно сгубило кошку, подвело и Лельку.

— Я выслушаю тебя, но ближе не подходи. В чем же может быть у меня общий с тобой интерес?

— Ты наверняка слышала, что пропал пацан, да еще из крутой семьи. Детская, чистая душа, долгая непрожитая жизнь. — в речи болотника причудливо переплетались Витькин сленг и свойственные нелюдям обороты. — Слышала же?

— И?

— Он еще живой, я помогу его найти.

— Зачем? Какое тебе дело до пропавшего мальчика? Про совесть и сочувствие можешь не рассказывать. Я знаю, что все, связанные с Навью, ими не обременены.

— Ловушку подозреваешь?

— Подозреваю.

— Может и не зря, врать не буду, в другой бы раз непременно попробовал. Ведающую утопить завсегда лестно. Но сейчас иная ситуация.

— Да что ты говоришь, — ехидно протянула кандидатка на утопление.

— Ладно, слушай, времени у меня мало совсем, скоро я соображать перестану. Как увидишь, что начну облик менять — беги со всех ног в лес. Туда я даже не в своем разуме не сунусь, с лешим у нас снова войнушка. Постарайся не перебивать, у меня минут 15–20 осталось. Короче, пропавших детей увела и убила моя мать.

Лелька настолько удивилась, что на секунду стала похожа на болотника: глаза выкатились, рот открылся. Крепенькая домовитая завмагазином совершенно не соответствовала образу маньяка-детоубийцы.

— Зачем? Для чего ей это?

— Молчи и слушай, время уходит. Я не знаю, кто ее надоумил на такое дьявольское дело. Детей она приносит в жертву болоту, отдает кровь и тело. Она и души бы отдала, и посмертие, но стоялая вода чистые детские душеньки не принимает, уж не знаю почему. После этой жертвы ко мне возвращается разум, я вспоминаю мать, снова чувствую себя Витькой, и это просто ужас.

С каждой жертвой такое просветление все короче и мучительнее. Я каждый раз умираю заново, снова и снова вспоминая, что я потерял, понимая, в кого превращаюсь. Яне в силах больше выносить такое. Мать не понимает, что со мной делает. Я умолял ее убить меня или хотя бы продать дом, уехать и забыть обо всем, но она как заведенная твердит о хозяйстве, о том, что все для меня наживалось.

Иногда мне кажется, что она безумна, а иногда — что безумен я. Но более всего я боюсь, что однажды не вынесу этой муки и убью маму. Я не хочу перейти последнюю черту. Пока я не виноват, в том, что перестал быть человеком, пока еще у моей души есть шанс когда-нибудь попасть на божий суд. Но греха матереубийства мне не вынести. Помогите мне, пусть ее арестуют и увезут, пусть это прекратится! Пусть я стану потусторонней тварью, которую не тревожат воспоминания и у которой действительно нет ни совести, ни сочувствия.

— Что для этого надо сделать?

— Она приведет ребенка послезавтра ночью, когда выйдет полная луна. Но приведет не сюда, а на темное место на той стороне болота. Она и прячет его где-то там. Я еще помню, что туда никто не ходит, там всегда темно, сыро и жутко. Место приметное — там выворотень старый лежит уже сколько лет. Вот возле него и будет жертвенник. Приведи людей, пусть заберут ребенка, но все это прекратится! А сейчас уходи, уходи скорее, я себя не удержу.

Убегая со всех ног, Лелька слышала жуткий вопль боли. Человеческого в нем становилось все меньше, он переходил в дикий потусторонний вой. Так кричать может только то, чему нет места на земле, нет приюта в подлунном мире. Обернуться она так и не решилась, даже ее любопытство имело свои пределы.

Олег шел к домику, где глава администрации поселил полицейских. Он сильно сомневался, что кто-то поверит ему на слово, но рассчитывал на то, что следаки побоятся не отработать очередную ниточку. Приняли его, однако, с неожиданным энтузиазмом. Следственной группе до чертиков надоели местные леса, злобные сибирские комары и

нудная сельская жизнь. Они были готовы на любую версию, которая давала хоть какую-то надежду на возвращение в город. А тут еще отца потерявшегося пацана принесло. Лучше бы за сыном как следует смотрел, не пришлось бы переться к черту на рога и мотать нервы бедным провинциальным стражам порядка.

Андреас действительно примчался в село, как только получил информацию о возможном следе. Одна мысль о маленьком Рике, беззащитном и абсолютно беспомощном, сводила его с ума. Что сейчас делают с малышом? Где он? А если ему страшно? Если его мучают или морят голодом? Кошмары приходили по ночам, влезали под кожу, шептали что он никто, ничтожество, не сумевшее уберечь собственного ребенка. Так что, когда пришел этот непонятный русский мужик, назвавшийся знахарем, Андреас готов был бежать куда угодно, лишь бы найти сына.

Главной проблемой было скрыть место похода от любопытных сельских кумушек. Все понимали— малейшее подозрение, и мальчишку никто нигде не найдет, а маньяк сменит место и продолжит убивать. Так что отбыли в соседний район, где, якобы видели похитителя с мальчиком, а потом лесными тропами отправились к месту, названному Олегом.

Его самого взяли проводником. Перед выходом травник предупредил:

— Не знаю, будет ли с нами удача, но если хотите вернуться живыми, слушайте меня. В городе я вам в подметки не гожусь, там ваша территория. Но леса вы не знаете, правильно ходить и вести себя не умеете. И еще скажу — даже если я стану делать то, что покажется вам странным, не обращайтесь внимания. В старых лесах свои законы, а я здесь живу и жить буду, мне их надо уважать.

Из внедорожников выбрались на рассвете. Идти предстояло долго. Шли, как сказал травник — след в след. Даже немчик, настоявший, чтобы его взяли с собой, шел ровно, не пыхтел и не бухтел. К обеду стало ясно, что непривычные к пешим переходам городские не могут держать темп, группа катастрофически не успевала. На привале травник отошел в сторону. Уставшие мужики не обратили внимания, было ни до чего, хотелось лечь на землю и, хотя бы дать отдых гудящим ногам.

Олег подошел к пеньку, положил на него кругляш ржаного хлеба, соль в чистой тряпице, карамельки. Поклонившись на все стороны, он попросил:

— Уважаемый лесной хозяин, пособи нам в добром деле. Надо нам попасть к Захарьину выворотню не позднее заката. То и тебе на пользу — коли мальчика спасти успеем, уедут городские, перестанут лес разорять.

Андреас, украдкой утянувшийся в лес за травником, замер. На его глазах из ниоткуда появился мужичок в странной одежде. Кажется, здесь такие куртки называли телогрейками. Мужичок появился, сверкнул желтым глазом и заговорил:

— Помочь говоришь? Помочь-то можно, но вот что мне с чужаком делать, которого ты с собой притащил?

— Прости, лесной хозяин, недоглядел я. А делать с ним ничего не надо. Во-первых, никто ему сроду не поверит, что бы он ни сказал, а во-вторых, он умотает в свою Германию, где никому до нас дела нет.

— Ой ли... Ручаешься за него? А то может, волчкам моим его на провиант?

— Ручаюсь. А волчкам не стоит, его тоже искать будут, а если поймут, что все, кирдык немчику, откроют такую охоту, что здесь не то что волков, мышей не останется.

— Ну ладно, коли так. Иди, подымай своих. Но помни — ежели кто с тропы сойдет, все, конец. Никто и никогда такого ходака не найдет.

Мужичок исчез. Олег повернулся к Андреасу:

— Ты пошел туда, куда тебя не звали, и увидел то, что для тебя не предназначено.

— Я понял, — неплохо говоривший по-русски Андреас волновался, и от этого слова произносились странно.

— Что понял?

— Что надо молчать, — немец твердо смотрел в глаза Олегу. — Я молчать, никому не говорить. Ты помогаешь искать майн зон, это есть больше чем долг жизни.

Олег кивнул и отправился назад к группе.

— Мужики, вставайте. Я разобрался, нашел тайную тропку. По ней давно никто не ходил, там болото вокруг, так что идем след в след. Если с тропы сойдете — вас никакой леший не найдет.

Андреас навсегда запомнил тот переход. Шли, как и сказал травник, след в след, вглядываясь в узенькую тропинку. Тропа то поднималась вверх, то резко спускалась, под ногами шуршала сухая хвоя и через минуту хлюпала вода. Вокруг стояла странная тишина: не пели птицы, не жужжали вездесущие комары, даже листья не шелестели. Да и самих листьев не было видно в густом тумане, простирающемся по обе стороны тропы. Опытные следаки не рискнули нарушить требование травника. Никто не вертел головой, не отвлекался и не пытался не то что сойти стропы, даже оглянуться не рисковал.

Переход закончился неожиданно: туман расползся клочьями и сквозь них стали видны кривоватые сосны и огромный выворотень. Олег выдохнул и смахнул со лба капли пота: дошли!

— Игорь Сергеевич, — обратился травник к старшему, — надо бы чуть в сторонку отойти. Если почует похититель, что кто-то здесь есть, мы потом век никого не найдем.

— Не учи ученого, — неприветливо буркнул бывалый оперативник, и скомандовал:

— Мужики, давайте чуть в сторону, вон за те кусты. Сидеть тихо, костры не палить, не курить.

Мужики досадливо загомонили, но старший их оборвал:

— Кому-то понравилось по лесам шататься? Так только скажите, орелики, я вас живо сельскими участковыми определю, и будет всем счастья по полной: я вакансии закрою, а вы мохом порастете.

Группа сразу угомонила, все как-то дружно переместились куда сказано.

— Немного времени у нас есть, так что можно перекусить. Если кому приспичило обратный процесс — идите как можно дальше, только не заплутайте.

Олег добавил:

— Лучше вообще здесь по одному не ходить. Места глухие, рядом Волчий овраг, там как раз родители волчат-подростков натаскивают. Если не повезет, то одни ботинки останутся.

Андреас присел в сторонке и достал из рюкзака плитку шоколада. Ему казалось, что он приходит в себя после тяжелой работы или сложной тренировки. Краем уха он услышал бормотание их проводника:

— Вот ведь леший! Не удержался-таки, взял плату за переход.

Но думать о том, что это значит, у Андреаса не было ни сил, ни желания.

Примерно в это же время, за несколько десятков километров от сумрачной поляны, Инга Геннадьевна, директор школы, смотрела на свою ученицу. Она еще не знала, что ближайшая ночь будет для нее весьма неприятной, так что волноваться об этом не могла. А вот Ирина ее беспокоила. Заключая ученический договор, ведьма воспользовалась неопытностью девушки и включила в него несколько полезных пунктов. Полезных лично ей, а отнюдь не девчонке.

Конечно, Инга сразу рассматривала Ирину как материал расходный. В самом деле, к чему ей под боком юная красавица? Однако жадность, тщеславие и, как бы это помягче сказать... недалекость девчонки сулили в ближайшем будущем ряд проблем. Во-первых, Ирина совершенно не умела и не хотела сдерживать те особые эманации, которые делают красавицей любую носительницу искры. Инга презирала ведуний, которые эти эманации прятали. Какой смысл быть красивой, если нельзя это использовать? Однако надо же

соображать, кому, что и когда демонстрировать. Ирина не пряталась совсем, и в ближайшее время это грозило принести массу осложнений. Пока девушка училась в школе, ее не трогали, но выпускной был близок и тогда местных мужчин никакая сила бы не удержала.

— Все-таки ее сестрица куда умнее, — подумала Инга. — все спрятано так, что искать будешь — не найдешь.

Ведьма не знала, что Лелькиной заслуги в этом не было. Серебряный медальон, отцовский подарок, старательно берег свою носительницу от любых бед, в том числе и от тех, что несет юная красота. Лелька выглядела симпатичной, но обычной.

Однако намного более серьезной проблемой с точки зрения Инги Геннадьевны была жадность Ирины. Нет, в чем-то это было неплохо. Четверть всего, что Ирина получала от развешенных где можно и где нельзя крадников, уходило Инге. Только вот крадников было столько, что аура девчонки трещала по швам. По замыслу Инги, главную задачу Ирина должна была выполнять через год, но было ясно — год она не протянет. Или станет овощем, или просто умрет. Пришлось менять планы, спешить, форсировать подготовку, а делать это Инга не любила. Однако, за неимением принца берем коня, так что в ближайшее время придется ехать в город.

— Хорошо бы с тем симпатичным немчиком прокатиться, — мысленно облизнулась ведьма.

Надолго привязать этого мужчину она бы сейчас не смогла, но очаровать, заморочить на пару дней — вполне. Практика показывала, что такие проказы всегда окупались. Либо объект дарил подарки по доброй воле, либо тоже дарил, но после обещания продемонстрировать кое-какие его секреты жене. Впрочем, сейчас Инге было не до того.

— Ира, приготовься, в ближайшее время поедем в город. Родителям скажешь, что я тебя беру, чтобы познакомить с коллегой из пединститута и обсудить твое поступление.

— Это правда?

— Правда, но не вся. Остальное узнаешь в городе.

На деревню надвигалась холодная сентябрьская ночь. Влажный туманный сумрак неспешно подьедал последние солнечные лучи, прятал избы, оседал каплями на траве и медленно уползал в лес. На болоте, вокруг большого выворотня, началось осторожное движение. Мужики занимали заранее выбранные места, охватывая площадку полукругом, чтобы никто не мог пройти незамеченным ни к выворотню, ни от него.

Андреаса заткнули куда-то за дальние кусты, а на его попытки протестовать внятно объяснили, что его дело — не мешать, а продолжит суетиться — свяжут и упакуют в спальник со всем вежеством. Даже на туристический коврик положат, чтобы не простудился. Осознав, что это не угроза, а реальная перспектива, он счел за лучшее смириться и остаться, где велено. Его было не видно со стороны болота, сам же он все видел отлично. Однако было очевидно, что сделать он не сможет ничего, его точка располагалась слишком далеко от предполагаемого места событий.

Было тихо. В этом неприветливом месте не пели птицы, не жужжали насекомые, только с негромким хлюпаньем лопались на поверхности болота пузыри. Женская фигура, ведущая за руку мальчика, появилась из ниоткуда, словно соткалась из ночного сумрака.

Рик шел с тетей, которая снова стала доброй. Она пришла, когда он совсем устал плакать, помыла его водой из бутылки и помогла надеть сухие штанишки. Они были старые и некрасивые, но в них было намного лучше, чем в грязном памперсе. Еще она дала ему покушать пюре из баночек. Рик ел такое, когда был маленьким, а теперь он большой, но он

сильно проголодался и не стал капризничать. А потом тетя сказала что-то непонятное. Он понял только «хаузе» и решил, что она отведет его домой. Так что он не стал плакать и пошел своими ножками.

Она взяла его за руку, и они пошли, но пришли отчего-то не домой, а в нехорошее место, где было темно и холодно. Рик хотел спросить, когда они пойдут домой, но тетя взяла его на руки и что-то запела, и в одной руке у нее был ножик. Ножик был красивый, немного похожий на те, что висели у дедушки на ковре в кабинете. Рик однажды туда забрался, потрогал один из ножиков и сильно порезался. Дед потом очень сердился.

Люди, сидевшие в засаде вокруг выворотня, приготовились к задержанию, но ничего не успели. Женщина, державшая мальчика, стояла на самом краю болота. Еще шаг — и они рухнут в чарусью. Старший группы рассудил, что долго она там не простоят, отойдет хоть на пару шагов. И тут тетка запела. У этой песни не было мелодии, да и не факт, что это можно было назвать песней. Звуки, похожие на горловое пение, складывались в слова:

«Вода болотная, вода разлитая,
Прими тело детское, жизнь непрожитую.
Отпусти тобой взятое на малый часок,
Пусть ко мне выйдет родимый сынок.»

Андреас видел, как поверхность болота вспучилась, выпуская из глубин жуткую тварь. Будучи подростком, он зачитывался Лавкрафтом, и сейчас мелькнула мысль, что именно так выглядел бы Ктулху, будь у него в предках лягушки. А потом ночь взорвалась. Как в замедленной съемке прыгнул к женщине, держащей его сына, Игорь Сергеевич. Травник-проводник метнул в поднимающуюся тварь какой-то горшок. Горшок разбился в полете, рассыпав отсвечивающий красным порошок. Тварь, на которую попал порошок, завывала и стала погружаться назад в болото, но было непоправимо поздно.

Старший группы не успевал, женщина занесла нож над кричащим Риком, удерживая ребенка над поверхностью чарусьи. И тут Андреас не поверил своим глазам: покореженный куст, непонятно как выросший у самого выворотня, отрастив ветку, цапнул ребенка за одежду, выдернув его из рук похитительницы. Вторая же ветка подбила женщину под коленки, и та, не удержавшись на краю, рухнула в болото, едва не прихватив с собой полицейского. Замедленная съемка отключилась, кто-то включил звук, и Андреас кинулся к Олегу, успевшему перехватить Рика у странного куста. Женщина исчезла, арестовывать было некого. Над чарусьей вспух огромный пузырь и опал, выкинув на кочку еще два детских тела, о которых до этого никто и не знал.

— Вот и еще нашлись потеряшки, — сказал кто-то. И тот же голос добавил — Пацан-тс в рубашке родился. Не зацепись одежда за куст, отправился бы в болото вместе с этой психопаткой.

Андреас держал на руках своего мальчика, живого, пусть и сильно напуганного.

— Мы вернемся в город? Можно? — спросил он у старшего группы.

— Да, возвращайтесь. Только из города не уезжайте. Надо показания у вас взять, порядок такой.

Андреас в тот момент был согласен на показания, причитания и даже ритуальные танцы. Так что только молча кивнул, а когда Олег отозвал его в сторону, покорно пошел за ним, не спуская сына с рук.

— Андреас, ты сегодня видел разное, так что надеюсь, выслушаешь меня и примешь к сведению то, что я скажу.

— Выслушаю и приму, — кивнул немец.

— То, что пережил твой сын, не проходит бесследно.

— Я знаю, мы непременно обратимся к детскому психологу, когда вернемся домой.

Здесь я никого не знаю, да и Рик на вашем языке не говорит.

— Это дело хорошее. Но ты ведь видел, что это не простое похищение ради выкупа или насилия?

— Я видел. Я не знаю, что это было — Андреасу хотелось думать, что ему все привиделось, но он не привык обманывать себя и не собирался привыкать.

— Вот, возьми, — Олег протянул ему льняной мешочек с травами. — Часть трав надо вложить мальчику в подушку, на которой он спит и вторую часть зашить в любимую игрушку. Если так сделаешь, у него не будет кошмаров, он будет все помнить неотчетливо, как плохой сон.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Андреас чужого, в общем-то, мужика.

— Погоди с благодарностями... Вы христиане?

— Да, удивленно ответил немец.

— Ребенка крестили?

— Да.

— Это хорошо. Можешь не верить мне на слово, но, если ты хочешь своему сыну долгой жизни, сделай как я скажу. Его показали болоту и обещали стоялой воде, а она всегда забирает обещанное. Так что, во-первых, вырасти сына искренне верующим человеком, можно даже фанатично верующим, это даст ему духовную защиту, его не смогут позвать. И когда подрастет, расскажи о сегодняшней ночи. Твой сын не должен подходить к болотам или заболоченным озерам. Никогда не должен, иначе болотная вода заберет его жизнь, обещанную ей сегодня. Но если он сможет держаться в стороне от таких мест, у него все будет хорошо.

Андреас слушал этого совершенно обычного мужика, который говорил ему абсолютно дикие вещи с таким видом, будто рассказывал о посадке картошки. Однако глубоко внутри он знал, что обязательно последует этим советам. Просто на всякий случай. Он может и засомневался бы, в уме ли мужик, но обернувшись на выворотень, увидел, что никакого куста там нет, и судя по всему, никогда не было. Тряхнув головой, он быстро направился к вызванному старшим группы медицинскому вертолету. Рику надо было в больницу, а все остальное он непременно обдумает позже.

Было у всей этой истории и неизвестное широким массам последствие. В ночь задержания директор местной школы едва не стала жертвой призванной когда-то сущности. Это полуразумное создание Нави она в свое время сделала духом места, где проводила ведьмовские обряды. Однако дети, которых там же до жертвоприношений прятала Нина, помогли духу набрать достаточно сил, чтобы попробовать отвязаться. Катализатором стала гибель невольной кормилицы. От нападения обнаглевшего духа Инга с трудом, но отбилась. Правда тварь пришлось изгнать и теперь ее место силы нуждалось в новом охраннике. Сил для нового призыва у Инги Геннадьевны пока не было. Это изрядно портило ей настроение и вынуждало ускорить реализацию собственных планов. Уж после этого у нее сил хватит на что угодно! И никакой ковен не понадобится.

Лелька была так счастлива, что казалось, еще шаг — и взлетит. Она помирилась с Сашей! И он обещал ей приехать при первой возможности! Из-за этого, безусловно важного обещания, она пропустила все сельские новости: исчезновение завмага Нины Петровны,

отъезд следственной группы и даже поездку Ирины в город. Впрочем, не заметить поездку ей не дали. Тетя Наташа была настолько возбуждена радужными перспективами дочери, что обсуждала их со всеми, включая Лельку. У самой Лельки по поводу этих перспектив были определенные сомнения, она, в отличие от тети, видела ауру двоюродной сестры. Однако Ирина чувствовала себя хорошо, Лельку не донимала, более того, практически не замечала, так что девушка решила, что подумает обо всем этом позже.

Надо сказать, что из города сестра вернулась посвежевшей и умиротворенной, что ли. Лелька не была бы так спокойна, если бы знала, что улучшение состояния Ирины вызвано несколькими интересными встречами и восполнением жизненной энергии. Последнее, с подачи наставницы, жадная ведьмочка сделала, иссушив с десятков бродячих собак. Это в селе не было бесхозных животных, в городе же их хватало. Инга Геннадьевна помогла ученице не по доброте душевной, просто реализация ее плана требовала от Ирины немалых сил, вот и пришлось побеспокоиться. Надо сказать, она честно познакомила девчонку с давней приятельницей. Та рулила кафедрой педагогики в местном институте и готова была оказать Инге услугу, облегчив Ирине поступление. О том, что никакого поступления не будет, знала только сама Инга, остальным это было ни к чему.

Впрочем, о подобных тонкостях Лелька не ведала и просто радовалась неожиданно теплему бабьему лету и предстоящему приезду Сашки. Беспокоила ее только одна мысль: лишь бы ничего не случилось и не помешало. Жизнь не подвела юную ведунью. Сашка приехал, как и обещал, и все ссоры, затыки и разные мелкие непонятки растворились в радости долгожданной встречи. Омрачало эту радость только то, что и приехал любимый ненадолго, и вдвоем им побыть было невозможно: у Сашки полный дом родственников, у Лельки — пусть и успокоившаяся, но все равно мрачная Ирина. Да и тетя Наташа не одобряла не оценившего ее красавицу-дочь Александра. Так что, когда Сашка предложил воспользоваться последними теплыми денечками и съездить на велосипедах в заброшенную деревушку, где когда-то жила бабушка Таисья, Лелька радостно согласилась.

Взяв пару ковриков и нехитрый съестной припас, влюбленные с рассветом отправились в свой мини-тур. Сентябрьское утро было прозрачно-розовым, в неподвижном воздухе парили паутинки, терпко пахло хвоей и опавшими листьями. Лелька всем существом впитывала минуты абсолютного счастья, забыв вчерашнюю лекцию тети о подобающем поведении, недовольное лицо Ирины, оставшегося под подушкой Старичка-Огневичка. Впрочем, о последнем она на мгновение пожалела, но и эта мысль растаяла в розовом тумане, заполнившем Лелькину голову до краев.

День и впрямь оказался чудесным. Девушка согласилась бы на что угодно вместе с любимым, а уж разводить костер, готовить, наводить порядок в старом доме и непрерывно целоваться каждую свободную минуту — тем более. Однако все хорошо не бывает. Вечером, перед самым возвращением, у Сашиного велосипеда порвалась цепь. Идти назад пешком не хотелось, да и не успели бы они вернуться до темноты. Лелька, конечно, могла вернуться и одна, но Сашка был против того, чтобы она в сумерках колесила по местным тропинкам. Так что пришлось ей позвонить тете Наташе, объяснить ситуацию и выслушать еще одну лекцию, на сей раз о ранней беременности. Слушала Лелька вполуха: во-первых, мешали Сашкины поцелуи и горячие руки, пробиравшиеся куда не следует, а во-вторых она точно знала, что случайная беременность, после подарка берегини, ей не грозит.

В аккуратной ямке возле старой березы разгорался костер, от котелка и найденной в доме старой кастрюльки шли вкусные запахи. Простенький кулеш и травяной чай после

целого дня на свежем воздухе казались пищей богов. Сгущались сумерки, где-то ухала сова. Языки пламени бросали причудливые тени на лица. Лельке хотелось остаться навсегда в этом уютном полумраке, чтобы обнимали надежные Сашкины руки, щекотали сзади шею его губы. Пламя разгоралось, обнимающие руки становились смелее, разгоралась и Лелькина кровь, будто внутри у нее полыхалтакой же костер, жадно требующий еще поцелуев и жарких ласк.

Отвечая на эти требования, льнуло к молодому мужчине гибкое тело, светилась в полумраке белая кожа обнаженных плеч, кружил голову горький аромат опавших листьев. Юная женщина без остатка отдавала себя любимому, как когда-то ее прабабки, по страстной любви, без расчетов, без ума и без памяти. И холодная сентябрьская ночь, осуждающе смотревшая на влюбленных, виделась им жаркой южной ночью, когда важна только страсть, раскаленным потоком бегущая по жилам, только любовь, сильнее которой для Лельки не было ничего на свете.

Огонь в крови влюбленных постепенно утих. Угасал и костер, унося тепло. Лелька поежилась, прижимаясь к своему мужчине.

— Ночуем в доме? Здесь холодно будет.

— Да, давай в дом. Беги, я коврики захвачу, а ты пока одеяла достань.

Хорошо засыпать обнявшись, когда все вокруг спокойно и не ждешь беды. Только вот беда всегда приходит неожиданная.

Лелька открыла глаза, которые щекотал солнечный луч, и попыталась потянуться. Попытка не удалась: ее руки и ноги были зафиксированы ремнями, а сами ремни прибиты к полу. Девушка повернула голову и увидела Ирину, дочерчивающую сложную девятиконечную звезду. «Звезда Инглии» — всплыло в памяти. Ирина поймала взгляд сестры.

— Что, и не поинтересуешься, что я делаю? — насмешливо спросила она.

— Где Саша? Что ты с ним сделала?

— Надо же какие мы влюбленные. С Сашей все отлично, зачем мне с ним что-то делать.

Тут в старую кухню, где лежала на полу Лелька вошел сам объект обсуждения. Сашка что-то жевал и выглядел вполне довольным жизнью.

— Девочки, не ссорьтесь. Ну что вам делить?

Эти слова звучали так нелепо, что Лельке стало смешно. Ирина закончила звезду и оттолкнула ногой камень, которым чертила ее лучи.

— Саша, что происходит? Ты зачем так со мной? — спросила Лелька, впрочем, не особо рассчитывая на ответ.

Но любимый ласково улыбнулся и ответил:

— Леля, не волнуйся. Ничего плохого тебе сестра не сделает.

— Да какая она мне сестра! Что ты заладил! — вспыхнула Ирина.

— За языком следи, — бросил Сашка, и продолжил — Леля, я знаю, что у тебя есть какая-то ведьмовская сила. Но согласись, она тебе ни к чему. В травах ты и так разбираешься, а остальное тебе не нужно. Ты просто передашь силу Ирине, пусть она с ней развлекается. А мы с тобой уедем в город. У тебя там квартира есть, деньги есть. Нам хорошо будет. Я учиться пойду, мне директор школы дала направление целевое в педагогический. Ты школу закончишь, поживешь в интернате пока. Квартиру твою сдадим, а получишь аттестат — поженимся. Захочешь — тоже учиться будешь. И никакой чертовщины. Ведь хорошо же?

Лельке стало вдруг холодно, будто она сутки простояла в холодной воде. Во рту было сухо и почему-то горько. Она разомкнула сухие губы:

— Все решил? А меня спросить?

— Ну что ты говоришь, малышка! Ты пока еще маленькая и глупенькая, а нам надо о будущем думать. Ведь после нашей ночи и дети могут появиться, мы ж не береглись.

— Не будет детей. Ничего не будет. И нас не будет. Даже если я выживу после всего этого.

— Глупости какие! Конечно выживешь. Мне Инга Геннадьевна все объяснила.

— Она обманула.

— Да брось ты. Она тебе просто не нравится. Не обманула же она меня с травками.

— С какими травками? Ты что-то добавил в чай? Ты меня опоил?

— Ой, не тоже мне... Ничего такого. Травки просто помогают расслабиться и не беспокоиться о последствиях, вот и все.

— Да, все. Ты верно сказал. У меня с тобой больше ничего не будет, никогда.

— Ты просто злишься, что не все по-твоему вышло. Ничего, успокоишься и сама поймешь, что я был прав.

Сашка вышел из комнаты, Лелька слышала, как он, насвистывая, стучит железками — видимо собирает велосипед. Она пару раз дернулась, но ремни держали крепко.

— Не дрыгайся, — спокойно сказала Ирина. — Ничего не выйдет.

— Ты же понимаешь, что я скорее всего умру?

— Мне все равно. Я тебе предлагала отправиться в детдом. Сделала — была бы живая и здоровая. Так что сама виновата. А я наконец от тебя избавлюсь. Думаешь, ты Сашке без ведьминского флера будешь интересна?

Лелька смотрела на красивую девушку с брезгливой жалостью. Она видела и неровную клочковатую ауру, разъеденную крадниками, и настоящее лицо.

— Ему никто не интересен кроме него самого. Если он тебе нужен, предупреди его — ему нельзя подходить к реке, русалки заберут.

— С чего это? — вызверилась Ирина, но услышав, что Александр собирается уезжать, выскочила за дверь.

Лелька снова задержалась в путах, пытаясь высвободить хотя бы руку. Ей ужасно не хотелось умирать беспомощной, как овце на бойне, но все было бесполезно. Неожиданно из-за печки выбрался упитанный крысенок. Он присел на толстенькие окорочка, покрутил носом, принюхиваясь, а потом направился к Лельке и стал сосредоточенно грызть ремень на правой руке. Лелька крыс недолюбливала, но в этот раз орать не хотелось. Она мысленно желала грызуну приятного аппетита и отличного пищеварения. Крыс почти закончил, когда в комнату ворвалась Ирина. Однако крысиный слух оказался лучше Лелькиного и Ирина увидела только мелькнувший в подпечье голый хвост. Взвизгнув она запустила в него кружкой, которую держала в руках.

— Ну вот и отлично. Теперь нам никто не помешает, — сообщила ведьма своей жертве и принялась за дело.

Лельке отчаянно не хотелось умирать. В отличие от Сашки, она хорошо понимала, что после обряда ей не жить. Слишком сильна была в ней ведовская искра, слишком глубоко уходили корни ее дара, чтобы можно было безнаказанно его отринуть. Мысли скакали как сумасшедшие, мозг лихорадочно искал выход и не находил. В отчаянии девушка решила еще чуть-чуть потянуть время:

— Ира, ты же это из-за Сашки, да? Но ты же сама видишь, какой он, неужели тебе он после всего этого нужен? Он же и тебя предаст и продаст.

— Это тебя предают, неудачница. Ты просто дура, которая не умеет пользоваться тем, что ей на голову свалилось, а я — нет, я умею. Думаешь ты Сашке была хоть чуть-чуть нужна?

— Конечно нужна, иначе этой ночью с ним была бы другая. Ты, например.

— Я же говорю — дура... Ему просто было велено сделать так, чтобы ты в полную силу вошла, а то у тебя и забирать-то было нечего. Вот он и сделал — травы нужные добавил, слова правильные сказал.

— Так это же получается не по любви, а под дурманом. Какая же от этого сила?!

— Вот реально ни фига не понимаешь. Кто тебя, убогую, будет опаивать? Что скажешь, ты с ним через силу целовалась? Что, руки его тоже через силу терпела?

— Причем здесь это?

— Да при том, debilka, что травы не наводят дурман, просто ты перестала дергаться о том, что морально, а что аморально. Из-за этих травок человек делает то, что ему больше всего желается в эту секунду. Кто-то голым пляшет, кто-то мороженое жрет, а ты вот трахалась.

Лельке стало невыносимо противно, словно ее окунули в выгребную яму. Яркие, чистые воспоминания о прошедшей ночи, полные света и огня словно подернулись грязной, вонючей пленкой. Мелькнула мысль: а стоит ли сопротивляться, если самые счастливые, после гибели родителей, минуты ее жизни оказались фальшивкой? И тут старый дом будто ожил. Пронесся сквозняк, заскрипели двери, и что-то толкнуло Лельку в грудь. Голоса тех, кто был с ней в Живину ночь, гневно шептали:

— Не верь, не слушай. Ты любила, ты горела, а ошибиться может любая, все мы ошибались. Не сдавайся, не дай жадной ведьме задурить тебе голову. Важна ты, важно, что в твоей душе, так что не слушай и борись.

— Помогите мне, — мысленно взмолилась Лелька. — Помогите, вы же все видите.

— Мы не можем многого, слишком долго нас никто не звал — раздался печальный шепот. — Мы поможем чем можем, но спасти наш род сегодня можешь только ты сама.

— Что, притихла? — хихикнула Ирина. — вот так и лежи, не будешь мешать, может выживешь.

Она поправила последние штрихи соседней звезды, предназначенной для нее, той, что даст ей наконец-то желанную силу. Серебристый камень, которым было так удобно рисовать Инглию, мешал ей, и она оттолкнула его ногой в сторону. Камень оказался неожиданно тяжелым, он только чуть откатился и замер у Лельки под рукой.

Ирина достала маленький ножик. Тот выглядел совершенно затрапезным, будто им многие поколения чистили картошку или потрошили рыбу. Только странные руны на ручке доказывали, что нож не так прост. Под ровный речитатив Ирины они стали наливаясь зеленовато-гнилостным светом и медленно поползли с ручки на лезвие.

Лелька слушала красивый грудной голос сестры, которая делала надрезы на ее запястьях и щиколотках:

«Силы ночи, силы дня, силы жизни и огня,

Кровью общей заклинаю, искру силы забираю.

Вы слова мои летите, реки силы отсекайте,

Север, запад, юг, восток, это ныне мой исток.

Все твое теперь мое, я беру себе свое,
Кровью рода запираю, силу жизни забираю.»

Кровь из Лельки лилась рекой, заливая контуры звезды. В ускользающем сознании мелькнула мысль, что такого не может быть, ведь надрезы совсем маленькие.

— Очнись! Очнись немедленно, тетеря сонная! — крик оглушил Лельку, словно женщина в ярко-алом домотканом платье кричала ей прямо в ухо. — А ну-ка давай, зови свой медальон. Он же не среагирует без зова, она твоя кровная сестра, а не нежить какая! Не может твой защитник без приказа...

Кровь стала горячей до боли, неожиданно прихлынули силы, и Лелька мысленно обратилась ко всем, кто ее защищал. Это были не слова, это была мольба о помощи к оставленному отцом защитнику, к лежащему за много километров в комнате Старичку-Огневичку, к неведомым силам, которые зачем-то дали ей искру, а она даже не успела понять зачем. И на зов отозвались...

Ирина воззвала к крови рода и прижала собственное разрезанное запястье к порезу на руке сестры. Огромная сила хлынула в нее рекой, захотелось петь, взлететь в небо, закричать на весь мир от счастья. Но почти мгновенно поток через нее потек куда-то дальше, к кому-то еще, тело пронзили тысячи ножей, боль стала невыносимой, и Ирина жалобно закричала, понимая, что все зря, что ее просто обманули и использовали, как Сашка Лельку. Поток обжигал и замораживал одновременно, слабое человеческое тело стало проводником сил, вынести которые было не в состоянии. Ирина распахнула глаза, увидела, как рядом бьется в судорогах Лелька, как будто гигантская рука выгибает и подбрасывает ее тело, дробя кости и выворачивая суставы. А потом сознание сжалилось над маленькой жадной ведьмой и покинуло ее.

Инга Геннадьевна предпочитала не знать точных планов своей ученицы. Защита, поставленная родом Граниных сильна и беспощадна, но за что наказывать Ингу? Зла соплячке она не делала, никого не нанимала и не просила, а что сестрица у той оказалась гнилая, так это разве ж Ингина вина? Конечно, о навязчивом желании ученицы усилиться она знала и даже догадывалась за чей счет, но ведь догадки к делу не пришьешь, а настоящими планами с ней никто не делился. Подобные рассуждения успокаивали, а надежда одновременно разжиться дармовой силой, избавиться от ненавистного последыша Граниных и устранить красивую и юную кандидатку в сильные ведьмы наполняла радостным ожиданием.

Однако кое-чего Инга не учла, и эта ошибка стала для нее фатальной. В тот сентябрьский выходной ее разбудила боль. Нет, не так... БОЛЬ! Каждую клеточку тела скручивало, ломало, разрывало с дикой силой. Думать было нереально. Ничего не понимающая ведьма могла только выть от боли и кататься по дубовому паркету спальни. Она была в полном сознании, даже в обмороке ей было отказано. Нечеловеческая боль отхлынула неожиданно, и после пары минут опустошения Инга все поняла. Ученическая клятва! Она использовала Ирину, забирая себе четверть всего, что получала ученица: сил, энергии, удачливости. Четверть всего, что Ирина добывала через пожирающие ее ауру крадники, забирала «наставница».

Искру же Инга намеревалась забрать всю, право на это тоже было хитро вплетено в текст клятвы. Ведьма давно приготовила и настроила накопители, в которые должна была хлынуть через Ирину ведовская и жизненная сила Лельки. Дорогущих бриллиантов безупречной огранки хватило бы на десяток таких Лелек. Оставлять хоть каплю Ирине Инга не собиралась. Вот еще! Пусть скажет спасибо, что пожила неплохо почти год. Ведьму не беспокоила судьба ученицы. В конце концов, каждый кто злоумышляет на родственную кровь должен понимать на что идет, предателей, тем более предателей рода, никто не любит.

Только вот Инга забыла, что полностью снять обязательства наставницы ученическая клятва не дает, так что полученный Ириной откат добрался и до ее учительницы. И все бы ничего, откат можно было бы пережить, и, учитывая отнятую искру, практически без последствий, но в дело вмешались два неучтенных момента. Во-первых, зачарованный отцом медальон, призванный Лелькой на помощь, почувал старого врага, для защиты от которого его, в основном и создавали. А во-вторых, никто не знал о клятве, что дала сестре Наталья.

Поклявшись кровью рода, что вырастит Лельку как своего ребенка, Наталья включила в клятву всех членов рода, к которому относилась — себя, свою дочь, мужа и даже его родню. И всем им предстояло платить по этим счетам. На Ирину же пришелся основной удар. Последствия нарушенной клятвы должны были ее убить. Именно она сломала данное обещание, умышленно и целенаправленно напав на сестру. Старым богам, создавшим клятву, было все равно кто знал, кто не знал. В те давние времена за деяния членов рода отвечал весь род, вплоть до нерожденных младенцев. Так было и сейчас. И все только разворачивалось. Древняя сила просыпалась, высматривая предателей своей крови и разворачивала беспощадную кару. Род, предавший своего, не имел права на жизнь, и точка. Наказание не было мгновенным и оттого было особенно ужасным. Андреев род не знал, что

худшее у него теперь впереди.

А пока откат, ставший следствием нарушения клятвы, ломал не только Ирину. Ученичество не допускало двойных толкований. Наставник получал часть всего, что доставалось ученику. И сейчас эта часть, которая должна была убить молоденькую ведьмочку, делилась на двоих, спасая жизнь Ирины и карая ее наставницу. Инга чувствовала, как забирают у нее не только отнятую искру, но и ее собственную силу. Забирают, оставляя ответственность за все, что она сделала за годы ведьмовства, отнимая природную защиту, красоту, молодость, здоровье. Все, чем должна была болеть за свою жизнь девочка Инга, все болезни, от которых ее закрывала родовая искра, пришли взять свое. Безобидные простуды, пролетевшая мимо пневмония, тяжелый псориаз, последствия тяжелейшего оскольчатого перелома голени — все это Инга Навруцкая переживала здесь и сейчас. Красивая, сильная ведьма допустила свою последнюю ошибку, и эта ошибка спасла жизнь ученицы и изуродовала наставницу.

Лелька очнулась с криком и мгновенно поняла, что жива. Мертвым не больно, а у нее болело все. Выдохнув сквозь стиснутые зубы, она попыталась взять себя в руки. С телом творилось что-то непонятное, голова кружилась, ее бросало то в жар, то в холод. Ноги и левую руку держали Иринины ремни, а вот правая, благодаря хорошему аппетиту сбежавшего крыса, освободилась. Девушка повернула голову и увидела сестру, или тело сестры, было непонятно. Зато понятно было, что «спасение утопающих дело рук самих утопающих», как говорил папа.

Лелька зажмурилась, загоня боль в глубину сознания. Жалеть себя было нельзя. Искать их будут только к вечеру, не факт, что она дотянет. Присмотревшись, она поняла, что сестра дышит, но еле-еле, и вот она помощи не дожидается точно. Было странно беспокоиться о той, что пыталась тебя убить, но все чувства словно замерзли, в голове был только порядок действий: освободиться — раз, проверить Ирину — два, вызвать помощь — три.

Возле правой руки так и валялся серебристый камень, который Ирина оттолкнула ногой, кажется, сотни лет назад. Камень был крепкий, хватистый, и отлично подошел для выбивания гвоздя в ремне, удерживающем левую руку. От первого удара у Лельки просто искры брызнули из глаз — оказывается, рука была то ли сломана, то ли вывихнута в локте. Да еще медальон вдруг нагрелся и обжег грудь. Но делать было нечего, и кое-как приспособившись, девушка начала стучать по боковой части криво вбитого гвоздя. Стук отдавался в голове, пробегал волнами боли по телу, но Лелька не сдавалась. Она не знала сколько прошло времени, но гвоздь выскочил из старой доски, и ей удалось сесть.

После прекращения ударов в старой кухне стало тихо. Из-под печки раздался шорох и оттуда вылез старый знакомый, присел, разложив голый хвост и будто прислушиваясь к чему-то, а потом целенаправленно принялся грызть ремень, удерживающий левую ногу девушки. Лелька только сейчас поняла, что нога сломана, сама она не смогла бы дотянуться до ремня. Крысук закончил свою работу довольно быстро и, сердито пискнув, устался на девушку.

— Дальше я должна сама, да? — задавать вопросы крысе было странно, но Лельке было плевать. Мозг просто отказывался понимать реальность происходящего. — Спасибо тебе! И скажи спасибо тому, кто тебя прислал. Если жива останусь — сама поблагодарю.

Девушка не знала, сколько ушло времени на вторую ногу, но все когда-нибудь кончается. Освободившись, она подползла к сестре и проверила пульс. Ирина была жива. Лелька не знала где ее телефон, так что взяла Иринин и набрала дядю Андрея. Волновать

беременную Наталью она не решилась. Ответить на быстрые вопросы Андрея ей было нечего, она так и не могла толком понять, что вообще произошло, после того, как Ирина начала ритуал. Снова повторив, что они в старом доме прабабушки Таси, и им срочно нужна помощь, девушка потеряла сознание.

Снова она очнулась уже от немилосердной тряски, в стареньком пазике. Рядом разговаривали двое, прислушавшись, Лелька узнала тетю и Веру Васильевну.

— Доктор, что с Ириной? Я понимаю, у Лели перелом. Но Ира-то почему без сознания?

— Не знаю, Наташа, поэтому и надо нам в город. Явных повреждений нет, но может оказаться внутреннее кровотечение, да и мозг — штука хрупкая. Потерпи, скоро доедем.

Лелька с трудом повернула голову и увидела на соседних носилках Ирину. Тревога тети Наташи стала понятной, выглядела сестра откровенно плохо. Сорвавшийся ритуал оборвал все крадники, изуродовал ауру откатом. А еще, кроме скукожившихся нитей крадников, Лелька увидела в ауре Ирины два каната. Золотисто-зеленый и багрово-черный, они выглядели как два шланга и пульсировали в такт, забирая у Ирины жизненные силы и что-то еще. Испугавшись, что Ирина все-таки не дотянет до города, Лелька прикинула, как бы ей эти шланги ну если не порвать, то хоть пережать, но неожиданно все кончилось, будто кто-то сделал это за нее. Девушка поняла, что связь обрубил реципиент, тот, кого эти «шланги» накачивали. Ирина задышала чуть свободнее, но в себя так и не пришла. Тут пазик подпрыгнул на каком-то, особенно злобном ухабе, и Лелька от боли в ноге снова отключилась.

В следующий раз она очнулась уже в больнице. Кто-то пытался разжать ее руку, озабоченно приговаривая:

— Да что ж ты так в этот камень вцепилась-то... Мало тебе одного перелома с вывихом, еще и пальцы как-то ломать... Нельзя тебе в палату с этим булыганом, здесь же больница, а не каменоломня. И мне от старшей медсестры нагорит, если допущу такое.

Боли уже не было, только слегка кружилась голова и все окружающее казалось нереальным. Послушав неизвестную (голос был явно женский), Лелька предложила:

— А давайте его в рюкзак положим?

— Ой, — ахнула незнакомая медсестра — очнулась! Не больно тебе? Если больно, то потерпи, миленькая, тебя и так обезболивающим по самые брови накачали. А камень в рюкзак говоришь? Ну давай, коль так нужен, хотя зачем он тебе, не понимаю.

— Он мне жизнь спас. Если бы не этот камень, меня бы еще сутки не нашли.

— Ну тогда да, давай сохраним.

Сестричка проворно расстегнула молнию рюкзака.

— Ой, сколько у тебя тут всего!

— Мы в поход ходили, — соврала Лелька. Объяснить свои травмы иначе она не могла.

— Ох уж вы, туристы. Ладно, вот твой булыжник в рюкзаке. Историю на тебя уже завели, так что поехали в палату.

В четырехместной палате сестричка бойко развернула выдавший виды матрас и, застилая белье, скомандовала:

— Так, девчули, у вас новенькая. Видите?

Только сейчас Лелька сообразила, что две из четырех коек уже заняты. А сестричка продолжила:

— Новенькая не ходячая, зовут Вольгой. Если ей что понадобится — помогайте, я к вам на каждый чих не набегаюсь, скоро уже вечерний обход, дел без этого полно. Ну а если

совсем уж сами не справитесь — зовите.

Соседки по палате покивали, прогудев что-то утвердительное и расползлись по кроватям, уткнувшись в телефоны. В другое время Лелька бы с ними непременно познакомилась просто потому, что отчаянно скучала по легким приятельским отношениям, а с этими девчонками вполне могла получиться короткая больничная дружба. Однако, несмотря на отсутствие боли, ей было слишком плохо для любого общения. Кружилась голова, тошнило, казалось, что внутренности скручивает гигантская рука и варит их в кипящей Лелькиной крови.

Девушка понимала, что такое состояние ненормально даже для ее основательно травмированной тушки. Судя по всему, ритуал, что так неудачно завершился для Ирины, и на Лельку как-то подействовал, но как именно — она разобраться не могла. Не до разбирательств ей сейчас было. Вечерний обход прошел совсем буднично, вот только немолодой и словно пожеванный жизнью врач, осмотрев ее, задумчиво сообщил уже знакомой сестричке:

— Леночка, давай-ка новенькую завтра на операцию. Судя по рентгену, у нее уже костная мозоль начинает формироваться. Поставим завтра Илизарова, а то будет наша красotka хромоножкой.

Лелька знала, что такое аппарат Илизарова, да и не зная этого, волноваться бы она не стала. Не до того ей было, больничный бы ужин в себе удержать.

Вскоре отделение затихло. Отбой в больнице рано, а такая милая днем Леночка обернулась сущей тигрицей и пригрозила отобрать до утра все телефоны, если больные не отправятся немедленно спать. Лелька еще какое-то время боролась, а потом как в омут провалилась. Сон пришел суматошный и беспокойный, как минувший день. В нем она снова видела затянутое наполовину туманом поле битвы, плащи витязей, даже незадачливое школьное привидение Пашку, отчаянно отбивавшегося от какой-то мелкой, но удивительно мерзкой твари. Вдруг из тумана на нее взглянули чьи-то глаза. Вроде бы красивые, светлые, с длинными ресницами, они словно вымораживали все внутри, превращая мечты, желания, надежды в безнадежно серую муть. Страшно было неимоверно, но проснуться Лелька не могла. Она могла только смотреть в эти глаза и ощущать, как медленно замерзает в ней сама жизнь. Неизвестно, чем бы закончилась эта игра в гляделки, но дикий крик вырвал девушку из забытья. Кричала соседка по палате, да так, что сбежалось все отделение.

— Так, в чем дело? А ну-ка все по кроватям! — решительно распорядилась взъерошенная Леночка. — А тут у нас что? Чего вопим?

Ответа на свой вопрос она не получила. Разбудившая всех криком девчушка лет десяти тряслась, плакала и говорить решительно не могла.

— Так, голубушка. Давай-ка укольчик снотворного тебе поставим.

После этого предложения девчонка снова заорала и попыталась убежать.

— Да что ж это такое... Никак у нас психиатрия подъехала, — озадачилась медсестра.

— Заберите меня, не оставляйте меня здесь! Я к маме хочу — рыдала соседка по палате. — Я не буду спать, меня снова в туман утащит.

Тут Лелька поняла, что дело нечисто. Судя по всему, соседка как-то увидела уже привычную Лельке жуть, и к такому ее жизнь не готовила.

— Хорошо. Давай-ка я тебя поближе к ординаторской переведу, а утром будем разбираться, — решила сестричка.

Остаток ночи прошел относительно спокойно, вот только заснуть Лелька больше не

смогла.

Суетливое больничное утро девушка встретила отстраненно-спокойно, сил чего-то бояться у нее просто не было. Пережив градусник и болючий укол, который медсестра, сменившая Леночку, назвала премедикацией, она благополучно заснула, чтобы очнуться уже в одноместной палате с здоровенной железякой на ноге. Железяка выглядела правильно, тошнило Лельку чуть поменьше, словом, жизнь вроде бы налаживалась. Напрягала только полная неизвестность относительно Ирины, да и вообще отсутствие любых новостей из села. Зная односельчан, Лелька не сомневалась, что их случай обсуждают даже дворовые коты. Так что, когда после обеда дверь приоткрылась и в палату аккуратно протырился Олег, она обрадовалась.

— Привет, красавица, как ты здесь? — осведомился неожиданный гость.

— Здравствуйте, дядя Олег. Терпимо. А дядя Андрей с вами?

— Не, не смог он приехать. Ты, Лель, на Андрюху зла не держи. Как-то у него в последние пару дней все посыпалось. Наталья в больнице с Ириной, но не здесь, ее в областную неврологию перевели, не могут понять, почему в себя не приходит, так что Андрюха на хозяйстве один остался. И ведь будто сглазил кто! У поросят каких-то клещей нашли, те аж коркой покрылись, бедные, у внедорожника движок накрылся, картошку копать пора, а некому. И Андрюха посреди всего этого один, не знает за что хвататься.

— Да я и не сержусь, дядя Олег, я беспокоюсь. А как Саша? Он утром уехал.

— Пропал Сашка. Как вы вместе уехали, так его никто и не видал. Мать решила, что он в город подался сразу. А что, к тебе не приходил? Может позвонить?

— Нет, не надо. Мы поссорились сильно.

— Ну, тебе виднее. Да и вот еще, дядька Ермолай велел тебе передать послание от той, с кем ты в Живин день рассвет встречала. Послание короткое: «Ты поспешила». А что это значит, он не рассказал, да и я спрашивать не стал, сама понимаешь.

— Спасибо, дядя Олег. Я подумаю.

— Ты главное выздоравливай поскорее, а мысли и сами придут. Вот, я тебе принес пару своих сборов, здесь общеукрепляющий, и чтобы кости побыстрее срастались. Михалыч просил передать тебе свои сыры. При переломах кальция много надо, козий сыр при этом первое дело. Так, рюкзак твой вот, смотри, в тумбочке. Там еще пакет, Вера Васильевна тебе собрала вещички из дому, раз Андрей не успевает. И вот ещё, смотри — твой альбомчик и карандаши, вот здесь, в ящике будут. У меня пару лет малой с переломом тоже здесь лежал, так чуть не рехнулся от скуки, а с рисованием все повеселее будет. Ладно, Лель, отдыхай давай, я через несколько дней еще загляну, если тебя не выпишут.

Оставшись в одиночестве, девушка задумалась. Не отпускало беспокойство за Сашку, какой он ни будь предатель, а любовь не морковка, в одночасье не выдернешь. Однако здесь она сделать ничего не могла, оставалось только надеяться, что самоуверенный красавчик все-таки объявится, не поверив Лелькиным словам о полном разрыве. Отдельного осмысления заслуживало послание берегини. Все-таки как жалко, что нелюди ничего прямо не говорят, все обвиняками да намеками. Достав альбом и карандаши, она попыталась как-то записать все эти ключья информации. Может тогда станет яснее. Но долго думать ей не дали. В коридоре послышался деловой шум и в палату зашел доктор с вечерним обходом.

Обход в больнице — дело обычное, ничего удивительного в нем нет. Однако, когда на плечах делающего обход врача сидят две студенистые твари непонятного назначения, обход становится событием. Лелька чудом удержалась, чтобы не заорать, а то бы и ей пришлось

иметь дело с психиатром. Спасла ее уверенность в защите, подаренной отцом. А уже через пару мгновений она убедилась, что гнилостно-зеленых слизней никто, кроме нее не видит, и успокоилась окончательно.

Этим визитом нашествие непонятных тварей не закончилось. Большие и маленькие, синюшные, багровые, зеленые, как болотные гнилушки непонятные создания сидели на плечах, головах, груди почти у каждого, кто входил в палату. Вконец измучившись, девушка нацарапала на косяке несколько обережных рун и успокоилась. Сделать-то все равно больше ничего не получится, так зачем нервы тратить?

Только через пару дней она сообразила, что это хулиганит ее раскрывающаяся искра силы. Видимо мир открывает ей новую грань, к слову — не особенно симпатичную. Но еще раньше она заметила и иное — у всех, кто входил в ее палату, от заведующего отделением до уборщицы, эти мерзкие создания или исчезали, или сдувались, как воздушный шарик. Сами же посетители осознали происходящее далеко не сразу. И только когда у медсестры Леночки прекратились ссоры с сестрой, лечащий врач перестал беспричинно ревновать юную красавицу жену, а санитарка не ушла в обычный запой, народ понял, что что-то происходит. К счастью, с Лелькой никто этого не связал, коллектив решил, что все дело в небольшой часовенке, что как раз в эти дни открылась в пристройке, так что ведунью никто не беспокоил и выздоравливать не мешал.

Выздоровление шло быстро. Искра божественной силы, даже самая слабенькая, всегда защищает и бережет своего обладателя. Вот и обходят стороной таких людей болезни, а случись им заболеть — все проходит быстро и без осложнений. Так было и у Лельки. Приближалась выписка, а девушка совсем не понимала, что ей делать дальше. Олегее еще пару раз навещал, но ни тетя, ни дядя так и не приехали. Зато навестила бабушка Агата, дяди-Андреева мама. Крепкая старушка сохранившая чувство юмора и доброжелательное любопытство к миру, всегда ладила с внучкой и внучатой племянницей.

— Так, Лелечка, давай-ка собираться будем. Доктор сказал, что завтра тебя выпишут.

— Бабушка Агата, а почему дядя с тетей меня ни разу не навестили?

— Не могли они, деточка, не держи обиды. Наталья безотлучно при Ирине сидит. Та только вчера в себя пришла, да и то сказать — пришла... Мать-то она узнала, а что с ней произошло, рассказать не может, только трясется и рыдает. Да и лечиться ей еще долго, а главное — непонятно как. Диагноз-то врачи так и не смогли поставить. А Андрюша бы к тебе обязательно приехал, только он ногу сломал. Пришлось и ему в больничке полежать, благо перелом простой, вроде заживает уже, но за руль садиться он не может.

— А меня куда теперь? Уже же уроки начались.

— С уроками тоже не так все гладко... Директриса-то школьная пропала. Стали ее искать, пришли к ней, а там сидит бабка меня старше, говорит — уехала внучка, навсегда уехала. Так народ и не понял — с чего уехала, куда, а главное — когда успела. Ну да это ее дела. А вот то что в школе она вела треть предметов и теперь это делать некому, уже наши дела. Так что не переживай, сильно ты по учебе не отстанешь. Вопрос же куда тебе теперь — он посложнее будет. Натальи нет, Андрей хоть и дома, а все еще нездоров. По дому он справляется, но, если туда решишь — на тебя тоже немало ляжет. Сама-то что думаешь? В деревню поедешь, или у Светы поживешь? У нее, конечно, тесновато, детишки подросли, но думаю, мы с тобой в одной комнатке уживемся?

— Уживемся, бабушка Агата. Только мне лучше в деревню. Я там уже привыкла, там теперь мой дом, да и дяде помогу.

— В деревню, так в деревню, но, если что неладно будет — звони, место для тебя есть. Так и вышло, что в день выписки Лельку забрал Олег, и вскоре девочка оказалась дома.

Осень уже всю хозяйничала в лесах, но лесные жители еще не попрятались на зиму. Звери и птицы, под хозяйским присмотром дядьки Ермолая, готовились к долгой зиме. На ставшую родной опушку Лелька отправилась уже на следующий день. Ей было очень нужно узнать, что скрывается за загадочной фразой берегини «Ты поспешила». Идеи-то у нее были, но очень хотелось бы получить подтверждение.

Подтверждение она получила, вот только оказалось оно не особо приятным.

— Тебе было сказано, — вещал леший, — что у ведуний искра связана с женским естеством. Только женщина, способная выносить и родить дитя, может удержать в себе эту силу без вреда для мира. Ты что же думаешь, это игрушка? На себя посмотри, что ничего такого с тобой не творится?

— Творится, — уныло подтвердила Лелька.

— Я тебя предупреждал, что я не нянька тебе, не гожусь девиц воспитывать, а после Полозового огня мне и корысти в тебе никакой нет.

— Значит было что Полозу выжигать?

— Знамо было, — не смутился дядька Ермолай.

— Я же вам доверяла, за что вы меня так?

— Вот же, неумные вы, люди, все-таки. Сколь раз тебе было говорено, что у каждого свой интерес. Сперва свой, а чужой потом, ежели время да силы останутся. Моего интереса в тебе теперь нет. Из леса я тебя не погоню, врагом не стану, даже полянки заветные не закрою, все-таки ты немало добра сделала, и я это помню. Но ежели ты не начнешь своей головой думать, то добра никому не будет.

— Что ж, лесной хозяин, спасибо за науку.

— Обиделась? Нешто я тебе что новое сказал?

— Не сказал, — слезы душили Лельку. Ей было так же больно как тогда, привязанной к грязному полу, после Сашкиных слов.

— Да что же за проклятье на мне такое! — сердито подумала девушка, смахивая соленые капли. — Никак не научусь понимать, что нет у меня друзей и родных, нет и не будет. — Мысли были горькими, как больничные таблетки.

— Лесной хозяин, так что, разъяснишь мне послание берегини, или тебе некогда?

— А и разъясню. И не из заботы о тебе, а из беспокойства о судьбе леса и деревни.

— Даже так? — удивилась ведунья, и душевная боль как-то попритихла в ожидании новых неприятностей.

— Искра в твоей крови — часть божественной силы, силы природы. А ты разве видала богов, что заботятся о чьем-то благополучии? Они стражи мира, а не каждой букашки. А природа добра аль нет? Сама ведаешь, в ней тоже благости мало. Волки о заячьем благе не радеют, гусеницы деревья не берегут. Или ты, или тебя. Вот и искра, что в некоторых человеках живет, такая же. Все равно ей что будет с тобой, с людьми вокруг. И спасает все только то, что у человека, носителя искры, есть душа и разум, которые эту искру и придерживают, чтобы, значит, дел не натворить.

— Так и у меня душа и разум есть.

— Есть-то есть, да только маловат он у тебя, да и душа пока не готова. Вон, как обиделась на меня, как волчок-годовичок на сучок, что ему шкурку попортил. А ведь это просто жизнь так устроена, и никто в этом не виноват. Ты из девки бабой стала, искра твоя

развернулась во всю ширь, а держать тебе ее покуда нечем.

— И что же теперь будет? — Лельке стало жутковато, но всей глубины попадалова она еще не поняла. Однако леший ее в неведении не оставил.

— Ежели ты силу свою не удержишь, то много всего будет. Искре этой все одно, что творить, она мир под себя начнет перекраивать, и кто тут под руку подвернется, а кто спасется — никому неизвестно.

— А со мной что будет?

— А тебя не будет больше. Тело останется, душа уйдет, а разум выгорит. И будет тело носить искру да чудесить, пока не остановят.

И тут Лелька испугалась по-настоящему. Даже нападение болотника и встречи с гостями из тумана ее так не пугали. Исчезнуть, перестать быть и одновременно оказаться причиной гибели множества людей и нелюдей — при одной мысли о подобном тело пробирал могильный холод, а разум пытался скрыться, спрятаться и исчезнуть.

— Ты что творишь! — вернул девушку в реальность вопль лешего.

Лелька открыла глаза (и когда она успела так зажмуриться?) и увидела вместо привычного мужичка натурального древесного монстра. И вот этот полукуст-полудерево с жуткими желтыми глазами, неожиданно перебил тот потусторонний страх. Девушка даже завизжать не успела, как вместо монстра перед ней оказался привычный дядька Ермолай.

— Ну и сильна ты. Думал все, конец мне, и меня разума лишишь. А безумный леший — хуже нет для леса. Теперь понимаешь, какая беда может случиться?

— Понимаю, — глухо ответила веда. — Вот только что делать не знаю. Не готовила меня жизнь к такому.

— Не готовила... — проворчал леший. — А делать понятно что. Видела как молодые звери по весне дурную силу в драках сливают? Да и у вас, людей, также. Работать твоя искра должна, истощаться. Только так ты ее удержишь. Думай, куда силу пустить, на добро ли, на зло. Пока снег не ляжет — приходи ко мне, подскажу что в лесу можно сделать. Вон, видишь полянку? На ней раньше травы редкие росли, а потом какие-то уроды костер развели, да все выжгли. Иди туда, руки в землю опусти, да пожелай земле добра и здоровья. Сразу может и не выйти, но как получится, тебе полегче станет.

Лелька просидела на холодной поляне почти три часа, пока не почувствовала, что сдувается, словно шарик, из которого выходит воздух. После этого ей и впрямь полегчало, стало спокойнее, хотя сидящих на людях тварей она видеть не перестала. Впрочем, твари к ней не совались, так что волноваться из-за этого она прекратила.

Две недели Лелька сливала силу в окрестные леса и луга. Поначалу было трудно, после таких «сеансов» болела голова, ломало все тело, как при тяжелом гриппе, но со временем она приноровилась, стало полегче. Когда же искра совсем шла в разнос, помогал камень, захваченный в старом прабабушкином доме и переживший в ее рюкзаке все последующие приключения. Лелька и себе не могла объяснить, что особенного в этом булыжнике, но каждое прикосновение к нему обдавало теплом, согревая зябнувшие руки, медальон на груди и даже, кажется, душу. Так продолжалось две недели, а потом домой вернулась Ирина.

Увидев сестру, Лелька потеряла дар речи. Вместо Ирины перед ней стояла даже не старуха, а какое-то непонятное существо. Однако реакция самой Ирины на встречу была намного более бурной. Увидев виновницу своих бед, она закричала что-то нечленораздельное, забилась, изо рта пошла пена. Испуганная Наталья рывкнула на племянницу и захолопотала вокруг дочки.

Вечером к Лельке зашел дядя Андрей.

— Ты прости Наташу, Леля. Она не со зла, просто очень уж много на нее свалилось. Ирина-то вроде поправляться начала, никто не ожидал такого.

— Дядя Андрей, я зла не держу, только как дальше-то жить?

— Давай-ка, племяшка, завтра подумаем. Говорят же, что утро вечера мудренее.

У Андрея не повернулся язык повторить девчонке, что он услышал от жены. Та была твердо намерена отправить племянницу из дома как можно дальше.

— Я конечно все понимаю, но это уже чересчур. Ты взяла девочку к нам, а теперь хочешь выкинуть как щенка.

— Да если бы я знала, какая она, то никогда бы не взяла. Даринка была светлая, добрая, она бы на чужого парня никогда глаз не подняла, а эта...

— Да что эта? Сашка что, свататься приходил? Ты ж сама знаешь, что это просто Иришка себе намечтала. Да и если по совести, парень гнилой, я бы ему дочку не отдал.

— Эта Лелька затащила ее в какой-то оккультизм. Вот что надо было с ребенком сделать, чтобы она так пострадала?

— Лелька и сама пострадала.

— Подумаешь, ногу сломала. Ириша вон, до сих пор оправиться не может. Да и не просто так она сегодня разнервничалась. Сам подумай, как мы будем жить, если ей при одном взгляде на Вольгу плохо делается? Ты что, предлагаешь мне собственную дочь, да еще больную, выгнать?

— Я предлагаю тебе думать, а потом делать. Помнишь мамину поговорку: «Сперва кумекай, потом кукарекай»? Ты девочку взяла в дом, ни с кем не посоветовалась, не продумала ничего, а сейчас снова на те же грабли?

— Я взяла, я и отправлю. Ира с ней в одном доме жить не сможет.

— А если бы это была наша дочь? Если Ира будет также и на малыша реагировать?

— Это не наша. И наш ребенок таким не будет.

— Каким — таким?

— Вольга завистливая, она просто позавидовала сестре. Ириша красивее, умнее, у ней и подружек было много, и парни внимание обращали.

— Вот чего у Лельки нету, так это зависти. Да и если правда то, что ты говоришь, вот

что она могла такое сделать, чтобы Ирина так заболела?

— Я почему знаю? Может отравила чем, вон она все время с травками своими возилась.

Нет, хоть что говори, а я ее из дома отправлю.

— Да куда отправишь-то?

— Хоть в детдом, хоть в интернат. Куда возьмут, туда и отправлю.

— Ой, Наталья, дуришь ты. Вспомни, что сестре обещала?

— Я все помню. Но мне своя дочь дороже. А ты чего так за сиротку вступаешься? Или понравилась? Хочешь поближе пристроиться? Давай, она Сашку приняла, значит не брезгливая.

— Думай, чего несешь!

— Ладно, прости меня, дуру. В сердцах сказало. Но с Вольгой нам в одном доме не жить.

— Ладно. Дай пару дней, я со Светкой договорюсь. Не дело это родную кровь бросать.

— Тебе не родня.

— Раз тебе родня, моей дочери родня, то и мне родня. Сказал же — пару дней!

— Пару дней дам, но чтобы послезавтра к вечеру ее здесь не было.

Ночевать Наталья легла водной комнате с дочкой. Лельку вытеснили на диван в зале. Впрочем, ведунья не возражала. Все одно, утро должно было принести перемены, так раньше они начнутся или позже, какая разница. Однако человеческие планы — дело ненадежное, что вновь и продемонстрировала людям пришедшая ночь.

Наталье снился сон, словно она снова маленькая и вновь спорит с бабушкой Тасей. Ох как ей в свое время надоело доказывать, что все эти заговоры-наговоры чистой воды ерунда, сказки для глупых теток. Баба Тася никогда не сердилась, только печально смотрела на внучатую племянницу, уверенно излагающую установки партии и правительства. Тем непривычной было увидеть ее в этом странном сне по-настоящему сердитой.

— Ты что творишь, Наталья! Ведь сама знаешь, не давши слово — крепись, а давши — держись.

— Да что вы ко мне все привязались с этим словом! Ну ведь бывает же, изменились обстоятельства!

— Бывает. Да только кто тебя за язык тянул клясться кровью рода?

— Да какая разница! Мне просто хотелось, чтобы сестренка не волновалась.

— А теперь перехотелось?

— Даринке теперь все равно. Да и кто ж знал, что ее дочь такая...

— Какая-никакая, а коли слово дадено — должно быть исполнено.

— Да как тут исполнять! Да и не на улицу же я ее выгоняю, вырастет, многие так растут, учатся в интернатах и ничего. Присмотрим потихоньку.

— Эх, Гуська-Натуська, что ж ты наделала...

Бабушка исчезла, а Наталья очнулась от резкой боли. Тело разрывалось на пополам и она, не выдержав, закричала. Через минуту в комнату вбежала Лелька.

— Тетя Наташа, что с тобой?

Ответить Наталья не могла, все силы уходили на то, чтобы оставаться в сознании. Но девчонка уже сама поняла, в чем дело.

— У тебя роды начались. Все плохо. Я сбегая к дяде, скажу, чтобы он доктора привез.

Наталье хотелось сказать, чтобы она не лезла не в свое дело, но мозг молнией прошило: Ирина! Что будет с дочкой, если она не выдержит?

Лелька вернулась быстро, Наталье показалось и секунды не прошло.

— Пей! — она сунула тетке под нос кружку с какой-то травой

Наталья помотала головой, отказываясь доверять этой девчонке. Она уже один раз обманулась, взяв ее в свой дом, и навлекла беду на семью.

— Пей! — повторила Лелька. — У тебя кровотечение сильное, если его не остановить, можешь умереть.

Наталья вцепилась в кружку. Ей было необходимо выжить, хотя бы ради дочери. Лелька что-то шептала, боль немного отступила, и Наталья услышала: «Камень бел стоит, воде течь не велит. Ты вода уймись, кровь остановись. Болезнь исцели, жизни нить продли».

И эта туда же, — подумалось Наталье. — ну чисто Таисья.

Андрей привез врача через 20 минут, но было уже поздно. Преждевременные роды на таком сроке — страшное дело. Происходи все в городском роддоме, может и можно было бы что-то сделать, но ночью в деревне... Ребенок родился мертвым, Наталью еле спасли, благо Вера Васильевна была врачом опытным и ко всему готовым. Но есть вещи, которые неподвластны медицине. Приговор был вынесен — больше детей Наталья иметь не сможет.

Во время всей этой суматохи у Ирины начался очередной приступ, пришлось ее положить в сельскую больничку вместе с матерью. На утро девушку, под приглядом не до конца оправившейся Натальи, вернули в городскую неврологию, а оттуда — в инфекционку.

Опытный доктор, увидев симптомы, заподозрила редкий и страшный диагноз, который и был подтвержден — полиомиелит. Анализы показали, что больная уже не опасна для окружающих. Ей предстоял долгий период реабилитации все в той же неврологии. Рыдающей Наталье врач объяснил, что иногда прививка срabатывает не полностью и человек все-таки заболевает.

— Девушка хотя бы может самостоятельно дышать. При такой форме заболевания нередко наступает полный паралич, у вас же случай полегче. Да, тяжело, да, сложно, но при тщательной реабилитации ваша дочь выживет и сможет себя обслуживать. Теперь очень многое зависит от вас. Побудете какое-то время в отделении, подберем препараты. Потом хорошо бы в санаторий специальный, я вам попозже расскажу, что и как, оформите инвалидность и постепенно все образуется.

Лелька наутро чувствовала себя совсем разбитой. Жизнь разваливалась на глазах, и она совершенно не понимала, как все поправить. Ей очень хотелось все вернуть назад. Пусть бы Ирина и дальше злилась и потихоньку ведьмачила, подумаешь, проблема. Зато все были бы здоровы, тетя Наташа не потеряла бы маленького, а дядя Андрей не выглядел бы так, что краше в гроб кладут. По всем правилам, Лельке надо было порадоваться несчастьям Ирины, но радости не было ни малейшей. Нет, всепрощением Лелька не страдала, ей поначалу хотелось Ирину наказать. Но увидев, во что превратилась красавица-сестра, она попросту испугалась. Не такое представляла себе она, лежа с переломом на больничной койке, как-то это было слишком.

Посмотрев, как мучается Андрей, пытаясь все успеть, девушка осознала, что надо что-то делать, и делать самой, никто не придет и не поможет. Леший к этому времени уже залег в дупло на всю зиму, Кондратъич вообще куда-то пропал, даже по приглашению не приходил, так что пришлось идти за советом к ауке.

Жуликоватый гриб встретил веду радостно. Лелька в качестве то ли взятки, то ли благодарности, принесла ему новую зимнюю одежду. Прежнюю за лето слопала какая-то предприимчивая моль, а остатки растащили лесные мыши на утепление своих

многочисленных норок и гнезд. Выслушав Лелькин рассказ, аука задумался, смешно подергал носом и заявил:

— Чую, веда, что не просто так на твою семью все это валится, но вот в чем дело — сказать не могу. Я ж возле людей не жил, порядков человеческих не ведаю. Надо тебе домовика добывать. Ишь, удумал, прятаться от ведающей!

— Да как его добудешь, я жене его рода, просто гостя в этом доме.

— Я слыхал, что есть строгий заговор. Если его хозяин дома прочтет, домовик не сможет не явиться. Будет упрячиться — сила притащит.

— А ты, уважаемый, не слыхал, где этот заговор взять можно?

— Это у самих домовиков надо спрашивать. Найди того, кто с тобой говорить станет и спроси. Иного пути нету.

— Спасибо тебе за совет, уважаемый аука! Легкой тебе зимы. Случится время — опять приду.

— Приходи, а то я тут от одиночества скоро завою на манер Ермолаевых волчков.

За помощью в добывании загадочного заговора Лелька обратилась к Олегу. Травник знал немало ее секретов, одним больше или меньше не имело значения. Помочь ей повидаться с собственным домовым Олег согласился сразу, но честно предупредил, что суседушко у него своевольный, местами даже вредный. Тем не менее, встреча состоялась.

Седобородый степенный домовик, чем-то похожий на внезапно усохшего Гэндальфа, отнесся к Лелькиной проблеме с пониманием:

— Ладно, веда, помогу я тебе. Так-то по-хорошему надо мне сторону своего держать, да только прячется он не по делу, из глупости. Молодой ищцо...

Лелька на секунду задумалась, сколько же лет ее собеседнику, если «молодой» Кондратьич помнил донаполеоновские времена. Однако долго думать не вышло, надо было слушать, что ей говорят.

— Ты, ведающая, намеренно аль нет, но навела нашего главу рода на верный путь. Искра у него проснулась и делом он занялся верным, родовым делом, а не всякой ерундой с вашими машинами. Так что запоминай заговор. Только помни — читать должен набольший в роду, хозяин дома, а то беда будет. Любого иного домовик в своем доме и загубить может коли осерчает, а он непременно осерчает, ежели его противу воли на разговор к людям потащат.

Заговор пришлось запоминать с первого раза и дословно. Писать вредный домовик не разрешил, а повторять не стал. Но едва он растворился за печкой, прихватив пару пирогов с капустой, испеченных Олеговой женой, Лелька записала все заученное.

Первый «кусочек слона» был съеден, но оставалось главное — надо было убедить дядю Андрея прочесть этот заговор вслух. Девушка сильно сомневалась, что родственник, замороченный свалившимися бедами, захочет даже слушать о подобном перформансе, а тем более в нем участвовать.

— Дядя Олег, поможешь мне? Тебя дядя Андрей наверняка послушает. Я прямо спиной чую, что надо торопиться.

— Ладно, помогу. Все-таки Андрюха мне друг, да и в помощи не отказал, когда я просил.

Андрею в этот вечер больше всего хотелось напиться. Жена была в больнице, дочь заболела так тяжело, что о выздоровлении и речи не было, на лечение обеих требовались немалые деньги, а тут еще мама занемогла. Светка, сестренка позвонила, попросила

приехать при первой возможности. Последним камушком этой лавины стал визит ветеринара, заподозрившим ящур у свиньи Рогнеды.

— Не обессудь, Андрюха, но, если все подтвердится, сам понимаешь — рисковать никто не станет, забить придется всю твою живность. Анализы я отправил в район, дня через три все узнаем. Сам осторожнее, знаешь же, что эта пакость на людей только так переходит.

Приход Олега он воспринял, как появление потенциального собутыльника. Одному все-таки пить не хотелось, а племянница жены на эту важную роль не подходила.

— Не вопрос, Андрей, хочешь выпить — наливай. Но давай сперва сделаем то, что девчонка просит. Хуже тебе от этого не будет, а лучше... Чем черт не шутит, пока бог спит. Вдруг поможет.

Так Андрей и оказался в центре кухни, с листочком бумаги в руках. Чувствуя себя полным идиотом, он встал лицом к печи и громко прочел:

“Слово крепкое в ночи сказано, да глаголом тайным речено,
Седыми ветрами развеяно, Землей-матушкой закреплено.
Зову домового-заступника, дома сего хозяина,
Заклинаю чурами-пращурами, закрепляю родовой кровью.
Домовой явись, за дом да род заступись.”

Он постоял еще немного и обернулся на инициаторов этого спектакля. К его удивлению, они оба смотрели мимо него и явно что-то видели. Рассудив, что напиток он успеет, Андрей отошел в сторонку и присел на подвернувшийся табурет.

Лелька и Олег тем временем смотрели на маленького старичка. Лелька вспомнила последнюю встречу с домовым и поразилась произошедшим переменам. Дерзко торчавшая ранее рыжая борода поредела и висела клочками, одежда превратилась в натуральное тряпье, а сам домовый хозяин с трясущейся головой и подгибающимися коленками выглядел сущей развалиной.

— Кондратьич! — воскликнула Лелька — да что же с тобой случилось!?

— Конец нашему роду пришел, веда, а значит и мне конец.

— погоди помирать раньше времени. Объясни мне, в чем дело? Да и раз беда пришла, зачем прячешься-то? Чего за помощью не пришел?

— Не хотел я тебе рассказывать эту историю, боялся, что добьешь ты нас, а так может выберемся еще... Только теперь все одно. Наталья, тетка твоя, в последний вечер с твоей матерью, поклялась ей кровью и родом, что вырастит тебя как свое дитя. Сделала она это по доброй воле, без принуждения, и навлекла на весь наш род беду. По этой клятве не только она, но и все, кто связан кровью с нашим родом, повинны были тебя растить и беречь.

— погоди, Кондратьич. Наталья же не вашего рода.

— Как же не нашего. Баба завсегда в род мужа уходит, а ежели дитя родит, то ее и спрашивать никто не будет, у родовичей с этим завсегда строго было. Строго было и с другим: предателей своей крови они изводили полностью. Ждет это и нас. С того Наталья младенца скинула, у Ирины детей не будет никогда, да и Андрей, даже если сызнова женится, деток уже не приживет. Только не женится он. Вон матушка его слегла, хозяйство гибнет. Все одно теперь.

— Кондратьич, неужто ничего сделать нельзя?

— Мамка твоя могла бы клятву снять, да только померла она. Можешь ли ты заступиться, мне не ведомо. Да и сама подумай — неужто тебе это надобно? Ведь Ирина-то

натурально тебя извести хотела. От того и жива осталась лишь чудом — ведьма, наставница ее, часть урона забрала. Не по своей воле, знамо дело, но из-за этого Ирина только и выжила. Родовичи предателей рода николи не жалели, померла бы она там же, не будь ученицей ведьмы.

— Так старуха в доме директрисы — это она сама?!!

— Она и есть. Ведьмой она быть перестала, а годов ей много уже, под сотню, считай. Доживет теперь сколь осталось и все. Души у нее давно нету, так что и следа не останется. Только нам от сего не легче.

— Вот что, Кондратьич. Раньше смерти не помирай. Я, конечно, не святая, но на семью зла не держу. Я же вижу, что тетя с дядей ко мне хорошо отнеслись, это уж потом тетя Наташа за Ирину обиделась. Подумай, что можно сделать.

— Потом обиделась... С ее обиды беда в род и пришла. Реши она тебя и дальше как дочь родную растить, ничего бы не случилось.

— Перестань обиды считать, думай давай.

— Дарина, мамка твоя, клятву снять не может, но могут ее пращурь, ежели попросить крепко.

— То есть, я могу пойти в дом бабушки Таси и попытаться попросить за дядю с тетей?

— Мочь-то можешь, только вот что из этого выйдет, я тебе не скажу. Просто не знаю. Но знаю, что легко не будет. Не любят старые боги такие клятвы разрешать, потому и дают их с великой опаской. Это вон, Наталья не подумавши сделала. Языком сболтнула, а дочку не приструнила. Да что уж теперь...

Домовик махнул рукой и полез, побряхтывая, в запечье.

Андрей сидел, слушал Лельку, наглаживал пришедшую на колени Лапатундель и понемногу успокаивался. Мурлыканье кошки словно говорило, что у него еще есть шанс. Надо только собраться, не раскисать и попытаться. Это он и намеревался сделать.

В этот вечер никто напиваться не стал. Андрей, немного поговорив с приятелем, ушел спать, а Лелька спряталась в комнате, где жила с Ириной и крепко задумалась. Обманывать себя смысла не было. Она хотела наказания для Ирины. Сестра должна была ответить за те придирки и пакости, которые постоянно творила, за то, что все эти годы после смерти родителей Лелька жила как разведчик в тылу врага: никогда не знаешь, что и откуда прилетит, никогда не можешь просто расслабиться и отдышаться. Но она совсем не хотела зла дяде и тете. Да, Наталья любила родную дочь сильнее, да, иногда Лелька завидовала. Но положив руку на сердце, она не могла бы уверенно сказать, что сама бы повела себя иначе на месте тети. После долгих ночных раздумий решение было принято: она попросит пращуров разрешить Наталью от необдуманно данной клятвы.

Надо сказать, что Лелька знала: хитрый домовик рассказал далеко не все. Он ни словечком не обмолвился о самом важном — о цене, которую Лелька заплатит за свою просьбу. К счастью, наивность юной веды осталась в прошлом, и с размером платы девушка определилась быстро: любую цену она платить не будет, а там как торг пойдет.

Андрей не удивился, когда утром племяшка сообщила ему о своих планах. Лелька намеревалась провести следующую ночь в том самом доме, где чуть не лишилась искры и самой жизни. Девушка была не в восторге от подобного поворота событий, но только в старом мамином доме призыв предков имел хоть какой-то шанс на успех. По случайному совпадению, сегодня этот шанс был особенно высок — наступала Велесова ночь. Вся деревенская молодежь собиралась праздновать Хеллоуин, а Лелька готовилась к сложному и

опасному обряду.

Когда к старому дому подступили сумерки, все было готово. Пол чисто вымыт, на окнах ветки рябины исвечки, а снаружи на тех же окнах подношенье пращурам. У старой березы горел бережно обустроенный костерок, который потухнет на рассвете. За печкой упоенно похрустывал специально купленными лакомствами крыс. Девушка не забыла серого помощника и не поленилась отыскать лакомства, что случайно залежались в местном супермаркете. Местный люд предпочитал крыс травить, а не кормить.

Лелька присела к окну и всмотрелась в пламя свечи. Мысленно она потянулась к тем, кто встречал с нею Живину ночь, кто не бросил ее в беде, не оставил наедине с жаждущей силы Ириной. Однако сегодня ей никто не отозвался. Снова и снова девушка пыталась пробиться сквозь мертвую тишину, пока из глаз не полились слезы, то ли от огня свечи, то ли от разочарования. Когда она, смахнув с подоконника рябину, была уже готова сдаться, окно неожиданно затянулось серебристым туманом и глубокий, густой бас сказал:

— Ну здрава будь, Вольга Гранина. Не придут к тебе сегодня пращуры-праматери, да и не по силам им освободить сестру твоей матери от клятвы. Не сумеют они.

Лельке не надо было долго размышлять о личности нежданного собеседника.

— Будь здоров и ты, Великий Велес.

— Смотри-ка, сообразила!

Туман чуть развеялся, и Лелька увидела могучую фигуру в меховом плаще. Как она ни старалась, ей не удавалось разглядеть лица. Лик Велеса постоянно менялся, становился то юным, то старым, то волчьим, то медвежьим, только пронзительно-голубые глаза оставались неизменными.

— А скажи-ка мне, юная веда, для чего хочешь ты разрешить от клятвы свою тетку? Ведь заслужила она наказание, нарушив данный по своей воле зарок.

— Может и так, да только я знаю, что обещание она давала искренне. Просто не смогла его выполнить. Да и вина в этом скорее ее дочери, а не ее самой.

— Значит сестра твоя сродная наказание заслужила?

— Все заслуженное она уже получила. И уж точно не заслужил наказания дядя. Он клятв не давал и не нарушал.

— Ну что ж, может и есть в твоих словах доля истины. Вот только просить все горазды, а готова ли ты отслужить за просьбу?

Лелька напряглась, поняв, что сейчас начнется самое важное. Она отлично помнила встречу с Великим Полозом и не сомневалась, что за помощь с нее возьмут по максимуму.

— Смотри какую службы запросишь, Великий Велес.

— Стоит ли считаться, радея за родную кровь?

— Считаться стоит всегда. Вон, тетка моя, не посчиталась и что с нею теперь? Нет смысла браться за дело, которое не можешь сделать.

— Так и мне нет корысти давать тебе службу, что не снесешь.

— Так да не так, Великий. Сам ведаешь, если человек знает «зачем?», он снесет любое «как». Вот только мое «зачем» в этом деле не стоит моей жизни. Помочь хочу, да. Но выполнить завет отца, прожить счастливую жизнь, завести семью и детей, увидеть мир я хочу больше.

— Экая ты корыстная... Значит не пойдешь ко мне на службу за освобождение родичей от клятвы?

— Не пойду. Ежели нет другой цены, значит пусть все будет как будет.

— А ведь весь твой род мне веками служил.

— И где он сейчас? Видимо, мой папа понимал, что раз ты род, тебе верный, не сберег, то и меня беречь не станешь. А мне в Навь рано пока.

— Все вы, Гранины, не в меру строптивы. Не стал твой родитель меня к тебе в покровители звать, а напрасно.

— Ой, не напрасно, Великий, не напрасно. Мы ведь оба знаем, что, если бы позвал — ты бы меня сейчас не уговаривал, а приказы отдавал.

— Так я и не уговариваю. Это ж ты звала, не я пришел.

— Я звала тех, кому верю, кто меня берег и спасал.

Лелька не договорила фразу «но это не ты», однако Велес ее понял и рассердился. Туман из серебристого стал темно-сизым, проявились тяжелые рога, что были не видны ранее. На плечи девушке, казалось, опустили многотонный груз. Поняв, что дело плохо, Лелька потянулась к рябине, накрывая рукой обжигающе-горячий медальон. И вдруг все схлынуло, как не бывало.

— Упряма ты, веда. Ну да ладно, то было мне ведомо. Слуга рассказал.

— Великий Полоз?

— Он. Я его было наказал, за то, что не смог тебя на службу подрядить, а теперь вижу — поспешил с наказанием. Ладно, служить мне всю жизнь ты не станешь. А одну-единственную службу выполнить готова?

— Это ж смотря какую, Великий. Пращуры не зря учили: «Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе».

— Вон, на столе лежит камень.

Лелька обернулась. На столе действительно лежал камень, подобранный ею в тот роковой день, камень, который так помогал ей в обуздании внезапно разгоревшейся искры.

— Это не простой булыган, — продолжал Велес. — Этот камень — Ключ, которым можно запереть Грань на долгие столетия.

— Ты хочешь, чтобы я это сделала, Великий?

— Хочу. Только беда в том, что пока я был занят, все у вас в Яви переменилось-перекрутилось. Исчез куда-то Замок, для которого Ключ-камень был рожден. Мое последнее слово: возьмешься найти Замок и запереть Грань, я тебе помогу, ну а коли нет — значит судьба твоей тетке воспринявший ее род загубить.

— Какой срок ты мне отмеришь, коли возьмусь?

— Года хватит?

— Сильно ты отвлекся от земных дел, Великий. За год я даже в силу не войду.

— Ну что ж, вижу, понимаешь, что все непросто будет. Я дам тебе семь лет, семь месяцев и семь дней. За это время ты должна найти Замок и запереть Грань. А чтобы тебе было легче службу нести, возьмешь под половицей в красном углу родовую книгу, что твоя мать не нашла. Ну и пригляжу за тобой, сколь смогу. Берешься?

Лелька вздохнула, осознавая глубину попадалова и воистину змеиную хитрость Велеса. Но дальше спорить и торговаться было бессмысленно, только уходить и навсегда. Кроме того, ссора с Велесом (а она непременно приключится при отказе) ставила крест на тех возможностях, что давала искра. Лелька не сомневалась, что ушлый бог приберет ее, как только она произведет на свет нового хранителя Ключа. Так что при всем многообразии вариантов реальный выход был один.

— Берусь! — выдохнула она.

Туман рассеялся и на Лельку глянули самые родные в мире глаза. На нее смотрела мама.

Неожиданно в голове зазвучал знакомый бас:

— У тебя только несколько минут, чтобы попросить о снятии клятвы. Будь благоразумна и помни — твоя мать не принадлежит к миру живых и вряд ли тебя вспомнит.

Лелькино сердце билось так, словно собиралось птицей вылететь из груди. Ей отчаянно хотелось еще хоть разок обнять маму, прижаться, почувствовать родной запах, рассказать о своих бедах и услышать, что все будет хорошо, что мама, как всегда, отведет любую беду. Но в этом ей было отказано. Вспомнив все что знала о беседах с ушедшими, она позвала:

— Дарина из рода Прозоровых, ушедшая в род Граниных, слышишь ли ты меня?

И мама отозвалась:

— Леля! Доченька! Девочка моя! Как ты тут оказалась? Что с тобой, малышка?

Слезы полились сами собой. Захлебываясь плачем, задыхаясь от волнения, девушка заспешила:

— Мама, мамочка,ними с тети Наташи клятву кровью рода, а то они все умрут, а я не хочу!

— Так, солнышко, погоди. Раз мы говорим, значит... Ответ — ты в слуги к Велесу пошла или службу взяла?

— Службу, одну, и сроку семь лет и семь месяцев.

— Умница. На меньшее он бы не согласился. И не бойся, сейчас нас даже Велес не слышит, потому как нету сильней связи чем между душами матери и ребенка.

— Он еще сказал, где родовая книга, которую ты не нашла.

— Это тоже хорошо. Но времени у нас очень мало. Скажи, если я с Натальи клятву сниму, тебе будет лучше или хуже?

— Лучше. Ирина сломала зарок, если не снимешь, они все умрут. Я так не могу, не хочу.

— Ладно. Сейчас нас снова услышит Велес и больше мы не свидимся. Расти счастливой доченька. Я тебя очень люблю и сколь смогу, буду помнить и беречь. Еще попрошу — будет у тебя дочка — пусть будет Прозорова, чтобы род ведуний не пресекся. Да, и книгу родовую не открывай, пока не попадешь в нашу квартиру.

Лельке отчаянно хотелось сказать, что она тоже любит маму и все сделает, но время утекало как вода.

— Я знаю, родная, что ты тоже нас любишь. А сейчас... Велесе, боже, услышь меня. Милостью Велеса и соизволением пращуров, я, Дарина из рода Прозоровых, ушедшая в род Граниных, освобождаю мою единокровную и единоутробную сестру Наталью от данной ею кровью рода клятвы растить и беречь мою дочь Вольгу как собственное дитя. Да сбудется по слову моему, волею Великого Велеса и соизволением наших пращуров.

— Да будет так, — рявкнул то ли бас, то ли целый хор.

Серебристый занавес тумана заполнил оконный проем. Постепенно туман густел, становился мутно-серым. Лелька быстро переложила рябиновые ветви на подоконник и через мгновение уже смотрела в окно на горевший у старой березы костер.

Вытерев слезы, она тяжело вздохнула и отправилась в комнату, надеясь найти родовую книгу. Место было указано точно, но вот с поиском девушка провозилась до утра. После пережитого двигалась она медленно, ее била лихорадка, и мучила головная боль, но она упрямо поднимала половицы ломиком, найденным за печкой.

Книга в итоге оказалась спрятана очень хитро. Какой-то умелец выдолбил изнутри часть доски, и в этом тайничке лежала старая-престарая тетрадь, завернутая в чистую тряпочку, когда-то вышитую, а ныне почти истлевшую от времени. Лельке очень хотелось посмотреть, что внутри, но помня данное маме слово, она сдержала любопытство. За окном забрезжил рассвет, пора было возвращаться.

Андрей в эту ночь тоже практически не спал. Вокруг будто туман клубились мрачные мысли, потихоньку грызло беспокойство за племянницу, все-таки снова вернуться в дом, где столкнулась с бедой, ей было непросто. За окнами кто-то шептал и противно скребся по стеклам, а из-за печки негромко, но грозно подвывали. Короче, мистика чистой воды. Когда Лелька вернулась, первым желанием дяди было схватить племяшку, зафиксировать и допросить детально. Однако девчонка выглядела совершенно серой, практически замученной, так что на проведение допроса рука не поднялась. Пришлось отправить ее спать и заняться делами, благо те сами себя не сделают.

Неожиданно после такой мрачной ночи день начался неплохо. Да что там, просто отлично начался! Приехавший ветеринар еще издали закричал:

— Андрюха, пляши! Пришли результаты анализов. Нет у твоей красавицы никакого ящура, аллергия у нее!

Слегка обалдевший от такой экспрессии Андрей только и спросил:

— Что за аллергия?

— Ты представляешь, на новую кормовую добавку! И я тебе прямо скажу, то ли ты в рубашке родился, то ли тебе кто ворожит... Эти... анализаторы... сроду бы ничего не распознали и точно вкатили бы тебе ящура, чтобы зады свои прикрыть. Да только за пару дней перед тобой им пришлось делать такие же анализы для свинокомплекса из соседнего района, а там шутка ли, несколько тысяч голов. И поговаривают, что основной владелец — губернатор, а это значит, что бумажкой не отмахнешься, губер — мужик конкретный, все проверит-перепроверит. Объясняй потом, что ошибся и аллергию с ящуром просто перепутал, еще твои правнуки долг выплачивать будут. Ну если успеешь и сможешь после такого ими обзавестись. Так что с твоими им даже заморачиваться не пришлось, проверили пару моментов и стало ясно — те же яйца только сбоку. Так что отменяй добавку, поставим твоей свинке антигистаминное и адью, пусть дальше хрюкает.

Конечно, спасение семейной фермы надо было бы отпраздновать, но праздник пришлось отложить. Ветеринар поставил флегматичной Рогнеде укол и, получив бутылку фирменной Натальиной наливки, отбыл дальше нести исцеление местной скотинке. Андрей же, с облегчением выдохнув, понял, что допрашивать племяшку, похоже, нет смысла. Видать, справилась она с бедой.

Зима в этом году оказалась снежная, но спокойная. Лелька вела нехитрое хозяйство для себя и дяди Андрея, бегала на лыжах в лес к ауке, которого научила играть в шахматы. Это умение заметно повысило авторитет старого прохиндея, а после того, как он выиграл несколько партий у Зюзи и получил какие-то невиданные по лесным меркам преференции, то вовсе вознесло на недостижимую высоту. Однако несмотря на спокойную и даже скучную жизнь, предчувствие твердило юной веде, что весна принесет ей кардинальные перемены, и не факт, что к лучшему.

Это предчувствие вело бы себя еще активнее, услышь Лелька один разговор. Только вот слышать его она не могла, поскольку происходил он в городе, в неврологическом отделении областной больницы.

Андрей приехал к жене и дочери, чтобы обсудить результаты лечения и планы на будущее. Результаты были неутешительны: Ирина плохо говорила из-за правостороннего пареза лицевого нерва, у нее почти не работала скрюченная вечной судорогой правая рука и очень плохо функционировали ноги, особенно левая. Врачи утверждали, что больше ничего сделать нельзя, последствия полиомиелита неизлечимы. Наталья же сдаваться была не намерена. Всеми правдами и неправдами она добилась лечения дочери в Москве, в специализированной клинике. Дело было за малым — надо было собрать деньги на билеты и проживание.

Андрей не возражал против планов жены. Дочку он любил и был готов на все, чтобы ей хоть немного помочь. Но миром этот разговор все равно не закончился.

— Андрюша, мы через три дня вылетаем, мне здесь обещали помочь с доставкой Иры в самолет. Да и там нас встретят сотрудники клиники, все уже оговорено. Ты только пойми, что это надолго, мы даст бог к апрелю вернемся, а то и к маю.

— Сколько надо, столько и будете лечиться. Сейчас деньги пока есть, а потом я продам наш внедорожник, возьму себе Ниву или ПАЗик, что по деньгам получится, и припшлю еще. Да и хозяйство, спасибо Лельке, потихоньку налаживается. Уж не знаю, что она сделала, но все неудачи как отщептало.

— Так, а вот Вольги к нашему возвращению домой быть не должно.

— Это с чего? — опешил Андрей. — Ты что, хочешь сказать, что это она Ирину заразила полиомиелитом? Тебе же врачи сказали, что там инкубационный период чуть не месяц.

— Да причем здесь это! Ты же сам видел, Ире неприятно ее видеть, она волнуется, а ей нервничать вообще нельзя.

— Нельзя так нельзя. Я с мамой договорился, кто-то из девочек в ее комнате поживет, либо Ира, либо Лелька. Даже если Ирине будет сильно лучше, все одно она много ходить пару месяцев точно не сможет. Лелька за это время закончит учебный год и переберется к Светлане, а мама вернется домой. Благо Светкины близнята уже в садик пошли.

— Куда она переберется, мне все равно. Но в доме ее быть не должно. Я дочь снова рисковать не буду. Мало ли, что Вольге в голову взбредет!

— Наталья, прекрати. Ничего ей не взбрело, ты сама отлично знаешь, что заводилой в этой войне была Аришка. Ничего не произойдет, если девочка спокойно доучится.

— Нашел девочку! Она Иришке всю жизнь испортила!

— Так, дорогая жена, хватит! Лелька будет жить у нас до конца учебного года.

Наталья открыла было рот, но взбешенный Андрей рявкнул:

— Хватит, я сказал! Все! И изволь мне писать, что и как, чтобы я понимал, что деньги пойдут на нормальное лечение, а не на всякие модные извращения.

Наталья, хоть и хотелось ей настоять на своем, стерпела. Она душой не была и ясно понимала, насколько сейчас лечение Иры зависит от их материальных возможностей. Будет лучше, если Андрей станет спокойно работать, а когда она вернется, то сама девчонку уберет.

Сашку нашли по весне. Ледоход вынес на отмель у заброшенной мельницы тело бывшего деревенского красавца и покореженный проржавевший велосипед. Лелька не смогла не пойти на похороны. Ее грызла вина за сказанное. Она постоянно думала, что не скажи она тогда «Нас больше не будет и ничего не будет», Сашка сумел бы обмануть судьбу, не тронули бы его русалки. На похоронах ей, однако, легче не стало. Сашкина мать рыдала,

вышла и обвиняла ведунью в том, что заморочила колдовка ее сыночка, заворожила, отвела от хорошей девушки и загубила. После такого односельчане стали коситься недобро, не помогло даже заключение экспертизы о том, что Сашка утонул, когда Лелька уже в городской больничке лежала. В общем, все шло к тому, что надо уезжать.

Окончательную точку поставил разговор с Натальей. Они с Ириной вернулись из столицы в конце апреля, вскоре после похорон Александра. Лечение особых результатов не дало. Ходить Ирина стала получше, но состояние лицевых нервов и руки так и не улучшилось. Наталья быстро отвела дочь в комнату, а на робкое Лелькино приветствие отреагировала резко:

— Так, Вольга, за пожелание здоровья спасибо, конечно, да только вряд ли оно от души идет. Ну да это неважно. Ты собирай вещи, завтра Андрей тебя отвезет в город.

— Тетя Наташа, что с вами? Какие вещи, куда отвезет?

— Со мной все нормально. Вещи твои, мне твои одежды-травки-тетрадки ни к чему. А отвезет в детский дом. Ты еще несовершеннолетняя, одна жить не можешь, а я написала заявление на отказ от опекуна. Это все законно, не могу я кого-то опекать в силу серьезного заболевания родной дочери.

Лелька, конечно, догадывалась, что тетя Наташа на нее сердита, но такого поворота событий не ждала. Мамина сестра всегда относилась к ней тепло, и пусть не любила как родную дочь, но учила и жалела, как могла. Тем тяжелее было девушке сейчас. Словно подменил кто-то родного человека. Однако никаких призрачных тварей у тети на плечах не наблюдалось, так что все эти ужасные слова она говорила своей волей.

— А я значит, родной быть перестала? И как же ваше обещание, что вы маме давали?

— Дарине теперь все одно, а ты мне о родстве даже не поминай. Я тебя и впрямь как родную приняла, а ты чем отплатила? Всю жизнь Ирише изуродовала. Не знай я, что Дарина тебя родила, ни в жизнь бы не поверила, что у моей сестренки такая дрянь может родиться. Не трать время на разговоры, собирайся. Я в своем доме хозяйка, будет так как я решила.

Наталья смотрела на племянницу, на ее слезы и поникшие плечи и в ее душе разворачивалось темное торжество. Пусть хоть так ответит негодная девчонка зато, что сотворила с сестрой! Пусть хлебнет до слез горячего, в детдоме с такими, чистенькими да домашними не шибко церемонятся. Пусть поживет среди этих зверенышей, может поймет, что раз уж в дом тебя взяли, надо вести себя тихо, хозяев уважать и помнить — даже к хозяйской кошке надо относиться с почтением, а уж на хозяйскую дочь вообще голоса поднимать не смей. Наталья чувствовала, что еще чуть-чуть и Иришка будет отомщена. Тем неожиданнее для нее оказалась реакция племянницы.

Лелька словно стала выше ростом. Развернулись плечи, блеснули опасным огоньком янтарные глаза. На мгновение женщине показалось, словно рядом с племянницей встали, положив ей руки на плечи, туманные фигуры.

— Ну что ж, уважаемая Наталья Павловна, раз уж вы решили забыть о родстве, поговорим иначе, — девушка жестом остановила тетю, открывшую было рот для возражений. — Поскольку вы не верите во всю эту мистику, — племянница издевательски усмехнулась, — то я не стану вам напоминать о том, что причиной всей этой истории стала данная вами, именно вами, без всяких просьб, клятва кровью рода. Не стану я вам рассказывать и о том, что такие клятвы — не просто слова. Мы свами даже не станем обсуждать тот факт, что, отказавшись от родового наследия, вы ничего не объяснили своей дочери. Более того, вы не смогли ее контролировать, и она попала на удочку к опытной,

жаждущей мести ведьме. Впрочем, именно существование связи с ведьмой и позволило вашей дочери выжить. Но это мы тоже обсуждать не будем.

Наталья, постоянно пытающаяся прервать Лельку, вдруг охнула и прикрыла ладонью рот. Она вспомнила, что говорили местные тетки о старухе, ныне проживающей в доме директрисы. Дескать, это сама Инга и есть, а вовсе не ее бабка. Однако женщина тут же отмахнулась от этой ерунды. Быть такого не может, просто племянница пытается задурить ей голову сказками.

— Верно говоришь, Вольга. Хватит обсуждений. Собирай вещи и отправляйся сегодня же.

— Не так быстро, уважаемая, — голос племянницы стал глубже и ниже, будто вместо нее говорил кто-то другой. — Как я уже сказала, обсуждать старые сказки мы с вами не будем. Обсудим же мы иное, связанное с вашим опекунством. Вы говорите, написали заявление на отказ от опеки надо мной? Имеете право. Но есть один момент... Почти половина денег, затраченных на лечение вашей дочери, взято из моей банковской ячейки. Я не возражала, была уверена, что помогаю родным. Кто в беде поможет, кроме родной крови. Однако вы решили иначе. Что ж, мы пойдем теперь разными дорогами, иметь дело с той, что не держит слова данного погибшей сестре, я не хочу. Но если вы сейчас отправите меня в город, я немедленно заявлю о хищении средств, за которые вы отвечаете, как опекун. Как вы думаете, что тогда произойдет?

Наталья в ужасе села, где стояла. Она не считала траты на лечение Иришки, не задумывалась, откуда к ней приходят деньги. У нее в голове, словно страшное кино, разворачивались картины последствий: вот ее привлекают к суду и сажают, а Ирина прозябает, забытая всеми. Или не сажают, а обязуют выплатить все растроченные средства и вместо лечения дочки они с мужем каторжно работают, чтобы собрать нужную сумму. Вот идут по селу шепотки, что Наталья обокрала сироту. Отворачиваются односельчане, никто не берет на работу. В самом деле, кому нужен бухгалтер с таким пятном на имени!

Женщина ясно понимала, что после ее действий взывать к родственным отношениям уже бессмысленно. Что бы она не говорила про сестру, в глубине памяти ясно виделось прошлое. Дарина была мягкой, доброй, светлой, но стоило задеть что-то для нее важное, и она становилась жесткой, как чугунный лом и жалила обидчика словом и делом хуже осинового роя. Глядя на племянницу, Наталья словно воочию видела перед собой рассерженную сестру.

— Что ты хочешь? — сдаваясь, глухо спросила она.

— Ничего особенного, — ответила уже обычным голосом Лелька. — Я просто доживу здесь до конца учебного дома, как жила все время до этого, и уеду. Вы отзовете свое заявление и передадите опекунство надо мной Светлане, сестре дяди Андрея. Деньги он потихоньку вернет, тут мы с ним договоримся. Вы, в счет этих денег, передадите мне свою часть старого дома бабушки Таси, все оформите официально.

— А что с Ириной-то будет?

— Что с ней может быть? Последствия полиомиелита почти не лечатся, попробуйте сходить к дяде Олегу. У него есть очень хорошие общеукрепляющие сборы, сейчас это самое важное для вашей дочери.

— И все? Это все что ты можешь предложить?

— Этого уже немало. И запомните один момент... Веды, ведьмы — это для вас просто сказки. Но если вы или Ирина решите мне мстить, то будьте готовы к тому, что я смогу за

себя постоять. Даже в сказках веды пусть и не нападают первыми, но имеют право на любую защиту себя и близких. А про превышение необходимой самообороны в сказках не рассказывается. Не знали наши пращурьы о таком.

Лелька повернулась и медленно вышла из комнаты. Также медленно она дошла до своей кровати. Достала из сумки Старичка-Огневичка и ушла на опушку. Там она, присев на знакомый пенек, и дала волю слезам. Лесавки и леший еще не проснулись после долгой зимы, так что никто не видел, как юная веда оплакивает крах своей надежды вновь обрести семью.

Слезы не закончились и к ночи. Лельке едва хватило сил удержать лицо и успеть забиться в выделенную ей комнату бабушки Агаты. Так в слезах она и уснула, чтобы внезапно проснуться от того, что кто-то гладил ее по голове.

— Не пужайся, девонька, я это, — раздался знакомый голос.

— Кондратьич? Что-то случилось?

— Да не, тихо все. Прости, что разбудил, уж больно горько ты плакала.

Лелька отвернулась и вытерла глаза. Подушка действительно была совсем сырой.

— Ты не печалься. Не повезло тебе с Натальей, не хватило ей души на вас двоих. Да и кто знал, что из Ирины такое ползет. Я ж ее тетешкал крохотную. Детки, пока не говорят, нас видят, а нам и радостно. Такая красуня была, и вот смотри чтовыползло! Ну да им еще платить и платить за то что сотворили. А тебе благодарность огромная от меня. Кабы не ты, сгинул бы Андреев род, как есть сгинул. А так, может еще и образуется.

— Наталья Павловна детей иметь не сможет. Я точно вижу.

— Ну Наташка понятно, что не родит, пусть радуется, что вообще жива осталась. Да только она не последняя баба на земле.

— Дядя Андрей не бросит ни ее, ни Ирину. Он честный очень, порядочный.

— Никто и не говорит бросать. А только сама видишь, для Натальи окормя Ирины никого нету. А Андрей ведь живой, не каменный. Год, два пройдет и потянется он к человечьему теплу. Не бывает иначе. Наташку без помощи не бросит, понятное дело, да помогать-то можно по-разному.

Лелька под тихий говорок суседки успокоилась. В комнате было тепло и тихо, и эта уютная тишина обещала, что все постепенно утрясется-наладится. Кондратьич, между тем, продолжал:

— Ты же прозоровский дом себе забираешь? Меня тут попросили тебе весточку передать. Будешь слушать?

— Почему бы и нет, за послух денег не беру.

— Помнишь Нинку-продавщицу? Ну ту, что деток воровала да болоту отдавала?

— Такое не забудешь.

— После нее остался дом с домовым. Он и просил тебя спросить, не согласишься литы его в прозоровский дом забрать? И тебе хорошо, дому присмотр будет крепкий, ни мыши, ни жучки не заведутся, и ему неплохо.

— Да ему-то зачем? Он сейчас вон в каком коттедже живет. Да и отчего ты за него просишь? Вы ж вроде враждовали?

— Замирились мы. Побеседовали и замирились. Он конечно, напрасно мне тогда нос набок своротил, да только и я зря его дразнил.

— Дразнил? Это чем же?

— Да прозвищем его. Ты ж помнишь, он тебе не назвался?

— Это да. Я еще подумала, что очень уж высоко он нос задирает.

— Ну так вот, не называет он свое прозвание, потому как стесняется. Глумилыч он.

— Это да, такого застесняешься. А за что его так приласкали?

— Мы, домовики, получаем прозвание от хозяина того дома, где зародились. Мой вот Кондратием был, я и оказался Кондратьичем. А он появился в доме, где хозяина по имени сроду никто не звал, кликали Глумилой. Это по-современному если сказать — по профессии, значит. Позже глумил скоморохами стали прозывать, но это было, когда уж косточки того первого домовладельца истлели. Глумилыч поминал, что был тот хозяин мужик ладный. По земле походил, песен попел, а потом женился на сироте, что в одной из деревень встретил, да и подался за Урал-Камень. Там и осел. Поперву в землянке, а потом такой дом выстроил, всем на загляденье. Постепенно к нему народ прибился, гуртом все легче зимовать, стала там деревня, а сейчас город уже. Глумилыч сказывал — Тюменью прозывается. Вот прозвище только осталось, им я и дразнился. Если по-честному, правильно он мне тогда нос по морде раскидал. Это уж потом гордость меня взяла, вот и помирились только сейчас. Так что, возьмешь?

— А не мал ли ему прозоровский-то дом будет после его домины?

— Немал. Сказывает он, что страшно ему в том домине. Нечисто там. Болотом тянет сыростью, темной болотной злобой. Видать, не может Нинка от дома оторваться. Она же в нем каждую досточку выгладила, каждый гвоздик начистила. Так что очень хотелось бы Глумилычу убраться оттуда.

— Раз так, возьму. Схожу туда накануне Живиной ночи. Все одно ее у старой березы встречать буду, заодно и Глумилыча в новый дом перевезу.

— Вот и спасибо тебе, веда. А сейчас спи, рано еще.

К встрече Живиной ночи Лелька готовилась особенно тщательно, надеясь, что на огонек костра снова заглянет берегиня. Наконец, все было готово: заветная метла украсилась новыми лентами, дом смотрел чисто вымытыми окнами, ждали своего часа травы для костра.

Лелька в ожидании заката слушала, как за печкой хрустит очередными лакомствами крыс и шуршит в углу Глумилыч, обживая новые территории. Переезжал домовой из старого дома в новый в любимом Лелькином тапочке с кокетливым меховым помпоном. Этот помпон был постоянным предметом вожделения Лапатундель, так что видимо сказки не ввали, у кошек и домовых все-таки было что-то общее.

С крысом у нового домового хозяина мгновенно установился вооруженный нейтралитет. Нет, поначалу Глумилыч порывался голохвостика придавить, но после Лелькиного окрика смирился. Только предупредил, погрозив зверюшке кривым пальцем:

— Жить, раз хозяйка позволила, живи, но ежели сгрызешь что или плодиться здесь надумаешь — мигом хвост бантиком завяжу, пусть ваши крысиные бабы со смеху помрут.

Впрочем, похоже, что крысюк не впечатлился речью домовика. Лакомства его интересовали куда больше.

День уступал место прозрачным сумеркам. Пылал в ночи костер, поднимался в небо ароматный дым сожженных в огне трав, а юная веда вместе со своим родом открывала дорогу щедрому лету, провожая последние заморозки.

Гости наведались под утро. Компанию берегине неожиданно составил дядька Ермолай. Лелька еще несколько дней назад поняла, что лесной хозяин проснулся после долгой зимы, но случая поговорить с ним пока не представилось. А поговорить, в свете предстоящего

отъезда, было надо. Лельке нравился здешний лес, не хотелось навсегда покидать заветные полянки, расставаться с подружками-лесавками, так что стоило попрощаться вежливо и уходить без груза обид и непониманий.

Девушка не то чтобы не ждала гостей, скорее не была уверена, что пожелают они с ней встретиться. Поэтому, когда из предутреннего тумана соткались две фигуры, она растерялась и вместо тщательно продуманного приветствия лягнула:

— Здрассьте... Хотите чаю? — и немедленно покраснела так, что леший посмеялся:

— Эй, веда, а что это у тебя ушки-то такие красные? Спалишь мне весь лес, как есть спалишь, безо всякой спички, одними ушами.

— Ладно тебе, лесной хозяин. Пришли гостями, а ты смотри как хозяйку засмуцал, — по-доброму усмехнулась берегиня. — Здравствуй, малышка. Хотя, вижу, ты уже не совсем малышка. Удалось искру-то усмирить?

— Не совсем еще, — оправившись от неожиданного смущения отчиталась Лелька. — Но уже лучше получается.

— Молодец, хорошо справляешься, я думала, тебе труднее будет.

— Мне дядька Ермолай советом помог и камень помогает.

— Камень, говоришь? Покажи его, коль не трудно.

Лелька не была уверена, что берегиня знает о том, что поведал Велес, но камень решила все-таки показать, вдруг что-то интересное узнается. Она достала из стоящего в сторонке рюкзака ставший почти родным бульжник, который, впрочем, бульжник омсейчас никто бы не назвал, поскольку выглядел он как часть хитрого паззла. Сквозь серебристо-серую поверхность камня местами посверкивали загадочные огоньки.

Когда берегиня взяла этот камушек в руки, часть серого покрытия осыпалась песком и в появившихся оконцах стало видно, что камень сверкает как огненный опал. Лелька видела когда-то такой в кулоне маминой знакомой. Он заморозил маленькую девочку, и она почти час неотрывно и молча вглядывалась в таинственные переливы, позволив приятельницам вволю поболтать. Именно эти переливы и выступили сейчас из-под невзрачного покрытия.

— Да, непростой у тебя камушек, малышка. Смотри, лесной хозяин, кого ты пытался к своему лесу привязать.

— Да уж вижу, — отозвался леший. — Хорошо, что не вышло у меня ничего, а то спалил бы мой лес Великий, и меня бы прихватил для пущего огоньку.

Лелька смотрела на своих гостей и удивлялась. Слова, которые они говорили, она прекрасно понимала, а смысл полностью ускользал. Но берегиня сжалилась над любопытной ведуньей.

— Видим мы оба, что непростой это камень. Видать, Велес тебе службу задал, коли такой предмет тебе в руки отдал.

— А что это за предмет? — наивно спросила Лелька.

Берегиня погрозила ей пальцем:

— Не надо со мной лукавить, малышка. Не к лицу тебе это. Что надо — тебе Великий Велес поведал. Одно могу сказать — Замок для этого Ключа не в нашей стороне лежит, я бы о таком знала. Так что искать тебе надо по другую сторону города.

— Спасибо вам! Я сейчас как герой старой сказки — пойди туда, не знаю куда, сделай то, не знаю, что.

— Ну, эту сказку мы вспоминать сейчас не станем, не такая уж она добрая. Что могла, я тебе сказала. Но ты наш лес не забывай, приезжай непременно.

— Я буду ездить, вон и дом теперь мой.

Леший всмотрелся в дом, который был наполовину скрыт утренним туманом.

— Хороший дом, вот только крыса у тебя там больно здоровая.

— Это мой спаситель. Не перегрызи он ремень, все, убила бы меня сестра. Я думала, это вы его мне в помощь отправили.

— Нет, не я. Дом — не лес, там моей власти нету.

Берегиня вмешалась:

— Ты же умненькая, подумай, кто еще мог тебе помощь прислать?

— Праматери! — догадалась девушка.

— Верно. Хоть и ослаб род, а хватило у них сил пособить своей крови и наследнице.

Лелька зябко передернула плечами, словно снова оказавшись в том страшном дне. И загрустила, вспомнив Сашку. Любовь к нему, вина за его смерть не хотели покидать юную веду.

— Не печалься и себя не виновать, — отозвалась на Лелькины мысли берегиня.

— Трудно это. Ведь не прогони я его, может и остался бы он живым.

— Смешные вы, люди. Вот скажи, милая, ты бы после всего, что он сделал, связала бы с ним свою жизнь? Оставила бы подле себя? Доверяла бы дальше?

— Нет, не смогла бы я. Но вот промолчать об этом мне было по силам.

— Так ведь мир не слова твои слушает, а сердце да мысли тайные. Хоть молчи, хоть не молчи, а связывающая вас нить порвалась в тот день. Ничего ты изменить не могла, девочка. Любый твой сам свою дорогу выбрал, хорошо хоть тебя не загубил.

Дядька Ермолай добавил:

— Гадаешь, поди, отчего тело нашли?

— Ну да, непонятно. Ведь похоронили его по всем правилам, значит ушел он от русалок?

— Ушел! Карпыч не чаял как выгнать. Жаловался мне, мол как появился этот красавчик, так девки его речные ровно с глузду съехали. Ни тебе за мальками присмотреть, ни водоросли прибрать, ни русло почистить. Знай сидят, плятятся на утопленца этого, речи его слушают да вздыхают. Он бы сразу этого гостенечка к порядку призвал, да только русалки в рев кинулись. Но когда они косы друг другу драть начали, чтобы поближе сесть да подольше поглядеть, тут уж Карпыч не выдержал. Пусть, говорит, лучше тихо в земле лежит, чем тут у меня воду мутит. А чтобы девицы его не скучали, просил тебе передать, что готов он Прошку, того что в колодце, взять на воспитание. У него тут озерко образовалось за Глухариной грядой, с подземными ключами, вот и будет Прохор там со временем хозяином.

— Спасибо вам, дядька Ермолай, за добрую весть. Только как Прошку к Карпычу пристроить?

— Попроси знахаря вашего, пусть летом, когда колодец обмелеет, перенесет косточки в реку, все и сладится.

— Пора нам, малышка, — поднялась с места берегиня. — Ну да чай не последний раз видимся. Вижу я, не раз ты еще сюда приедешь. И знай, здесь тебе рады.

— Рады, — солидно подтвердил леший. — Да за одного ауку я тебя травами снабжать буду. Такая радость, что попритих этот шкодник.

Лелька смотрела, как две фигуры растворяются в утренней дымке. Вдруг, сквозь облака на землю брызнул солнечный свет, заголосили птицы и Живин день вступил в свои права.

Лелька стояла и смотрела в зеркало автомобиля, как когда-то, кажется, век назад, когда мама с папой привезли ее на каникулы к тете. До открытия Натальей военных действий девушка убедила Андрея не продавать внедорожник. Тот легко поддался на уговоры, тем более, что ему до слез было жаль расставаться с железным конем.

Последний месяц оказался не из простых. С тетей Лелька общалась теперь исключительно официально, по имени-отчеству. Ирина перестала при каждой встрече биться в припадках, только злобно что-то шипела, но это было уже неважно. Проблем добавил Кондратыч. Упрямый домовик принялся с достойной лучшего применения настойчивостью выживать из дому Наталью: чем-то постоянно шуршал, пугал по ночам, кидался под ноги, а видя, что все это не помогает, начал портить приготовленную ей пищу. Уговоры на него не действовали.

— Ты, дева, конечно, ведающая, а только приказать мне не можешь. Мне в дому такой пакости, что родную кровь предает, не надо. Чуть весь род под корень не извела, кто знает, чего ей еще в голову взбредет!

— Кондратыч, так ведь я уеду скоро. Что теперь, дяде Андрею голодом сидеть?

— Ничо, посидит малехо, да и сообразит где новую повариху подобрать.

Поскольку переговоры ничего не дали, пришлось Лельке весь последний месяц готовить самой. К этому добавились школьные контрольные, лихорадочный сбор неожиданно разросшегося имущества, прощальные подарки как пишут в газетах «всем заинтересованным лицам», так что ведунья чувствовала себя как конь на пахоте.

Однако ей приятно было вспоминать, что все дела завершены, все нити подвязаны. О переносе Прошкиных косточек из колодца в реку она договорилась с Олегом, ему же передала с рук на руки Анчутку. Мохнатик очень не хотел бросать обжитое поле, дергал пятачком, делал жалобную мордочку, но Лелька была неумолима. Не рискнула она оставлять такое неугомонное создание не имеющим искры людям.

С Олегом тоже попрощались по-хорошему.

— Я тебя знаю, красавица, ты ж на попе ровно не усидишь, начнешь лечить, творить, заговаривать. Если дойдет дело до травок — отправляй ко мне смело, за мной не заржавеет. Да и сама заглядывай, я же знаю, ты Таисьяин дом забрала, явно приезжать будешь, так что заходи, я с тобой всегда поделюсь и придачи не попрошу.

Дядя Андрей вынес из дома Лелькины чемоданы, загрузил их в багажник, открыл дверцу племяннице. Лелька уезжала не в никуда, ее ждала тетя Света. Андрей же планировал забрать домой мать и надеялся, что хоть после этого гнетущая атмосфера когда-то счастливого дома чуть развеется.

Ведунью Вольгу Гранину ждала новая жизнь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net